Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Волгоградский государственный социально-педагогический университет»

На правах рукописи

Акимова Татьяна Петровна

Лингвокультурологические характеристики эпистолярного текста (на материале писем классиков русской литературы XIX-XX вв.)

Диссертация

на соискание ученой степени
доктора филологических наук
по специальности 10.02.01 – русский язык

Научный консультант:
доктор филологических наук, профессор
Супрун Василий Иванович

Волгоград
2017

Содержание

Введение 7

Глава 1. Стилистические особенности русского эпистолярного текста и их изменение на протяжении XIX-XX вв. 22

1.1. Средства имитации непосредственного контакта автора и адресата в эпистолярной коммуникации 25

1.1.1. Приемы отражения фонетических особенностей устной речи в эпистолярном тексте 26

1.1.2. Приемы отражения грамматических особенностей устной речи в эпистолярном тексте 31

1.1.3. Приемы отражения словообразовательных особенностей разговорной речи в эпистолярном тексте 34

1.1.4. Приемы отражения лексических особенностей разговорной речи в эпистолярном тексте 37

1.2. Средства создания непринужденной атмосферы в эпистолярной коммуникации 38

1.2.1. Нарушение фонетических норм. Отражение просторечных и диалектных особенностей произношения в эпистолярном тексте 39

1.2.2. Нарушение грамматических норм. Нарочитое употребление просторечных и диалектных грамматических форм в эпистолярном тексте 42

1.2.3. Особенности употребления и стилистические функции архаизмов в эпистолярном тексте 48

1.2.4. Трансформация эпистолярных формул и стереотипов 56

1.3. Отражение языковой личности писателя в его эпистолярном наследии 64

1.3.1. Система образно-тропеических средств, реализующих представления о литературном труде в писательском эпистолярии 67
1.3.2. Интертекстуальность в писательском эпистолярии 80
1.3.2.1. Особенности функционирования прецедентных текстов 80
1.3.2.2. Особенности употребления и функции пословиц 88
1.3.2.3. Функционирование высказываний с прямой речью, не относящихся к прецедентным текстам 94
Выводы по главе 1 99
Глава 2. Лингвокультурные концепты русского эпистолярного текста 103
2.1. Эпистолярные константы частных писем XIX-XX вв. 106
2.1.1. Особенности вербализации концепта «Письмо» и его эволюция 107
2.1.2. Особенности вербализации концепта «Здоровье» 124
2.1.3. Особенности вербализации концепта «Погода» 131
2.2. Эпистолярные «переменные», отражающие изменения существующих реалий в частных письмах XIX-XX вв. 135
2.2.1. Особенности употребления и эволюция в использовании лексем, обозначающих средства дистантного общения (письмо, телеграмма, телефон) 135
2.2.2. Особенности употребления и эволюция в использовании лексем, обозначающих материалы и инструменты для письма 146
2.2.3. Особенности употребления и эволюция в использовании лексем, обозначающих средства передвижения 154
2.3. Собственно лингвокультурные концепты 161

2.3.1. Особенности вербализации концепта «Грех» в частных письмах XIX-XX вв. 162
2.3.2. Особенности вербализации концепта «Дом» в частных письмах XIX-XX вв. 168
2.3.3. Особенности вербализации концепта «Праздник» в частных письмах XIX-XX вв. 174
Выводы по главе 2 183
Глава 3. Лингвокультурная специфика ономастических единиц русского эпистолярного текста 186
3.1. Особенности употребления онимов в частных письмах XIX-XX вв. 187
3.1.1. Антропонимы 187
3.1.2. Библионимы 197
3.1.3. Геортонимы 205
3.1.4. Топонимы 210
3.1.4.1. Особенности вербализации концепта «Россия» 212
3.1.4.2. Особенности вербализации концепта «Москва» 220
3.1.4.3. Особенности вербализации концепта «Петербург» 226
3.1.5. Этнонимы 232
3.1.6. Колоронимы 240
3.2. Онимы эпистолярного текста в аспекте прецедентности 248
Выводы по главе 3 261
Глава 4. Коммуникативно-прагматический анализ эпистолярных высказываний в русле лингвокультурологии 265
4.1. Формальные и содержательные характеристики речевых актов (РА), включенных в русские частные письма XIX-XX вв. 268
4.1.1. РА приветствия и прощания 269
4.1.2. РА благодарности 276

4.1.3. РА извинения 282
4.1.4. РА поздравления 288
4.1.5. РА пожелания 293
4.1.6. РА приглашения 298
4.1.7. РА просьбы 305
4.1.8. РА упрека 316
4.2. Отражение конвенций эпистолярного общения в русских частных письмах XIX-XX вв.: опыт коммуникативно-прагматического описания 323
Выводы по главе 4 329
Заключение 332
Библиография 339
Приложения 393

Принятые сокращения

РА – речевой акт

с/у – случай употребления

Введение

В последние десятилетия интерес ученых-языковедов направлен на изучение культуры с позиций лингвистики, а именно на описание того, каким образом языковые знаки отображают культурные ценности и фиксируют их в текстах различных типов. Многочисленные исследования в данном русле породили новое направление в языкознании – лингвокультурологию (Н.Ф. Алефиренко, Е.В. Брысина, А. Вежбицка, С.Г. Воркачев, В.В. Воробьев, В.И. Карасик, В.В. Красных, Дж. Лакофф, В.А. Маслова, Э. Сепир, В.Н. Телия, Г.В. Токарев, Ф.Ф. Фархутдинова, Ч.Д. Филлмор, А.Т. Хроленко и др.).

Рассмотрение языковых явлений сквозь призму культуры представляет собой одну из актуальнейших тенденций современной лингвистики. Культурное и духовное своеобразие нации находит свое отражение как в особенностях языковой системы (прежде всего, в содержании лексических единиц), так и в специфике функционирования элементов этой системы в речи и тексте. Традиционно материалом для исследования в русле лингвокультурологии становятся произведения художественной и документальной литературы, имеющие статус общенационального культурного достояния. К таким текстам, без сомнения, можно отнести эпистолярное наследие русских писателей-классиков.

Подавляющее большинство работ в данной сфере посвящено описанию элементов статичной языковой картины мира посредством характеристики языковых единиц, зафиксированных в словарях (толковых, фразеологических и т.п.), в фольклорных текстах различной жанровой принадлежности или в художественных текстах одного или нескольких авторов, принадлежащих одной исторической эпохе. Обращение к лингвокультурному анализу разноуровневых языковых единиц, включенных в русские эпистолярные тексты XIX-XX вв., позволяет выявить динамические изменения в передаче посредством языка ценностных для отечественной культуры смыслов.

Кроме того, методология лингвистической культурологии в настоящее время находится в стадии становления, что позволяет разрабатывать собственную систему методов, методик и приемов для адекватного описания связей между языковыми единицами, организующими эпистолярный текст, и содержащимися в них культурными константами. Осмысление лингвокультурных констант русского эпистолярного текста способствует определению важных параметров национальной картины мира, поскольку в письмах находят отражение представления о содержательных ценностных характеристиках окружающего мира, воспринятых авторитетной языковой личностью, каковой является русский писатель-классик.

Частное письмо – тип эпистолярного текста, включающий в себя семейные, частные деловые письма, дружескую и любовную переписку. Такие письма обычно не предназначены для публикации, и тем не менее эпистолярное наследие известных деятелей искусства и культуры довольно часто издается как в составе собраний сочинений, так и отдельными книгами. Их авторы являются, по мнению лингвистов, носителями элитарного типа речевой культуры, т.е. «обладают истинным мастерством владения языком, всем его богатством при соблюдении всех правил и ограничений» [Хорошая речь 2009: 228]. Предполагаем, что такие письма можно рассматривать как образцовые не только по структуре и языковому оформлению, но и по отражению в них этнолингвокультурных парадигм.

Эпистолярное наследие русских писателей-классиков является весьма популярным материалом для лингвистического анализа [Малаховский 1937, 1938; Никитина 1999; Ковалева 2000; 2002; Макаркина 2000; Курьянович 2001; Трофимова 2002; Фесенко 2003, 2009; Подъяпольская 2004; Белова 2005; Кокунина 2005; Кирьянова 2007; Ким 2009; Кыштымова 2011, Гарусина 2013 и др.]. В большинстве случаев в качестве материала исследования избираются письма, относящиеся к XIX в., реже – к XVII, XVIII или XX вв.; при этом ученые предпочитают работать с письмами

одного или нескольких авторов, созданными в один и тот же период времени.

Лингвисты также неоднократно обращались к изучению отдельных языковых и речевых единиц, представленных в эпистолярном наследии русских писателей-классиков. Анализу подвергались изобразительно-выразительные средства [Захарова 1976; 1983], средства представления отрицательной оценки [Полякова 2001], местоимения [Лысакова 1971], глаголы [Панина 1984; Попова 1992], обращения [Захарова 1988; Черняева 2008], лексика и фразеология [Самойлова 1969; Жигарева 1983; Еременко 1988; Баланчик 1992; Папян 1992; Леденева 1999; Фалина 2000; Лешутина 2003; Фесенко 2003; Дубинина 2005; Конончук 2007; Каленова 2016], синтаксические единицы в целом [Курьянович 2015], сложноподчиненные предложения [Трофимова 2002], перифразы [Комарова 1990]. Авторами также рассматривались формулы эпистолярного этикета в синхронии [Демин 1964; Кувалина 1975; Акишина, Формановская 1981; Глинкина 1985; Дмитриева 1986; Веселов 1993; Арутюнян 2000; Катаржина 2001; Зубарева 2007] и диахронии [Балакай 2002].

В современном отечественном языкознании в качестве материала для исследования используются также письма на европейских языках [Каирова 1989; Нижникова 1999; Силаева 1999; Арутюнян 2000; Омоле 2000; Чигридова 2000; Крюков 2001; Юнг 2004; Исмагилова 2005; Бусоргина 2006; Бояркина 2010; Фокина 2010; Дзебисова 2013 и др.].

Письма в лингвистических работах изучаются в различных аспектах: лингвостилистическом [Маймин 1962; Ляпунова 1975; Комарова 1990; Антоненко 2000; Гулякова 2002; Бояркина 2010], жанрово-стилистическом [Рушчак 2995; Курьянович 2013а,в], семантико-стилистическом [Иванчук 1982; Муратова 1997; Никитина 1999], историко-лингвистическом [Гайнуллина 1996; Колчева 2007], социолингвистическом [Данкер 1992; Крюков 2001], лингвопрагматическом [Виноградова 1991; Силаева 1999; Курьянович 2001; Белова 2005; Кокунина 2005; Кулинич 2007; Фесенко

2009], функционально-прагматическом [Андреева 2015], коммуникативном [Ковалева 1992, 2002; Белунова 2000; Макаркина 2000; Кабанова 2004; Подъяпольская 2004; Белова 2005; Бусоргина 2006; Гусева 2006], когнитивном [Юнг 2004], когнитивно-прагматическом [Каленова 2016], лингвокультурном [Глинкина 1997; Омоле 2000]; когнитивно-прагматическом и лингвокультурном [Гарусина 2013]; коммуникативно-прагматическом и лингвокультурном [Дзебисова 2013]. Исследованы различные типы писем: деловые [Веселов 1993; Ковшикова 1997; Колтунова 1999; Добсон 2000; Никитин 2000; Омоле 2000; Чигридова 2000; Федюрко 2002; Исупова 2003; Юнг 2004; Фэн Хунмэй 2006; Воскресенский 2007; Глухих 2008; Инютина 2009]; частные неофициальные [Котков 1963; Григорьева 1981; Морозов 1982; Данкер 1992; Макаркина 2000; Ковалева 2002 и др.], в том числе дружеские письма [Фесенко 2009; Фокина 2010 и др.] и частные записки [Зырянова 2009; Лебедева 2011].

Письма также рассматриваются как средство характеристики авторитетной языковой личности – в целом [Гиндин 1989; Курьянович 2014] и по персоналиям: В.В. Виноградов [Кормилицына 1996], Иван Грозный [Попова 2004], А.М. Демидов [Иванова 2008], Н.А. Демидов [Косивцова 2011], А.Ф. Лосев [Дружинина 2005], Ю.М. Лотман [Парсамова 2004], Петр I [Гайнуллина 2002], М. Цветаева и Б. Пастернак [Сулейманова 2009]. Представлена характеристика адресанта эпистолярия в аспекте языковой оценки [Кирьянова 2007]. Кроме того, активно изучается использование прецедентных текстов в эпистолярном наследии людей, внесших значительный вклад в развитие национальной культуры: ученых [Парсамова 2004], а также писателей, в частности Л.Н. Толстого [Ломакина 2008] и А.П. Чехова [Гусева 2004; Арбузова 2007].

Обзоры лингвистических исследований на материале эпистолярных текстов см. также в работах: [Белунова 2000: 13-15; Каленова 2013; Курьянович 2013а: 3-5; Курьянович 2013б: 16-18 и др.].

Полагаем, что большое количество лингвистических работ, посвященных письмам, позволяет выделить исследования эпистолярия в отдельную отрасль – *лингвистическое эпистоловедение*. Однако комплексного лингвокультурологического исследования эпистолярных текстов, относящихся к различным временным периодам, до настоящего времени не проводилось. Все вышесказанное обусловливает **актуальность** данного **исследования**.

Для выявления лингвокультурной специфики русского эпистолярного текста необходимо применить к его исследованию комплексный (интегративный) подход. Поскольку изучение эпистолярного текста в русле лингвокультурологии представляет собой одну из реализаций антропоцентрической парадигмы в языкознании, полагаем, что выделение в русских письмах единиц для лингвокультурного анализа возможно с опорой на структуру языковой личности, описанную Ю.Н. Карауловым.

Ученый выделяет следующие уровни языковой личности: 1) нулевой, *семантический*, включающий стандартную, устойчивую часть вербально-семантических ассоциаций; 2) первый, *лингвокогнитивный*, который представляет базовую, инвариантную часть картины мира; 3) второй, *мотивационный*, на котором с помощью лингвистических методик анализируются порождаемые целями и мотивами личности устойчивые коммуникативные потребности и черты, способные удовлетворять эти потребности, типологизирующие специфику речевого поведения и, следовательно, информирующие о внутренних установках, целях и мотивах личности.

При этом автор отмечает, что инвариантная (вневременная) часть «носит отчетливую печать национального колорита», а «временные, изменчивые феномены на каждом уровне тоже градуируются по степени общности в зависимости от того, распространяются ли они, кроме личности, на все социальное сообщество или на более узкий речевой коллектив, или относятся к определенным этапам становления только данной языковой

индивидуальности, и определяются конкретными ролями – психологическими, физиологическими, социальными, латентными и явными, – которые она исполняет» [Караулов 2006: 39].

Учитывая данную концепцию, предполагаем, что для выявления лингвокультурной специфики эпистолярного текста в целом, эволюции его лингвокультурологических характеристик на протяжении XIX-XX вв., а также для определения особенностей реализации эпистолярного идиостиля целесообразно рассмотреть следующие единицы русского частного письма:

1) на *семантическом* уровне – языковые единицы, использование которых иллюстрирует положение о том, что частное письмо представляет собой письменную форму разговорного стиля, а также средства реализации языковой игры в эпистолярном тексте;

2) на *лингвокогнитивном* уровне – ключевые слова – имена концептов (в том числе имена собственные), для которых характерна высокая частотность в анализируемом материале, специфику вербализации рассматриваемых концептов в эпистолярном тексте в целом, ее эволюцию, а также индивидуально-авторские особенности их представления в письмах;

3) на *мотивационном* уровне – представленные в письмах речевые акты (далее – РА), их формальные и содержательные характеристики, изменяющиеся с течением времени и характеризующие особенности эпистолярного идистиля.

Объектом исследования являются стилистические, когнитивные и коммуникативные средства передачи культурно значимой информации в русском эпистолярном тексте.

Предмет исследования – особенности языкового оформления, концептуального содержания русского эпистолярного текста и реализации речевых интенций в частных письмах.

Цель работы – дать системное лингвокультурологическое описание русского эпистолярного текста XIX-XX вв., т.е. охарактеризовать его стилистические особенности, основные эпистолярные концепты,

представленные в том числе и посредством ономастических единиц, а также формальные и содержательные признаки РА, типичных для писем.

Целью работы обусловливается постановка следующих **задач**:

1) выявить фонетические, грамматические, словообразовательные и лексические особенности эпистолярного текста, направленные на имитацию непосредственного общения, а также специфику их употребления в письмах, принадлежащих к определенным временным периодам;

2) установить стилистические приемы, позволяющие создать непринужденную обстановку в эпистолярном общении, и их изменения на протяжении двух веков;

3) представить изобразительно-выразительные средства русского частного письма, характеризующие языковую личность пишущего;

4) создать классификацию концептов эпистолярного текста;

5) разработать методику описания эпистолярных концептов, а также приемы выявления эволюции их содержания в течение двух веков;

6) определить специфику употребления ономастических единиц в русском эпистолярном тексте;

7) дать описание формальных и содержательных параметров РА, характерных как для эпистолярия в целом, так и для писем конкретных авторов;

8) охарактеризовать эпистолярный этикет, его особенности и изменения, которые представлены в РА, используемых в русских частных письмах.

Гипотеза исследования. В эпистолярных текстах эксплицированы значимые для этноса культурные смыслы и правила дистантного общения, а также отражена их эволюция; кроме того, в частных письмах зафиксированы специфические черты разговорной речи как представителей того или иного временного периода в целом, так и конкретных носителей языка.

Материалом исследования послужила авторская картотека извлеченных из эпистолярных текстов русских писателей XIX-XX вв. микро- и макроконтекстов, в состав которых включены анализируемые единицы. Картотека составляет около 15 тысяч контекстов.

Источниками исследования стали написанные на русском языке частные письма классиков отечественной литературы – А.С. Пушкина (628 писем), Л.Н. Толстого (1076), А.П. Чехова (895), М. Горького (1195), М.А. Шолохова (499), В.П. Астафьева (627), художественное и эпистолярное наследие которых имеет статус общенационального культурного достояния; создатели художественных произведений являются представителями элитарной речевой культуры [Гольдин, Сиротинина 1993: 151] и их отличает высокий уровень владения речью, что является основной причиной выбора писательского эпистолярия в качестве источника данного исследования.

Стремление обеспечить объективность результатов диссертационного исследования, а также специфика объекта, цели и задач работы обусловили выбор комплекса **методов и приемов**: в качестве основного избран метод лингвистического описания, включающий наблюдение, систематизацию, обобщение языковых фактов и позволяющий выявить лингвокультурологическую специфику анализируемых единиц, который дополняется приемами компонентного, контекстуального, коммуникативно-прагматического, концептуального и квантитативного анализа.

Методологической основой исследования являются научные концепции, разработанные в рамках следующих направлений:

- *когнитивной лингвистики, концептологии и лингвокультурологии* (Н.Ф. Алефиренко, С.А. Аскольдов, Е.В. Бабаева, Н.Н. Болдырев, Е.В. Брысина, Е.М. Верещагин, С.Г. Воркачев, В.В. Воробьев, В.И. Карасик, В.В. Колесов, В.Г. Костомаров, Н.А. Красавский, В.В. Красных, Е.С. Кубрякова, Д.С. Лихачев, В.А. Маслова, О.В. Никитин,

М.В. Пименова, З.Д. Попова, Г.Г. Слышкин, И.А. Стернин, Ю.С. Степанов и др.);

- *теории дискурса* (Н.Д. Арутюнова, Т.А. ван Дейк, Е.С. Кубрякова, Ю.Е. Прохоров и др.);
- *теории речевой деятельности* (Т.Г. Винокур, Г.Е. Крейдлин, Л.П. Крысин, А.А. Леонтьев и др.);
- *теории изучения языковой личности* (А.А. Ворожбитова, Г.И. Богин, Т.В. Булыгина, Ю.Н. Караулов, В.П. Нерознак, А.П. Седых, О.Б. Сиротинина, В.И. Шаховский, А.Д. Шмелев и др.);
- *лингвистической прагматики и теории речевых актов* (М.М. Бахтин, А. Вежбицка, В.В. Дементьев, Дж.Л. Остин, Дж.Р. Серль, Т.В. Шмелева и др.);
- *семантических исследований лексики и грамматики* (Ю.Д. Апресян, Е.М. Вольф, Т.В. Маркелова, В.Н. Телия и др.);
- *теории ономастических исследований* (Е.Л. Березович, В.Д. Бондалетов, Н.В. Васильева, М.В. Горбаневский, Г.Ф. Ковалев, Н.В. Подольская, М.Э. Рут, А.В. Суперанская, В.И. Супрун и др.);
- *исследований по стилистике русского языка* (В.В. Виноградов, Е.А. Земская, А.Н. Кожин, М.Н. Кожина, Н.А. Лукьянова, В.П. Москвин, О.Б. Сиротинина и др.);
- *лингвистических исследований языковой игры* (Т.А. Гридина, В.З. Санников, А.П. Сковородников, М.Ф. Шацкая и др.);
- *лингвистических исследований русского речевого этикета* (А.А. Акишина, А.Г. Балакай, В.Е. Гольдин, Н.И. Формановская и др.);
- *лингвистических исследований эпистолярного текста и дискурса* (Н.И. Белунова, Н.А. Каленова, Н.А. Ковалева, А.В. Курьянович, И.А. Лешутина, О.П. Фесенко и др.).

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые проведен системный лингвокультурный анализ разноуровневых единиц,

включенных в эпистолярный текст, а также выявлены тенденции эволюции их употребления на протяжении XIX-XX вв.; предложены дополнительные принципы классификации эпистолярных концептов и методика их описания; определены особенности употребления ономастических единиц в частных письмах; выявлены основные приемы создания языковой игры в эпистолярном тексте; дана подробная характеристика прецедентных феноменов эпистолярного текста; определены основания для характеристики эпистолярного идиостиля.

Теоретическое значение исследования определяется тем, что оно дополняет знания об эпистолярном тексте как лингвокультурном феномене, вносит вклад в разработку методов и приемов лингвокультурного анализа языковых единиц, предлагает новые методики, позволяющие проводить отбор, классификацию и описание концептов эпистолярного текста, а также характеристику языковой личности автора писем. Помимо этого, в работе дано обоснование необходимости создания новой отрасли лингвистики, объектом изучения которой является эпистолярный текст, – лингвистического эпистоловедения.

Практическая значимость исследования обусловлена тем, что его результаты могут быть использованы в преподавании учебных курсов по лингвокультурологии, этнолингвистике, лингвоконцептологии, стилистике, лексикологии, ономастике, теории текста, при чтении разнообразных спецкурсов по данным дисциплинам, в том числе спецкурса по лингвистическому эпистоловедению. Кроме того, материалы диссертационного исследования могут быть использованы при лингвистическом анализе текста, изучении идиостиля писателей, в практике преподавания русского языка как иностранного.

Положения, выносимые на защиту:

1) стремлением пишущего имитировать непосредственное общение в устной форме обусловлено использование в частных письмах следующих стилистических средств, свойственных разговорной речи: на фонетическом

уровне – написание слов в соответствии с произношением (в том числе ненормативным), удвоение и утроение букв, слоговая парцелляция; на грамматическом – предикативы, разговорные частицы и формы имен существительных, а также местоимения в экспрессивной функции; на словообразовательном – разговорные, экспрессивные и субъективно-оценочные суффиксы, окказиональное словотворчество и вербализация высокочастотных номинативных словосочетаний; на лексическом – стилистически разнородные единицы и экспрессивные слова; желанием создателя письма придать непринужденность эпистолярному общению вызвано использование таких приемов языковой игры, как нарушение фонетических и грамматических норм, употребление архаизмов, трансформация эпистолярных формул и стереотипов; некоторые из вышеперечисленных стилистических средств и приемов имеют особенности реализации в письмах, относящихся к определенным временным периодам, что отражает тенденции эволюции языковой системы и речевого оформления эпистолярия, а также в письмах конкретных авторов, что может найти применение при характеристике эпистолярного идиостиля;

2) частные письма являются ценным материалом для описания языковой личности их создателя: эпистолярный идиостиль проявляется прежде всего в предпочтении метафор, относящихся к определенным тематическим группам, а также в употреблении высказываний, принадлежащих другим лицам, а именно прецедентных текстов, в том числе пословиц, и не являющихся прецедентными фрагментов устной и письменной речи; способы включения фрагментов чужой речи в письмо также характеризуют эпистолярный идиостиль его автора;

3) концепты эпистолярного текста с учетом особенностей их реализации в русских частных письмах делятся на следующие группы: а) эпистолярные константы – «Письмо», «Здоровье», «Погода», т.е. представленные в письмах большим количеством употреблений единицы, у

которых реализующие их лексемы имеют специфическое контекстуальное окружение, характерное именно для писем; б) эпистолярные «переменные», т.е. единицы, которые вербализуются в письмах посредством различных лексем, номинирующих средства дистантного общения, материалы и инструменты для письма, а также средства передвижения, и у которых изменения в употреблении обусловлены экстралингвистическими факторами; в) собственно лингвокультурные концепты – «Дом», «Грех», «Праздник», т.е. единицы, представленные одноименными ключевыми словами, имеющими особую, «эпистолярную» семантику, которая изменяется в письмах с течением времени; методика описания концептов эпистолярного текста состоит в выявлении контекстуального окружения одноименных ключевых слов и типовых ситуаций, реализованных высказываниями с данными словами; различия в контекстуальном окружении ключевого слова, наборе типовых ситуаций, частотности вербализующих концепты лексем, отмеченные в письмах разных временных периодов, могут быть маркерами эволюции содержания концепта или значения лексемы; в то же время различия в контекстуальном окружении ключевого слова или в представлении типовых ситуаций с ним в эпистолярном наследии одного автора, по сравнению с другими, могут свидетельствовать об индивидуально-авторской специфике вербализации концепта;

4) к наиболее частотным единицам эпистолярного ономастикона относятся антропонимы, библионимы, геортонимы и топонимы; менее частотными, но весьма значимыми для лингвокультурного анализа являются этнонимы, а также колоронимы, близкие по некоторым функциям к ономастическим единицам; при выявлении лингвокультурного потенциала онимов эффективно применение элементов методики, используемой при описании концептов эпистолярного текста; употребление имен собственных в письмах имеет свою специфику: они нередко подвергаются усечению и сокращению (для геортонимов и библионимов

характерно использование одного слова вместо нескольких; для антропонимов и, реже, библионимов – сокращение слова до нескольких букв, словосочетания – до аббревиатуры); антропонимы и библионимы могут использоваться для создания языковой игры; особенности употребления геортонимов (в частности, названий православных праздников) и колоронимов в письмах разных временных периодов обусловлены экстралингвистическими факторами; для придания эпистолярной коммуникации шутливой или иронической окраски авторы нередко употребляют прецедентные имена (антропонимы, мифонимы, поэтонимы и топонимы), при этом, помимо общеизвестных онимов, в данной роли используются имена и фамилии людей, знакомых автору и адресату, а также известные им обоим географические названия;

5) для РА, составляющих частное письмо (приветствие и прощание, благодарность, извинение, поздравление, пожелание, приглашение, просьба и упрек), существуют определенные способы языкового оформления и наиболее частотные ситуации, в которых реализуется та или иная речевая интенция; в формальных и содержательных характеристиках анализируемых РА находит отражение национально-культурная специфика русскоязычной эпистолярной коммуникации, а также конвенциональные установки эпистолярного общения, изменяющиеся с течением времени; различия в содержании или оформлении РА в письмах, относящихся к разным временным периодам, могут свидетельствовать об изменении правил эпистолярного этикета; индивидуально-авторские особенности формальных или содержательных характеристик РА представляют собой средства характеристики эпистолярного идиостиля.

Апробация и внедрение основных результатов диссертационного исследования. Отдельные положения диссертационного исследования обсуждались в период с 2009 по 2015 годы в виде докладов на научных конференциях и опубликованы в материалах следующих научных мероприятий: II Международная научно-практическая конференция «Язык

города» (Бийск, 2009); Международная научная конференция «Русский язык в современном мире: константы и динамика» (Волгоград, 2009); Международная научно-практическая интернет-конференция «Современный русский язык: динамика и функционирование» (Волгоград, 2009, 2011); X Международный симпозиум «Теоретические и методические проблемы русского языка как иностранного в традиционной и корпусной лингвистике» (Болгария, Велико-Тырново, 2010); Международная научная конференция «Интеграционные процессы в коммуникативном пространстве регионов» (Волгоград, 2010); Всероссийская научная конференция «Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков» (Уфа, 2010); Международная научная конференция «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах» (Челябинск, 2010, 2012); 2-я Международная научная конференция «Фразеология, познание и культура» (Белгород, 2010); Международная научная конференция «Язык и общество в зеркале культуры» (Астрахань, 2010); Всероссийская научно-практическая конференция «Теоретические и методологические аспекты исследования функционирования языка» (Оренбург, 2011); Международная заочная научно-методическая конференция «Современные проблемы лингвистики и лингводидактики: концепции и перспективы» (Волгоград, 2011); Международная научная конференция «Лингвистика: традиции и современность. 2» (Ростов-на-Дону, 2011); Международная научно-практическая конференция «Язык в современном информационном пространстве: проблемы, поиски, решения» (С.-Петербург, 2011); III Международная научно-практическая конференция «Селищевские чтения» (Елец, 2011); Международная научно-методическая интернет-конференция «Актуальные вопросы современной лингвистики и методики преподавания иностранного языка в системе довузовской и вузовской подготовки» (Волгоград, 2011); Международная научно-практическая конференция «Русская диалектология: традиционные подходы и

инновационные технологии» (Волгоград, 2012); VI Международная научная конференция «Язык. Дискурс. Текст» (Ростов-на-Дону, 2012); Международная научно-практическая конференция «Культура – основа славянского братства» (Волгоград, 2012); XIII Международная научная конференция «Ономастика Поволжья» (Ярославль, 2012); Всероссийская межвузовская научная конференция «Речь. Речевая деятельность. Текст» (Таганрог, 2012); II Международная заочная научная конференция «Русское слово в контексте этнокультуры XX-XXI вв.» (Старый Оскол, 2012); Международная научная конференция «Языковая и речевая коммуникация в семиотическом, функциональном и дискурсивном аспектах» (Волгоград, 2012); Международная конференция «Каспийский круг» (Волгоград, 2013, 2014); Межрегиональная конференция «Русский язык как государственный язык Российской Федерации: лингвистический, социальный, историко-культурный, дидактический контексты функционирования» (Волгоград, 2013); V Международная научно-практическая интернет-конференция «Текст, интертекст, гипертекст: актуальные проблемы» (Волгоград, 2015); Международная конференция «Язык и культура Юга России: аспекты толерантного взаимодействия» (Волгоград, 2015).

Основные результаты исследования отражены в 64 публикациях общим объемом более 41 п.л., из них 15 статей (7,65 п.л.) в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ, авторская монография (12,25 п.л.), главы в трех коллективных монографиях (3,5 п.л.), а также статьи и материалы докладов, опубликованных в российских и зарубежных научных изданиях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографии (содержащей списки основной научной литературы, словарей и справочников, а также источников языкового материала) и приложений, в которых даны таблицы и диаграммы, представляющие количественные подсчеты анализируемых единиц в каждой из глав исследования.

Глава 1.
Стилистические особенности русского эпистолярного текста и их изменение на протяжении XIX-XX вв.

Исследователи отмечают, что эпистолярный стиль имеет ярко выраженные языковые особенности, которые могут быть выделены практически на всех уровнях лингвистического анализа: «на уровне фонетики – в плане ее проникновения в орфографию текста – эпистолярный стиль обладает особенностью стилизованного воспроизведения звучащей речи. <…> Анализ лексики писем показывает, что значительное место в ней занимают слова, связанные с процессом письменной коммуникации. <…> Главной особенностью синтаксиса эпистолярного текста является… синтез разговорных и книжных конструкций» [Седова 1985: 61-62].

Между тем вопрос о стилистическом статусе эпистолярия до сих пор остается дискуссионным. «В традиции функциональной стилистики эпистолярный стиль всегда был некоей “фигурой умолчания” и остается таковым до настоящего времени» [Там же: 57].

Такие ученые, как Т.А. Миллер [1967], Л.Н. Кецба [1974], А.С. Григорьева [1981], О.Н. Седова [1985], Т.Г. Винокур [1990], З.М. Данкер [1992], А.Н. Попова [1992], Н.Н. Кохтев [1997], К.А. Долинин [1999], С.В. Антоненко [2000] и др., выделяют *эпистолярный стиль* наряду с научным, официально-деловым, публицистическим и художественным.

Другие исследователи – И.Р. Гальперин [1954], Т.П. Зорина [1970], А.А. Акишина [1982], О.Ф. Цыцарина [1989], Л.В. Нижникова [1991], Е.М. Виноградова [1994], Н.А. Ковалева [2002] и др. – рассматривают письмо как *эпистолярный жанр*, представляющий собой разновидность того или иного функционального стиля. Например, частную переписку данные авторы относят к разговорному, а деловые письма – к официально-деловому стилю речи.

Существует также концепция, согласно которой и письмо как речевой жанр, и эпистолярный жанровый стиль в функциональном отношении представляют собой межстилевые явления. Данная точка зрения представлена в работах Н.Л. Степанова [1926], Е.П. Прохорова [1964], О.Ф. Цыцариной [1989], Н.И. Белуновой [2000], А.В. Курьянович [2003], О.В. Протопоповой [2003б]. В частности, О.В. Протопопова пишет том, что «письмо есть единица эпистолярного жанра, представленного в разных функциональных стилях» [2003б: 631].

По мнению А.В. Курьянович [2013б: 57], разночтения в этом вопросе имеют несколько причин.

Во-первых, отсутствует единая точка зрения в вопросе разграничения базовых терминов *жанр* и *стиль* (см. работы И.Р. Гальперина [1954], О.С. Ахмановой [1957], А.Н. Гвоздева [1965], Д.Э. Розенталя [1965], М.Н. Кожиной [1968], Н.М. Разинкиной [1976], Е.С. Троянской [1976] и др.).

Во-вторых, сам термин «письмо» является многозначным. Обращаясь к эпистолярию, авторы используют разнообразные термины: *эпистолярная речь* [Григорьева 1981], *эпистолярный ряд* [Журавлева 1982], *эпистолярная манера, форма* [Эйгес 1925; Левин 1954; Квятковский 1966а,б; Крупчанов 1974; Елина 1981; Протопопова 2003а,б], *эпистолярный тип текста*, *эпистолярный жанр, представленный системой подстилей* [Власенко 2002], *особый тип текста* [Нижникова 1991], *эпистолярная литература* [Горнфельд 1904; Тимофеев 1948; Урнов 1975; Муравьев 1987].

Авторы отмечают, что «классическое» эпистолярное произведение генетически связано с письменно-разговорным дискурсом, «письмо ближе остальных жанров по тону и духу речетворческого акта и своим канонам к устному разговорному диалогу и непосредственной беседе с ее немотивированными отступлениями и перебоями» [Глухих 2008: 235], и предполагают, что письмо выделилось в своем историческом развитии в самостоятельный жанр из такого типа текста, как *разговор* (см.:

[Курьянович 2013б: 61]). «Частная переписка в традиционном понимании (то есть не предназначенная для публикации) отражает *разговорный стиль* [подчеркнуто нами. – Т.А.] речи. Этому способствует обусловленность эпистолярного типа общения такими экстралингвистическими факторами, как неофициальность и непринужденность диалога, неподготовленность эпистолярной речи, ее автоматизм, спонтанность» [Там же: 62].

Частное письмо представляет собой разновидность эпистолярного текста (обзор различных подходов к определению понятия «письмо» и выделению типов писем по различным основаниям см.: [Курьянович 2013б: 74-80]).

Для определения принадлежности эпистолярного текста к частным письмам воспользуемся критериями, предложенными Н.А. Каленовой: «Частным письмом признается речевое произведение, отвечающее следующим критериям, которые могут быть сгруппированы как 1) дискурсивные, внетекстовые, обусловленные самой ситуацией общения, в которой оно создается; 2) текстовые, связанные с функционированием единиц в тексте частного письма. Критерии первой группы обязательны в своей совокупности: 1) дистантность общения; 2) приватность сообщения; 3) близость отношений коммуникантов (семейные, дружеские, любовные); 4) выполнение фатической или информативной функций; 5) отражение повседневной жизни в ее субъективном восприятии коммуникантами; 6) длительность, отсроченность коммуникации; 7) зафиксированность на бумаге. Критерии второй группы могут быть нарушены, трансформированы, иначе говоря, вариативны: 1) наличие элементов коммуникативной структуры текста частного письма; 2) эмотивность текста. Такие свойства, как диалогичность, разговорность [подчеркнуто нами. – Т.А.], политематичность, имеют дискурсивно-семантическую корреляцию, проявляясь как в дискурсивном, так и в текстовом воплощении» [Каленова 2016: 5-6].

Разговорная речь, противопоставляемая кодифицированному литературному языку, «используется в условиях неподготовленного, непринужденного общения при непосредственном участии говорящих в речевом акте» [Земская 1979: 5]. Разговорный стиль, как известно, обслуживает сферу непринужденного общения людей в быту, в семье, а также сферу неофициальных отношений на производстве, в учреждениях и т.д.

Лингвисты отмечают, что основной формой реализации разговорного стиля является устная речь, хотя он может проявляться и в письменной форме (неофициальные дружеские письма, записки на бытовые темы, дневниковые записи, реплики персонажей в пьесах, в отдельных жанрах художественной и публицистической литературы) [Сиротинина 2003: 320].

В таких случаях в тексте фиксируются особенности разговорной речи, представленные на различных языковых уровнях.

Выявление и описание специфических особенностей языковых единиц в частных письмах, связанных с фиксацией в письменной речи особенностей речи устной, а также изменений этих особенностей в письмах XIX-XX вв. и их индивидуально-авторской специфики в письмах, принадлежащих одному автору, составляет одну из задач данного исследования.

1.1. Средства имитации непосредственного контакта автора и адресата в эпистолярной коммуникации

Авторы писем, адресованных родным и близким людям, нередко стремятся к имитации непосредственного общения. В частности, в эпистолярный текст могут включаться некоторые факты, в той или иной мере способствующие созданию «эффекта присутствия» адресата рядом с пишущим субъектом. Так, в письмах может быть дано описание помещения, в котором автор пишет письмо, физического или душевного состояния автора в момент написания письма или других обстоятельств,

связанных с написанием письма. В эпистолярном тексте также могут быть представлены обстоятельства отправки или получения письма адресата или автора. Начиная и завершая дистантное общение, автор часто сообщает о причинах, побудивших его начать или закончить письмо. При этом пишущий может жаловаться на на дискомфорт, связанный с вынужденным эпистолярным общением (подробнее о типовых ситуациях, связанных с реализацией в эпистолярном тексте концепта «Письмо», см. в п. 2.1.1. настоящего исследования).

Стремлением имитировать непосредственное общение в устной форме, на наш взгляд, объясняется использование языковых средств, свойственных устной речи, прежде всего на фонетическом, морфологическом, словообразовательном и лексическом уровнях языковой системы.

1.1.1. Приемы отражения фонетических особенностей устной речи в эпистолярном тексте

Отражение особенностей произношения слов сопряжено с нарушением действующих орфографических правил, что можно рассматривать как одно из средств создания языковой игры. Исследователи данного феномена считают, что возможности языковой игры здесь весьма ограничены. «Написание *чю* вместо *чу,* удвоение или утроение гласных (для передачи манерности или длительности звучания) и согласных (для передачи грубости или надрывности) – вот, пожалуй, весь арсенал средств, используемых разными авторами» [Санников 1999: 56]. Полагаем, что поле для экспериментов в области отражения фонетических особенностей произношения в письменной речи, а именно в эпистолярных текстах, все же значительно шире.

На наш взгляд, написание *чю* вместо *чу*, как и другие явные нарушения орфографической нормы, используются авторами писем именно для того, чтобы создать иллюзию непосредственного общения. Типологию приемов

имитации устной речи, соответствующей литературным нормам, можно представить следующим образом:

1) редукция срединной части отчества, т.е. синкопа, см.: [Москвин 2007: 695-696] (реже – в сочетании с другими метаплазмами, среди которых – сокращение начальных звуков имени, т.е. аферезис [Там же: 147-148], и усечение концовки имени, т.е. апокопа [Там же: 136-137]): *Нехорошо это, любезный Николай* ***Алексеич****, что вы так себя распустили* [Т1: 505]; *Блиноеду Барину, прекрасной Василисе и любезнейшему Котафею* ***Котафеичу*** *мой нижайший поклон и пожелание отличного аппетита* [Ч1: 339]; *Значит – живем еще,* ***Парфеныч****? <…> Крепко жму руку, старый приятель, желаю доброго здоровья.* ***Максимыч****, он же – М. Горький* [Г3: 342]; *И никому это не нужно и не интересно, кроме самого дряхлого* ***Ван Ваныча*** [А: 326];

2) написание *ш* и сочетания *шн* на месте *ч* и *чн* в соответствии с произношением: *Поставьте перед собой вопрос: хотите ли Вы, чтобы люди после Вас и – до известной степени – благодаря Вам жили лучше,* ***легше****?* [Г3: 164]; *Знаешь, не привился я на чужой, чужедальней земле.* ***Скушно*** *и тяжело тут* [Ш: 123]; *… встряхнуться и сплетен послушать – это тоже время от времени нужно, дабы нюх обострялся и* ***скушное*** *житьишко взвеселялось* [А: 33];

3) написания, соответствующие произношению, но нарушающие правила орфографии: *Будьте здоровы и* ***щисливы*** *и не забывайте нас* [Ч1: 517]; *Роман я окончил. Чтобы его, собаку, делать, надо* ***ба-альшое*** *здоровье иметь* [А: 166];

4) написание местоимений *что*, *ничего* в соответствии с разговорным вариантом произношения: *В Чусовом* ***чё*** *заснимешь – все нам дорого, присылай* [А: 304]; *Сожалею, что тогда, у Васи, я был зело пьян, и шибко я пьяный-то матерщинник. Стыдно, а* ***чё*** *сделаешь?!* ***Ничё*** *не сделаешь* [А: 313];

5) написание аббревиатур в соответствии с произношением: *Смотрели* ли *Вы фильм о волгоградском ворье из* ***энкавэдэ****, возглавляемом генералом Ивановым?* [А: 420]; *А еще договорился о строительстве дома в Овсянке, все же хочу переехать, и когда ты закончишь свое* ***вэпэша****, я, наверное, уже буду в Сибири* [А: 263].

Для разговорной речи характерны эмоциональность, экспрессивность, выражение оценочных реакций. Одно из широко распространенных средств передачи этих значений в разговорной речи – растягивание ударных гласных (см.: [Земская 1979: 213]). В письмах оно передается с помощью удвоения или утроения букв, обозначающих гласные звуки, а также посредством слоговой парцелляции (см.: [Москвин 2007: 714]). Данные приемы в основном используются как средство выражения положительного отношения автора к какому-либо лицу или событию: *Пишу повесть для толстого журнала. Скоро кончу и пришлю.* ***Ура-а-а****!!!* [Ч1: 177]; *Скоро уж пятьдесят будет, а там <…> и пенсию писательскую дадут. Вот уж тогда я* ***порыбачу-у-у****!..* [А: 106]. В эпистолярии В.П. Астафьева удвоение и утроение гласных (в том числе и безударных) встречается намного чаще, чем в письмах других авторов, и, кроме вышеприведенной функции, данный прием используется им для выражения квантитативных характеристик обсуждаемого предмета или действия: *В нем* [романе. – Т.А.] *всего шесть листов, но* ***рабо-оты-ы!*** [А: 375]; *Одна у нас Полька в строю, но учится из-под бабиной палки, зато врет, сочинительствует куда с добром,* ***бо-ольшая*** *артистка провинциального театра растет* [А: 476]; *Поля растет жизнерадостная, крепенькая, но* ***артистка-а-а-а****...* [А: 465]. Кроме того, автор использует для положительной характеристики объекта и указания на большое количество предметов также прием расчленения слова на слоги, т.е. слоговой парцелляции: *Я лучше и вдохновенней ничего у тебя еще не читал.* ***Мо-ло-дец!*** [А: 399]; *Конечно, я не жалею о том, чего было не так уж много – о гулянке, но вот хворать стал все чаще, <…> а там уж и старость костями постукивает – через два года* ***пять-де-сят!*** [А: 171].

Исследователи разговорной речи отмечают, что в ней большую роль играют междометия. Они также «находят отражение в письменной речи, прежде всего в языке художественной литературы» [Земская 1979: 209]. В анализируемом материале данные единицы также весьма частотны, но только в эпистолярии В.П. Астафьева отмечены удвоенные и утроенные гласные в междометиях: ***Ох-хо-хо-ооо****! Приехал домой – почтой стол завален* [А: 437]; ***О-о-ох****, Господи! До чего ж надоело все…* [А: 658]. С помощью данного приема автор передает на письме долгий вздох, подчеркивая таким образом тяжесть собственных дум и переживаний.

Удвоение, утроение и т.п. букв, обозначающих согласные звуки, в анализируемом материале представлено гораздо меньшим количеством примеров. Используется этот прием в качестве средства выражения эмоционального напряжения автора письма: *Мою книжку Вы получите* ***непррременно****...* [Ч: 157]; *Кое-где почувствовал я некоторую небрежность языка, м. б., нарочито допущенную, но все же я* ***пррротестую****!* [Г3: 174].

Как видим, практически каждый из рассматриваемых авторов имеет свои предпочтения в выборе способов создания иллюзии устной речи. Например, в письмах Л.Н. Толстого наиболее частотным приемом является редукция срединной части отчества, т.е. синкопа (этот прием используют и остальные авторы, но менее активно); А.П. Чехов и В.П. Астафьев не «гнушаются» делать грубые орфографические ошибки; В.П. Астафьев часто использует разговорный вариант местоимения *что*, удваивает и утраивает гласные буквы, а также записывает аббревиатуры в соответствии с их произношением. Полагаем, что данные приемы, присущие тому или иному автору, можно рассматривать в качестве специфических особенностей эпистолярного идиостиля.

Помимо отражения нормативной устной речи, в письмах нередко представлены единицы, написание которых свидетельствует об их отклонении от произносительных норм. Одна из функций таких единиц состоит в том, что они имитируют особенности речи третьих лиц, чей

«речевой портрет» автор хочет представить адресату. Данные лица делятся на следующие группы:

1) носители другого языка: *Помню – в Диком поле «чабан», указав мне на тень птицы, мелькнувшую по голой степи, по камням, рассеянным в ней, сказал: «**Видэшь**? **Камэнь** хотел **тэнь** поймать, – шевелился?»* [Г2: 90]; *Тут проснулся Мирза – мой сосед и спокойнехонько говорит: «Я **бзял**. Чего кричишь? Я **тибя пят** раз стучал. **Тибы** нету. На, **биры** свою письма»* [А: 35];

2) носители диалекта: *Мальчик богатый, сын дворника, видал попугая и рассказывает другим, которые не верят: «Да ты толкуй, как человек говорит». «Ну! Да он тебя так **обсрамит**, что и умному человеку так не **обрезонить**»* [Т1: 541]; *Постоянное чувство неудобной лагерной жизни, а тут еще непрерывное «**ета... ета... ета**... да ты мало ел, да ты **ба** покушал да я **забула засипать** хорошего чаю»...* [Ч1: 137]; *Потом, когда ей* [Апроне. – Т.А.] *пенсию увеличили, она с четушкой ко мне прибежала: «Давай **оммывать**!»* [А: 600];

3) маленькие дети: *Но в случаях нетерпения* [внучка. – Т.А.] *кричит на трех языках: «**иссе**», «анкора», «нох»!* [Г3: 29]; *...он* [внук. – Т.А.] *и сказал: «**Хосю зыть** в Овсянке с дедой»* [А: 309];

4) лица, имеющие дефекты речи: *... вероятно, он* [Пальмин. – Т.А.] *теперь бранит меня: – Мальчишка! **Чегт!*** [Ч1: 405]; *Д-р Полканов <...> кричал тогда: «**Д-да** ведь это же **си-имволич-ческая** кикимора, **п-послушай**!»* [Г3: 71]; *… за последнее время, судя по прессе и шуму, самые выдающиеся личности в нашей жизни были – Семен Гейченко <...> да первопроходимец Михалков – «**а-атец ру-усской ли-итературы**»* [А: 342].

В речи авторов писем также активно употребляются единицы, использование которых нарушает фонетические нормы.

Так, фрагменты «детской речи» пишущий может вставлять при «разговоре» о детях, примеряя свойственную им «речевую маску»: *Скажи детям, что папаша велел **пикестить**, и поцеловать…* [Т1: 655]; *Внука моя,*

*Марфа, существо весьма утешительное, – прилагаю снимок. Но – она на нем в парадном и причесанном виде, вообще же это «**зеньсина**» растрепанная и буйная* [Г3: 29]. Кроме того, возможно использование подобных единиц при обращении к адресату для выражения ласкового отношения к нему: *Пишешь ли ты, мой собрат – напишешь ли мне, мой **холосенький*** [П1: 33].

Отражение особенностей произношения конкретного лица или иноязычного акцента обычно служит для создания «речевого колорита», т.е. для передачи чужой речи «в лицах»: *Работаю, выражаясь языком Сергея, **ужжасно**…* [Ч1: 102]; *Антуан **Тиекоф** (Произношение кн. Урусова.)* [Ч1: 568]; *Есть тут у нас теперь **«камара-одиночка»**, как называл сии заведения мой разлюбезный папуля…* [А: 366]; *… получил очередную угрозу по почте, что приедут два грузина и **зарэжут** меня* [А: 399].

Исследователи отмечают следующую тенденцию: «чем более высокой является степень демократизации художественной литературы, тем большее воздействие оказывает разговорная речь на язык художественной литературы» [Лаптева 1990: 407]. Результаты количественных подсчетов рассматриваемых единиц свидетельствуют о том, что их число неуклонно растет с течением времени: от единичных случаев употребления, имевших место до рубежа XIX-XX вв., к обилию слов, чей фонетический облик отражает разговорную, просторечную и диалектную стихии. Возможно, именно здесь находятся истоки языковых девиаций, столь популярных в настоящее время в сфере неформального письменного общения с помощью электронных средств коммуникации.

1.1.2. Приемы отражения грамматических особенностей устной речи в эпистолярном тексте

В анализируемом материале широко представлены следующие явления, характерные для разговорной морфологии (полный перечень

морфологических особенностей разговорной речи см.: [Земская 1979: 72-104; Русская разговорная речь… 1983: 156-193]):

1) предикативы, т.е. «неизменяемые слова местоименного, наречного и междометного происхождения, выполняющие функцию сказуемого» [Земская 1979: 95]: *...и в страстном состоянии духа ты в состоянии сделать то, о чем и не осмелился бы подумать в трезвом виде; как некогда пьяный переплыл ты реку, не умея плавать. Нынешнее дело на то же похоже – сыми рубашку, перекрестись и* ***бух*** *с берега…* [П3: 195]; *Все кажется: отчего ж не продолжать?* ***Хвать-похвать****, не достают руки, и сидишь дожидаешься* [Т1: 773]; *Прозаики еще* ***туда-сюда****, поэты же совсем* ***швах*** [Ч1: 182]; *Погодка-то* ***вай-вай****, только в «Каме» и сидеть* [А: 21];

2) специфически разговорные частицы:

а) *а* как начальный элемент фразы: *Я ведь тебе писал, что кюхельбекерно мне на чужой стороне.* ***А*** *где Кюхельбекер?* [П1: 140]; ***А*** *у нас новости* [Ч1: 35]; ***А*** *знаете, Владимир Галактионович, ребята из «Вестника» пустили про меня по городу весьма поганый слух* [Г1: 16]; ***А*** *фрукты тебе – это от жены, я к этому не причастен* [Ш: 425]; ***А*** *что, Александр Николаевич, утомил я, пожалуй, Вас?* [А: 103];

б) *вот*: ***Вот*** *уже восемь месяцев, как я веду страннической жизнь, почтенный Николай Иванович* [П1: 57]; ***Вот*** *в этом-то я и желал бы знать ваше откровенное мнение – ошибаюсь я или нет* [Т1: 446]; *Вы* ***вот*** *желали бы, чтобы я потерпел убытку на 115 рублей и чтобы редактор учинил мне конфуз* [Ч1: 116]; *Не все ли равно читателю, какая на книге «шапка»? А* ***вот*** *какая шапка на самом писателе – читателю вовсе не безразлично!* [Ш: 505]; *Я* ***вот*** *учусь на высших литературных курсах…* [А: 37];

в) *да*, используемая при неожиданном воспоминании о чем-либо, упущенном в предшествующем разговоре, при перемене темы разговора и т.п.: ***Да****, еще: Анатоль в сцене пари очень хорош, но нельзя ли покрупнее и тоже погрудастее* [Т1: 646]; ***Да!*** *22-го разбирается дело Рыкова...* [Ч1: 50];

***Да**! Виктор Сергеевич! Пожалуйста, вышли бесплатно журнал твой…* [Г1: 96]; *До станицы Цимлянской – рукой подать, **да**, кстати, виноградари – казаки этой станицы – мои избиратели* [Ш: 300]; ***Да**, насчет языка. Как видишь, я не особенно подделывался под детский язык в авторском тексте* [А: 15];

г) *ну*: *Я сунулся было в Москву, да узнав, что туда никого не пускают, воротился в Болдино да жду погоды. **Ну** уж погода!* [П2: 327]; ***Ну** что же есть между нами общего?* [Т1: 452]; ***Ну**-с, а теперь позвольте поблагодарить за карточку* [Ч1: 88]; ***Ну**, а теперь – как Вы живете?* [Г1: 113]; ***Ну**, да обо всем этом мы поговорим при увиданьи* [Ш: 144]; *Так, **ну** что еще тебе рассказать о своих литделах?* [А: 22];

3) использование формы единственного числа имен существительных вместо ожидаемой формы множественного числа: *Дай бог мне зашибить **деньгу**, тогда авось тебя выручу* [П3: 102]; *«Образованную» и «культурную» публику – терпеть не могу, вожу компанию больше всего со своим братом, простяком, – с мастеровщиной, с ломовыми извозчиками, с босяками и т.д. Это – простой, искренний, хороший **люд**, и я люблю быть среди него* [Г1: 87]; *Наши титаны мысли все в гробу поперевертывались, поди. Даже Карл Маркс **вшу** бородой метет, а на что уж был активный демагог…* [А: 60-61];

4) употребление флексии *-у* в форме родительного партитивного (и не только) падежа имен существительных: *Если помните, – Вы дали мне тогда бутылку **коньяку*** [Ш: 311]; *С «Кражей» все без **сдвигу*** [А: 81];

5) употребление местоимения *какой* и, реже, *такой* в экспрессивной функции: ***Каков** Булгарин и вся братья! Это не соловьи-разбойники, а грачи-разбойники* [П1: 228]; *А **какие** водятся на Дону старинные песни, Евгения Григорьевна, – дух захватывает* [Ш: 153]; *Но буквально перед самым отъездом мне принесли Ваше письмо и бандероль с книжками. **Какая** это была для меня радость!* [А: 68]; *Иринка мне не пишет, видать, считает, что писать мне не обязательно. **Таковы** дети!* [А: 46].

1.1.3. Приемы отражения словообразовательных особенностей разговорной речи в эпистолярном тексте

К числу приемов, включаемых в данную группу, относятся следующие (полный список приемов см.: [Земская 1979: 112-128]):

1) окказиональное словотворчество: *Ах вы **чудотворка** или **чудотворица**!* [П1: 472]; *Все бывшие семинаристы (их было у меня шесть) не выдерживают больше года, запивают или **зафранчиваются*** [Т1: 586]; *Я не хотел поместить в «Осколках» объявление о моей книжке не потому, что считаю это бесполезным, как Вы на меня клевещете, а просто потому, что боялся стеснить Вас: места у Вас мало, а брать с меня, как с других берете, Вы **поделикатитесь**...* [Ч1: 47]; *Русь нуждается в бодрых песнях, довольно **минорничали**!* [Г2: 363]; *Собственные «лавры» и почетное звание плагиатора не дают мне спать, и еще сообщаю Вам, что получается хорошо, хотя, может быть, Вы и скажете, что я «**заголовокружился**» от «успехов» и потерял самокритическое чутье* [Ш: 130]; *Дорогая Маня и **астафьята**, здравствуйте!* [А: 38];

2) использование отглагольных существительных с суффиксом *-нцj- / -ньj-*: *Чтобы показать тебе только, как можно ошибаться, не допуская этого или забывая, скажу тебе только, в ответ на твои советы, что, по моему убежденью, в наши года и с нашими средствами, **шлянье** вне дома, или **писанье** повестей, приятных для чтения, одинаково дурно и неблагопристойно* [Т1: 538]; *Я как-то глупо оравнодушел ко всему на свете и почему-то начало этого **оравнодушения** совпало с поездкой за границу* [Ч1: 573-574];

3) наименование лиц посредством существительных с суффиксами *-аг(а)*, *-уг(а)*, *-ук(а)*, *-ак*, *-ач*, *-ул(‘а)*, *-ок(а)*, *-л(‘а)*, *-ыш*, *-ак(а)*, *-ун*, *-уш(а)*: *Этакий **надувало** мой художник! А соврал мне, что послал Вам «рисунков»*! [Ч1: 60]; *У меня бывает сормовец – какой это дивный **парнюга**!* [Г1: 382];

4) использование существительных с суффиксами *-ищ(е)*, *-ин(а)* со значением увеличительности: *Помню, сижу в саду; темно, **холодище***

страшный, скука аспидская, а за бурой стеною, около которой я сижу, актеры репетируют какую-то мелодраму [Ч1: 375]; *Из Горького выйдет большущий* ***писателище****, если только он не утомится, не охладеет, не обленится* [Ч2: 415]; *«Это утешение, что другие не лучше, чем мы сами», – говорит Жан. О,* ***холопище*** *гнуснейший! Как он метко очертил этими словами подлую душу свою!* [Г1: 81]; *Вообще Америка – страна* ***деньжищ****,* ***и скучищи****, и невежества* [Г1: 442];

5) образование отсубстантивных прилагательных с помощью суффикса *-ист*: *Журю их обоих* [Грузинского и Ежова. – Т.А.] *за* ***мещанистый*** *тон их разговорного языка и за однообразно-бурый колорит описаний* [Ч1: 402]; *В столовой, в коридорах гостиницы и на ненастных перекрестках семинара мне то и дело встречались парни бранчливые, хвастливые, заносчивые и* ***пройдошистые****...* [А: 72];

6) использование прилагательных с экспрессивными суффиксами *-ущ(ий)*, *-енн(ый)*, *-аст(ый)*, *-еньк(ий)*: *Стихов, ради бога, стихов, да* ***свеженьких*** [П1: 152]; *В четверг я уехал в деревню <…>, набрал цветов,* ***желтеньких*** *и лиловых, и вернулся назад в Москву, – зачем? не знаю* [Т1: 519]; *Напишите мне что-нибудь* ***веселенькое*** [Ч1: 605]; *Милый Александр Иванович,* ***большущее*** *тебе спасибо за письмо и за приглашение* [Ч2: 232]; *Моя жена – маленький,* ***простенький*** *и* ***миленький*** *человечек – страшно любит Вас…* [Г1: 78]; *Осенью поеду в Смоленск и Петербург. С год тому назад уехал было на кладбище, ибо у меня* ***легонькая*** *чахотка разыгралась, и я едва устоял на ногах* [Г1: 87]; *Вчера я ввергнул ее* [Орловскую. – Т.А.] *в* ***здоровенный*** *припадок* [Г1: 19];

7) образование существительных с помощью суффиксов субъективной оценки со значением ласкательности, неодобрения, увеличительности: *Когда я представлялся великой княгине, дежурная была не Соллогуб, а моя прищипленая* ***кузинка*** *Чичерина, до которой я не охотник...* [П3: 270]; *Они* [самолюбцы-проектеры. – Т.А.] *хотят или ничего не делать, или делать по-своему и всю Россию повернуть по своему*

прилаженному, узенькому деспотическому ***проектцу*** [Т1: 500]; *Посылаю Вам* ***рассказец*** [Ч1: 39]; *Спасибо, что помещаете мои* ***статейки*** [Ч1: 253]; *Возрадуйтесь, о матерь! Я, кажется, проживу в Екатеринбурге сутки и повидаюсь с* ***родственничками*** [Ч1: 439]; *Что Леонтьев? Милый он* ***человечина****, симпатичный, теплый и талантливый, но любит падать духом и куксить* [Ч1: 190]; *Вероятно, ты будешь работать в этой* ***газетине****, но не раньше лета* [Ч1: 72]; *У нас в Нижегородской – цынга и маленький* ***тифик*** [Г1: 88]; *А в Петербурге я живо издохну, ибо у меня маленькая* ***чахоточка*** [Г1: 52]; *Прочитал скандальный рассказ Пильняка «Повесть непогашенной луны» – каково* ***заглавьице****?* [Г2: 532]; *Мой* ***рассказишко****? Видите, в чем дело: кто он, Финоген, я не знаю* [Г1: 59]; *Но – прочитал я Горького «Дело Артамоновых», так там, знаете, то же самое – все* ***недостаточки****,* ***обмолвочки****,* ***ошибочки****. Да. Судьба наша такая, друг мой, всегда будем недовольны собою, с тем и кончимся* [Г2: 520]; *Как ликует этот* ***чудачина*** *Поссе. С него дерут десять шкур, его все рвут, щиплют, кусают* [Г1: 122];

8) образование глаголов приставочно-суффиксальным способом с помощью приставки *по-* и суффикса *-ива-*: *Мы трудимся – а он* [Дельвиг. – Т.А.] *сидит на судне да нас* ***побранивает*** [П2: 383]; *Что вы* ***поделываете****? И как действует на вас эта чудная погода?* [Т1: 757]; *Всю зиму я* ***покашливал*** *да изредка* ***поплевывал*** *кровью, но особенно пожаловаться не на что* [Ч2: 484]; *Как Вы* ***поживаете****? Давно уже не имею вестей от Вас. <…> Я – тоже* ***поскрипываю****, – весна идет!* [Г1: 60];

9) вербализация высокочастотных сочетаний разговорной речи, имеющих номинативную функцию: *Кланяюсь вашей дочери,* ***Николай Платонычу*** *и его жене и вам дружески жму руку, надеясь так или иначе до свиданья* [Т1: 562]; ***Апель Апеличу*** *наше нижайшее* [Ч1:101].

1.1.4. Приемы отражения лексических особенностей разговорной речи в эпистолярном тексте

Характерной чертой разговорной речи, по мнению исследователей, является ее лексическая разнородность. Здесь «встречаются самые разнообразные в тематическом и стилистическом отношении группы лексики: это и общекнижная лексика, и термины, и иноязычные заимствования, и слова высокой стилистической окраски, и даже некоторые факты просторечия, диалектов и жаргонов» [Земская 1979: 28].

Использование разностилевой лексики, по мнению исследователя, объясняется, во-первых, тематическим разнообразием разговорной речи, а во-вторых, непринужденностью общения, «что позволяет говорящему избегать строгости узуса, рамок грамматической правильности и свободно прибегать к творчеству» [Там же: 28].

Данные наблюдения, на наш взгляд, можно экстраполировать и на тексты неофициальных писем. Действительно, в русских частных письмах активно используются слова, относящиеся к различным стилистическим пластам. В частности, наряду со стилистически нейтральной лексикой могут использоваться разговорные слова, а также единицы, находящиеся за пределами литературного языка, среди которых – просторечные, диалектные слова, варваризмы, жаргонизмы и даже обсценная лексика.

На наш взгляд, наиболее распространенным приемом, используемым для отражения лексических особенностей разговорной речи, является употребление экспрессивной лексики в письмах, в частности глаголов: *Не верь Н. Раевскому, который бранит его – он ожидал от меня романтизма, нашел сатиру и цинизм и порядочно не* ***расчухал*** [П1: 211]; *Посылаю вам еще повести Тургенева, прочтите и их, ежели не скучно – опять, по-моему, почти все прелестно, а ваше мнение все-таки* ***катайте*** *прямо, как бы оно ни было нелепо* [Т1: 423]; *Плачу во все концы, и мне остается nihil. В семью* ***ухлопывается*** *больше 50* [Ч1: 27]; *Дружище Вы мой хороший!* ***Отвяжитесь*** *от меня с Ялтой, Сан-Ремо и прочими злачными местами.*

Никуда я до весны не поеду, весной же – хоть к черту на рога и вместе с Вами [Г1: 48]; *С Иваном тоже плохо. Узнали, что он служит псаломщиком. Какой-то черт с Горбатова был и* ***брякнул*** [Ш: 54]; *Знаю, что почерк у меня ужасный и Вам придется помучиться, но жена* ***утащилась*** *на рынок и перепечатывать письмо некому* [А: 33].

Употребление стилистически маркированных единиц также позволяет автору письма создать непринужденную атмосферу эпистолярного общения, подчеркнуть его неформальный характер.

1.2. Средства создания непринужденной атмосферы в эпистолярной коммуникации

Языковая игра – термин, под которым в современной лингвистике понимается «творческое, нестандартное (неканоническое, отклоняющееся от языковой / речевой, в том числе – стилистической, речеповеденческой, логической нормы) использование любых языковых единиц и / или категорий для создания остроумных высказываний, в том числе – комического характера» [Сковородников 2004: 86]. В силу особенностей русского менталитета данное явление всегда имело место в русской устной речи, а также в текстах публицистического и художественного стилей – в авторском повествовании или в речи героев произведений.

В последнее время увеличилось число исследований, касающихся данного лингвистического явления, причем интерес авторов связан как с феноменом языковой игры в целом [Гридина 1996; Сковородников 2004], так и с различными ее разновидностями. Например, подвергается анализу словообразовательная языковая игра как явление, характерное для современных средств массовой информации [Ильясова 2002], или особенности взаимодействия лексической и синтаксической семантики в русском художественном тексте [Шацкая 2010].

При изучении рассматриваемого лингвистического феномена обычно анализируется языковой материал, извлеченный из источников, близких

в жанровом и стилистическом отношении. Так, достаточно хорошо языковая игра изучена на материале русской разговорной речи [Русская разговорная речь… 1983: 172-214; Мамаева 2010 и др.], художественной литературы и фольклора [Санников 2002; Норман 2006; Башкова 2010 и др.], средств массовой информации и рекламы [Ильясова 2009; Саблина 2010, Ширяева 2010 и др.]. Однако до настоящего времени отсутствуют работы, посвященные особенностям языковой игры в эпистолярном тексте, что обусловливает актуальность данного исследования.

К средствам реализации языковой игры в эпистолярном тексте прежде всего относится намеренное нарушение норм литературного языка, которое, по мнению исследователей, более свойственно лицам, отличающимся высокой степенью культуры и владения языком (см.: [Земская 1979: 128; Санников 1999: 74; Крысин 2001: 105]). Действительно, в писательском эпистолярии отмечено довольно много примеров языковой игры, классификация которых представлена ниже. Полагаем, что в данном случае авторы используют коммуникативную стратегию «речевой маски» (подробнее об этом см.: [Шпильман 2006; Кукс 2010; Марьянчик 2010]) для создания непринужденной обстановки в эпистолярной коммуникации, в связи с чем намеренно нарушают речевые нормы.

1.2.1. Нарушение фонетических норм. Отражение просторечных и диалектных особенностей произношения в эпистолярном тексте

Отражение на письме особенностей просторечного или диалектного произношения в большинстве случаев обусловлено стремлением автора к созданию комического эффекта. Исключение в нашем материале составляют примеры из писем М. Горького, который использует фонетические диалектизмы для придания соответствующего колорита описанию носителя просторечия: *Когда Гурию было лет 13-15, она* [его мать. – Т.А.] *вышла замуж вторично – Гурий не ладил с* ***вотчимом****, отношения с матерью тоже испортились* [Г3: 433].

Исследователи отмечают, что «высказывания с речевыми неправильностями, представляющие собой недостатки реальной речи в ее коммуникативной функции, на уровне их эстетической эксплуатации как средства комизма становятся художественно-словесным искусством или сближаются с ним» [Никульникова 2003: 7]. Рассмотрим наиболее частотные способы отражения просторечного и диалектного произношения в письмах, придающие высказыванию комический эффект.

1. Особенности произношения гласных: *Печатанное мною прежде я считаю только пробой пера <…>; печатаемое теперь мне хоть и нравится более прежнего, но слабо кажется <…>. Но что дальше будет –* ***бяда****!!!* [Т1: 626]; *Вот пока и все, будь* ***сурьезен****!* [А: 315]; *У нас* ***нонче*** *зима – ое-ей* [А: 661].

2. Особенности произношения согласных:

а) замена фонемы [ш’] другими звуками или сочетаниями звуков: *А ты все говорила, что я «****нишчий****»! Да разве такие «****нишчие****» бывают?..* [Ш: 40]; *Письмо это в равной мере адресовано и ей* [дочери. – Т.А.]. *Оно – «****обчее****», информационное* [Ш: 687]; *А* ***ишшо*** *я тебя по телеку видел и обрадовался…* [А: 536];

б) замена фонемы [ф] другими звуками и сочетаниями звуков, а также обратная тенденция вследствие гиперкоррекции произношения: *Очень приятно, хотя, с другой стороны, и жаль, что я «****фастаю****»* [Ч1: 204]; *Вот, как всегда в больнице, перечитываю Гоголя. Боже, какой писатель! Какой* ***фулюган****!* [А: 412]; *Я говорю: «А то ты захотел, чтоб и голова, и хозяин, так не бывает, да и голова, говорю, крученевая, мозги в ей* ***хвюрер*** *своротил набок, вот и получился от этого писатель…»* [А: 130];

в) мягкий согласный [т’] в окончаниях глаголов 3-го лица единственного и множественного числа: *Ваше мнение да еще мнение человека, которого я не люблю, тем более, чем более я вырастаю большой, мне дорого – Тургенева. Он* ***пойметь*** [Т1: 626]; *Гусям и лошадям кушать нада, а стены дома не* ***помогаютъ****. Да, Сашечка, не одна Москва деньги*

любить [Ч1: 563]; *Ах ти, ах ти, а тут лето, ягоды поспели, грыбы наросли, рыба* ***клюеть****… бабы* ***ходють*** *кругом…* [А: 331];

г) упрощение групп согласных: *Еще прежде он* [офицер. – Т.А.] *мне много говорил о том, как весело бывает на водах <…> ну одним словом, чисто парижская* ***жисть*** [Т1: 351]; *А он, Вася, вон любимой* ***по-аглицки*** *письма шпарит…* [А: 693];

д) смягчение согласных в соответствии с произношением «старшей» орфоэпической нормы, что воспринимается автором как показатель просторечия: *Я тут еще уполномоченный Литфонда. <…> Все «фонды» раздал, и скоро мне влетит «****сверьху****»* [А: 57]; *А пишу из родного села Овсянки, что было во глубине сибирских руд, а теперь оказалось рядом со стройкой* ***коммунизьма****…* [А: 125].

3. Протеза и эпентеза:

а) прикрытие групп согласных протетическими гласными: *Что касается Хлестакова Гены, то это* ***агромадный*** *мужик из деревни Толстоносово родом, проработавший оперативником 25 лет и пробующий себя «на ниве журналистики»* [А: 519]; *И если бы не такие чудаки да чудачки, так* ***игде*** *бы мы были сейчас?!* [А: 97];

б) прикрытие начальных [о] и [у] протетическим [в], а также обратная тенденция вследствие гиперкоррекции произношения: *К Линтваревым приехал полубог Воронцов – очень* ***вумная****, политико-экономическая фигура с гиппократовским выражением лица…* [Ч1: 243]; *Словом, это я сейчас так «****вумно****» выражаюсь, а тогда мне хотелось просто написать о любви грешной и земной* [А: 191]; *Желаю тебе работы и не только «****унутренней****», но и «****унешней****»* [А: 362];

в) вставка эпентетических [д], [т] между двумя согласными: *Бог тебя простит! но ты* ***острамил*** *меня в нынешней «Звезде» – напечатав три последние стиха моей элегии…* [П1: 264]; *Это фотограф, черт бы его драл, повернул меня таким образом, что создается впечатление, будто я подслушиваю чей-то секретный разговор. Этакая* ***страма!*** [Ш: 45]; *А что*

*предисловий не читают, то и правда и незнание «**ндравов**» нашего народа* [А: 692].

4. Искажение фонетического облика слова: *Между прочим, журнал «Смена» <…> тоже не прислал мне гонорар, и я **сумлеваюсь**, уж не забыли ли!* [А: 19].

5. Фонетические украинизмы: *Ваш «**робитник**» старается вовсю. Видишь, до какой поры сижу, но ведь надо, горячая пора настигла* [Ш: 66]; *Надо ведь **корабель** фрахтовать или вертолет, который бы летал от избушки к избушке, ибо в палатках я уже ночевать непригоден…* [А: 539].

6. Сокращение числа слогов в заимствованном слове: *Ну и наделал ты делов! Подарил мне такую ручку, что сама пишет, даже и думать не надо, а только в пальцах ее держать. Ну как такой **струмент** может простаивать?* [А: 566].

Как видим, каждый автор имеет свою палитру средств стилизации фонетических особенностей просторечия и диалектов, т.е. здесь также можно говорить о специфических чертах эпистолярного идиостиля анализируемых авторов.

1.2.2. Нарушение грамматических норм. Нарочитое использование просторечных и диалектных грамматических форм в эпистолярном тексте

Нередко в неофициальных письмах авторы намеренно употребляют грамматические формы, находящиеся за пределами литературного языка – в сфере просторечия или диалектов. Подобные примеры грамматической неправильности речи именуются в трудах по стилистике *солецизмами* (см., например: [Москвин 2007: 718]).

Поскольку солецизмы представляют собой единицы, неверные с точки зрения нормативных предписаний, но «узаконенные традицией» [Ремчукова 2011: 24], они нередко выступают в роли своеобразных клише. Так, в нашем материале отмечено несколько лексем, словоформы которых

стабильно используются в качестве солецизмов. К их числу относятся следующие единицы:

1) форма родительного падежа множественного числа существительного *дело – делов*: *Может быть, вы только охотник до этих **делов**, как и я* [Т1: 783] (1 случай употребления, далее – с/у); *Ну-с, что касается моих денежных **делов**, то они весьма плохи…* [Ч1: 563] (1 с/у); ***Делов** – куча* [Г1: 399] (2 с/у); *Словом, столько **делов** и новостей, что только с приездом точно выясню тебе* [Ш: 23] (2 с/у); *Ну и наделал ты **делов**! Подарил мне такую ручку, что сама пишет, даже и думать не надо, а только в пальцах ее держать* [А: 566] (1 с/у);

2) несупплетивные формы множественного числа существительного *человек – человеки*: *Да, великие мы таланты, мы все **человеки** и из нас «прет», но умри Лев Толстой, и написать статью некому* [Ч2: 200] (1 с/у); *На террасах кейфуют восточные **человеки**…* [Г1: 28] (1 с/у); *Собака – спаниель, Спирькой звали – оставила по себе память куда ярче, нежели живые **человеки**, повстречавшиеся мне в жизни* [А: 580] (2 с/у);

3) формы притяжательного местоимения множественного числа – *ихний, ихай, ихой* (последние два варианта представлены только в письмах В.П. Астафьева): *Газетчик значит, по меньшей мере жулик <…>. Я в **ихней** компании, работаю с ними, рукопожимаю и, говорят, издали стал походить на жулика* [Ч1: 27] (1 с/у); *Вы, товарищ, спрашиваете: «Чего не хватает нашим молодым писателям» для того, чтобы книги **ихние** «брали за живое»?* [Г3: 159] (2 с/у); *Взялись, Женя, и за меня товарищи коммунисты, <…> пишут всякую слякоть, но я не читаю, разумеется, **ихних** изданий…* [А: 543] (11 с/у); *Они* [дочь с внуками. – Т.А.] *уже возвратились домой, но дух **ихай**, особенно Полькин, в избе витает* [А: 405];

4) употребление слова *жизнь* по образцу склонения существительных, оканчивающихся на *-а, -я*: *Надоела мине ета **жизня** очень шибко…* [Ш: 103] (7 с/у); *И очерк-то славный про буровиков и **жизню** ихнюю «романтическую»* [А: 174] (1 с/у);

5) употребление слова *дитя* по образцу склонения существительных, оканчивающихся на *-о*: *Единственное, чего не хватает, – тебя со Светлым* ***дютем*** [Ш: 69] (1 с/у); *Кланяюсь жене твоей,* ***дитю*** [А: 238] (13 с/у);

6) форма сравнительной степени прилагательного *плохой – хужей, хужее*: *Потом дело идет* ***хужее, хужее*** *и... вот эти дни так по вас встосковался, что силов нет!* [Ш: 56] (2 с/у); *Живем мы тихо-мирно, вокруг же все* ***хужей*** *и тревожней* [А: 501] (3 с/у).

Кроме конкретных словоформ, можно выделить также следующие просторечные и диалектные формы, «традиционно» выступающих в роли солецизмов в рассматриваемом материале:

1) склонение несклоняемых слов: *Кабачки, отчини дверь, гово́рит и проч. – за все это не скажет Вам* ***спасиба*** *великоросс...* [Ч1: 206] (1 с/у); *Дня через три поеду в Свердловск заниматься «****киномм****»* [А: 69] (2 с/у); *А кинокартину везде приняли на «****уру****» и дали ей 1-ю категорию* [А: 271] (3 с/у);

2) употребление формы женского рода вместо ожидаемой формы мужского рода и, реже, наоборот: *Это фотограф, черт бы его драл, повернул меня таким образом, что создается впечатление, будто я подслушиваю чей-то секретный разговор. Этакая* ***страма!*** [Ш: 45]; *... и я же был, и провалился из-за этого на смотре и не попал «в* ***ансамблю****»* [А: 359]; *Прихватило меня опять тут. Валялся три дня. Сожрал чего-то. И взяла меня печень и* ***брюха*** [А: 118]; *Осенью, побывав в Китае, зарядился я таким трудовым порывом, такой тягой к работе, что вот бы броситься на стол, как* ***тигра*** *на добычу!* [А: 485]; *Конечно, те, кто бегает или уже ковыляет с портретиками Сталина по площадям и улицам, никаких* ***книжков*** *не читают и читать уже не будут…* [А: 700];

3) полная форма адъективного имени вместо краткой и наоборот: *Л[юдмила] П[авловна], «****радая****», забула засыпать дорогого чая…* [Ч1: 131]; *Вот в одной орловской деревушке увидели мы вишню. Спелая, алая, и кто-*

то из чалдонов громко удивляется: «Гляди-ко, ягода ***кака*** *хрушка, а растет на дереве, как наша черемуха»* [А: 581];

4) возвратный глагол в форме 1-го лица единственного числа с постфиксом *-ся*: *Мнение Ваше о ней* [«Истории Пугачева». – Т.А.], *во всяком случае, мне драгоценно: похвала от настоящего историка, а не поверхностного рассказчика или переписчика, будет лестна для меня; а из укоризны* ***научуся*** *(чего, знаете Вы сами, не* ***дождуся*** *от записных наших критиков)* [П3: 330]; ***Нахожуся*** *я в ст. Вешенской и пишу новый роман о том, как вешенские, к примеру, казачки входили в сплошную коллективизацию в 1930 г. …* [Ш: 130]; *… и меня вот настигла болезнь-наваждение пенсионная – читать некрологи в газетах и смотреть на кладбище, кто, как и где лежит, да прикидывать, как я тут* ***размещуся****. А* ***размещуся*** *я рядом с дочерью…* [А: 654];

5) употребление предлога *об* перед словом, начинающимся с согласного звука: *Кстати* ***об стихах****: то, что я читал из «Шильонского узника», прелесть* [П1: 114]; *Я не напоминал ей* ***об вчерашнем****, боясь огорчить ее и тетеньку* [Т1: 603]; *Анне Ивановне целую руку и молю небеса* ***об ее*** *здравии и благополучии* [Ч1: 482]; *Если Вы имеете какие-либо вести* ***об Леониде****, отце и вообще москвичах, – передайте на словах или письмом…* [Г1: 360]; *Было бы неплохо, если б ты* ***об деле*** *и о своей живухе черкнул письмишко* [Ш: 272]; *…он* [Абрамов. – Т.А.] *никого не любил, даже бабу свою, шибко тоже надменную и «много* ***об себе*** *понимающую»…* [А: 352].

Исследователи отмечают, что «чем более высокой является степень демократизации художественной литературы, тем большее воздействие оказывает разговорная речь на язык художественной литературы» [Лаптева 1990: 407]. Подобная тенденция, на наш взгляд, характерна и для писательского эпистолярия. Количество солецизмов в писательском эпистолярии увеличивается начиная с рубежа XIX-XX вв. При этом не только растет частотность отдельных лексем с «нелитературными» словоизменительными парадигмами (в письмах М.А. Шолохова отмечены

7 с/у слова *жизня*, преимущественно в формах именительного и винительного падежей, в письмах В.П. Астафьева представлены более 10 с/у употребления притяжательного местоимения *их* в его просторечном варианте *ихний* и существительного *дитя* в его просторечном варианте *дитё*), но и расширяется диапазон нелитературных форм, использованных в качестве солецизмов. Так, в письмах А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого представлено только 2 типа солецизмов, в эпистолярии А.П. Чехова – 6, М. Горького – 4, М.А. Шолохова – 7, а в письмах В.П. Астафьева – уже 17 (!).

Ниже представлены группы грамматических неправильностей, отмеченных нами только в письмах В.П. Астафьева:

1) использование диалектной формы родительного падежа множественного числа существительного *день – дён: В конце ноября собираюсь в ФРГ на 10* ***дён****…* [А: 335] (2 с/у);

2) употребление форм косвенных падежей личных местоимений 3-го лица с предлогом без начального [н’]: *А жизнь-то, она вона какая разнообразная,* ***в ей*** *«сурпризов» больше, чем вшей в полушубке пехотного Ваньки-взводного из окопов!* [А: 417] (2 с/у);

3) использование диалектной формы притяжательного местоимения единственного числа *его – евонный*: *«Следопыт» плохой журнал, и потому я вышел из* ***евонной*** *редколлегии* [А: 71] (4 с/у);

4) использование нелитературных чередований в основах глаголов при образовании личных форм: *Тут я отступать начал и* ***бёг*** *аж до Ставрополя, не оглядываясь, оставив избу без шубы* [А: 354]; *Этот Вася-охотник <…> ходит всегда при галстуке, в кожаном пальто,* ***стригётся*** *только в Красноярске, у знакомой парикмахерши…* [А: 542]; *…скажешь, а тебе: «Ну да, ты у нас один только* ***могёшь****... ты у нас!..»* [А: 109]; *Это вы <…> ничего не делаете, только бумажки чтите, а кушать у Ельцина* ***требоваете*** [А: 665];

5) употребление стилистически маркированной видовой пары глагола *посадить – садить*: … ***садил****-то я без Мани и по случаю потепления* ***садил*** *рано, и выросло бурьяну много, а картошки не видать* [А: 116] (10 с/у);

6) использование нелитературных причастных форм: *А пока – желаю доброго здоровья, то есть ничего более не ломать, ибо все* ***поломато*** [А: 385]; *… недочитанное, недоученное, недодуманное,* ***недобратое*** *нами все же кем-то добирается, люди не только дичают, но и образовываются* [А: 399].

Исследователи разговорной речи установили, что для языковой игры, создаваемой при спонтанном общении, характерны следующие функции: 1) подчеркивание непринужденности общения; 2) усиление образности и выразительности в передаче сообщения; 3) создание речевого портрета лица, чьи слова передает говорящий (см.: [Земская и др. 1983: 174-175]).

Перечисленные функции актуальны и для эпистолярного текста. В результате анализа солецизмов, используемых в письмах, нами было установлено, что единицы, принадлежащие к одному структурному типу, тяготеют к выполнению определенных функций.

Так, в анализируемом материале для создания «речевого портрета» лиц, о которых автор рассказывает адресату, обычно употребляются единицы, свойственные диалектам, в частности формы адъективных имен.

Для создания непринужденной атмосферы эпистолярного общения авторы писем используют следующие типы солецизмов: использование предлога *об* перед словом, начинающимся с согласного; склонение несклоняемых слов; употребление просторечных вариантов притяжательных местоимений 3-го лица и лексемы *дитя*.

Варианты, которые рассматриваются говорящими как грубое нарушение норм литературного языка, используются в письмах для создания комического эффекта. К таким солецизмам прежде всего относятся нелитературные формы родительного падежа множественного числа существительных, формы косвенных падежей лексемы *жизнь*,

сравнительной степени прилагательного *плохой*, а также употребление формы женского рода имени существительного вместо ожидаемой формы мужского рода.

Таким образом, солецизмы в письмах выполняют те же функции, что и в устном общении. Их число неуклонно растет с течением времени: от единичных случаев употребления, имевших место на рубеже XIX-XX вв., к обилию намеренно используемых просторечных и диалектных словоформ. Можно предположить, что увеличение числа внелитературных элементов в частных письмах классиков русской литературы отражает тенденцию к демократизации языка, набирающую силу с начала XX в.

1.2.3. Особенности употребления и стилистические функции архаизмов в эпистолярном тексте

Как уже было отмечено выше (п. 1.1.4), в анализируемом материале используются слова, принадлежащие различным стилистическим пластам, в том числе просторечные, диалектные и жаргонные лексемы. Однако особый интерес для наблюдения представляют архаизмы, активно употребляемые в писательском эпистолярии.

При узком понимании данного термина к архаизмам относят только лексемы – «устарелые обозначения понятий, имеющих в современном языке другие, общеупотребительные названия, при сравнении с которыми их устарелость, необычность в современном языке выступает особенно отчетливо» [Гвоздев 1965: 68]. При широком понимании, которого мы придерживаемся в данной работе, архаизмами являются «устаревшие слова, словосочетания, грамматические формы, синтаксические конструкции» [СЛТ: 23]. Полагаем, что выявление особенностей употребления архаизмов в письмах анализируемых авторов позволит не только охарактеризовать особенности эпистолярного идиостиля данных авторов, но и выявить закономерности использования данных единиц в частных письмах XIX-XX вв.

Авторы отмечают, что «общей чертой всех таких слов служит то, что они не употребительны в нейтральном и деловом стиле, а вводятся для придания той или другой экспрессивной окраски, но эта окраска <…> оказывается не только не однородной, а имеет различный, иногда противоположный характер» [Гвоздев 1965: 68]. С одной стороны, архаизмы придают речи оттенок торжественности, патетичности (см.: [Розенталь 1998: 76]). С другой, – «нередко в художественной прозе архаизмы используются как средство создания иронии, сатиры, пародии. <…> В эпистолярном стиле архаизмы могут придавать речи шутливый характер» [Там же: 76].

Средством создания юмористического настроения становятся архаизмы, «включаемые в текст явно другого характера, чуждый важности старинного слога и особенно – противопоставляемый этой важности рядом сопутствующих моментов содержания и стиля» [Булаховский 1957: 315].

Подтверждение данного положения представлено в работе, посвященной анализу языковых средств выражения комического в письмах А.П. Чехова. По мнению Т.В. Кыштымовой, к частотным стилистическим средствам реализации комического в письмах А.П. Чехова относятся, во-первых, архаизация («имея стилистический оттенок торжественности, архаизмы придают шутливо-ироническую “возвышенность” эпистолярной манере А.П. Чехова» [Кыштымова 2011: 22]), а во-вторых, речевая контрастность – «стилистические смещения, которые создаются различными сочетаниями разностильной лексики» [Там же: 22].

В анализируемом материале также отмечены высказывания с бытовым содержанием, которым архаизмы придают иронический или шутливый оттенок благодаря употреблению в сочетании с разговорной или просторечной лексикой (в примерах, данных ниже, разговорные и просторечные слова подчеркнуты).

В частности, в письмах А.С. Пушкина для выполнения вышеуказанной стилистической функции используются библейские

цитаты, «вплетенные» в повествование: *Здесь нашел я стихи Языкова. Ты изумишься, как он развернулся, и что из него будет. Если уж завидовать, так вот кому я должен бы завидовать.* ***Аминь, аминь глаголю вам*** [П1: 668] (ср. цитату из Нового Завета: «Аминь, аминь глаголю вам: не входяй дверми во двор овчий, но перелазя инуде, той тать есть и разбойник» [Евангелие от Иоанна, гл. 10, ст. 1]); *Жена моя милая, женка мой ангел – я сегодня уж писал тебе, да письмо мое как-то не удалось. Начал я было за здравие, да свел за упокой. Начал нежностями, а кончил плюхой. Виноват, женка.* ***Остави нам долги наши, якоже и мы оставляем должником нашим*** [П3: 242] (точная цитата содержится в Евангелии от Матфея, 6: 12-13). В первом примере автор, наряду с цитатой из Евангелия, использует лексему *развернуться* – «разг. Проявить себя, свои способности, силы в полной мере, перестать сдерживать себя» [БТС: 1062]; во втором употреблено слово *плюха* – «разг. Пощечина, оплеуха» [БТС: 846].

В эпистолярии А.П. Чехова высказывания, включающие цитаты из Библии, также приобретают иронический оттенок при наличии в контексте разговорных лексем: *Ты заработался <…>. Скоро великий пост – и ты почиешь на лаврах, отдохнешь –* ***и да благо ти будет*** [Ч2: 301] (ср.: «… *чти отца и матерь твою,* ***да благо ти будет*** *и долговечен будеши на земли*» [Библия. Новый Завет. Послание к ефесянам, гл. 6, ст. 1-3]; *Пригласите другого фельетониста.* ***Ищите*** *его* ***и обрящете.*** *Если же не обрящете, то соедините провинциальные заметки с московскими – не скверно выйдет* [Ч1: 38] (ср.: «ищите и обрящете» [Библия. Новый Завет. Евангелие от Матфея, гл. 7, ст. 7; Евангелие от Луки, гл. 11, ст. 9]). В примерах использованы слова *скверный* – «разг. Плохой, дурной; негодный» [БТС: 1194], *заработаться* – «разг. Устать от долгой, напряженной работы» [БТС: 341]. Цитата из последнего примера отмечена в словарях крылатых слов и фразеологизмов [КС: 243; КСБФ: 79].

Помимо разговорных единиц, для актуализации иронического звучания высказывания, включающего архаичное слово или выражение,

в письмах А.П. Чехова используется книжная лексика: ***Несть числа недугам*** *моим. Исполняется на мне писание, что* ***в болезнях люди родят чада свои****. А* ***чада*** *мои не Егор, не Владимирчик, а рассказы и повести, о* ***коих*** *я теперь думать не могу...* [Ч1: 139-140]. В данном примере, помимо архаизма *чадо* и неточной цитаты из Ветхого Завета «в болезнех родиши чада» [Бытие, гл. 3, ст. 16], используется книжный фразеологизм *несть числа* – «очень много, не сосчитать кого-либо или чего-либо» [ФС: 407].

Библейские цитаты, используемые в качестве устойчивых выражений, представлены и в письмах М. Горького: *Сегодня ходили* ***по морю, яко по суху****, стреляли в Марусину муфту. Дано было 14 выстрелов, но все остались живы, раненых – нет и муфта цела* [Г1: 364]. Отмеченный в данном примере фразеологизм представляет собой псевдославянский вариант библейской цитаты «Верою преидоша Чермное море аки по сусе земли» [Библия. Новый Завет. Послание к Евреям, гл. 11, ст. 29]. В отличие от всех предыдущих примеров шутливый тон эпистолярного повествования достигается автором без использования разговорных лексем. Вероятно, это обусловлено тем, что данная фразеологическая единица содержит шутливо-иронический компонент в коннотативной части своего значения (см.: [КСБФ: 590]).

В письмах А.П. Чехова и М. Горького шутливая или ироническая тональность эпистолярному общению придается не только с помощью цитирования библейских текстов, но и посредством использования отдельных архаичных лексем, употребляемых в одном контексте с разговорными или просторечными словами (в нижеприведенных примерах они подчеркнуты): *Благодарю за письмо и за беспокойство о моем* <u>*неказистом*</u> ***здравии*** [Ч1: 204] (*неказистый* – «разг. Некрасивый, непривлекательный на вид; невзрачный» [БТС: 625]); *Теперь я стою на* ***стезе*** *веры в медицину,* <u>*ей-богу*</u>*, она совершенно безвредна для осторожных в обращении с нею больных* [Г1: 36] (*ей-богу* – «разг. <…> В самом деле, действительно» [БТС: 296]).

Кроме того, в письмах данных авторов отмечены случаи использования архаизмов для придания иронической тональности высказыванию без «поддержки» иностилевой лексики: *В этом **ястве** соединены все виды круп и овощей, есть в нем мясо, есть перец, иногда есть соль, но никогда нет ни тараканов, ни каких-либо иных насекомых – и именно это последнее и чрезвычайное обстоятельство и является главным достоинством кушанья* [Г1: 26]; *Получил из Ярославля известие, что у Миши родилась **дщерь*** [Ч2: 220] (в словаре данный архаизм сопровождается пометой «шутл.» [БТС: 291]).

В эпистолярном наследии М.А. Шолохова и В.П. Астафьева цитаты и фразеологизмы библейского происхождения не отмечены. Данный факт, на наш взгляд, может быть обусловлен экстралингвистическими факторами: в результате резкой смены политического строя и общественной идеологии был взят курс на жесткий запрет религии и всех ее атрибутов, включая и тексты Священного Писания. Родившийся за 12 лет до революции М.А. Шолохов, по всей видимости, намеренно избегал употребления знакомых с детства библейских текстов, а В.П. Астафьев, рожденный в 1926 году, уже не имел фоновых знаний, позволяющих включать в эпистолярный текст цитаты из Библии.

Для придания письму иронической или шутливой тональности отдельные архаизмы употребляются в письмах М.А. Шолохова и В.П. Астафьева в сочетании с разговорными словами: *Знаешь, как она* [Марьяшка. – Т.А.] *умеет балабонить с подниманием бровей, закатыванием глаз под лоб и с **ея** неподражаемым пафосом?.. Смех!..* [Ш: 17] (*балабонить* – «нар.-разг. Болтать, пустословить [БТС: 56]»); *Сегодня, возвернувшись из Сибири, где я умудрился простыть, ибо пижон **есть** и уехал в ботинках, да кабы фэзэошных, а то на траках и без бортов...* [А: 93] (*умудриться* – «разг., ирон. Сделать что-либо нежелательное, чего легко можно было избежать» [БТС: 1388]; *кабы* – «нар.-разг. Если бы, когда бы» [БТС: 408]).

Шутливая тональность письмам М.А. Шолохова может придаваться путем сочетания архаизмов с разговорной и книжной лексикой (в нижеприведенном примере данные единицы подчеркнуты): *Пиня и Федька поделали лабазы, караулили их 5 ночей. Каждую ночь слышали, как они* [кабаны. – Т.А.] *ходят, <u>жрут</u> клубни водяных растений. Фыркают и чешутся о деревья, а на пятую к Пине, под вербу, на **коей** он <u>восседал</u>, подошла огромная старая мама-свинья с 7 детками (каждый по пуду-полтора весом) и стали пастись в шести-десяти метрах от него* [Ш: 686] (ср.: *жрать* – «разг. Есть с жадностью (о животных)» [БТС: 308] – *восседать* – «высок. Торжественно, важно сидеть» [БТС: 152]).

Кроме того, разговорная лексика в высказываниях с иронической окраской может и отсутствовать (в приведенном ниже примере подчеркнуто книжное слово): *… 2 моих рассказа из «Лазоревой степи» включены изд-ством «Моск. рабочий» в сборник лучших произведений о гражданской войне. И вот наравне с <u>корифеями</u> литературы включен туда и **аз** грешный* [Ш: 63] (*корифей* – «высок. Выдающийся деятель на каком-л. поприще» [БТС: 457]).

В эпистолярии В.П. Астафьева также отмечено употребление архаизмов в окружении стилистически нейтральной лексики: *С Новым годом Вас поздравляю и желаю всего того, чего желают добрые люди добрым людям, и сверх этого, чтоб дети были здоровы, муж **работящ** и в меру **пьющ**, чтоб в магазинах стало полегче и в издательстве все шло как по маслу* [А: 442]; *Как ты живешь, **дружe**? Чего нового на ваших творческих и издательских горизонтах? Ну, будь здоров. Жму руку. Виктор* [А: 15]. Как видим, архаизмы здесь используются для придания шутливого оттенка высказываниям с интенциями пожелания и вопроса, находящимся в конце письма.

В писательском эпистолярии (кроме писем А.С. Пушкина и А.П. Чехова) архаизмы также могут использоваться для придания высказыванию патетической тональности.

В частности, в письмах Л.Н. Толстого отмечены случаи употребления архаизмов для выражения привязанности к адресату: *Приезжайте, милейший и мудрейший друг, разумеется, мы бы съехались с вами; а я* ***алкаю*** *вас видеть и беседовать с вами* [Т1: 470]. Для реализации указанной функции автор также цитирует Священное Писание: *Хорошо во мне одно, что я вас понимаю и потому люблю. Но хотя и люблю вас таким, какой вы есть, всегда сержусь на вас за то, что Марфа* ***печется о мнозем****, тогда как* ***единое есть на потребу*** [Т1: 839] (ср. фрагмент из Библии: Марфа! Печешеся и молвиши о мнозем, единое же есть на потребу [Библия. Новый Завет. Евангелие от Луки, гл. 10, ст. 42]).

В письмах М. Горького архаизмы используются для выражения любви и уважения не только к адресату, но и к лицам, не включенным в эпистолярное общение: *Собственно говоря – я хотел бы объясниться Вам в искреннейшей горячей любви,* ***кою*** *безответно питаю к Вам со времен* ***младых*** *ногтей моих, я хотел бы выразить мой восторг* ***пред*** *удивительным талантом Вашим…* [Г1: 41]; *Здесь милейший Луначарский, который кланяется Вам.* ***Сей*** *талантливый и любимый мной* ***человече****, слыша имя Ваше, всегда радостно улыбается* [Г2: 55].

Подобным образом используются архаизмы и в письмах М.А. Шолохова: *Не подумайте, дорогая т. Левицкая, что радуюсь успеху романа, <…> радуюсь тому, что «Тихий Дон» находит столь звучный отклик и у Вас, и у Игоря, и у остальных моих читателей, с* ***коими*** *связан невидимыми нитями, идущими из – или через «Тихий Дон»* [Ш: 81].

В письмах, относящихся к XX веку, архаизмы также используются для придания торжественности рассуждениям автора: ***Аз есмь*** *старый ненавистник страданий и физических и моральных. И те и другие, субъективно и объективно взятые, возбуждают у меня негодование, брезгливость и даже злость* [Г2: 472]; *Знаете, что надо написать? Две повести: одну о человеке, который шел сверху вниз и внизу, в грязи, нашел – бога! – другую о человеке, к[ото]рый шел снизу вверх и тоже нашел – бога!*

*И бог **сей бысть един** и тот же!* [Г1: 128]; *Родине действительно надо, чтобы кто-то из ее надежных и крепких духом и телом **сынов** был на том месте, и вот вам пришлось «трубить» в далеком краю* [Ш: 516]; *Солженицын прежде всего состраданием, сочувствием своему народу и Родине своей помогает нам **взнять** лицо к небу, укрепиться на земле, он, он истинный праведник, взывающий к Богу и добру, а не тот, что, тоже явившись на родину, поддакивал разъяренной толпе* [А: 593]. Отметим, что в примерах из писем М. Горького архаизмы находятся в окружении стилистически нейтральных лексем, в то время как в высказываниях из писем М.А. Шолохова и В.П. Астафьева встречаются и разговорные единицы (*трубить* – «разг. Долгое время заниматься чем-л. однообразным, утомительным» [БТС: 1347], *поддакивать* – «разг. Выражать согласие с чьим-л. мнением, высказыванием» [БТС: 863]).

Таким образом, архаизмы в писательском эпистолярии используются для придания высказыванию иронической или (реже) патетической окрашенности. При сообщении информации, которую, по мнению автора письма, следует преподносить с юмором, он посредством архаизмов придает высказыванию ироническую окраску. Обращаясь к адресату, автор может придавать высказыванию шутливый или торжественный характер. В случаях, когда предмет сообщения требует особого уважения, архаизмы помогают автору придать высказыванию торжественную окраску.

Предпочтения писателя в использовании архаизмов для придания высказыванию той или иной экспрессивной окраски позволяет характеризовать особенности эпистолярного идиостиля автора, связанные с употреблением анализируемых единиц. Так, в письмах А.С. Пушкина и А.П. Чехова архаизмы выполняют только функцию создания иронического или шутливого настроения в эпистолярном общении; в письмах Л.Н. Толстого, напротив, архаизмы используются только для выражения уважительного отношения к адресату. В эпистолярии М. Горького, М.А. Шолохова и В.П. Астафьева представлена реализация с помощью

архаизмов как иронической, так и торжественной окрашенности высказываний.

Архаизмы в эпистолярном тексте нередко находятся в окружении единиц, относящихся к разным стилистическим пластам лексики. При выражении иронического отношения к предмету речи посредством архаизмов авторы писем могут использовать разговорную, книжную или нейтральную лексику. Для придания высказыванию патетической окраски, помимо архаизмов, может использоваться книжная лексика, а также разговорные слова, причем последние характерны только для писем второй половины XX в.

В письмах XIX – начала XX в. активно используются цитаты из Библии, в том числе ставшие крылатыми фразами. Напротив, в эпистолярном наследии М.А. Шолохова и В.П. Астафьева не отмечены цитаты и фразеологизмы библейского происхождения. Вероятно, данный факт обусловлен экстралингвистическими факторами: вначале запрет религии и всех ее атрибутов, введенный после смены государственного строя в результате Октябрьского переворота, требовал от пишущего избегать цитирования Библии, а затем отсутствие знакомства с библейскими текстами уже не позволяло автору письма цитировать фрагменты Священного Писания.

1.2.4. Трансформация эпистолярных формул и стереотипов

Наиболее популярным приемом для создания языковой игры в анализируемом материале является трансформация речевых формул, относящихся к эпистолярной фразеологии (подробнее об этом и других приемах языковой игры, характерной для эпистолярия, см.: [Акимова 2010а]), которые воспроизводятся «в тех или иных разновидностях (вариантах) эпистолярного стиля преимущественно в качестве знаков эпистолярного речевого этикета или знаков структурных элементов текста.

Это традиционные формулы эпистолярных обращений, приветствий, пожеланий, комплиментов, прощания» [Балакай 2002: 28].

Традиционно эпистолярный текст начинается с обращения, предваряемого этикетными эпитетами *дорогой, милый, уважаемый* и нек. др. По мнению исследователей, начало изменения этой традиции было положено в письмах А.П. Чехова, который «употреблял на месте привычных этикетных знаков слова и выражения, совершенно неожиданные (знаки с минусовым значением)» [Балакай 2002: 32]. Приведем в качестве примера несколько инициальных обращений из писем А.П. Чехова к брату Александру: ***Доброкачественный*** *брат мой, Александр Павлович!* [Ч1: 13]; *Брат наш* ***мерзавец*** *Александр Павлыч!* [Ч1: 34]; ***Карантинно-таможенный*** *Саша!* [Ч1: 71]; ***Бесшабашный шантажист, разбойник пера*** *и* ***мошенник печати!!*** [Ч1: 258]. Однако нельзя не заметить, что, будучи совершенно неожиданными по форме, инициальные обращения и эпитеты к ним весьма содержательны и обусловлены авторской оценкой действий адресата и / или информацией, полученной автором из письма, на которое он отвечает. Этот прием продолжают использовать и авторы писем, созданных позднее: *Дорогие* ***Турки, язычники*** *и* ***иноверцы!*** *Дорогие* ***Митрофанчики!*** [Ш: 645]; *Здорово, Иван, здорово,* ***заблудшая душа!*** [А: 28]; *Здравствуйте,* ***орлы-курортники!*** [А: 18]. Отметим, что, в отличие от обращений, используемых А.П. Чеховым и М.А. Шолоховым, в письмах В.П. Астафьева нестандартные инициальные обращения, тематически связанные с содержанием переписки, используются вместе с этикетными формами приветствия, что способствует смягчению их необычности.

Рассмотрим подробнее трансформации выражений, реализующих в эпистолярном тексте РА прощания. В частности, к слову *целую*, которое используется в письмах как «форма прощания в письмах родственникам, друзьям, близким знакомым» [СРРЭ: 586], авторы нередко добавляют слова-конкретизаторы, причем не только «нормативные» (ср. словарную

помету «часто употр. в сочет. со словами-интенсификаторами» [Там же: 586]), но и ориентированные на создание языковой игры. Конкретизаторы (в примерах, данных ниже, они подчеркнуты) обычно указывают на количество поцелуев или последовательность их получения адресатами: ***Целую*** *Машку, Сашку и тебя; благословляю тебя, Сашку и Машку;* ***целую*** *Машку и так далее, до семи раз* [П3: 190]; ***Целую*** *и благословляю тебя и ребят. Кланяюсь дамам твоим. <…> Прости – мой друг –* ***целую*** *тебя еще раз* [П3: 438]; ***Целую*** *всех крепко. Скоро надеюсь видеть вас у себя. Привет всем! Еще разок* ***целую****...* [Ш: 59]. Возможно также указание на предпочтения пишущего в выборе объекта для поцелуев среди адресатов письма: *Благословляю всех вас. Тебя* ***целую*** *в особенности* [П3: 275]; *Ну* ***целую*** *и обнимаю всех до высшего и до большого степени! А роднушка особо!*.. [Ш: 18].

Данные уточнения не являются необходимыми при дистантном общении, которым является переписка, и поэтому могут рассматриваться как прием, направленный на создание иллюзии непосредственного общения, в котором адресат не отделен от пишущего во времени и пространстве.

Отметим, что указание на то, какую часть лица или тела автор избрал для поцелуя (обычно используются конкретизаторы *рука / руки*, *лоб*, *щека / щеки*), как правило, является нормативным для эпистолярного текста. Однако в ряде случаев подобные уточнения могут быть использованы для создания метафорического переноса, состоящего в обращении к адресату как к животному, что эксплицирует иронию автора по отношению к адресату: *Женечку обнимаю, Оленьке жму руку, Наташу* ***целую*** *в задние ноги* [Т1: 436]; *Ольге Леонардовне –* ***целую*** *милые ее лапы и желаю счастья, множество счастья!* [Г1: 170].

При употреблении со словом *целую* данная метафора реализуется единичными примерами; напротив, использование вместо эпистолярной формулы *жму руку* выражения *жму лапу / лапку* встречается в письмах

гораздо чаще и даже находит отражение в словаре (см.: [СРРЭ: 188]), ср. в писательском эпистолярии: ***Жму*** *лапку* [Г1: 45; Ш: 128]; ***Жму*** *крепко лапу* [А: 29]. Высокая частотность данного выражения обусловливает изменение целей его употребления: подчеркивается не столько ироническое отношение к адресату, сколько неформальность общения и шутливый характер прощания. Ср. употребление лексемы *лапки* в значении ‘руки’ в письме А.С. Пушкина: *Адрес: Льву Сергеевичу Пушкину в собственные лапки* [П1: 316]. Здесь автор трансформирует характерное для писем выражение *в собственные руки*, но, поскольку данная трансформация носит индивидуальный характер, она воспринимается как средство выражения иронического отношения пишущего к адресату, а также интимизации общения и стремления передать в письме черты живой речи.

Анализ употребления в письмах данных эпистолярных формул позволяет предположить, что трансформация выражения *жму руку* возникла на рубеже XIX-XX вв., несмотря на то, что исходная формула встречается уже с середины XIX в. Вероятно, ее появление обусловлено все возрастающим количеством употреблений в письмах и стремлением пишущего избежать в связи с этим нежелательного однообразия в использовании эпистолярных клише. Об этом также свидетельствует появление иных вариантов трансформации исходного выражения в письмах, относящихся ко второй половине XX в., в том числе эллиптических, ср.: ***Жму*** *твою трудовую пятерню* [А: 70] – *И крепко* ***жму*** *трудовую* [А: 88].

Языковая игра, отмеченная в пожеланиях, по традиции содержащихся в финале эпистолярного текста, на наш взгляд, также объясняется стремлением пишущего избежать употребления готовых формул, что является важным показателем неформальных отношений пишущего и адресата. «Нестандартные» пожелания, отмеченные в эпистолярном наследии рассматриваемых авторов, объединяет намеренное снижение пафоса сообщения.

Отметим, однако, что достижение данного эффекта возможно различными способами:

1) конкретизация пожелания вместо абстрактных «счастья, здоровья, успехов…»: [Барон. – Т.А.] *... желает тебе* ***1000 хороших вещей*** *(например,* ***устриц)*** [П2: 409]; *Жму Вам лапу, да поможет Вам море и воздух, и* ***пусть не трогает Вас исправник*** [Г1: 36];

2) употребление просторечных и грубо-просторечных слов и выражений: *За поклон моя семья благодарит, и* ***тем же концом и Вас по боку*** [Ч1: 74]; *Обнимаю и желаю процветания даже на этой* ***паскудной*** *работе* [Ш: 234]; *... желаю теплой зимы, доброго здоровья, а тебе* ***писучести*** *и всего самого хорошего* [А: 172].

Распределение примеров внутри данной классификации позволяет сделать определенные выводы относительно эволюции способов трансформации формул пожелания в русском частном письме. В частности, для эпистолярного текста XIX в. более характерны модификации в содержании пожеланий при стилистической нейтральности сообщений, а для писем рубежа веков и XX в. – изменения в языковом оформлении пожеланий, содержание которых весьма традиционно.

Формулы эпистолярного комплимента, т.е. «выражение вежливости, которым заканчивается письмо к знакомому адресату» [СРРЭ: 82], также подвергаются трансформации в письмах к друзьям и родственникам: *Весь Ваш,* ***с сапогами, с калошами, с зубами, с жилеткой и проч****. А. Чехов* [Ч1: 125]; *Ваш* ***с головы до ног*** *М. Шолохов* [Ш: 69]. Здесь языковая игра основана на буквальном значении слова *весь*, согласно которому оно «определяет что-л. как нераздельное, взятое в полном объеме: целый, полный» [МАС1: 157]. В письмах А.П. Чехова и М.А. Шолохова формулы эпистолярного комплимента также могут распространяться посредством приложения к подписи, выбор которого обусловлен содержанием письма: *Твой* ***должник*** *Antonio* [Ч2: 105]; *Ваш* ***калека*** *А.Чехов* [Ч2: 154]; *Ваши* ***землепроходцы*** [Ш: 647]; … *ваш* ***не так, чтобы*** *уж* ***очень молодой, но и***

не так, чтобы сказать, что особенно старый родитель *М. Шолохов* [Ш: 636].

Отметим, что в творчестве других рассматриваемых авторов не представлены трансформации данной формулы, что может быть объяснено, с одной стороны, ее привычностью на протяжении XIX в., а с другой, постепенным выходом из употребления к середине XX в.

Широкие возможности для языковой игры предоставляет автору подпись в эпистолярном тексте, а также использование других антропонимов. В исследуемом материале отмечены следующие приемы модификации антропонимов:

1) использование иноязычного аналога имени (с использованием как кириллического, так и латинского шрифтов): *Тебе ничего не пишу, мусье* ***Lion****, за то, что за тобою еще несколько ответов* [П1: 447]; *Да пришли мне кольцо, мой* ***Лайон*** [П1: 341] (Здесь автор использует английский вариант произношения имени адресата.); *Иеромонах* ***Антоний*** [Ч2: 441]; *Твой муж* ***Антонио*** [Ч2: 470]; *Твой Antonius* [Ч2: 99]; *Твой Antoine* [Ч2: 287] (Автор использует различные варианты своего имени: церковный, итальянский, латинский, французский.);

2) образование окказиональных вариантов имен по распространенным словообразовательным моделям, обычно путем присоединения уменьшительно-ласкательных суффиксов к основе имени или фамилии (при этом основа фамилии обычно подвергается усечению): *Обнимаю тебя, моя радость, обнимаю и крошку* ***Всеволодчика*** [П1: 293] (Письмо адресовано Н.В. Всеволожскому.); *В «Мире искусства» тебя хвалят,* ***Книпуша*** [Ч2: 538] (Письмо адресовано О. Книппер.); *Милая моя и родная* ***Марусенок!*** [Ш: 8]; *Дорогая Маня и* ***астафьята****, здравствуйте!* [А: 38].

Помимо модификации антропонимов, для неформального эпистолярного общения характерно использование *аутографонимов* (термин В.И. Супруна, под которым автор понимает «различные серьезные и шутливые подписи в письмах, дарственных надписях и т.д., которые хотя

и бывают нередко также вымышленными, заменяют подлинные антропонимы, но употребляются только в интимном общении…» [Супрун 2008: 98]). Кроме того, автор письма может называть адресата не только его собственным, но и чужим именем, иногда окказиональным: *Прощай,* ***Фока****, обнимаю тебя, твой друг* ***Демьян*** [П1: 93]; *Благослови, преосвященный владыко* ***Асмодей*** [П2: 275]; *Прощайте, мой голубчик, жму вашу руку, обнимаю Женечку и* ***Пиндигашек*** [Т1: 451]; *Здравствуй, милый мой* ***Игнациус****, наконец-то мы опять беседуем!* [Ч2: 532].

Распределение исследуемого материала в рамках данной классификации позволяет сделать предположение о том, что использование иноязычных вариантов имени, а также называние автором себя и адресата вымышленными именами характерно для эпистолярия XIX в., а употребление индивидуально-авторских уменьшительно-ласкательных вариантов имени / фамилии адресата свойственно письмам, относящимся как к XIX, так и к XX в.

В письмах А.С. Пушкина и А.П. Чехова отмечены примеры, в которых автор использует в качестве аутографонима нарицательные существительные, порой весьма неожиданные: *Прости, прощай – с тобою ли твоя княгиня-лебедушка! кланяйся ей от* ***арзамасского гуся*** [П1: 460]; Весь ваш ***Яблочный Пирог*** [П1: 52]; ***Интриган*** [Ч2: 149]; *Остаюсь любящий Вас* ***Кум мирошник****, или* ***сатана в бочке*** [Ч2: 235]; *Твой муж А.* ***Актрисын*** [Ч2: 482]; *Твой* ***Черномордик*** [Ч2: 539].

Кроме того, в письмах к О. Книппер А.П. Чехов использует весьма оригинальные, чаще зооморфные, обращения: ***Дусик*** *мой,* ***лошадка****, я уже телеграфировал тебе, что пьеса кончена, что написаны все четыре акта* [Ч2: 554]; *Ну, господь с тобой, радость моя,* ***собачка*** *добрая, приятная* [Ч2: 585].

Помимо обращений, автор использует шутливые, не только зооморфные, именования адресата посредством употребления имен существительных вместо местоимений в форме 2-го лица (обычно в финале

письма, при прощании): *Целую* ***таракашку*** [Ч2: 566]; *Ну, целую мою* ***бабулю*** [Ч2: 532]; *Целую мою* ***замухрышку*** *и обнимаю* [Ч2: 514].

Данный прием, цель которого, вероятно, состоит в том, чтобы снять эмоциональное напряжение, вызванное долгой разлукой и усиливающееся при виртуальном прощании или приветствии, весьма распространен в письмах, которые писатели адресуют своим женам: *Ты видишь, что несмотря на городничиху и ее тетку – я все еще люблю* ***Гончарову Наташу****, которую заочно целую куда ни попало* [П3: 153]; *Обнимаю, целую, ласкаю мою* ***подругу****, мою* ***жену****, не забывай меня, не забывай, не отвыкай* [Ч2: 476]; *Доброе утро, мой милый! Позавчера получил ваше второе письмо, хотел на него не отвечать, но потом думаю, надо написать, а то мой* ***роднушок*** *как раз на Рождество уедет в Буканов* [Ш: 17].

В письмах к возлюбленным и женам также нередки случаи употребления имени существительного вместо местоимения 1-го лица (обычно в финале письма, при прощании): (1) *Прощайте, милая барышня,* ***глупый человек*** *любит вас…* [Т1: 420]; (2) *Это уже второе письмо, кажется, я посылаю тебе с кляксами. Прости своего нечистоплотного* ***мужа*** [Ч2: 517]; (3) *Ваш* ***«робитник»*** *старается вовсю. Видишь, до какой поры сижу, но ведь надо, горячая пора настигла* [Ш: 61]; (4) *Моему милому «жулику» от* ***«Михалиля Аксаныча»*** *2 бомбочки и плиточка шоколаду* [Ш: 57].

Данный прием используется, хотя и значительно реже, также в письмах к друзьям и знакомым: (5) *Письмо это тебе вручит очень милая и добрая девушка, которую* ***один из твоих друзей*** *неосторожно обрюхатил* [П1: 610]; (6) *Благодарю вас, любезный и почтенный, за то, что вспомнили вы* ***бессарабского пустынника*** [П:1 155]; (7) *Хорошо Вы сделали, что поговорили* с *ним* [Л.Н. Толстым. – Т.А.] *о* ***Горьком*** *и сказали это* ***Горькому*** [Г1: 76-77].

По мнению исследователей, использование данного приема связано с тем, что с его помощью «говорящий “прячется” за кого-то, как бы снимает

с себя ответственность за свои поступки» [Санников 2002: 77]. Добавим только, что цель данного приема, на наш взгляд, может состоять не только в желании автора письма «спрятаться» после совершения неблаговидного поступка (см. примеры (2), (5)), но также и в стремлении «стать незаметнее», вызванном скромностью пишущего (см. примеры (6), (7)). Кроме того, используя вместо местоимения 1-го лица конкретные номинации, автор получает возможность именовать себя, используя лексикон (и даже звукопроизношение) адресата (см. примеры (3), (4)).

Таким образом, лингвистический анализ исследуемого материала позволил выявить характерные для эпистолярного текста приемы создания языковой игры: трансформацию эпистолярных формул, модификации антропонимов, употребление конкретных номинаций вместо местоимений 1-го и 2-го лица. В процессе описания реализации данных приемов также удалось установить особенности использования определенных средств создания языковой игры конкретными авторами, что является одной из составляющих эпистолярного идиостиля писателя. Кроме того, распределение хронологически однородных примеров в рамках предложенных классификаций позволяет сделать определенные выводы об эволюции средств реализации языковой игры на протяжении XIX-XX вв.

1.3. Отражение языковой личности писателя в его эпистолярном наследии

Одной из ключевых проблем современной лингвистики, направленной на изучение «человеческого фактора» в языке, является изучение языковой личности, т.е. человека в его способности к совершению речевых поступков.

В отечественной лингвистике термин «языковая личность» впервые используется в работе В.В. Виноградова [1930], который разграничил два типа языковых личностей – личность автора и личность персонажа.

Впервые модель языковой личности представлена в работе Г.И. Богина [1984]; дальнейшая разработка структуры языковой личности была осуществлена Ю.Н. Карауловым, который выделяет три структурных уровня языковой личности: 1) вербально-семантический (семантико-строевой, инвариантный), отражающий степень владения обыденным языком; 2) лингвокогнитивный, на котором происходит актуализация и идентификация релевантных знаний и представлений, присущих социуму (языковой личности) и создающих коллективное и (или) индивидуальное когнитивное пространство; 3) прагматический, или мотивационный включающий в себя выявление и характеристику мотивов и целей, движущих развитием языковой личности [Караулов 2006: 53].

Существуют и другие теории, связанные с характеристикой структуры языковой личности. Так, В. В. Красных выделяет следующие ее компоненты: 1) человек говорящий – личность, одним из видов деятельности которой является речевая деятельность; 2) собственно языковая личность – личность, проявляющая себя в речевой деятельности, обладающая совокупностью знаний и представлений; 3) речевая личность – это личность, реализующая себя в коммуникации, выбирающая и осуществляющая ту или иную стратегию и тактику общения, репертуар средств; 4) коммуникативная личность – конкретный участник конкретного коммуникативного акта, реально действующий в реальной коммуникации (см.: [Красных 1999: 12]).

В современном языкознании существует множество подходов к изучению языковой личности. В рамках каждого из них языковая личность определяется различными терминами: *полилектная* (многочеловеческая) и *идиолектная* (частночеловеческая) личности [Нерознак 1996], *этносемантическая* личность [Воркачев 1996], *элитарная* языковая личность [Сиротинина 2000б, Кочеткова 1999], *словарная* языковая личность [Карасик 2002], языковая личность *западных* и *восточных культур* [Снитко 1999], *эмоциональная* языковая личность [Шаховский 1996] и т.д.

При этом объект, именуемый термином «языковая личность», варьируется довольно широко. В частности, в работе Г.И Богина языковая личность определяется как «человек, рассматриваемый с точки зрения его способности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [Богин 1984: 4]. Данной дефиниции противопоставлено определение языковой личности, представленное Ю.Н. Карауловым: «…языковая личность есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [Караулов 2006: 38].

Данное противопоставление двух форм существования языковой личности признается многими исследователями. Так, В.П. Нерознак обозначает язык народа и конкретного его представителя как «многочеловеческую (полилектную)» и «частночеловеческую (идиолектную)» языковые личности [Нерознак 1996: 113]. И.В. Сентенберг разграничивает совокупную (обобщенный образ носителя данного языка) и индивидуальную (конкретного носителя данного языка) языковые личности, подчеркивая при этом, что они не существуют друг без друга, как две стороны одной медали. Автор также отмечает, что совокупная языковая личность вариативна в совокупном, профессиональном, культурном, половом и т.п. отношении, в связи с чем возможно изучение языковой личности школьника, дошкольника, студенческой и рабочей молодежи, молодого и уходящего поколений и т.п. [Сентенберг 1994: 15]. А.А. Ворожбитова использует термин «коллективная (совокупная) языковая личность» применительно к этносу в целом, а при описании различных социальных групп вводит термин «коллективная языковая личность» [Ворожбитова 2005: 139]. О.Н. Шевченко противопоставляет типовую и индивидуальную языковые личности, причем типовая характеризуется как абстрактная, эталонная, собирательная, безличная, а индивидуальная совпадает с типовой в базовых характеристиках, но имеет свои особенности [Шевченко 2005: 7].

С учетом представленной выше информации считаем возможным назвать совокупную, типовую языковую личность автора письма *эпистолярной языковой личностью*, а реализацию эпистолярной языковой личности в письмах конкретного автора – проявлением особенностей ее (языковой личности) *эпистолярного идиостиля*.

Характеристика языковой личности, по мнению исследователей, осуществляется через описание ее идиостиля – совокупности языковых и стилистических особенностей, свойственных его речи. При этом, по мнению исследователей, целесообразным является изучение идиостиля лишь в пределах одного функционального стиля.

При исследовании реальных языковых личностей распространенным является описательный метод, состоящий в «планомерной инвентаризации единиц языка и объяснении особенностей их строения и функционирования» [СЛТ: 233].

Действительно, письма, прежде всего неофициальные, являются ценным материалом для характеристики языковой личности. Неофициальное письмо относится к нериторическим жанрам, в которых «речевое поведение участников общения не предполагает заданности, осознанности, контроля за использованием языковых средств общения» [Хорошая речь 2009: 123]. Именно в таких жанрах, по мнению исследователей, наиболее отчетливо проявляются особенности идиостиля пишущего субъекта.

1.3.1. Система образно-тропеических средств, реализующих представления о литературном труде в писательском эпистолярии

Данная тема занимает важное место в писательском эпистолярии: в письмах, адресованных друзьям и знакомым, авторы нередко рассказывают о творческих планах, описывают свой нелегкий литературный труд и характеризуют плоды своей творческой деятельности, а также произведения собратьев по перу.

Наиболее часто с помощью метафор и сравнений представлены этапы писательского труда, включающие процесс работы над рукописью, его завершение, подготовку произведения к опубликованию. Кроме того, авторы используют образные языковые средства при описании впечатлений, возникших при чтении собственных или чужих художественных произведений.

Для выявления метафор, ключевых для писательского эпистолярия в целом и для эпистолярного идиостиля отдельных авторов в частности, обратимся к классификации метафор и сравнений по тематическому принципу.

I. Метафоры и сравнения, отмеченные в письмах всех анализируемых авторов.

1. Антропоморфные (олицетворения):

1) процесс написания произведения:

а) подобен процессу беременности и родов: *И я тоже не ошибся, говоря вам, что я чувствую себя очень* ***беременным****. С тех пор, как я из Москвы, я кончил целую новую часть* [Т1: 647]; *Дай бог, чтоб* ***комедия****, которую Вы* ***носите под сердцем****, удалась Вам и дала Вам то, чего Вы хотите* [Ч1: 344]; *Ждали мы от вас обещанное, рассердились и* ***родили*** *сами* ***разворот*** [А: 13];

б) подобен процессу воспитания: *Моя* ***Анна*** *надоела мне, как горькая редька. Я* ***с нею вожусь, как с воспитанницей****, которая оказалась дурного характера…* [Т1: 777-778];

в) подобен общению с неприятным, назойливым собеседником: *Моя* ***пьеса****, сверх ожидания, – чтоб ей пусто было! – так* ***заездила и утомила меня****, что я потерял способность ориентироваться во времени, сбился с колеи и, вероятно, скоро стану психопатом* [Ч1: 168]; *Собрался к Вам в Сибирь и, в частности, на Ангару, но* ***держит за штаны вторая кн. «Целины»****…* [Ш: 436]; *Пока не* ***я ее*** [повесть. – Т.А.], *а* ***она меня одолевает****, потому пусть полежит, может быть,* ***мы найдем общий язык*** [А: 136];

г) подобен борьбе с серьезным противником: *К прискорбию моему, она* [повесть. – Т.А.] у *меня не вытанцовывается, т.е. не удовлетворяет меня, и я порешил выслать Вам ее не ранее, пока не* ***поборю ее*** [Ч1: 221]; *Два рассказа объединились в процессе работы в повесть листа на четыре, и* ***волоку я ее за волосья, волоку****, черкаю уже третью редакцию и* ***никак не добью****, не дочеркаю* [А: 610];

2) процесс подготовки издания к печати подобен неприятностям / важным событиям в жизни человека: *На днях пришлю вам прозу – да Христа ради,* ***не обижайте моих сирот-стишонков опечатками*** *и т.п.* [П2: 72]; *Скажу только, что, читая свое произведение в печати, я испытал то* ***неприятное чувство, которое испытывает отец при виде своего любимого сына, уродливо и неровно обстриженного самоучкой-парикмахером. «Откуда взялись эти плешины, вихры, когда прежде он был хорошенький мальчик». Но мое дитя и было не очень красиво, а его еще окорнали и изуродовали*** [Т1: 359]; *Так как* ***«Симфония»*** *побывала уже в литографии Рассохина и* ***потеряла*** *там* ***девственность****, то 250 не дадут* [Ч1: 425]; ***Драма*** *моя* ***поехала*** *в Питер* ***держать государственный экзамен*** [Г1: 184];

3) характеристика произведения:

а) как мертвого человека / животного: *Вообще мнение мое, что Плетневу приличнее проза, нежели стихи, – он не имеет никакого чувства, никакой живости –* ***слог*** *его* ***бледен, как мертвец*** [П1: 115]; *Моя* ***книга издохла****?* [Ч1: 149]; *Сим извещаю Вас, дорогой Антон Павлович, что* ***драма*** *М. Горького, довезенная им, в поте лица, до третьего акта, благополучно* ***скончалась***. ***Ее разорвало*** *со скуки и от обилия ремарок* [Г1: 130];

б) как человека определенного рода занятий: *Читал о себе в «Петербургских ведомостях»* ***фельетон*** *Батюшкова: довольно плохо-с.* ***Точно ученик VI класса, подающий надежды, писал****.* ***«Мир искусства»****, где пишут новые люди, производит тоже совсем наивное впечатление,* ***точно сердитые гимназисты пишут*** [Ч2: 523]; ***Поэзия*** *гг. эстетов –*

***титулярная советница из Калуги в парижском платье**, она еще не умеет носить его незаметно для себя самой* [Г2: 339].

2. Трудовые:

1) процесс написания произведения подобен работе, выполняемой представителем определенной профессии: *Сегодня отсылаю все мои новые и старые стихи. **Я выстирал черное белье наскоро, а новое сшил на живую нитку**. Но с вашей помощию надеюсь, что барыня публика меня по щекам не прибьет, как непотребную **прачку*** [П1: 383]; ***Добывайте золото просеванием**. Просто сядьте и весь рассказ сначала перепишите, критикуя сами себя, и тогда дайте мне прочесть* [Т1: 684-685]; *Это труд капитальный. Какая масса лиц и какое изобилие положений. <…> В этом романе **Вы не плотник, а токарь*** [Ч1: 205]; *Но теперь **он*** [Пильняк. – Т.А.] ***пишет так, как будто мелкий сыщик: хочет донести**, а – кому? – не решает. И **доносит** одновременно направо, налево* [Г2: 487]; *... и вот **я** снова за столом, допоздна **«перекрываю нормы»**, а наутро прочитаю и за голову хватаюсь...* [Ш: 273]; *Начерно закончил повесть и теперь **обстругиваю ее*** [А: 50];

2) процесс написания произведения подобен действиям, выполняемым в быту: *Приходится вам опять **перепрягать свою колесницу** и юхванство **перепрячь из оглобель на пристяжку**; а мысль и художество уж давно у вас переезжены в корень. **Я** уж **перепряг и** гораздо покойнее **поехал*** [Т1: 629]; *Я утомился, и **конец*** [рассказа. – Т.А.] ***тащил я точно обоз в осеннюю грязную ночь**: шагом, с остановками – оттого и опоздал* [Ч1: 520]; ***Плету** потихоньку **четырехэтажный драматический чулок** со стихами, но не в стихах* [Г1: 150]; *Общее впечатление у меня такое: надо и **перо Вам острить**, и **«воду» выжимать из очерков** безжалостно, тогда дело будет* [Ш: 490]; *Как-то бы тебе собрать до кучи рассказы про кота Ваську, «Чика», про тундру этюды и сделать из этого книжку, а то, я гляжу, **ты пишешь, будто в прорубь снег валишь,** и все это под лопату попадет* [А: 709].

II. Метафоры и сравнения, отмеченные в письмах четырех авторов.

1. Зооморфные (не представлены в письмах А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого):

1) произведение подобно определенному животному / птице: *У меня есть подходящий* ***рассказ****, но он* ***длинен и узок, как сколопендра****, его нужно маленько почистить и переписать* [Ч1: 493]; *К великому моему сожалению,* ***повесть*** *для «Жизни», над которой я теперь сижу,* ***извивается*** *у меня,* ***как змея****. Нужно мне было написать ее на 5 листах, но я не сумею сделать этого без ущерба для темы* [Г1: 55];

2) писатель в процессе работы над произведением подобен определенному животному / птице: ***Вам надо*** *писать по 20-30 печатных листов в год, чтобы понять себя, развернуться, возмужать, чтобы* ***на свободе расправить крылья****, и тогда Вы подчините себе сцену, а не она Вас* [Ч2: 330]; *Все время* ***работаю, как медведь*** [Г1: 54]; *Пользуясь глухою зимнею порою,* ***работаю, как волк на овечьем базу****: грызу, рву, уничтожаю то, что не по душе, но все же продвигаюсь вперед – и довольно успешно* [Ш: 427]; *Я знаю, что лучше мне уже ничего не написать, <…> когда вроде бы и* ***не пишешь, а как зяблик на острой пике ели сидишь и на всю округу звенишь о том, как солнечно вокруг, как светло, приветно!*** [А: 284].

2. Бытовые (не представлены в письмах А.С. Пушкина и В.П. Астафьева):

1) при чтении произведения возникают такие чувства, какие появляются у людей в определенных ситуациях: *… мне «Война и мир» теперь отвратительна вся. <…> не могу вам выразить* ***чувство раскаянья, стыда****, которое я* ***испытал, переглядывая многие места! Чувство вроде того, которое испытывает человек, видя следы оргии, в которой он участвовал*** [Т1: 725]; *«Похождения факира»* ***прочитал*** *жадно,* ***точно ласкал любимую после долгой разлуки****. Вот – не преувеличиваю! Какая прекрасная, глубокая искренность горит и звучит на каждой странице, и какая душевная бодрость, ясность* [Г3: 360];

2) при чтении произведения возникает впечатление, что его автор / герои совершают определенные действия: *Однако сколько **Вы** за одно лето **надрызгали пьес**! Это не творчество, а **пьянство**!* [Ч1: 495]; *Ведь обработай Вы Ваш великолепный материал в эпически спокойном тоне – все бы люди вздрогнули от ужаса, стыда и негодования. Но **Вы предпочитаете баловаться, как гимназист, который бьет мух библией*** [Г1: 386]; *И еще: очень сера у Вас разговорная речь. Все говорят одним языком; почти отсутствует меткое, острое слово, запоминающийся образ. Впечатление такое, **как будто люди разговаривают в предбаннике, предварительно изрядно напарившись**...* [Ш: 450].

3. Предметные (не представлены в письмах М.А. Шолохова и В.П. Астафьева):

1) произведение подобно определенному предмету: *На меня же, пожалуйста, больше не рассчитывайте, надоело мне писать **ковыряшки**, да еще скверные* [Т1: 488]; *Общий **тон книжки** уныл и мрачен, **как дно колодезя, в котором живут жабы и мокрицы*** [Ч1: 243-244]; *Теперь – о начале повести, о ее первой части. Здесь раздражает читателя **«мелкая крошка»** материала, его нестройность, раздробленность и словесное излишество, от которого материал страдает, теряя свою яркость* [Г3: 418];

2) Автор произведения подобен определенному предмету: *Либеральное Вам всегда чрезвычайно удается, а когда пытаетесь проводить какие-нибудь консервативные мысли или даже употребляете консервативные выражения (вроде «к подножию трона»), то **напоминаете тысячепудовый колокол, в котором есть трещинка, производящая фальшивый звук*** [Ч2: 42];

3) произведение / герой произведения подобен определенному предмету одежды / обуви или его детали: *Что вы делаете? что наш «Вестник»? Посылаю вам **лоскуток «Онегина»** ему **на шапку*** [П2: 46]; *Григорович, <...> испугался, что у меня взят студент, который умрет и,*

таким образом, не пройдет сквозь весь роман, т.е. будет лишним. Но у меня этот ***студент – гвоздь из большого сапога. Он деталь*** [Ч1: 348]; *А вот что Вам нравятся* ***стихи*** *Клычкова, Клюева и подобных им, – людей весьма даровитых, но малосерьезных и еще не поэтов, – это плохо, простите меня! <…> Все это – дрянь, модная* ***ветошь****, утрированный лубок и даже языкоблудие* [Г2: 319].

4. Гастрономические (не представлены в письмах А.С. Пушкина и М. Горького):

1) написание / чтение произведения подобно процессу:

а) приготовления пищи: *Вы пишете мало и редко, как поэт Ладыженский, а* ***из отдельных, редко выбрасываемых кофеинок трудно сварить кофе*** [Ч2: 577]; ***Печешь ты их*** [книги. – Т.А.], ***как исправная баба блины****, а толку? Ну, деньгу сшибешь в угоду своей рачительной хозяйке, а дальше? Литературе-то что от этого прибавится?* [Ш: 586-587]; *В это время вскормленные материнской грудью Клавдии Васильевны* ***романисты пекли книгу за книгой****, и все толще и толще, чтобы получить побольше…* [А: 677];

б) поглощения пищи: *Благодарю вас, дорогой Николай Николаевич, за присылку* ***статьи*** *о Дарвине;* ***я проглотил ее*** *и почувствовал, что это хорошая и сытная пища* [Т1: 744]; ***Пишу я ее*** [«Степь». – Т.А.] *не спеша,* ***как гастрономы едят дупелей****: с чувством, с толком, с расстановкой* [Ч1: 189];

2) чтение произведение вызывает ощущения, которые можно сравнить со вкусом определенной пищи: *Я пощадил своих героев, и потому* ***рассказ вышел*** *так* ***кисел*** [Ч1: 405]; *Прочитал твою повесть о старшине Нефедове, и* ***словно кусочек сахара рафинада во рту растаял*** [А: 691];

3) произведение / автор произведения подобны определенному продукту / блюду: *Работай, голубчик! Бди, копти и не траться на суету! Не делай* ***из себя и из своей работы муку Нестле...*** [Ч1: 83-84]; *Слушай,*

статья *Андриасова – это* ***слюни и патока****. Прочитаешь – и хочется помыть руки... Нельзя же писать так бездарно и неумело* [Ш: 633];

4) произведение в процессе работы над ним изменяется подобно тому, как со временем изменяются вкусовые качества продукта / блюда: *В этом сезоне «Трех сестер» не дам, пусть* ***пьеса*** *полежит немножко,* ***взопреет****, или, как говорят купчихи про пирог, когда подают его на стол, – пусть* ***вздохнет*** [Ч2: 428]; *... я от работы совсем оторвался с юбилеями-то и со всякой штукой, и* ***«Царь-рыба»*** *моя* ***начала прокисать*** [А: 194].

5. Физиологические (не представлены в письмах М. Горького и М.А. Шолохова).

Создание произведения подобно физиологическим отправлениям организма его автора, произведение является результатом этих отправлений: *Я* ***начал*** *также <****подристывать****>; на днях* ***испразнился сказкой*** *в тысячу* ***стихов; другая в брюхе бурчит****. А все холера...* [П2: 618]; *Только б не ругали, а то ругательства расстраивают ход этой* ***длинной сосиски, которая*** *у нас, нелириков, так* ***туго и густо лезет*** [Т1: 626]; *Все праздники я жилился, напрягал мозги, пыхтел, сопел, раз сто садился писать, но все время* ***из-под*** *моего «бойкого»* ***пера выливались*** *или длинноты, или кислоты, или* ***тошноты****...* [Ч1: 111]; *Что было в башке, там и осталось, а* ***на бумагу сопливые вышлепки вылились*** [А: 117].

III. Метафоры и сравнения, отмеченные в письмах трех авторов.

1. Искусствоведческие (не представлены в письмах А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого и В.П. Астафьева):

1) литературное произведение подобно музыкальному произведению: *Ваш* ***«Соколинец»****, мне кажется, самое выдающееся произведение последнего времени. Он* ***написан как хорошая музыкальная композиция****, по всем тем правилам, которые подсказываются художнику его инстинктом* [Ч1: 178]; *Посылаю Вам новый* ***рассказ*** *Андреева:* ***игра на цимбалах*** *нутряного, исконно-русского анархизма, пропади он пропадом!* [Г2: 147]; *Впервые выступать надо так, чтобы* ***в голосе звучали если не***

басовые нотки мастерства, то хоть теноровые*, но уж никак и ни в коем случае нельзя* ***начинать со срывающегося фальцета*** [Ш: 388];

2) литературное произведение подобно произведению живописи: *Только, голубчик, пришлите мне корректуру, ибо* ***рассказ написан сапожной щеткой и нуждается в ретуши*** [Ч1: 424]; *Читаешь, как будто музыку слушая, восхищаешься лирической* ***многокрасочной живописью*** *Вашей…* [Г2: 425]; *На съезд не поехал. Не люблю* ***акварели, выписанной в серых тонах****.* <…> ***Серые доклады о серой действительности, – это еще не Третьяковка и отнюдь не Эрмитаж*** [Ш: 603];

3) литературное произведение подобно скульптуре: *Гибкой и сильной рукою мастера Вы так* ***вылепили*** *Вашего* ***бургундца****, что я физически ощущаю его бытие* [Г2: 417];

4) литературное произведение подобно кинематографическому произведению: *В настоящем виде* ***рассказ похож на немой и бесцветный фильм****. Вы обязаны облечь его живой плотью, влить в него живую творческую кровь!* [Ш: 413].

2. Природные (не представлены в письмах А.С. Пушкина, М. Горького и В.П. Астафьева).

Произведение подобно природному явлению: *Тургенева я не читал, но истинно жалею, судя по всему, что слышу, что этот* ***ключ чистой и прекрасной воды*** *засорился такой дрянью* [Т1: 794]; ***Повестушка*** *скучная,* ***как зыбь морская…*** [Ч1: 221]; *Он, этот* ***рассказ*** *еще* ***с сизым, дымчатым налетом, какой бывает на висящей на ветке, еще не тронутой руками сливе…*** [Ш: 591].

3. Ассоциативные (не представлены в письмах Л.Н. Толстого, А.П. Чехова и М.А. Шолохова).

Название произведения вызывает определенные ассоциации, которые ложатся в основу метафоры или сравнения, используемой для характеристики произведения или процесса его создания / чтения: ***«Северные цветы»*** *что-то* ***бледны*** [П2: 366]; ***Хорошо пахнут***

«Антоновские яблоки» *– да! – но – они* ***пахнут*** *определенно* ***не демократично****, – не правда ли?* [Г1: 204]; *Я все сижу в деревне и все* ***ужу «Царь-рыбу»*** [А: 226]; *Поскольку* ***«Царь-рыбу» мне*** *уже* ***читать все равно, что самое рыбу грызть и в сыром виде заглатывать****, я начал читать том сзаду...* [А: 517].

IV. Метафоры и сравнения, отмеченные в письмах двух авторов.

1. Транспортные (в письмах А.П. Чехова и В.П. Астафьева).

Произведение подобно средству передвижения по воде: ***Роман*** *значительно подвинулся вперед и* ***сел на мель в ожидании прилива*** [Ч1: 351]; *Бог* ***с нею*** [повестью – Т.А.], *пусть* ***отплывет от моих берегов и прибьется к другим*** [А: 623].

2. Обонятельные (в письмах А.П. Чехова и М. Горького).

При чтении произведения возникают чувства, подобные определенным обонятельным ощущениям: *Все те* ***рассказы****, которые ты прислал мне для передачи Лейкину,* ***сильно пахнут ленью****. Ты их в один день написал?* [Ч1: 90]; ***Рассказы*** *Ваши –* ***изящно ограненные флаконы со всеми запахами жизни*** *в них, и – уж поверьте! – чуткий нос всегда поймает среди них тот тонкий, едкий и* ***здоровый запах «настоящего», действительно ценного и нужного, который всегда есть во всяком Вашем флаконе*** [Г1: 113].

3. Температурные (в письмах А.П. Чехова и М.А. Шолохова).

При чтении произведения возникают ощущения, подобные тем, которые появляются при воздействии тепла или холода: *А главная беда –* ***во всем романе холод, холод, холод****... Вычеркиваю Гончарова из списка моих полубогов* [Ч1: 356-357]; ***Книга теплая****, и я не раскаиваюсь, что чтение отложил на осень. Когда холодно,* ***теплое согревает*** [Ш: 231].

4. «Хирургические» (в письмах А.П. Чехова и В.П. Астафьева).

Результат сокращения рукописи при подготовке ее к печати подобен принудительному лишению человека важной части организма: *Ах, мой* ***рассказ*** *в «Русских ведомостях» постригли так усердно, что* ***с волосами***

отрезали и голову [Ч2: 40]; *Приходится и куда более противные вещи делать.* ***Кастрировать рукописи****, например. <…> Вот и сейчас …* ***выхолащиваю рукопись*** *воспоминаний об А.Н. Макарове* [А: 279].

V. Метафоры и сравнения, отмеченные в письмах только одного из анализируемых авторов, а именно:

1) А.С. Пушкина:

а) «экономические»: ***Пугачев сделался добрым исправным плательщиком оброка, Емелька Пугачев оброчный*** *мой* ***мужик! Денег он*** *мне* ***принес довольно****, но как около двух лет жил я в долг, то ничего и не остается у меня за пазухой, а все идет на расплату* [П3: 328];

б) сказочные: *Ваши* ***стихи: вода живая****; наши –* ***вода мертвая****; мы* ***ею окатили*** *«Современника».* ***Опрысните*** *его Вашими* ***кипучими каплями*** [П3: 432];

2) А.П. Чехова:

а) медицинские: *Пока не решусь на серьезный шаг, т.е. не напишу романа,* ***буду*** *держать себя в стороне тихо и скромно, писать мелкие рассказы без претензий, мелкие пьесы, не лезть в гору и не падать вниз, а* ***работать ровно, как работает пульс Буренина*** [Ч1: 275]; *Надо не писать для детей, а уметь выбирать из того, что уже написано для взрослых, т.е. из настоящих художественных произведений;* ***уметь выбирать лекарство и дозировать его – это целесообразнее и прямее, чем стараться выдумать для больного какое-то особенное лекарство только потому, что он ребенок*** [Ч2: 392-393];

б) научные (физические): *Не нужно гоняться за изобилием действующих лиц.* ***Центром тяжести должны быть двое****: он и она...* [Ч1: 97]; ***Роман*** *мой* ***на точке замерзания****. Он не стал длиннее* [Ч1: 258];

в) театральные: *Начал я рассказ утром; мысль была неплохая, да и начало вышло ничего себе, но горе в том, что* ***пришлось писать с антрактами*** [Ч1: 79]; ***Вы****, не говоря уж о таланте,* ***разнообразны, как***

актер старой школы*, играющий одинаково хорошо и в трагедии, и в водевиле, и в оперетке, и в мелодраме* [Ч1: 206];

3) В.П. Астафьева:

военные: ***Я*** *все бьюсь,* ***штурмую повесть*** [А: 51]; ***Я*** *бросился к столу,* ***взял на абордаж рукопись*** *и в общем-то довел ее до читабельного состояния* [А: 484].

Количественный анализ материала позволил установить, что наиболее частотным тропом в письмах является метафора, причем глагольная преобладает над именной. Высокая активность глагольных метафор объясняется стилистической близостью письма к разговорной речи, где наблюдается аналогичная тенденция. Исследователи также отмечают, что «русская разговорная метафора чаще работает на понижение образа, является нисходящей <…>, такое образное понижение, когда действие совершает сам говорящий, своего рода защита от повышенного, пристального внимания, которое может вызвать идеально выполняемое действие» [Харченко 2010: 107]. Данное наблюдение справедливо и применительно к анализируемому нами материалу.

Подобно тому, как это происходит в разговорной речи, в писательском эпистолярии метафора или сравнение стремятся к развертыванию и даже к реализации, иррадиируют на больший контекст, что усиливает эффект языковой игры: *...****на конченную свою поэму я смотрю, как сапожник на пару своих сапог: продаю с барышом. Цеховой старшина находит мои ботфорты не по форме, обрезывает, портит товар; я в накладе; иду жаловаться частному приставу; все это в порядке вещей*** [П1: 148]; *Я теперь весь погружен в чтение из времен 20-х годов и не могу вам выразить то наслажденье, которое я испытываю, воображая себе это время. <…>* ***Я испытываю чувство повара (плохого), который пришел на богатый рынок и, оглядывая все эти к его услугам предлагаемые овощи, мясо, рыбы, мечтает о том, какой бы он сделал обед!.. Так и я мечтаю, хотя и знаю, как часто приходилось мечтать***

прекрасно, а потом портить обеды или ничего не делать. Уж как пережаришь рябчиков, потом ничем не поправишь. И готовить трудно, и страшно... А обмывать провизию, раскладывать – ужасно весело! [Т1: 825]; *Когда я испишусь, то стану писать водевили и жить ими. <…> Из меня* ***водевильные сюжеты прут, как нефть из бакинских недр. Зачем я не могу отдать свой нефтяной участок Щеглову?*** [Ч1: 317]; ***«Фома»*** *мой* ***становится для меня крокодилом*** *каким-то. Я даже во сне его видел прошлый раз:* ***лежит в грязи, щелкает зубами*** *и* ***свирепо говорит: «Что ты со мной, дьявол, делаешь?»*** [Г1: 84]; ***Он*** [Герасимов. – Т.А.] *уже* ***допустил в сценарии не одну «развесистую клюкву»****, и ни у Вас, ни у меня не может быть уверенности, что в дальнейшей работе* ***он*** *не* ***«взрастит» еще не один куст этой пресловутой клюквы*** [Ш: 455]; *Приехав домой с укрепленными мозгами и нервами,* ***я****, конечно же,* ***набросился на рукопись романа*** *и, конечно же, на шарап ее взять не мог, не тот материал, не те мои годочки, чтобы* ***сгреб, угреб, и вот тебе робеночек****, глядишь,* ***и пеленки марает****.* ***Додавливал я, как борец на ковре, противника (и мучителя) своего с хрустом костей****, с обострением геморроя и* ***не то, чтобы положил на обе лопатки, но*** *как-то* ***по очкам****, что ли,* ***одержал победу*** *– сделал читабельный вариант…* [А: 549].

Как видим, принадлежность письма разговорной стихии проявляется также в том, что для эпистолярного текста характерны те же принципы употребления тропов, что и для разговорной речи.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что закономерности использования метафор и сравнений, представляющих литературный труд, в эпистолярии русских писателей в целом совпадают со спецификой употребления данных тропов в разговорной речи. Особенности эпистолярного идиостиля авторов писем ярко проявляются при обращении к тематическим группам метафор или сравнений, активно употребляемых в письмах того или иного автора (подробнее об этом см.: [Акимова 2015]). В целом литературный труд в описании классиков русской литературы

предстает как процесс, требующий напряжения и полной самоотдачи, подобный монотонной физической работе на производстве или в быту. Художественное произведение в процессе написания воспринимается как отнимающий силы и здоровье противник, которого необходимо победить, а по завершении работы рассматривается как собственный повзрослевший ребенок, уходящий «в люди».

1.3.2. Интертекстуальность в писательском эпистолярии

В современном языкознании активно исследуется феномен интертекстуальности, под которым понимается «включение в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде маркированных или немаркированных, преобразованных или неизмененных цитат, аллюзий, реминисценций» [Арнольд 1999: 346].

Чужая речь может встретиться в любом речевом произведении, к какому бы жанру и стилю оно ни относилось. Значительное место чужой речи отводится в устном общении, большинство реализаций которого лежит в сфере разговорного стиля речи.

Ниже представлено описание закономерностей использования фрагментов чужой речи в неофициальных письмах, для которых, как мы уже убедились, характерны многие стилистические тенденции, свойственные разговорному стилю.

1.3.2.1. Особенности функционирования прецедентных текстов

Понятие «прецедентность» тесно связано с интертекстуальностью. Прецедентные тексты – это смыслонесущие элементы дискурса как всей нации, так и отдельной социальной группы вплоть до конкретной языковой личности.

Актуальным направлением в изучении прецедентных текстов является анализ их использования в эпистолярном наследии писателей (в частности, А.П. Чехова [Арбузова 2007; Гусева 2004]), ученых [Парсамова

2004], т.е. людей, внесших значительный вклад в развитие национальной культуры. Результатом подобных исследований становится характеристика идиостиля частной переписки, отражающая своеобразие той или иной авторитетной языковой личности.

В целом высказывания, включающие прецедентные тексты, довольно часто встречаются в письмах А.П. Чехова (98 с/у в 895 письмах), А.С. Пушкина (87 с/у в 628 письмах), В.П. Астафьева (86 с/у в 627 письмах) и М. Горького (78 с/у в 1195 письмах). Несколько реже они представлены в эпистоляриях Л.Н. Толстого (43 с/у в 1076 письмах) и М.А. Шолохова (25 с/у в 499 письмах) (см. диаграмму 1 приложения 1). В то же время лингвисты отмечают высокую частотность прецедентных высказываний в современной разговорной речи: «цитации в разговорном дискурсе значительно больше привычных ожиданий» [Харченко 2010: 144]; «цитируются чаще всего мемы художественного, песенного, публицистического дискурсов (крылатые слова, афоризмы)» [Там же: 157].

Анализ источников прецедентных высказываний в письмах русских писателей позволил установить, что среди фрагментов текстов, используемых в эпистолярии русских писателей, наиболее популярны следующие (см. таблицу 1 приложения 1):

1) пословицы (в письмах А.С. Пушкина отмечены 23 с/у, Л.Н. Толстого – 11 с/у, А.П. Чехова – 34 с/у, М. Горького – 28 с/у, М.А. Шолохова – 6 с/у, В.П. Астафьева – 20 с/у);

2) русская классическая литература (22, 3, 6, 11, 7, 21 с/у соответственно), в том числе пушкинский текст (3, 1, 5, 5, 3, 6 с/у);

3) библейские тексты (5, 5, 34, 12, 4 и 5 с/у);

4) афоризмы (3, 9, 3, 14, 0, 7 с/у);

5) иностранная художественная литература (8, 9, 1, 3, 3, 0 с/у);

6) песенное творчество (1, 0, 5, 2, 4, 6 с/у);

7) греческая мифология (10, 0, 1, 0, 0, 0 с/у).

Тенденция современности, состоящая в употреблении в качестве прецедентных текстов реплик из анекдотов (3 с/у) и фильмов (2 с/у), находит отражение в письмах В.П. Астафьева.

Анализ частотности той или иной группы прецедентных текстов в эпистолярном наследии русских писателей позволяет выявить предпочтения каждого из анализируемых авторов. Так, А.С. Пушкин и В.П. Астафьев в письмах наиболее активно используют пословицы (23 и 20 с/у) и фрагменты русской классической литературы (22 и 21 с/у), Л.Н. Толстой – отрывки из художественных текстов на иностранных языках (10 с/у); А.П. Чехов часто обращается к библейским текстам и пословицам (по 34 с/у); М. Горький, наряду с текстами Священного Писания (12 с/у), активно употребляет афоризмы (14 с/у).

Наиболее значимое различие в употреблении прецедентных текстов в письмах XIX и XX вв. связано с использованием текстов на иностранных языках. В эпистолярии А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого и А.П. Чехова нередко можно встретить цитаты на языке оригинала. В частности, в письмах А.С. Пушкина отмечены 5 цитат из художественных произведений на французском языке и 1 – на английском, 1 пословица на латинском языке, 3 с/у афоризмов на французском и латинском языках; в эпистолярии Л.Н. Толстого представлено по 3 цитаты из художественной литературы на французском и немецком языках и по 1 с/у – на английском и латинском языках, а также 5 афоризмов на латыни и 1 на французском языке; в письмах А.П. Чехова – 4 пословицы и 1 афоризм на латинском языке. Напротив, в эпистолярном наследии писателей XX в. иностранные вкрапления отсутствуют.

Рассмотрим подробнее наиболее характерные для писательского эпистолярия приемы включения прецедентных текстов в письмо с указанием функций, реализуемых посредством этих приемов. При их разграничении будем опираться на классификацию, данную в монографии В.П. Москвина [Москвин 2011: 78-162]. Наиболее характерны для частных

писем такие фигуры интертекста, как цитирование, аппликация, аллюзия, парафраз (см. таблицу 2 приложения 1).

Цитирование – «дословное воспроизведение фрагмента текста, сопровождаемое ссылкой на источник» [Там же: 78]. В анализируемом материале представлено 72 цитаты из прецедентных текстов (5, 14, 5, 14, 6, 28 с/у соответственно).

К особенностям цитирования в частных письмах относится прежде всего нарушение точности цитаты при цитировании по памяти, обусловленное, на наш взгляд, непринужденностью эпистолярного общения: *Так что царь выбирает не из тех тысяч живых, энергичных, истинно просвещенных, честных людей, которые рвутся к общественному делу, а только из тех, про которых* ***говорил Бомарше: «Médiocre et rampant et on parvient à tout»*** [Т2: 502] («Будь ничтожен и подобострастен и всего достигнешь» (*фр.*); ср. реплику главного героя из комедии Бомарше «Женитьба Фигаро»: «Médiocre et rampant; et l'on arrive à tout»); … *я должен читать их* [рассказы. – Т.А.]*, редактировать и,* ***как говорит Пушкин, «с отвращением читать жизнь мою»...*** [Ч2: 299] (ср. отрывок из стихотворения А.С. Пушкина «Воспоминание»: «И с отвращением читая жизнь мою, Я трепещу и проклинаю…»); *Пишу Вам письмо из Вологды, куда переехал жить. Долго объяснять, как надоел мне угрюмый Урал… Словом, как* ***писала Майя Борисова, «Не дай вам бог покидать нелюбимые города…»*** [А: 141] (ср. отрывок из стихотворения М. Борисовой «Нелюбимые города»: «Нет, не дай мне бог никогда Оставлять за своей спиною Нелюбимые города»).

При указании на источник цитирования автор текста и / или его название могут не конкретизироваться, если они обладают широкой известностью: *Относительно знаменитостей, пообещавших Вам прислать кельк-шоз, могу* ***словами известного текста*** *сказать:* ***«Не надейтеся на князи, сыны человеческие»****, а потому торопите их, не давая им ни отдыха, ни срока»* [Ч1: 78] (источник – Псалтырь, псалом 145, ст. 3, ср. точную

цитату: «Не надейтеся на князи, на сыны человеческие, в нихже несть спасения»); *Так что в августе будет у нас людно. Как* ***писал поэт: «Все флаги в гости будут к нам!»*** [Ш: 598]; *Ну что ж,* ***«хвалу и клевету приемли равнодушно и не оспоривай глупца...»****. Вон когда* ***сказано****-то! И* ***кем****!* [А: 543].

А.П. Чехов использует в письмах и собственные афористические высказывания, приписывая их другим авторам: *Вас нужно не столько хвалить за то, что Вы хорошо пишете, сколько бранить и поносить за то, что мало пишете. <…> Зажгите себя! Ведь Вы так легко воспламеняетесь!* ***«Малописание для пишущего так же вредно, как для медика отсутствие практики» (Сократ, X, 5)*** [Ч1: 179].

Цитирование в писательском эпистолярии служит преимущественно для усиления выразительности речи. Однако в анализируемом материале отмечены случаи употребления цитат и в других функциях.

Так, в письмах А.П. Чехова встречается использование цитат для придания высказыванию комического эффекта, в частности при самоиронии (подробнее об особенностях употребления библейских цитат в письмах А.П. Чехова см.: [Акимова 2014])*: Был я в Питере и, живя у Лейкина, пережил все те муки, про которые* ***в писании сказано: «До конца претерпех»****... Кормил он меня великолепно, но, скотина, чуть не задавил меня своею ложью...* [Ч1: 71-72] (источник цитаты – Новый Завет, Евангелие от Матфея, гл. 24, ст. 13).

В письмах В.П. Астафьева отмечены случаи использования данной фигуры интертекста для подчеркивания своей более сильной коммуникативной позиции по сравнению с позицией адресата: *Эх, Горенский, Горенский, Гавриил Георгиевич! Мы уж и ложь во спасение прошли, а Вы все еще «тама», все еще врете себе и другим! А ведь тезка Ваш, придворный поэт* ***Гавриил Державин писал*** *еще двести лет назад:* ***«Злодейства землю сотрясают! Неправды зыблют Небеса!..»*** *И этого не знаете?!* [А: 384].

Текстовая аппликация – «прием, состоящий в использовании в качестве строительных блоков для текста <…> фрагментов текста без указания на источник» [Москвин 2011: 90]. Аппликация «представляет собой полное и точное воспроизведение части текста (как минимум, словосочетания)» [Там же: 113].

В анализируемом материале текстовая аппликация, по сравнению с другими фигурами интертекста, используется наиболее часто (39, 19, 60, 50, 18, 49 с/у). В современной разговорной речи, по мнению исследователей, данная фигура интертекста также весьма популярна, что может быть связано «с национальной традицией чтения, с традициями школьной дидактики, когда многое заучивалось наизусть» [Харченко 2010: 144].

Данный прием может быть использован автором письма для придания высказыванию большей выразительности: *К тому же смешно говорить об нем* [Жуковском. – Т.А.]*, как об отцветшем, тогда как слог его еще мужает.* ***Былое сбудется опять****, а я все чаю в воскресение мертвых* [П1: 446] (источник – стихотворение Жуковского «Я музу юную, бывало...»); *Не тревожься обо мне и, главное, себя не вини.* ***Остави нам долги наши, якоже и мы...*** [Т2: 9-10] (источник – молитва «Отче наш»); *И вот ныне* ***«спесивых риторов безграмотный собор»,*** *приютившийся в «Шиповнике», Вы, старый русский писатель, как бы берете под свое покровительство…* [Г2: 137] (источник – стихотворение А.С. Пушкина «К Жуковскому»).

Текстовая аппликация в письме, подобно цитированию, также может быть неточной: *То ли дело в Петербурге! заживу себе мещанином припеваючи, независимо и не думая о том,* ***что скажет Марья Алексевна*** [П2: 402] (ср. реплику Фамусова из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума»: «Ах! боже мой! что станет говорить Княгиня Марья Алексевна!»); *Что касается «Поднятой целины», то* ***«оба врут календаря»****, и лежневский и марровский* [Ш: 535] (ср. реплику Хлестовой из комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума»: «Все врут календари!»); *Взамен им* [писателям-сибирякам. – Т.А.] *хлынула в литературу та самая хевра, которая* ***«счастье в том***

находит, что хорошо на задних лапках ходит» [А: 145] (ср. фрагмент басни И.А. Крылова «Две собаки»: «Как счастье многие находят Лишь тем, что хорошо на задних лапках ходят!»).

Помимо выразительности, текстовая аппликация в письмах может быть использована для придания высказыванию комического эффекта: *Живи я в отдельности, я жил бы богачом, ну, а теперь...* ***на реках Вавилонских седохом и плакахом...*** [Ч1: 27] (ср. «На реках Вавилонских, тамо седохом и плакахом…» [Псалтырь, псалом 136, ст. 1]); *Была у меня небольшая температура. Походил, разогрелся до пота, а потом – на машину, а потом –* ***«ни сна, ни отдыха измученной душе»****...* [Ш: 444] (источник – фрагмент арии Князя Игоря из одноименной оперы); *А пишу из родного села Овсянки, что было* ***во глубине сибирских руд****, а теперь оказалось рядом со стройкой коммунизьма…* [А: 125] (источник – стихотворение А.С. Пушкина «Во глубине сибирских руд»).

Текстовая аллюзия «представляет собой свернутую, часто однословную выдержку из пре-текста, используемую без ссылки на автора» [Москвин 2011: 113]. Данная фигура интертекста активно используется в письмах А.С. Пушкина и А.П. Чехова (24 и 16 с/у), реже представлена в эпистолярии Л.Н. Толстого, М. Горького, М.А. Шолохова и В.П. Астафьева (7, 8, 1, 5 с/у).

Большинство примеров аллюзии, отмеченных в эпистолярном тексте, представляют собой явление текстовой антономасии, а именно замену имени нарицательного именем собственным – антропонимом. Использование автором письма данного тропа для самохарактеристики и / или характеристики адресата придает высказыванию комический эффект: *Тверской* ***Ловелас*** *С.-Петербургскому* ***Вальмону*** *здравия и успехов желает* [П2: 123]; ***Ослица Валаама*** *и копна заговорили. Нет, вы не сердитесь на меня – никогда не сердитесь. Разве не все равно, что я всякий раз, как получаю от вас строчку, томы ответов записываю в своем сердце?* [Т1: 570]; *Если бы Вы не прислали мне марок, то от этого не пострадали бы ни*

я, ни литература. Что за рыцарство? Точно я ***Плюшкин*** *или беден, как* ***Диоген*** [Ч1: 401]; *... ко времени твоего приезда постараюсь испросить у начальства разрешение побывать в Нижнем и послушать тебя,* ***Соловей Будимирович*** [Г1: 264]; *Я хожу королем, а мать сзади с сумкой. Я убиваю куропатку и, не оглядываясь на своего толстого* ***Санчо Панса*** *в юбке, властно говорю: «Подбери!»* [Ш: 674].

Антономасия, используемая для характеристики третьих лиц, усиливает выразительность высказывания: *Потуги выглядеть «иностранцами», обрядившись во все модное, или исчужа завезенные замашки мотов и дэнди выдают в провинции все того же незабвенного* ***Яшку-артиллериста****...* [А: 591].

Парафраз, состоящий «в изменении лексического состава устойчивого выражения или текста» [Москвин 2011: 118], также представлен в анализируемом материале неравномерно. Так, для эпистолярного идиостиля А.С. Пушкина и А.П. Чехова данный прием весьма характерен (14 и 11 с/у), в письмах Л.Н. Толстого, М. Горького и В.П. Астафьева встречается реже (3, 6, 4 с/у), а в эпистолярии М.А. Шолохова не отмечен вовсе.

В подавляющем большинстве примеров цель употребления данного приема состоит в выражении иронии автора, преимущественно по отношению к себе или адресату: *Я барахтаюсь в грязи молдавской, черт знает когда выкарабкаюсь. Ты – барахтайся в грязи отечественной и думай:* ***Отечества и грязь сладка нам и приятна*** [П1: 148] (ср. строку из стихотворения Г.Р. Державина «Арфа»: «Отечества и дым нам сладок и приятен!»); ***Ars longa, a vita,*** *особенно в 74 года,* ***очень brevis*** [Т3: 519] (ср. афоризм Гиппократа, переведенный на латинский язык: «***Ars longa, vita brevis***»); *Право,* ***легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому и семейному найти себе дачу****. Для меня дач сколько угодно, а для Вас ни одной* [Ч: 512] (ср. цитату из Нового Завета: «Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому войти в царствие небесное» [Евангелие

от Матфея, гл. 19, ст. 24; Евангелие от Луки, гл. 18, ст. 25]); *А пока* ***«все смешалось в доме Астафьевых!»*** *– дочь выходит замуж – это, брат, пострашнее бомбежки!* [А: 207] (ср. крылатую фразу из романа Л.Н. Толстого «Анна Каренина»: «Все смешалось в доме Облонских»).

Таким образом, анализ употребления прецедентных высказываний и их фрагментов в письмах классиков русской литературы позволил выявить общие закономерности их использования в русском эпистолярном тексте: источники, фигуры интертекста и их стилистические функции, заключающиеся в придании высказыванию выразительности или создании комического эффекта. Кроме того, были установлены различия в использовании прецедентных текстов в письмах XIX и XX вв., что отражает особенности эпистолярного идиостиля каждого из авторов, а также тенденции изменения эпистолярного идиостиля в целом, которые проявляются в отсутствии в письмах прецедентных текстов на иностранных языках и появлении новых групп источников цитирования.

1.3.2.2. Особенности употребления и функции пословиц

Исследователи полагают, что пословица обладает потенциальной способностью выступать в качестве прецедентного текста, поскольку она «1) легко запоминаема из-за ритмически организованной формы и образного наполнения; 2) обладает свойством универсальности; 3) способна быть значимой для языковой личности, поскольку выражает ее жизненную доминанту и поэтому часто используема в речи; 4) имеет сверхличностный характер, т.е. известна и узнаваема широким кругом людей, так как является текстом межпоколенной передачи; 5) составляет неотъемлемую часть культуры народа и в силу этого имеет культурную значимость» [Белецкая 2002: 7].

Анализ пословиц с позиции особенностей их употребления и реализуемых ими функций позволит определить общие закономерности их

использования в эпистолярных текстах, а также проследить тенденцию в употреблении пословиц в письмах XIX-XX вв.

Исследователи отмечают, что «при бытовом общении говорящий употребляет паремии для информирования реципиента о своих ценностных ориентирах, для оценивания объекта речи или для влияния на представление собеседника о ценностях» [Савенкова 2002: 12].

В эпистолярии русских писателей пословицы используются довольно часто (см. диаграмму 2 приложения 1). Так, в письмах А.С. Пушкина отмечены 23 с/у пословиц (из 87 с/у прецедентных текстов в целом), Л.Н. Толстого – 11 с/у (из 43), А.П. Чехова – 34 с/у (из 98), М. Горького – 28 с/у (из 78), М.А. Шолохова – 6 с/у (из 25), В.П. Астафьева – 20 с/у (из 86).

Рассмотрим подробнее наиболее характерные для писательского эпистолярия приемы включения пословиц в письмо с указанием функций, реализуемых посредством этих приемов. При их разграничении будем, как и в п. 1.3.2.1, опираться на классификацию, данную в монографии В.П. Москвина (см.: [Москвин 2011: 78-162]). Для частных писем наиболее характерно употребление пословиц в таких фигурах интертекста, как цитирование, аппликация и парафраз (см. таблицу 3 приложения 1).

При цитировании пословиц в эпистолярном тексте в качестве ссылки на источник используется указание на то, что воспроизводится пословица: *Не смею надеяться, но мне бы сладко было получить свободу от Жуковского, а не от другого – впрочем, держусь стоической пословицы: **не радуйся нашед, не плачь потеряв*** [П2: 605]; *Пожалуйста, если будет возможно писать мне, пишите всю задушевную правду, если хотите, мне одному. Как английская пословица говорит: что **настоящее общение только вдвоем**...* [Т3: 696]; *Постыдная книжка. <...> Это тем более жаль, что человек Вы – способный, можете писать. Но Вам нужно усердно учиться, а писать не торопитесь. В этом деле пословица «**Поспешишь – людей насмешишь**» вполне на своем месте* [Г3: 202]; *Сейчас одновременно ведут со мною переговоры о постановке картин по моим произведениям*

*три студии. «**Всякому овощу свое время**» – гласит житейская, честная русская пословица. Видимо я, как «овощ», созрел для кино…* [А: 248].

В анализируемом материале представлено 14 фрагментов текста, в которых авторы цитируют пословицы (соответственно 2, 5, 0, 2, 0, 5 с/у).

Цитирование пословиц в писательском эпистолярии используется преимущественно как стилистический прием для усиления выразительности высказывания. Авторы писем обычно употребляют пословицы с целью подтверждения собственных мыслей. И только в письмах Л.Н. Толстого отмечены случаи противопоставления содержания пословиц и убеждений автора: *Для счастья и для нравственности жизни нужна плоть и кровь. **Ум хорошо, а два лучше**, говорит пословица; а я говорю: одна душа в кринолине нехорошо, а две души, одна в кринолине, а другая в панталонах, еще хуже* [Т1: 641]; *Пословица говорит: **скоро сказка сказывается, а не скоро дело делается**, а я говорю: скоро дело делается, а не скоро сказка сказывается. И это так и должно быть, потому что дела самые большие разрушаются, и от них ничего не остается, а сказки, если они хороши, живут очень долго* [Т2: 448].

Текстовая аппликация в анализируемом материале, по сравнению с другими фигурами интертекста, используется наиболее часто – всего отмечено 98 с/у (соответственно 19, 6, 32, 24, 4, 13 с/у).

Подобно цитированию пословиц, прием текстовой аппликации используется авторами писем для придания высказыванию большей выразительности: *Перенеси мужественно перемену судьбы твоей, то есть **по одежке тяни ножки** – **все перемелется, будет мука*** [П2: 31]; *Я от вас все жду, как от 20-летнего поэта, и не верю, чтобы вы кончили. Я свежее и сильнее вас не знаю человека. <…> Ради бога, не думайте, чтобы я вам это говорил потому, что **долг платежом красен** и что мне всегда говорите подбадривающие вещи, – нет, я всегда и об одном вас так думаю* [Т1: 665]; ***Не было ни гроша, и вдруг алтын.** Хотел я написать два-три листа, а написал целых пять* [Ч1: 191]; *Выходит у меня что-то очень*

ворчливо, но – увы! ***Рад бы пес не лаять, да чужой идет*** [Г3: 269]; *Не балуют меня московские знакомые письмами. Как это говорится –* ***«С глаз долой – из сердца вон»****?* [Ш :76]; *Сам я сибиряк, родился близ Красноярска <…>. Конечно,* ***«всяк кулик свое болото хвалит»****, но Енисей, несомненно, величественней и изумительный по красоте. Волге повезло с прославителями и только* [А: 31].

Парафраз в анализируемом материале используется довольно редко, всего представлено 10 с/у (соответственно 2, 0, 2, 2, 2, 2 с/у). В подавляющем большинстве примеров цель употребления данного приема состоит в выражении иронии автора, преимущественно по отношению к себе или адресату: *Как я хорошо веду себя! как ты была бы мной довольна! за барышнями не ухаживаю, смотрительшей не щиплю, с калмычками не кокетничаю – и на днях отказался от башкирки, несмотря на любопытство, очень простительное путешественнику. Знаешь ли ты, что есть пословица:* ***на чужой сторонке и старушка божий дар****. То-то, женка. Бери с меня пример* [П: 168] (ср. пословицы: «На чужой сторонке и орел – воронка»; «На чужбинке – и то Божий дар (все Божий дар)»); *Правда ли, что Вы хвораете?* ***Quod licet bovi, non licet Iovi...****Что к лицу нам, нытикам и дохленьким литераторам, то уж совсем не подобает Вам, обладателю широких плеч...* [Ч1: 208] (ср. оригинал пословицы: «Quod licet Jovi (Iovi) non licet bovi» (лат. «Что дозволено Юпитеру, не дозволено быку»); *... я сказал о себе, – в ответ на комплимент, – что цену себе я знаю, знаю, что* ***я – на безрыбье рак, на безлюдье – Фома*** [Г1: 98] (ср. пословицы: «На безрыбье и рак – рыба», «На безлюдье и Фома – дворянин») *...И ей богу же для меня* ***все шляхи и траки*** *не* ***в Рим ведут*** *(и не в Италию), а в Москву. По крайней мере сейчас* [Ш: 124] (ср. пословицу: «Все дороги ведут в Рим»); *Давно я не подавал Вам никаких вестей – переезжал на Родину <…>, а* ***переезд*** *в наш век* ***равен*** *не только* ***двум пожарам****, но еще и одному выходу в космос без скафандра, без шапки, без кальсон* [А: 342] (ср. пословицу: «Один переезд равен двум пожарам»).

Как видим, в эпистолярных текстах могут использоваться различные способы трансформации пословиц: смешение пословиц (см. пример из письма А.С. Пушкина); перестановка местами слов в пословице (см. письмо А.П. Чехова); замена одного компонента пословицы другим, в результате чего происходит ее конкретизация (см. письмо М. Горького); буквализация значения пословицы (см. письмо М.А. Шолохова); расширение компонентного состава пословицы (см. письмо В.П. Астафьева).

Наиболее значимое различие в употреблении пословиц в письмах XIX и XX вв. связано с использованием источников на иностранных языках. В эпистолярии А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого и А.П. Чехова отмечены высказывания на языке оригинала. В частности, в письмах А.С. Пушкина отмечена 1 пословица на латинском языке, в эпистолярии Л.Н. Толстого представлено 5 пословиц на латыни и 1 на французском языке; в письмах А.П. Чехова – 4 пословицы на латыни. В эпистолярном наследии писателей XX в. иностранные пословицы на языке оригинала отсутствуют.

Исследователи современного отечественного разговорного дискурса подтверждают данное наблюдение, отмечая, что в речевом пространстве русской нации в настоящее время не только отсутствуют крылатые слова на языке оригинала [Харченко 2010: 11], но и в целом не принято использование прецедентных текстов на иностранных языках: «раритетами стали цитаты из латыни, но и английский язык <…> не дает материала для цитации, поскольку не учатся художественные тексты на этом языке» [Там же: 146].

Еще одна особенность употребления анализируемых единиц в письмах конца XIX-XX вв. состоит в повторном использовании пословиц в эпистолярии одного автора.

Так, в письмах А.П. Чехова повторяется пословица «И волки сыты, и овцы целы»: *Теперь о виньетке... Неужели так плоха? Я думаю, что вставлять буквы не совсем ловко, да и художник обидится... Не лучше ли сделать так, чтобы* ***и волки*** *были* ***сыты и овцы целы****, т.е.*

1000 экземпляров напечатать с виньеткой, а 1000 без виньетки? [Ч1: 88]; *Ввиду того что для «Осколков» я начинаю терять цену как постоянный, исправный и аккуратный сотрудник, ввиду того что даже в разгар литературной энергии мне приходится пропускать по 1-2 № почти в каждом месяце, было бы справедливым упразднить добавочные. Не правда ли? <…> Будут* ***и волки сыты, и овцы целы****, когда останется одна только построчная плата; я же не понесу убытка, если эта плата будет регулирована...* [Ч1: 112-113].

В эпистолярии М. Горького повторяется пословица «Взялся за гуж – не бай, что не дюж»: *«****Взявшись за гуж – не бай, что не дюж****», а российская интеллигенция потянет некоторое время воз своих обязанностей и потом стонет на весь мир – ой, тяжело! Ой, больно!* [Г2: 114]; *Вы представить не можете, как много приходится мне писать. Вот вчера я получил 17 писем, сегодня – 14, и добрый десяток их требует обстоятельных ответов. Разумеется – я не жалуюсь, ибо: «****Взялся за гуж – не бай, что не дюж****»* [Г3: 205].

В письмах М.А. Шолохова повторяется пословица «Волка ноги кормят»: *Я задержал ответ, был в отлучке (****волка****-то ведь* ***ноги кормят****)…* [Ш: 81]; *Коли задержу ответ – не обессудь: часто бываю в поездках.* ***Волка****-то ведь* ***ноги кормят****!* [Ш: 173].

В письмах В.П. Астафьева неоднократно повторяются пословицы «Дорого яичко ко Христову дню», «На безрыбье и рак – рыба» (последняя – в трансформированном виде): *Вы мне помогли, поддержали рабочий тонус, и за это самое большое спасибо. Как и всякое* ***яичко дорого ко Христову дню****, так и Ваши заметки пришлись ко времени* [А: 51]; *Как тебе моя книжка красноярская? Правда, недурно издана? Однако ошибок в ней, ошибок! Читают корректоры безобразно, а сам я из-за спешки издательства верстку даже не видел. Но* ***дорого яичко ко Христову дню*** [А: 195]; *Все свои нынешние «блага», всю, не совсем заслуженную славу свою* ***(на безрыбье и я рыба!)****, все, что есть у меня, я не задумываясь отдал*

бы за обыкновенную деревенскую жизнь с матерью под одной крышей [А: 159]; *Я повторял и повторяю –* ***на безрыбье и Астафьев рыба*** [А: 651].

Таким образом, анализ употребления пословиц в письмах классиков русской литературы позволил выявить фигуры интертекста, с помощью которых пословицы включаются в речь адресанта (цитирование, аппликация, перифраз), а также их стилистические функции (усиление выразительности высказывания, создание комического эффекта). Кроме того, установлены отличия в использовании пословиц в письмах XX в. по сравнению с XIX в.: 1) отсутствие пословиц на иностранных языках; 2) повтор пословиц в эпистолярии одного автора.

1.3.2.3. Функционирование высказываний с прямой речью, не относящихся к прецедентным текстам

Избранные для анализа фрагменты представляют собой высказывания других лиц, оформленные в виде прямой речи, будь то цитирование, т.е. «дословное воспроизведение фрагмента текста, сопровождаемое ссылкой на источник» [Москвин 2011: 78], или просто дословное воспроизведение чужой речи. Отрывки из текстов, которые не знакомы широкой аудитории и поэтому не могут быть отнесены к прецедентным, довольно редко встречаются в анализируемом материале. Напротив, высказывания, воспроизводящие прямую речь, не оформленную в письменном виде, весьма частотны в писательском эпистолярии. Данный факт обусловливает необходимость использования иного, более широкого понимания цитирования. Иными словами, под цитированием в данном параграфе понимается «дословная выдержка из какого-либо текста или в точности приводимые чьи-либо слова» [Розенталь, Теленкова 2001: 601]. Подобное рассмотрение позволяет ввести в поле зрения устные высказывания (будь то слова самого автора, произнесенные ранее, или отрывок из письма адресата, или речь третьих лиц), которые были зафиксированы в письме.

Немецкий исследователь Г. Брюннер, исходя из положения о том, что основной коммуникативно-прагматической целью использования высказываний с прямой речью является принуждение говорящего участвовать в проигрываемой коммуникативной ситуации, выделяет две функции высказываний с прямой речью: 1) функция «свидетельства», состоящая в том, что слушающего непосредственно информируют о высказывании, в результате чего он становится невольным свидетелем передаваемой коммуникативной ситуации; 2) функция «включения», заключающаяся в том, чтобы вовлекать слушающего в воспроизводимую коммуникативную ситуацию, следствием чего является усиление контакта партнеров и более наглядное представление адресатом событий и ситуаций (см.: [Brünner 1991: 7]).

Функцию свидетельства в эпистолярном тексте выполняют, прежде всего, высказывания, которые содержат речь автора письма, обращенную к себе или к третьим лицам, и / или речь третьих лиц, обращенную к автору или его собеседникам (в нижеприведенных примерах прямая речь выделена жирным шрифтом, слова, называющие автора цитируемого высказывания, и глаголы речемыслительной деятельности подчеркнуты): … *псковский лекарь говорит*: ***можно обойтись и без операции, но нужны строгие предосторожности: не ходите много пешком, не ездите верхом, не делайте сильных движений*** *etc. etc.* [П1: 546]; *Уж давно Третьяков подсылал ко мне, но мне не хотелось, а нынче приехал этот Крамской и уговорил меня, особенно тем, что говорит*: ***«Все равно ваш портрет будет, но скверный»*** [Т1: 742]; *В Москве недавно был Суворин, и когда я прочел ему первые 20 строк повести и рассказал стержень, то он сказал*: ***«Я бы не решился это напечатать»*** [Ч1: 533]; *А тут мать покою не дает*: ***«Светик теперь гуляет, Светик обедает»****, и так бесконечно* [Ш: 53]; *И колхозник – бывший партизан, зло блестя глазами, говорит*: ***«у панив и раньше была справниша худоба»****...* [Ш: 120]; *Есть начальство на двух ногах и даже на трех, которое попадается и лает*: ***«Як цэ можэ буты,***

шоб громадяника, та ше червоноармейца бэз лапы на нашему лучшему, передовому, гуманному экране показуваты? Чи мы капыталисти, чи футурысти?.. Пэрэробыть!» [А: 137].

Нередко в письмах можно встретить и диалоги, выполняющие ту же функцию: *Корнилов, объезжая войска, вместо:* ***«Здорово, ребята!»****, говорил:* ***«Нужно умирать, ребята, умрете?»*** *– и войска кричали:* ***«Умрем, ваше превосходительство. Ура!»*** [Т1: 376]; *Обращается ко мне полупьяный* [Н.С. Лесков. – Т.А.] *и спрашивает:* ***«Знаешь, кто я такой?»*** *–* ***«Знаю». – «Нет, не знаешь... Я мистик...» – «И это знаю...»*** *Таращит на меня свои старческие глаза и пророчествует:* ***«Ты умрешь раньше своего брата». – «Может быть». – «Помазую тебя елеем, как Самуил помазал Давида... Пиши»*** [Ч1: 36]; *Я спрашиваю их* [американских социал-демократов. – Т.А.]: ***«А буржуа денег давать будут?» – «Нет, говорят, не будут». – «Так я не выступлю лучше». – «А мы вас в газетах наших ругать будем». – «Тогда буржуа еще больше мне дадут, ибо им ясно будет, что я не социалист, а жаждущий политической революции и больше ничего. Ругань же вашу – претерплю. То ли я терпел!»*** [Г: 429]; *Я вышел на середину коридора и закричал:* ***«Паразиты! Кто взял письма? Отдайте!»*** *<…> Тут проснулся Мирза – мой сосед и спокойнехонько говорит:* ***«Я бзял. Чего кричишь? Я тибя пят раз стучал. Тибы нету. На, биры свою письма»*** [А: 35].

Функцию свидетельства выполняют также высказывания, включающие речь третьих лиц, обращенную к адресату письма: *Тетенька очень благодарна за память. И это не фраза, а всякий раз как я ей прочту вашу приписку, она улыбнется, наклонит голову и скажет:* ***«Однако*** *(почему однако?),* ***какой славный человек этот Фет»*** [Т1: 534]; [Жена. – Т.А.] *сейчас рекомендовала мне написать Вам следующее:* ***«Приезжайте сюда встретить Новый год!»*** [Г: 286]; *Она* [мать. – Т.А.] *благословляла т. Сталина и Вас, т. Маленков, и говорила:* ***«Вот теперь ты отдохнешь***

и поправишься у меня, Миша. Напиши этим добрым людям спасибо от меня – твоей матери» [Ш: 328].

Как видим, в таких высказываниях реализуются интенции приглашения или благодарности.

Функция включения в письме реализуется посредством высказываний, в которых пишущий цитирует фразы или слова из письма адресата. Это позволяет автору имитировать непосредственное общение с адресатом, вступая с ним в полемику или, напротив, соглашаясь с ним: *Вы пишете мне:* ***действуйте или дайте мне действовать****. Как скоро получу рукопись переписанную, тотчас и начну* [П3: 465]; *Вы пишете, что* ***«всякие сделки с мыслью вам противны»****. Мне тоже* [Т1: 821]; *Не нравится мне одно: зачем ты величаешь особу свою* ***«ничтожным и незаметным братишкой».*** *Ничтожество свое сознаешь?* [Ч1: 10]; *Вы пишете:* ***«мне уже 40 лет»****. Вам только еще 40 лет! А между тем, какую уйму Вы написали и как написали* [Г: 121]; *Вы пишете, т. Сталин,* ***«сделаем все, что требуется»****. А я боюсь одного: поручит крайком тому же Филову расследовать вешенские дела <…>, он и начнет расследовать, руководствуясь принципом: «сильного обходи, да не будешь сам бит»* [Ш: 196].

Кроме того, функция включения, на наш взгляд, реализуется в высказываниях с прямой речью, которая вводится глаголами речевой деятельности в форме повелительного наклонения или будущего времени (в примерах, данных ниже, они подчеркнуты): *Напишите, сделайте милость, официальную записку его превосходительству Ивану Павловичу Шамбо (секретарю ее величества)*: ***«Осмеливаюсь повергнуть к ногам ее величества такую-то замечательную книгу и проч.»*** [П2: 588]; *А глядишь, умрет кто-нибудь из нас, вот как умер на днях Валерьян Петрович, сестрин муж, тогда и скажете:* ***«Что это я, дурак, все об мельнице хлопотал, а к Толстому не заехал. Мы бы с ним поговорили»*** [Т1: 625]; *Если вздумаете приехать ко мне, то телеграфируйте так:*

«Алексин, доктору Бездетному, передать Чехову» [Ч1: 513]; *Обними и поцелуй маму – скажи:* ***чусовляне велели*** [А: 643].

Для придания высказыванию большей выразительности, а нередко и для достижения комического эффекта в письмах используются высказывания третьих лиц, не связанные прямо с ситуацией, которую представляет автор письма. Обычно цитата сопровождается словами *как говорит / говорил(а) / сказал(а), как выражается / выража(лся/лась)*: *Видел я невесту Хомякова. Не разглядел в сумерках. Она, как говорил покойный Гнедич,* ***pas un bel femme, но une jolie figurlette*** [П3: 448] («не красавица <…> хорошенькая фигурка» (фр.)); *Как француз какой-то сказал:* ***«La clarté est la politesse de ceux qui veulent enseigner, s'adressant au public»*** [Т1: 709] («Ясность – это вежливость тех, кто обращается со словами наставления к публике» (фр.)); *Что, если в самом деле, как говорит ваша няня,* ***«кишка лопнула»****, то что тут поделаешь, даже если захочешь жизнь свою отдать больному?* [Ч1: 520-521]; *Мой друг – жизнь дьявольски сложная вещь – а впрочем,* ***«при зубной боли и философия не помогает»****, как говорит одно лицо. Оставим философию* [Г: 381]; *Очень мне хочется послать Светляку куклу хорошую и* ***«разных разностей»****, как говорил мой отец* [Ш: 64]; *Скоро уж пятьдесят будет, а там, как цыган говорил:* ***«Зима да лето, зима да лето»*** *– и пенсию писательскую дадут. Вот уж тогда я порыбачу-у-у!..* [А: 106].

Основные различия в употреблении конструкций с прямой речью в письмах XX в., по сравнению с письмами XIX в., на наш взгляд, состоят в отсутствии цитирования на европейских языках (в частности, на французском), а также в отражении на письме особенностей произношения людей, относящихся к братским народам России (в частности, к украинцам и татарам).

Таким образом, анализ высказываний, содержащих прямую речь, позволил установить функции их употребления в эпистолярном тексте, а также определить индивидуально-авторские особенности употребления

цитат и тенденции эволюции в использовании прямой речи в письмах на протяжении XIX-XX вв.

Выводы по главе 1

В частных письмах авторы нередко имитируют устную разговорную речь, для чего используют характерные для нее стилистические средства, относящиеся к различным языковым уровням: фонетическому, грамматическому, словообразовательному и лексическому.

К фонетическим особенностям имитации устной речи относятся следующие: редукция срединной части отчества; написание *ш* и сочетания *шн* на месте *ч* и *чн* в соответствии с произношением; написания, соответствующие произношению, но нарушающие правила орфографии; написание местоимений *что*, *ничего* в соответствии с разговорным вариантом произношения; написание аббревиатур в соответствии с произношением; удвоение или утроение букв, обозначающих гласные звуки, а также слоговая парцелляция. Кроме того, на письме находят отражение отклонения от произносительных норм для имитации речи людей, о которых повествует автор письма, или при использовании приема «речевой маски».

Грамматические особенности имитации устной речи состоят в использовании предикативов, специфических устных частиц, форм имен существительных, а также местоимений в экспрессивной функции.

Для частных писем характерно наличие следующих словообразовательных особенностей, свойственных устной речи: окказиональное словотворчество; использование суффиксов существительных и прилагательных, маркированных как разговорные, экспрессивные и / или субъективно-оценочные; образование глаголов по определенной модели; вербализация высокочастотных сочетаний разговорной речи, имеющих номинативную функцию.

Наиболее распространенным приемом, используемым для отражения лексических особенностей разговорной речи, является употребление экспрессивной лексики, в частности глаголов.

С целью создания непринужденной атмосферы эпистолярного общения авторы писем используют специфические приемы организации языковой игры: нарушение фонетических и грамматических норм, употребление архаизмов для реализации различных стилистических функций, трансформацию эпистолярных формул и стереотипов.

К особенностям отражения просторечного или диалектного произношения в письмах относится передача на письме артикуляции гласных и согласных, упрощение групп согласных, появление протетических и эпентетических звуков, искажение фонетического облика слова, в том числе при использовании фонетических украинизмов.

Из числа грамматических форм, употребляемых в сфере просторечия или диалектов, в частных письмах активно используются формы имен существительных, прилагательных, местоимений, глаголов, стилистически маркированные как просторечные или диалектные, а также предлог *об* перед словом, начинающимся с согласного звука. Установлено также, что варианты, которые рассматриваются говорящими как грубое нарушение норм литературного языка, используются в письмах для создания комического эффекта.

Среди лексических единиц, используемых для создания непринужденной атмосферы эпистолярной коммуникации, особое место занимают архаизмы. Они придают высказываниям иронический или шутливый оттенок, преимущественно благодаря употреблению в сочетании с разговорной или просторечной лексикой. Помимо этого, архаизмы также могут использоваться для придания письму патетической тональности.

К числу наиболее популярных приемов создания языковой игры в частных письмах, также используемой для придания эпистолярного общению неформальной атмосферы, является трансформация речевых

формул, относящихся к эпистолярной фразеологии, модификация антропонимов (в подписи, а также при именовании адресата или третьих лиц), употребление имен существительных вместо местоимений в формах 1-го и 2-го лица.

Эпистолярный текст характеризуется ярко выраженной антропоцентричностью, или, еще более узко, «автороцентричностью», которая находит свое воплощение не только в использовании тех или иных языковых единиц, но и в предпочтении определенных метафор, а также в употреблении высказываний, принадлежащих другим лицам: прецедентных текстов, в том числе пословиц, или не являющихся прецедентными фрагментов устной и письменной речи других лиц.

Установлено, что закономерности использования метафор и сравнений, представляющих литературный труд, в писательском эпистолярии в целом совпадают со спецификой употребления данных тропов в разговорной речи. Кроме того, доказано, что при обращении к тематическим группам метафор или сравнений, активно употребляемых в письмах того или иного автора, ярко проявляется специфика языковой личности.

Анализ функционирования прецедентных текстов в писательском эпистолярии позволил выявить особенности их функционирования в частных письмах, популярные группы прецедентных текстов в целом, а также предпочтения каждого из анализируемых авторов в выборе того или иного прецедентного текста. Выявлены также наиболее характерные для писательского эпистолярия приемы включения прецедентных текстов в письмо (цитирование, аппликация, аллюзия и парафраз) и функции, реализуемые посредством этих приемов, состоящие преимущественно в придании высказыванию выразительности или создании комического эффекта. Отдельно рассмотрены общие закономерности использования пословиц в частных письмах, выявлены их типы и фигуры интертекста, посредством которых они включаются в эпистолярный текст (цитирование,

аппликация и парафраз). Определены тенденции употребления в эпистолярии фрагментов речи других лиц, не относящихся к прецедентным текстам, а также их функции (свидетельства и включения). Кроме того, установлено, что высказывания третьих лиц, не связанные прямо с ситуацией, которую представляет автор письма, используются для придания высказыванию большей выразительности, а нередко и для достижения комического эффекта.

Помимо определения особенностей функционирования вышеперечисленных языковых и речевых единиц в эпистолярном тексте в целом, выявлены тенденции эволюции в их употреблении на протяжении двух веков, а также индивидуально-авторская специфика использования некоторых из них.

Глава 2.
Лингвокультурные концепты русского эпистолярного текста

В настоящее время понятие концепта является дискуссионным; существует несколько десятков определений данного феномена, а также труды, посвященные анализу имеющихся дефиниций (см., например: [Микешина 2002: 502-508; Пименова 2014]). М.Вас. Пименова предлагает определение концепта, «примиряющее» большинство существующих дефиниций: «С лингвистической точки зрения концепт по своей сути является инвариантом означаемого, единицей эмического (абстрактного) уровня (сопоставимой с фонемой, морфемой, лексемой, синтаксемой), которая на этическом (конкретном) уровне материально реализуется в лексических значениях, сигнификатах – интенсионалах и экстенсионалах, внутренних формах слов – способов представления внеязыкового содержания (подобно тому, как фонема реализуется в звуках / аллофонах, морфема – в морфах / алломорфах, лексема – в словоформах и лексико-семантических вариантах, синтаксема – в синтагмах / предложениях и др.)» [Пименова 2014: 167].

Концепция, в русле которой проводится данное исследование, характеризуется в работе С.Г. Воркачева как концептология в широком смысле, согласно которой «в число концептов включаются лексемы, значения которых составляют содержание национального языкового сознания и формируют “наивную картину мира” носителей языка» [Воркачев 2002: 94]. Автор подчеркивает, что к лингвокультурным концептам относится «любой вербализованный культурный смысл, в какой-то мере отмеченный этнической спецификой вне зависимости от ее значимости (существенности-случайности) для национального характера» [Воркачев 2007: 30]. Следовательно, практически любое культурно

значимое понятие может получить статус концепта, а совокупность его репрезентаций считаться примерами его вербальной манифестации.

Лингвокультурные концепты классифицируются по различным основаниям, например по тематике, по носителям, по типам дискурса, по типам транслируемости (см.: [Карасик, Слышкин 2005: 15]). Соответственно, в зависимости от материала, на базе которого проводится анализ средств и способов вербализации концептов, можно выделить несколько их разновидностей: 1) так или иначе зафиксированные в языке; 2) используемые в текстах определенной стилистической или жанровой разновидности; 3) представленные в речевых произведениях одного автора.

Традиционно материалом для исследования в русле лингвокультурологии становятся произведения художественной и документальной литературы, имеющей статус общенационального культурного достояния. К таким текстам можно отнести и эпистолярное наследие русских писателей-классиков.

Лингвокультурологические исследования имеют ономасиологическую ориентацию и идут от имени концепта к совокупности номинируемых им смыслов (см.: [Воркачев 2004: 44-45]). Рассмотрение концепта происходит в несколько этапов. В работе М.Влад. Пименовой они описаны таким образом: «Первый этап – анализ лексического значения и внутренней формы слова, репрезентирующего концепт. Второй этап – выявление синонимического ряда лексемы-репрезентанта концепта. Третий этап – описание способов категоризации концепта в языковой картине мира. Четвертый этап – определение способов концептуализации как вторичного переосмысления соответствующей лексемы, исследование концептуальных метафор и метонимии. Пятый этап – исследуются сценарии. Сценарий – это событие, разворачивающееся во времени и / или пространстве, предполагающее наличие субъекта, объекта, цели, условий возникновения, времени и места действия. Такое событие обусловлено конкретными причинами, послужившими его появлению» [Пименова 2005: 18].

Изучение частных писем в русле лингвокультурологии предполагает выявление концептов, актуальных именно для эпистолярного текста, и определение особенностей их вербализации в анализируемом материале. К таким особенностям в первую очередь относится контекстуальное окружение языковой единицы, которой актуализируется центральная точка концепта – имя концепта (см.: [Карасик, Слышкин 2005: 14]). При этом содержание концепта, представляющего собой парадигматическую структуру, выводится из синтагматических отношений имени, зафиксированных в тексте (см.: [Чернейко, Долинский 1996: 38]).

В эпистолярном дискурсе лексические единицы, вербализующие лингвокультурные концепты, используются не только в определенном контекстуальном окружении, но и в конкретных типовых ситуациях. Анализ особенностей употребления ключевых слов в письмах классиков русской литературы позволяет установить закономерности их использования, обусловленные особенностями эпистолярного текста, и на их основе представить описание смыслового потенциала того или иного концепта. Различия в контекстуальном окружении и / или сценариях в письмах, принадлежащих разным временным пластам, рассматриваются в работе как маркеры эволюции содержания концепта.

Помимо установления общих закономерностей, обращение к эпистолярному наследию писателей, каждый из которых представляет собой авторитетную языковую личность и является представителем элитарной речевой культуры, но при этом имеет сложившиеся языковые предпочтения и ярко выраженный индивидуальный стиль изложения, позволяет выявить специфику реализации того или иного концепта в письмах конкретного автора.

В отечественной лингвистике в настоящее время существует несколько классификаций концептов по содержательному признаку. Одна из них принадлежит В.И. Карасику: «содержательно все концепты можно представить как параметрические и непараметрические ментальные

образования. <…> Непараметрические концепты можно разбить на регулятивные и нерегулятивные» [Карасик и др. 2007: 30-33]. Другая – М.Влад. Пименовой: «Все концепты, так или иначе объективированные в языке, могут быть распределены по трем категориальным классам. I. Базовые концепты, <…> которые составляют фундамент языка и всей картины мира; среди них: 1) космические концепты; 2) социальные концепты; 3) психические (духовные) концепты. II. Концепты-дискрипторы, которые квалифицируют базовые концепты <…>. III. Концепты-релятивы, реализующие типы отношений» [Пименова 2013: 129].

В данной работе предложена иная классификация эпистолярных концептов, в основание которой положены особенности их вербализации в русских частных письмах:

1) эпистолярные константы, представленные в письмах большим количеством употреблений, обладающие особой, «эпистолярной» семантикой и имеющие специфическое контекстуальное окружение, которое характерно именно для писем;

2) эпистолярные «переменные», вербализованные в письмах с помощью слов, обозначающих объекты, которые появляются и исчезают в разные временные периоды;

3) собственно концепты, вербализованные посредством одноименных ключевых слов, имеющих особую, «эпистолярную» семантику, изменения которой с течением времени также находят отражение в письмах.

2.1. Эпистолярные константы частных писем XIX-XX вв.

Лексемы, вербализующие значимые для эпистолярия концепты «Письмо», «Здоровье» и «Погода», являются неотъемлемыми составляющими эпистолярного текста. Выбор данных единиц для анализа обусловлен, прежде всего, их высокой частотностью в анализируемом материале. Кроме того, данные единицы обладают особой, «эпистолярной»

семантикой и специфическим контекстуальным окружением, характерным именно для писем.

2.1.1. Особенности вербализации концепта «Письмо» и его эволюция

Ключевое слово *письмо* – имя одноименного концепта – является весьма частотным в эпистоляриях классиков русской литературы XIX-XX вв. (см. диаграмму 1 приложения 2). Так, в 628 письмах А.С. Пушкина отмечено 437 с/у данной лексемы, в 1076 письмах Л.Н. Толстого – 1388 с/у, в 895 письмах А.П. Чехова – 1116 с/у, в 1195 письмах М. Горького – 941 с/у, в 499 письмах М.А. Шолохова – 285 с/у, в 627 письмах В.П. Астафьева – 635 с/у. Большое количество употреблений данного ключевого слова в частных письмах позволяет с уверенностью утверждать, что вербализуемый им концепт входит в концептосферу русского эпистолярного текста.

Нередко лексема *письмо* сопровождается в письмах определениями, выраженными прилагательными, реже – числительными и причастиями. Тематическое разнообразие определений позволяет разделить их на группы, представляющие характеристики следующих параметров письма (словообразовательные дериваты нижеприведенных единиц исключены нами из данного перечня):

1) объема: *большое*, *длинное, затянувшееся, короткое, краткое, маленькое, небольшое*;

2) содержания с точки зрения:

а) общей его оценки автором или адресатом: *благолепное, великолепное, гнусное, докучливое, дорогое, забавное, замечательное, интересное, мерзкое, милое, нелепое, неприличное, неприятное, нужное, обыкновенное, отвратительное, отличное, плохое, поганое, полезное, прекрасное, приятное, симпатичное, скверное, скучное, славное, странное, удивительное, хорошее, чудесное*;

б) выраженного в нем настроения, эмоций: *бодрое, веселое, восторженное, гневное, горестное, грустное, жизнерадостное, злое, истерическое, кислое, мрачное, отчаянное, пессимистическое, печальное, радостное, раздраженное, сердитое, серьезное, слезное, смиренное, трагическое, уморительное, унылое*;

в) выражения в нем черт, свойственных личности автора, или отношения к адресату: *бестемпераментное, благоразумное, бодрящее, вдохновительное, громящее, грубое, дерзкое, доброе, доброжелательное, душевное, жалостное, жесткое, искреннее, ласковое, лестное, лицемерное, лукавое, любезное, мужественное, нежное, обиженное, одобрительное, оскорбительное, остроумное, откровенное, покаянное, почтенное, провокационное, резкое, решительное, ругательное, сердечное, сильное, скромное, смелое, справедливое, строгое, сумасшедшее, суровое, сухое, таинственное, теплое, трепетное, трогательное, холодное, честное, энергичное*;

г) логичности изложения мыслей и качества их оформления: *бессвязное, бестолковое, глупое, дельное, дикое, небрежное, нескладное, неуклюжее, пошлое, пустое, сумбурное, толковое, убедительное, умное, ясное*;

д) подробности изложения мыслей: *обстоятельное, подробное, содержательное*;

3) особенностей оформления: *безграмотное, европейское, испачканное, размашистое, французское*;

4) места / нумерации в эпистолярной коммуникации: *второе, другое, единственное, новое, первое, последнее, предпоследнее, предыдущее, прошлое, пятое, седьмое, следующее, третье, четвертое, шестое*;

5) времени написания / получения: *вчерашнее, новогоднее, летнее*;

6) времени, прошедшего с момента написания / получения письма: *давнее, долгожданное, запоздалое*;

7) места в классификации с точки зрения:

а) отношений автора с адресатом: *деловое, дружеское, информационное, коллективное, любовное, ответное, официальное, товарищеское, частное*;

б) способа отправки или количества адресатов: *заказное, закрытое, открытое, простое*;

8) принадлежности: *андреевское, барынино, детское, Светланино, суворинское, чиновницкое, чужое*;

9) места отправки: *венецианское, крымское*.

В результате анализа употребления определений к слову *письмо* можно отметить, что в письмах, датированных XIX в., авторы используют, помимо общеупотребительных, и индивидуально-авторские эпитеты. Так, в письмах А.С. Пушкина отмечены прилагательные *премеланхолическое*, *полукислое*, в письмах Л.Н. Толстого – *грустно-холодное*, *кротко-соболезнующее*, у А.П. Чехова – *политично-ругательно-нежное*, *слезно-генеральское*. В анализируемых письмах, относящихся к XX в., окказиональных определений при слове *письмо* не отмечено.

В результате анализа употребления высказываний, включающих данные лексемы, было установлено, что для эпистолярного текста характерно употребление слова *письмо* в определенных ситуациях.

Типовые ситуации, реализуемые высказываниями со словом *письмо*, можно соотнести с термином речевой жанр. Одной из часто цитируемых работ, где за основу классификации речевых жанров принимается коммуникативная цель, является работа Т.В. Шмелевой [1997]. В данном исследовании выделяется четыре типа речевых жанров: информативные, цель которых − различные операции с информацией (ее предъявление или запрос, подтверждение или опровержение); императивные, вызывающие осуществление / неосуществление событий, необходимых, желательных, опасных для кого-то из участников общения; этикетные – с помощью которых осуществляются особые события, поступки в социальной сфере, предусмотренные этикетом данного социума (извинения, благодарности,

поздравления, соболезнования и т.д., вплоть до отречения от престола); оценочные, имеющие целью изменение самочувствия участников общения посредством соотнесения их поступков, качеств и других манифестаций с принятой в данном обществе шкалой ценностей (см.: [Шмелева 1997: 81-90]).

С учетом данной выше классификации типовые ситуации, реализуемые высказываниями со словом *письмо*, можно разделить на следующие группы (ниже перечислены только ситуации, представленные в письмах каждого из анализируемых авторов 5 и более с/у; полный перечень типовых ситуаций, отмеченных в анализируемом материале, см. в таблице 1 приложения 2):

I. Информативные.

1. Сообщение:

1) о получении автором письма:

а) адресата (в письмах А.С. Пушкина – 23 с/у, Л.Н. Толстого – 25 с/у, А.П. Чехова – 45 с/у, М. Горького – 24 с/у, М.А. Шолохова – 10 с/у, В.П. Астафьева – 55 с/у): *Мой Дельвиг, я получил все твои* ***письма*** *и отвечал почти на все* [П1: 187]; *Сейчас получил ваше чудесное, славное, отличное* ***письмо*** *от 15 ноября* [Т1: 436]; *Получил Ваше* ***письмо*** *с корректурой моего злополучного рассказа...* [Ч1: 65]; *Получил два Ваши* ***письма*** *сразу* [Г1: 71]; *Сейчас получил от тебя* ***письмо*** [Ш: 41]; ***Письмо*** *твое получил и рад тому, что ты, хоть небеден, но бодр* [А: 12];

б) третьего лица (соответственно 25, 15, 51, 54, 14, 41 с/у): *Получил я вчера* ***письмо*** *от Вяземского, уморительно смешное* [П1: 319]; *Еду я, как писал, по Рейну в Англию, но по дороге заеду в Зинциг к Тургеневу, откуда получил от него* ***письмо*** [Т1: 483]; *Получил от Трефолева* ***письмо*** *с комплиментами и приглашениями* [Ч1: 80]; *Ярцев прислал мне славное* ***письмо****, очень порадовавшее и меня, и Ник[олая] Ивановича], и Грузинского* [Г1: 91]; *За это время получил из Москвы 4* ***письма*** *и от Сани Сергина из Феодосии* [Ш: 54]; *Получил я* ***письмо*** *от Малюгина* [А: 86];

в) вместе с письмом адресата какого-либо другого предмета – денег, книг, писем третьих лиц и т.п. (5, 9, 19, 8, 6, 5 с/у): *Получил я, любезный Плетнев, и* ***письмо*** *и 1500* [П2: 597]; *Получил ваши книги и* ***письмо****, и за то и другое очень благодарю* [Т1: 680]; *Милый Альба! Получил я и* ***письмо****, и Вашу физиогномию, и «Неделю»* [Ч1: 187]; *Вчера получил от Вас деньги и* ***письмо*** [Г1: 40]; *Получил* ***письмо*** *и вашу книгу* [Ш: 615]; *Сегодня, после длительного перерыва, я получил от вас* ***письмо*** *и рукопись* [А: 33];

2) об отправке автором адресату вместе с письмом какого-то другого предмета – денег, книг, писем третьих лиц и т.п. (5, 9, 6, 5, 5, 6 с/у): *Душка моя, посылаю тебе два* ***письма****, <…> также и рецепт капель* [П3: 233]; ***Письма*** *и ведомость Мещерского посылаю…* [Т1: 585]; *Это* ***письмо****, дорогой Алексей Николаевич, посылается на почту вместе с рассказом…* [Ч1: 385]; *Внимательно просмотрев книгу Гаспари, которую я посылаю тебе с этим* ***письмом****, ты найдешь в ней подтверждение всего, что я раньше сообщал тебе* [Г1: 341]; *Вместе с* ***письмом*** *получишь деньги. 30 р. – отцу, 10 р. – тебе* [Ш: 41]; *Получил рукопись и письмо. А вчера вам отправил тоже рукопись и* ***письмо*** [А: 23];

3) о написании автором письма третьему лицу (5, 8, 6, 20, 6, 17 с/у): *Милый мой, на днях, рассердясь на тебя и на твое молчание, написал я Веневитинову суровое* ***письмо*** [П2: 12]; *Андрюше я написал* ***письмо*** *об его жизни и нынче целый день писал* ***письмо*** *Мише…* [Т2: 341]; *Перед тем как спать, написал Марии Владимировне* ***письмо****…* [Ч1: 453]; *Чехову я писал деловое* ***письмо*** *по просьбе редакции «Жизни»* [Г1: 101]; *Сейчас кончал править третью часть, сел написал* ***письмо*** *Даше и решаю поставить тебя в известность о делах не малых* [Ш: 59]; *Вчера все же поместился за стол. Писал в «Комсомолку»* ***письмо*** *об одном подонке* [А: 93];

4) об обстоятельствах:

а) получения письма адресата автором (27, 53, 31, 12, 7, 50 с/у): *Вдохновительное* ***письмо*** *ваше, почтенный Николай Иванович, нашло меня в пустынях Молдавии…* [П1: 72]; *По моему письму от 24 декабря ты*

можешь заключить, как поздно я получил твое ***письмо*** *от 12 ноября – я его получил вчера, 6 января* [Т1: 340]; *Отвечаю на Ваше* ***письмо****, которое получено мною только вчера; конверт у письма разорван, помят и испачкан, чему мои хозяева и домочадцы придали густую политическую окраску* [Ч1: 230]; ***Письмо*** *твое получил только сегодня, 25-го, значит – книги опоздали* [Г1:324]; *Сейчас только на почте получил Ваше* ***письмо*** [Ш: 90]; ***Письмо*** *твое привезли мне в деревню, где безвылазно сижу я уже два месяца…* [А: 126];

б) написания автором письма адресату (10, 36, 29, 7, 12, 19 с/у): *К тому ж я опять застудил себе руку, и* ***письмо*** *мое, вероятно, будет пахнуть бобковой мазью, как твои визитные билеты* [П2: 670]; *Два дня лежало это* ***письмо****; я остановился на том месте, где хотел начать хвастаться, – совестно стало, а есть чем похвастаться* [Т1: 515]; *Это* ***письмо*** *пишу я... лежа... Каков? Примостил себе на живот книжицу и пишу* [Ч1: 43]; *Вчера не успел дописать* ***письма*** *и боюсь, что оно не застанет тебя в Москве* [Г1: 365]; *Сижу в ожидании доброй погоды в слободе Ольховый Рог (в 25 верстах от Миллерово) в комнате достаточно теплой и хочу написать тебе подробнейшее* ***письмо*** [Ш: 8]; *Я пишу Вам это* ***письмо*** *из деревни, где сижу и работаю* [А: 234];

в) отправки письма автора адресату (24, 9, 20, 16, 10, 9 с/у): *С Рокотовым я писал к тебе – получи это* ***письмо*** *непременно* [П1: 335]; *На счастье пускаю это* ***письмо*** *в Остенд, хотя и боюсь, что оно вас не застанет…* [Т1: 485]; ***Письмо*** *это пойдет завтра с почтовым* [Ч1: 75]; *Дорогой друг – сейчас был у больной, страшно изменилась, но ей лучше. Подробности сообщит Вам Канегиссер, который передаст это* ***письмо*** [Г1: 358]; *Подводчик сейчас едет, хочу* ***письмо****, а также башлык и полсть переслать с ним* [Ш: 8]; *Девятнадцатого уехал от меня, из деревни, братишка Алеша, я отправил с ним тебе* ***письмо****…* [А: 121];

г) (предполагаемых) получения адресатом письма автора (17, 6, 12, 8, 5, 5 с/у): ***Письмо*** *это застанет тебя после твоих именин* [П3: 138]; *3-го*

дня, вернувшись домой, застал Григоровича и обрадовался несказанно – он <…> для меня остался здесь на 2 дня, так что ***письмо*** *это придет прежде него* [Т1: 462]; *Это* ***письмо*** *Вы получите в первый день рождества. Значит, с праздником Вас поздравляю* [Ч1: 318]; *Когда ты получишь это* ***письмо*** *– я буду в океане, по дороге в Италию* [Г1: 449]; *Возможно, что* ***письмо*** *и посылка придут вместе* [Ш: 35]; *Сегодня 15-е. До 30-го* ***письмо*** *мое дойдет, поэтому лучше в письме несколько слов, а телеграммы, справки и автографы – не мой жанр* [А: 306];

5) о содержании (пересказ / цитирование):

а) письма, полученного автором от адресата (15, 26, 21, 10, 5, 11 с/у): *В* ***письме*** *Вашем Вы называли меня братом; но я не осмелился назвать Вас этим именем, слишком для меня лестным* [П1: 14]; *Вы пишете мне в последнем* ***письме****, что вы охладеваете к вашей работе* [Т1: 801]; *Вы спрашиваете в* ***письме****, что я пишу* [Ч1: 207]; *Более красноречиво о даровании Вашем говорит то, что Вы пишете в* ***письме*** *ко мне о «стальных типах», о романе или рассказе, построенном на противоречии общепринятому* [Г1: 72]; *Вы «вынашивали мысль послать* ***письмо****» год с лишним, а я – всего лишь пять месяцев, так что мне вовсе можно простить задержку с ответом* [Ш: 553]; *В* ***письме*** *ты известил меня, что принят в Союз журналистов, на что у меня, брат, есть козырь – я на днях принят в члены Союза писателей* [А: 18];

б) предыдущего письма автора адресату (5, 23, 8, 5, 5, 6 с/у): *Я просил тебя в последнем* ***письме*** *доставить посылку Чаадаеву: посылку не приняли на почте* [П2: 580]; *Как я тебя знаю, когда писал тебе, «что, зная твою слабость, пишу тебе о наших знакомствах» – ты понятно об этом спрашиваешь в своем* ***письме*** [Т1: 340]; *Что касается моего* ***письма*** *насчет Плещеева, то я писал Вам, что я возбудил в своих молодых друзьях неудовольствие своим бездельем…* [Ч1: 421]; *А в* ***письме*** *я сообщал тебе, что мною послана переписка Петра Заломова И.А. Груздеву для опубликования оной в «Литучебе»…* [Г3: 304-305]; *В предыдущем* ***письме*** *я*

писал, что, возможно, приеду в средине января, а не к Рождеству… [Ш: 17]; *В том **письме** я повторил мою просьбу, чтоб ты и твои коллеги послали книги в библиотеку моего родного села…* [А: 376];

в) письма, полученного автором от третьего лица (12, 19, 12, 12, 6, 26 с/у): *Толстой написал мне **письмо** пресухое, в котором он справедливо жалуется на мое легкомыслие…* [П1: 207]; *Еще в июле месяце получил я от Андрея **письмо**, в котором он пишет мне: «Сергей Николаевич изволили скакать с какими-то князьями», и больше ничего* [Т1: 340]; *Я отказался от добавочных и аккуратного писания, а он* [Лейкин. – Т.А.] *шлет мне слезно-генеральские **письма**, обвиняя меня в плохой подписке, в измене, двуличии и проч.* [Ч1: 118]; *Сегодня Толстой прислал мне **письмо**, в котором говорит: «Как хорош рассказ Чехова в "Жизни"»* [Г1: 122]; *Коспанов в **письме** тоже склоняется к тому, чтобы перенести поездку на будущий год, исходя из того, что последующие м-цы уйдут на подготовку к уборке и пр. летние дела* [Ш: 591]; *У меня была телеграмма из «Нового мира» насчет рукописи, но тут товарищ мой прислал мне **письмо** о том, как долго читали там его рассказ, как нудно редактировали, и я заколебался* [А: 49];

6) об эмоциях, которые испытывает автор при прочтении письма адресата (14, 92, 24, 18, 12, 16 с/у): ***Письма** твои обрадовали меня по многим отношениям: кажется, ты успокоился после своей эпиграммы* [П1: 247]; *Вы шутите, а я, читая ваше **письмо**, бледнел и краснел, мне хотелось и смеяться и плакать* [Т1: 322]; *Прочел твой ответ на мое **письмо**. Частию удивлен. Ты, братец, местами недопонял, местами перепонял* [Ч1: 26]; *Ужасно скверное это Ваше **письмо**, и очень оно меня взволновало* [Г1: 42]; ***Письму** знаешь, как был рад? Во! Ни одну самую хорошую книгу не читал с таким восторгом и удовлетворением* [Ш: 113]; *Вы и представать себе не можете, сколько радости доставило мне Ваше **письмо*** [А: 372];

7) о причинах:

а) написания письма автора адресату (5, 18, 25, 12, 11, 20 с/у): *Милостивый государь Василий Андреевич, искренне обрадовался я, получа*

письмо *Ваше, напомнившее мне старое, любезное знакомство, и спешу Вам отвечать* [П3: 359]; *Я узнал от Арсеньевой, что вы в Петербурге, живы и здоровы и очень заняты, и пишу вам, надеясь отослать это* ***письмо*** [Т1: 530]; *Твой последний рассказ «На маяке» прекрасен и чуден. <…> Я в восторге, а посему и пишу тебе, иначе бы ты нескоро дождался моего* ***письма****... (лень!)* [Ч1: 145]; *Поверьте мне, что я этим* ***письмом*** *отнюдь не лезу в дружбу к Вам, а просто и искренно хочу засвидетельствовать мое глубокое уважение к Вам – человеку, мою любовь к Вам – писателю* [Г1: 132]; *Знаю, что теперь ты каждый раз ходишь на почту и ждешь от меня вести. Знаю это, а поэтому и пишу незадолгим второе* ***письмо*** [Ш: 22]; *Нерадостные думы, озабоченность нашими делами заставили меня, одного из работников нашей литературы, оторваться от повседневного труда и написать вам это* ***письмо*** [А: 156];

б) завершения письма автора адресату (7, 12, 5, 6, 5, 12 с/у): *У меня сегодня spleen – прерываю* ***письмо*** *мое, чтоб тебе не передать моей тоски; тебе и своей довольно* [П2: 434]; *Тороплюсь на почту и, признаюсь, чувствую себя не в духе в настоящую минуту; потому кончаю* ***письмо*** [Т1: 488]; *Однако мое* ***письмо*** *отвратительно и скучно. Прекращаю бесчинство и остаюсь уважающим и искренно преданным А. Чеховым* [Ч1: 126]; *Писать мне некогда, я занят, как сатана, и потому – кончаю* ***письмо*** [Г1: 437]; *Клейменов ругается, говорит, что такие длинные* ***письма*** *писать не годится. До свиданья!* [Ш: 211]; *На этом* ***письмо*** *заканчиваю, время позднее, и мысли расплываются, как дождинки на стене* [А: 14].

8) о том, что обмен письмами не может заменить непосредственного общения (5, 5, 10, 8, 6, 12 с/у): *Я не люблю писать писем. Язык и голос едва ли достаточны для наших мыслей – а перо так глупо, так медленно –* ***письмо*** *не может заменить разговора* [П1: 31]; *Очень меня занимает теперь не только Будда, но и браманизм, и Конфуций, и Лаодци. Может быть, ничего не выйдет, а может быть, выйдет что-то, о чем не стану писать, потому что в* ***письме*** *не расскажешь* [Т2: 113]; *А лучше, если бы*

Вы приехали. Это лучше ***письма*** [Ч1: 588]; *В оценке деятельности Н.К. Михайловского я совершенно согласен с Вами, но тут нужен большой (не в* ***письме****) разговор* [Г1: 313]; *Эмма,* ***письмо*** *это – мертвые знаки на бумаге, те же самые знаки, которыми исчерчены могильные плиты и памятники! Не хочу я говорить с тобой вот через эту трехметровую бумагу. Хочу видеть и слышать тебя* [Ш: 115]; *О многом и многом мне хочется и надо с Вами поговорить. В* ***письме*** *этого не сделаешь* [А: 50].

II. Императивные.

Просьба к адресату об ответном письме автору (15, 21, 17, 33, 38, 7 с/у): *Брат писал мне, что ты в Царском Селе, что он переписал для тебя мои стихи, а от тебя жду, жду* ***письма*** *и не дождусь – что ты? в Ревеле или еще нет?* [П1: 460]; *Ну, что будет, то будет, ожидаю от вас громящее или, что еще хуже, кротко-соболезнующее* ***письмо*** [Т1: 513]; *Пиши, братец! Я жду каждый день* ***письмо****, написанное твоею рукой* [Ч1: 8]; *Так ответьте же поскорее на это* ***письмо!*** [Г1: 10]; *Пиши скорее – и большое, большое* ***письмо*** [Ш: 15]; *Словом, ждем от тебя сигнала – телеграмму,* ***письмо****, как угодно, и тогда собираемся и едем* [А: 159].

III. Этикетные.

1. Благодарность:

1) за письмо адресата в целом (46, 35, 31, 33, 23, 26 с/у): *Милая Оля, благодарю за* ***письмо****, ты очень мила, и я тебя очень люблю, хоть этому ты и не веришь* [П1: 325]; *Благодарю вас за последнее* ***письмо*** [Т1: 596]; *Позвольте мне еще раз поблагодарить Вас за Ваше* ***письмо*** *и за посвящение* [Ч1: 185]; *Спасибо, Катеринка, за* ***письмо*** [Г1: 72]; *Спасибо за дружеское внимание, за* ***письмо*** [Ш: 258]; *Спасибо за твое* ***письмо*** *и передай мой поклон Ксении Петровне* [А: 432];

2) за содержание письма адресата (7, 24, 9, 8, 6, 6 с/у): *Благодарю Вас за Ваше* ***письмо****. Оно дельное и деловое…* [П3: 246]; *Благодарствуйте за длинное и славное* ***письмо*** *ваше, дорогой Василий Петрович* [Т1: 500]; *Спасибо Вам за* ***письмо****, добрейший Николай Александрович! Спасибо за то,*

что оно не ругательное, как я ожидал... [Ч1: 99]; *Дружище! Спасибо Вам за* ***письмо****! Изумительно хорошее письмо, ей-богу!* [Г1: 35]; *Крепко жму вам руки и от всего сердца благодарю за внимание ко мне и за хорошее* ***письмо*** [Ш: 241]; *Еще раз* ***спасибо*** *Вам за письмо и за теплые слова* [А: 38].

2. Извинение:

1) за опоздание с ответом на письмо адресата / обоснование задержки ответного письма (9, 40, 24, 5, 8, 28 с/у): *Милостивый государь, виноват перед вами, долго не отвечал на ваше* ***письмо****, хлопоты всякого рода не давали мне покоя ни на минуту* [П1: 489]; *Я имел неучтивость, в чем совершенно сознаюсь и еще раз прошу у вас извинения, по рассеянности и недостатку времени, не ответить на лестное* ***письмо*** *ваше* [Т1: 444]; *Брат наш мерзавец Александр Павлыч! Первым делом не будь штанами и прости, что так долго не давал ответов на твои* ***письма*** [Ч1: 34]; *Я не отвечал Вам на Ваше хорошее* ***письмо****, потому что за это время у меня в семье случилось несчастие – умерла сестра моей жены* [Г1: 104]; *Я попал в какой-то дьявольский водоворот: у меня нет свободного часа, чтобы уделить его на* ***письмо*** *или отдых* [Ш: 79]; *Извините, что я не сразу ответил на Ваше* ***письмо****. Катался по Вашим родным местам на пароходе – от Перми до Астрахани и вот только прибыл домой со своим семейством* [А: 21];

2) за содержание письма адресату (10, 28, 10, 16, 5, 8 с/у): ***Письмо*** *мое скучно, потому что с тех пор, как я сделался историческим лицом для сплетниц Санкт-Петербурга, я глупею и старею не неделями, а часами. Прости* [П1: 38]; *Я чувствую, что это* ***письмо*** *нелепо, но, пожалуйста, не сердитесь на меня за это и ответьте мне хоть буквально два слова* [Т1: 404]; *Простите, что* ***письмо*** *похоже на винегрет. Нескладно. Ну, да что делать? Сидя в номере, лучше не напишешь* [Ч1: 457]; *Прости меня –* ***письмо*** *бессвязно, едва ли ты поймешь из него мое настроение, очень тоскливое и злое* [Г1: 320]; ***Письмо*** *получилось плоховатое... Я, кажется, разучился писать и толково излагать мысли. Простите, пожалуйста* [Ш:

201]; *Я сегодня уже «отстоял» смену, рука устала, поэтому прости за сумбур в* ***письме*** [А: 524].

IV. Оценочные.

Критика адресата за содержание письма (5, 11, 5, 6, 5, 10 с/у): *Предпоследнее* ***письмо*** *твое было такое милое, что расцеловал бы тебя; а это такое безалаберное, что за ухо бы выдрал* [П3: 270]; *В твоем* ***письме*** *видна какая-то досада и даже желчь. Это совсем не хорошо и происходит, как мне кажется, от уединенной жизни* [Т1: 454]; *Твои* ***письма*** *невеселы, ты хандришь. Нехорошо это, мой дусик* [Ч2: 558]; *В* ***письме*** *Вашем я чувствую обиду на меня – за что? Не понимаю! Но оно холодно, это Ваше* ***письмо*** [Г1: 33]; *Под конец скажу, что последние* ***письма*** *Ваши мне не нравятся... От прожитых ли лет, но сквозит по строчкам такой холодок и усталость* [Ш: 211]; *Более всего меня в Вашем* ***письме*** *поразило скопище зла. Это что же Вы, старый человек, в душе-то носите?! Какой груз зла и ненависти клубится в вашем чреве?* [А: 393].

Используя методику построения модели концепта на основе фрейма, предложенную В.И. Карасиком [2002], можно представить модель концепта «Письмо» следующим образом: 1) в центре фрейма находится образ человека, который пишет / отправляет / получает письмо; его автором является сам создатель письма (для первых двух действий), адресат или третье лицо (для третьего действия), причем происходит это в определенных обстоятельствах, нередко эксплицированных в письме; 2) в письме принято указывать причины создания письма и его завершения, выражать просьбу адресату о написании ответного письма, выражать благодарность / критику адресату по поводу содержания его последнего письма или благодарить адресата за предыдущее письмо в целом; 3) письмо представляет собой неполноценную замену непосредственного общения при его невозможности в данный момент, при этом прочтение письма вызывает у человека эмоции, подобные тем, которые появились бы при непосредственном общении.

Выявление различий в контекстуальном окружении лексемы *письмо* и / или отсутствие определенных типовых ситуаций, реализованных высказываниями с данным словом, в письмах, принадлежащих определенным временным пластам, может свидетельствовать об эволюции содержания концепта. Помимо установления общих закономерностей изменения концепта, возможно выявление индивидуально-авторских различий в его вербализации, что позволяет выявить специфику реализации того или иного концепта в письмах конкретного автора.

Так, не представлены в письмах А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого высказывания, представляющие следующие типовые ситуации:

1) сообщение о том, что автор ожидает письма от третьего лица (в письмах А.П. Чехова – 6 с/у, М. Горького – 8 с/у, М.А. Шолохова – 5 с/у, В.П. Астафьева – 6 с/у): *От Немировича до сих пор нет обещанного* ***письма*** [Ч2: 564]; *Жду* ***письма*** *Поссе* [Г1: 34]; *«Октябрь» постукивает т-ммы о высылке конца 5-ч., а я сижу и дожидаюсь* ***письма*** *от Грудской* [Ш: 72]; *Я не выдержал и написал* ***письмо*** *Рождественской с просьбой объяснить, что сие значит, но и она отмалчивается* [А: 16];

2) сообщение о том, что автор отправляет адресату письмо / копию письма третьего лица, адресованного автору (соответственно 5, 25, 7, 5 с/у): *Мне пришла охота отдать переписать и послать Вам* ***письмо*** *старика Григоровича, которое я получил вчера* [Ч1: 177]; *Посылаю Вам* ***письмо*** *Голанта, на которое я не отвечал и не отвечу* [Г1: 203]; *Пересылаю тебе, как депутату Ленсовета,* ***письмо*** *Волынцева* [Ш: 449]; *Как свидетельство того, что с самотеком в нашем журнале работают наплевательски, спустя рукава, я посылаю Вам* ***письмо*** *Политова, рассказ которого доделывался по моей просьбе и указаниям несколько раз* [А: 203];

3) извинение за избыточный объем письма адресату (14, 5, 5, 6 с/у): *Вы, конечно, простите, что я пишу Вам такое длинное* ***письмо*** [Ч1: 117]; *Ну, Вы простите меня за это, может быть, неясное и, во всяком случае, очень длинное* ***письмо*** [Г1: 104]; *Простите за многословность* ***письма*** [Ш:

190]; *Извините, Владимир Матвеевич, за длинное* ***письмо*** *и за некоторую сумбурность* [А: 28].

При этом только в письмах А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого представлены высказывания со словом письмо, в которых содержится критика адресата за недостаточный объем письма (в письмах А.С. Пушкина – 5 с/у, Л.Н. Толстого – 6 с/у): *Сперва хочу с тобою побраниться; <…>* ***письма*** *твои слишком коротки – ты или не хочешь или не можешь мне говорить открыто обо всем…* [П1: 92]; *Пожалуйста не засни на лаврах, которыми ты можешь воображать, что увенчался, написав мне* ***письмо*** *в* $^{3}/_{4}$ *почтового листа, а продолжай мне писать почаще и подлиннее…* [Т1: 339].

В эпистолярных текстах рубежа XIX-XX вв. отмечены высказывания со словом *письмо*, в которых автор сообщает адресату о содержании своего письма третьему лицу (в письмах Л.Н. Толстого – 9 с/у, А.П. Чехова – 8 с/у, М. Горького – 5 с/у): *Несмотря на все мое видимое спокойствие, в душе у меня было неладно; и я чувствовал, что мне нужно было потребовать более положительного извинения от г-на Тургенева, что я и сделал в* ***письме*** *из Новоселок* [Т1: 569]; *В* ***письмах*** *к Щеглову я объясняюсь в нелюбви к театру* [Ч1: 305]; *Щербакову сообщил* ***письмо****, уговорил его «стараться» и т.д.* [Г1: 59].

Полагаем, что отсутствие извинений за избыточный объем письма, а также упреки адресату за недостаточный объем письма, свидетельствуют о том, что эпистолярный этикет XIX в. диктовал необходимость написания больших, подробных писем. Появление на рубеже веков РА извинения, обусловленных большим объемом письма, а также отсутствие критики адресата за краткость письма говорит о том, что требования к объему письма изменились в сторону его уменьшения. Появление же с конца XX в. ряда типовых ситуаций, связанных с упоминанием писем третьих лиц или третьим лицам, может свидетельствовать о том, что сообщаемая в письмах информация уже не воспринимается как конфиденциальная, а эпистолярная

коммуникация перестает быть беседой наедине, а превращается в общение нескольких лиц, становится своеобразным полилогом.

Подтверждением данному наблюдению может также служить тот факт, что только в письмах А.С. Пушкина в высказываниях со словом *письмо* представлена критика адресата за разглашение информации из письма автора (5 с/у): *Зачем ты показал Плетневу* ***письмо*** *мое? В дружеском обращении я предаюсь резким и необдуманным суждениям; они должны оставаться между нами…* [П1: 129]. И напротив, в письмах А.С. Пушкина не отмечено сообщений о том, что автор пишет письма подряд нескольким адресатам, ср. в письмах Л.Н. Толстого – 6 с/у, А.П. Чехова – 5 с/у, М. Горького – 6 с/у, М.А. Шолохова – 5 с/у, В.П. Астафьева – 10 с/у: *Сейчас написал гору* ***писем****, милые, милые друзья Галя и Дима и Димочка, и вам пишу последним* [Т3: 617]; *Вчера кончил повесть для «Северн[ого] вестника», над которою возился весь сентябрь, и сегодня отвожу душу на* ***письмах*** [Ч1: 267]; *Так что «дела» – куча! Всем надо писать* ***письма****, доказывая, что без денег и капусты не заквасишь* [Г2: 281]; *Полтора месяца не брался за перо и вот только сейчас сажусь отвечать на* ***письма****, а за «Т.Д.» что-то боюсь браться, хочу дать голове прийти в норму* [Ш: 308]; *Ответил на все* ***письма****, лежавшие на столе, чтобы иметь моральное право на отдых…* [А: 370].

Приведем другой пример, свидетельствующий об эволюции содержания концепта «Письмо» в эпистолярии XX века. В письмах М.А. Шолохова и В.П. Астафьева не отмечено высказываний с лексемой *письмо*, в которых представлен вопрос о том, получил ли адресат предыдущее письмо автора, ср. в письмах А.С. Пушкина – 7 с/у, Л.Н. Толстого – 7 с/у, А.П. Чехова – 5 с/у, М. Горького – 16 с/у: *Что ты замолк? получил ли ты от меня* ***письмо****, где говорил я тебе об Ольдекопе, о собрании моих элегий, о Татьяне etc.* [П1: 347]; *Получили ли вы мое сладенькое* ***письмо*** *из Москвы?* [Т1: 420]; *За декабрь я послал Вам 3 рассказа*

и 3 ***письма****. Получили?* [Ч1: 109]; *Вы не ответили на мое* ***письмо*** *– получили ли Вы его?* [Г1: 9].

Можно предположить, что отсутствие данной типовой ситуации связано с тем, что в XX в. почтовая корреспонденция находится в пути гораздо меньшее время, чем раньше, и поэтому автор отвечает строго на предыдущее письмо адресата, а не на те письма, которые были отправлены ранее. По содержанию письма адресата автор может определить, получил ли адресат его предыдущее письмо, и поэтому у создателя письма не возникает необходимости в подобных вопросах.

Критика адресата за отсутствие ответа на предыдущее письмо автора (упрек) не представлена в письмах В.П. Астафьева, ср. в письмах А.С. Пушкина – 6 с/у, Л.Н. Толстого – 5 с/у, А.П. Чехова – 6 с/у, М. Горького – 6 с/у, М.А. Шолохова – 5 с/у: *Брат писал мне, что ты в Царском Селе, что он переписал для тебя мои стихи, а от тебя жду, жду* ***письма*** *и не дождусь* [П1: 460]; *Как тебе не совестно, Сережа, не отвечать на* ***письмо****, ответ на которое очень интересует меня?* [Т1: 350]; *Я тоже писал Вам в Москву, приглашая Вас, но и мое* ***письмо*** *осталось гласом вопиющего в пустыне* [Ч1: 516]; *Часто вспоминали Вас, а Вы за все лето ни одного* ***письма****!* [Г2: 257]; *Я все поджидаю от тебя* ***письмо****. Что же ты, паршивка, не пишешь?* [Ш: 23].

Данный факт может свидетельствовать как об исчезновении одного из компонентов в структуре концепта «Письмо», так и об индивидуально-авторской специфике репрезентации концепта посредством высказываний с одноименной лексемой.

Далее приведем примеры типовых ситуаций, представленных посредством высказываний со словом *письмо*, которые отмечены в письмах только одного из анализируемых авторов и, следовательно, могут рассматриваться как эксплицирующие индивидуально-авторские черты эпистолярного стиля писателей XX в.

К особенностям эпистолярного идиостиля М.А. Шолохова относятся высказывания со словом *письмо*, реализующие интенцию просьбы, а именно:

1) просьба к адресату не писать ответного письма автору, поскольку он вскоре уезжает и письмо не будет им получено (10 с/у): *Пиши мне до 1-го мая, а после* ***письма*** *не пиши, т.к. придут с запозданием, меня в Москве уже не будет* [Ш: 66];

2) просьба к адресату совершить определенное действие после получения письма (5 с/у): *Как только получишь это* ***письмо*** *– выпей вечером за нас с тобой!* [Ш: 531].

Специфической чертой эпистолярного идиостиля В.П. Астафьева являются высказывания с лексемой *письмо*, в которых автор приносит извинения адресату за то, что письмо написано от руки, а не напечатано на машинке (6 с/у): *Еще извини, что отдал* ***письмо*** *на машинку жене. Почерк у меня ужасный, а тут еще рука болит и пишу с трудом и вовсе неразборчиво* [А: 127].

Появление в письмах XX века типовых ситуаций, не отмеченных ранее, может также свидетельствовать о расширении содержания концепта «Письмо» в этот период.

Таким образом, в работе установлены изменения в содержании концепта «Письмо» посредством выявления наличия или отсутствия определенных типовых ситуаций, реализованных высказываниями с лексемой *письмо*, в письмах XIX в. (А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого), рубежа XIX-XX вв. (Л.Н. Толстого, А.П. Чехова и М. Горького) или XX в. (М.А. Шолохова и В.П. Астафьева). Определены также индивидуально-авторские различия в представлении типовых ситуаций посредством высказываний с лексемой *письмо*, которые отражают специфику реализации одноименного концепта в письмах конкретных авторов.

2.1.2. Особенности вербализации концепта «Здоровье»

В последние годы данный концепт стал объектом изучения как в рамках сопоставительной лингвокультурологии [Туленинова 2008] и когнитологии [Тимошенко 2005], так и на базе русского языка [Волков, Волкова 2008], а также других языков, в частности английского [Усачева 2002]. Новизна настоящего исследования состоит в том, что в нем представлен перечень наиболее частотных для эпистолярия типовых ситуаций, в которых используются лексемы, вербализующие рассматриваемый концепт.

В качестве единиц анализа избраны наиболее частотные для эпистолярия лексемы *здоровье*, *здоровый* (последняя в большинстве случаев используется в краткой форме, выполняя функцию предиката), извлеченные методом сплошной выборки из 628 писем А.С. Пушкина (соответственно 32 и 66 с/у), 1076 писем Л.Н. Толстого (62 и 55 с/у), 895 писем А.П. Чехова (151 и 483 с/у), 1195 писем М. Горького (99 и 235 с/у), 499 писем М.А. Шолохова (42 и 36 с/у), 627 писем В.П. Астафьева (131 и 91 с/у). Довольно большое количество лексем, вербализующих концепт «Здоровье», в письмах русских писателей (см. диаграмму 2 приложения 2) позволяет утверждать, что данный концепт является частью концептосферы русского эпистолярного текста.

В результате анализа употребления высказываний, включающих данные лексемы, было установлено, что для эпистолярного текста характерно употребление слов *здоровье*, *здоровый* в следующих типовых ситуациях, соотносимых с РА:

I. Этикетные формулы (подробнее об этикетных формулах со словами *здоров*, *здоровье* см.: [СРРЭ: 195-196, 200-202]):

1) пожелания здоровья адресату при прощании, поздравлении или выражении благодарности посредством следующих эпистолярных формул:

а) *желаю (доброго / крепкого) здоровья*: *Поздравляю тебя с дочкою Катериной Павловной;* ***желаю*** *роженице* ***здоровья*** [ПЗ: 326]; *Дружески*

целую тебя и ***желаю*** *душевного спокойствия и* ***здоровья*** [Т2: 112]; *Мои Вам кланяются, а я* ***желаю здоровья*** *и всего хорошего* [Ч1: 347]; *Всего хорошего и* ***доброго здоровья желаю*** *Вам* [Г1: 40]; *Жму Вам руку и* ***желаю здоровья*** [Ш: 201]; *Обнимаю тебя, целую и* ***желаю доброго здоровья*** [А: 436];

б) *дай бог здоровья*: ***Дай бог*** *вам* ***здоровье*** *и многие лета!* [П3: 460]; *Поздравляю вас с Новым годом;* ***дай*** *вам* ***бог здоровья*** *и спокойствия душевного* [Т1: 852]; *Прощайте, Альба.* ***Дай бог*** *Вам* ***здоровья!*** [Ч1: 189]; *Ну, до свидания, до свидания, дорогой мои Антон Павлович,* ***дай*** *Вам* ***боже здоровья****, охоты работать, счастья…* [Г1: 162]; ***Дай*** *Вам* ***Бог здоровья*** *и сил на многие годы!* [А: 540];

в) *будь(те) здоров(а/ы)* (данная формула используется только при прощании, а начиная с середины XX в. – и для прощания): *Прощай и* ***будь здоров*** [П2: 632]; *Прощайте,* ***будьте здоровы*** *и бодры духом* [Т2: 267]; *А засим* ***будьте здоровы*** [Ч1: 113]; *Крепко жму Вашу руку,* ***будьте здоровы*** [Г2: 289]; *Ну,* ***будь здоров****! Крепко обнимаю. Целую* [Ш: 324]; ***Будьте здоровы****! Всем кланяюсь* [А: 300];

2) вопросы о состоянии здоровья:

а) адресата: ***Здорова*** *ли ты, душа моя?* [П3: 469]; *Как ваше* ***здоровье*** *теперь?* [Т1: 512]; *Ну что с Вашим* ***здоровьем****?* [Ч2: 287]; *Как Вы* ***здоровы****?* [Г1: 182]; *Как твое* ***здоровье****?* [Ш: 78]; *Как вы* ***здоровы****?* [А: 334];

б) близких или знакомых адресата: *Сердечно кланяюсь И.И. Дмитриеву. Что его* ***здоровье****?* [П2: 498]; ***Здоровье*** *Миши как?* [Т2: 10]; ***Здоров*** *ли Билибин?* [Ч1: 106]; *Как дела?* ***Здоровье*** *Анны Александровны?* [Г2: 80]; *Как живете вы? Валя-то, Валя* ***здорова****?* [Ш: 101]; *Как* ***здоровье*** *домашних?* [А: 61].

II. Сообщения и просьбы:

1) собственно сообщения:

а) о здоровье автора письма: *Знаешь ли что? я жив и* ***здоров*** [П2: 543]; ***Здоровье*** *мое совсем поправляется* [Т2: 120]; *Я совершенно* ***здоров*** [Ч1: 285]; *Теперь я* ***здоров****, а то был плеврит с водой стаканов пять* [Г1: 405];

Приехал-то я домой почти ***здоровым****, но дней пять спустя на охоте промок под дождем до нитки и... опять трубка ноль пять* [Ш: 77]; *Пока остаюсь жив-****здоров****. Желудок пока нормально, мотор дюжит* [А: 148];

б) о здоровье близких или знакомых автора письма: *У меня, слава богу, все тихо, жена* ***здорова****…* [П2: 616]; *У нас все хорошо. Дети и жена* ***здоровы*** [Т1: 644]; *Вчера сообщили по телефону, что* ***здоровье*** *Толстого совсем хорошо* [Ч2: 487]; *Роды благополучны, жена* ***здорова*** [Г1: 168]; *Жена и дети* ***здоровы*** [Ш: 341]; *Мы, как приехали с Марьей Семеновной из Болгарии в декабре, так с тем запасом и зимогорим. Не очень чтобы* ***здоровы****, но и не совсем больны* [А: 444];

2) сообщения, сопровождающиеся выражением эмоций по поводу здоровья / нездоровья адресата: *Ты умна, ты* ***здорова*** *– ты детей кашей кормишь – ты под Москвою. Все это меня очень порадовало и успокоило…* [П3: 238]; *Очень рад был узнать, любезный Илия Данилович, что* ***здоровье*** *ваше поправилось* [Т3: 474]; *Как жаль, что ты ослабела* ***здоровьем*** [Т3: 583]; *С.Я. Елпатьевский привез добрые вести насчет Вашего* ***здоровья****, и я очень рад* [Ч2: 315]; *Чертовски рад, что* ***здоровье*** *Ваше восстановилось…* [Г3: 253]; *Я очень рад, что Вы живы и* ***здоровы*** *и преуспеваете в области любимого Вами искусства* [Ш: 464]; *Рад, что ты жив и относительно* ***здоров****, что еще помаленьку пописываешь* [А: 710];

3) сообщения, сопровождающиеся выражением надежды, предположением или уверенностью в том, что улучшилось или улучшится состояние здоровья:

а) адресата: *Надеюсь, что твоя усталость дорожная пройдет благополучно и что ты в Москве будешь* ***здорова****, весела и прекрасна* [П2: 235]; *Надеюсь, что письмо мое застанет вас* ***здоровым*** [Т2: 468]; *Вы не упоминаете о Вашем* ***здоровье****, значит, оно* у *Вас хорошо…* [Ч2: 583]; *Надеюсь, ты* ***здорова****?* [Г1: 165]; *…а я буду надеяться увидеть тебя в октябре жизнерадостным и* ***здоровым****…* [А: 124];

б) близких адресата: *Что дедушка с его медной бабушкой? Оба живы и* ***здоровы****, не правда ли?* [П2: 325]; *По умолчанию о* ***здоровье*** *вашем и вашей жены предполагаю, что переезд перенесли хорошо* [Т2: 259]; *Надеюсь, что у Вас все благополучно, что жена Ваша и младенец пребывают в добром* ***здоровье*** [Ч2: 525]; *Про Игоря спрашивать нечего, он должен быть* ***здоров*** [Ш: 101];

4) просьбы сообщить о состоянии здоровья:

а) адресата: *Пиши мне лучше о себе – о своем* ***здоровье*** [П2: 667]; *Напишите, пожалуйста, поскорее о своем* ***здоровье*** [Т1: 724]; *И о* ***здоровье*** *своем напишите два слова* [Ч2: 463]; *Что бы Вам, дядя, написать хоть разок маленькую записочку о* ***здоровье*** *Вашем, настроении и прочем, что Вас касается…* [Г1: 130];

б) близких или знакомых адресата: *Если он* [Плетнев. – Т.А.] *сидит на даче, опасаясь холеры, и ни с кем сношений не имеет, то напиши мне об нем, здоров ли он и все ли у него* ***здоровы*** [П2: 565]; *Вчера написал бате пустое письмо. <…> Напишите подробнее об его* ***здоровье*** [Т3: 727]; *Моя жена кланяется Вам и Екатерине Павловне и умоляет вас написать, как* ***здоровье*** *и кто у Вас родился – мальчик или девочка* [Ч2: 459]; *Мне достаточно знать, что Максим* ***здоров****, ты – тоже. Я буду очень доволен, если ты через день станешь сообщать мне об этом письмами* [Г1: 145-146]; *Как у Светы дела? <…> непременно позови Лосовского, и пусть мне черкнет о состоянии ее* ***здоровья*** [Ш: 88].

III. Ситуации, связанные с приемом спиртных напитков «за здоровье».

1. Сообщение о том, что:

1) лица из окружения автора пили / будут пить за его здоровье: *… тамошний атаман и казаки приняли меня славно, дали мне два обеда, подпили за мое* ***здоровье...*** [П3: 170]; *Андрюша, живя по кабакам, встретился там с Скрыдловым, который в пьяном виде хотел мне посылать телеграмму: пьем за ваше* ***здоровье*** *и т.д.* [Т3: 524]; *…а они, писателя, водочки попили за мое* ***здоровье*** [А: 348];

б) автор выпил / выпьет за здоровье адресата: *Вчера пил я твое* ***здоровье*** *у Киреевского с Шевыревым и Соболевским; сегодня буду пить у Суденки* [П2: 147]; *Дома мы еще раз выпили за Ваше* ***здоровье****…* [Ч1: 237-238]; *… сегодня за обедом выпью за ваше* ***здоровье*** *стакан каприйского вина* [Г2: 336];

2. Просьба к адресату выпить за здоровье автора письма или лиц из его окружения: *Если 12 февраля будете у Плещеева, то рикикикните рюмку за его* ***здоровье*** *от моего имени* [Ч1: 211]; *Требую, чтобы под этого гуся было выпито и за мое* ***здоровье****…* [Ш: 386].

Совмещение в одном высказывании нескольких речевых интенций, в частности пожелания и просьбы, может быть представлено как эпистолярными клише, так и «свободными» высказываниями, ср.: *Засим* ***будь здоров*** *и не забывай твоего А. Чехова* [Ч1: 96]; ***Будь здоров****, мой дорогой, и не забывай крепко любящего тебя старика!* [Ш: 638] – *Не мешай мне, не стращай меня,* ***будь здорова****, смотри за детьми, не кокетничай с царем, ни с женихом княжны Любы* [П3: 179]; *Хлопочи о поруках,* ***будь здорова*** *и спокойна, береги сынишку* [Г1: 25].

Помимо просьбы, пожелание, реализованное посредством побудительного высказывания, может совмещаться с советом: *Прощай, душа моя,* ***будь здоров*** *и не напейся пьян…* [П1: 315]; ***Будьте здоровы****, будьте сердиты, но не злы, и работайте больше, успевайте, пока молоды* [А: 389].

В рамках одного высказывания могут также совмещаться вопрос и просьба сообщить о здоровье: *Как* ***здоровье*** *вашей больной? Уведомьте меня, пожалуйста, поподробнее* [Т1: 536]; *А как Ваше* ***здоровье****? Сообщите* [Г1: 35].

Все данные виды типовых ситуаций реализуют правила эпистолярного этикета: желать здоровья, интересоваться здоровьем адресата и его окружения, радоваться хорошим новостям о здоровье и

огорчаться плохим, выражать уверенность или надежду на выздоровление адресата или его близких, сообщать о своем здоровье.

Однако даже в эпистолярных клише можно отследить авторские предпочтения, которые можно рассматривать как одно из проявлений эпистолярного идиостиля. Так, автор письма нередко добавляет к пожеланию здоровья пожелание других, с его точки зрения, бесспорных ценностей. Так, в письмах Л.Н. Толстого часто используется словосочетание *душевное спокойствие* (8 с/у), в эпистолярии А.П. Чехова – краткие формы лексем *благополучный* (55 с/у), *веселый* (19 с/у), *счастливый* (44 с/у), у М. Горького – *бодры* (*духом*) (19 с/у), *душевная бодрость* (25 с/у): *От всей души* ***желаю*** *вам* ***здоровья*** *и душевного спокойствия...* [Т1: 842]; ***Будьте здоровы****, веселы и счастливы* [Ч1: 197]; ***Будьте здоровы****, веселы, благополучны…* [Ч2: 525]; ***Желаю здоровья****, бодрости духа* [Г2: 191]; ***Будьте здоровы*** *и бодры!* [Г2: 218].

В XX в. авторы писем, помимо стандартных пожеланий, используют и оригинальные. Так, в письмах М.А. Шолохов отмечены пожелания, связанные с реализацией конкретных планов: *Желаю* ***здоровья****, бодрости и успехов в ловле сазанов* [Ш: 425]; *Крепко Вас обнимаю и* ***желаю доброго здоровья*** *и успеха в работе над докладом* [Ш: 457]. Для эпистолярия В.П. Астафьева характерны пожелания, связанные со временами года: *Вашим сотрудникам – доброй зимы,* ***здоровья****, успехов в работе и радостей в жизни!* [А: 204]; ***Желаю*** *Вам* ***доброго здоровья*** *и теплого, мирного лета* [А: 387].

Согласно нормам этикета, участники коммуникации должны стремиться к тому, чтобы общение приносило только положительные эмоции. Именно поэтому о своем здоровье или здоровье своих близких автор обычно сообщает только хорошие новости (см. высказывания, приведенные выше в качестве примеров сообщения о здоровье автора письма или лиц из его окружения).

Если же пишущий вынужден информировать адресата о своей болезни или недомогании близких, он обычно добавляет, что к моменту написания письма состояние больного улучшилось: ***Здоровье*** *мое совсем поправляется* [Т2: 120]; ***Здоровье*** *мое недурно сравнительно с прошлогодним; меньше кашляю и чувствую себя бодрее…* [Ч2: 581]; *И* ***здоровье*** *мое, как оказывается по словам докторов, – идет быстро и безостановочно на поправку* [Г1: 72].

Когда автору письма приходится сообщать «плохие новости», он делает это крайне неохотно: *Как ни неприятно говорить о себе, своем* ***здоровье****, зная, что ты интересуешься, должен сказать, что со мной сделались на днях сердечные припадки...* [Т3: 551]. Чтобы не огорчать адресата, пишущий может сообщить и ложную информацию о своем здоровье или преуменьшить имеющиеся проблемы: *С чего ты вздумала, что я нездоров? Я очень* ***здоров*** *и вообще – недурно настроен* [Г1: 298]; *Я* ***здоров****. Немножко есть нервы, но это пустяки* [Г1: 314].

При сообщении плохих новостей о своем здоровье А.П. Чехов нередко подает информацию в юмористическом ключе: *Я* ***здоров****, но не каждый день* [Ч2: 356]; *У меня все в порядке, все, кроме одного пустяка –* ***здоровья*** [Ч2: 455]; *И* ***здоровье*** *мое тоже в таком положении, что вы, мои наследники, можете только радоваться* [Ч2: 219].

В письмах В.П. Астафьева, напротив, находим примеры сообщения о плохом состоянии здоровья без его «маскировки»: *Да и* ***здоровье*** *наше, особливо у Марьи Семеновны, пошатнулось* [А: 351]; *Я тут сделал повесть о судьбе инвалида войны <…> и растратил остатки сил и* ***здоровья*** *на нее* [А: 579].

Возможно, отклонение от этикетных норм при сообщении о собственном здоровье можно рассматривать как свидетельство эволюции данной эпистолярной традиции.

Таким образом, в результате характеристики вербального окружения лексем, реализующих лингвокультурный концепт «Здоровье»

в эпистолярном тексте, дано описание специфических для его реализации типовых ситуаций. Кроме того, определены особенности идиостиля авторов писем, связанные с употреблением эпистолярных формул, включающих лексемы *здоров*, *здоровье*, а также выявлены отклонения от этикетных норм в сообщении о здоровье, характерные для эпистолярия В.П. Астафьева.

2.1.3. Особенности вербализации концепта «Погода»

Представленность слова *погода*, репрезентирующего одноименный концепт, в письмах русских писателей позволяет предполагать, что концепт «Погода» является частью концептосферы русского эпистолярного текста. Так, в 628 письмах А.С. Пушкина отмечено 9 с/у данной лексемы, в 1076 письмах Л.Н. Толстого – 36 с/у, в 895 письмах А.П. Чехова – 150 с/у, в 1195 письмах М. Горького – 30 с/у, в 499 письмах М.А. Шолохова – 7 с/у, в 627 письмах В.П. Астафьева – 94 с/у (см. диаграмму 3 приложения 2).

В подавляющем большинстве случаев лексема *погода* сопровождается в письмах определениями, выраженными прилагательными, лексическое разнообразие которых позволяет разделить их на следующие группы:

1) содержащие оценку:

а) положительную: *хорошая, великолепная, восхитительная, дивная, дивнейшая, добрая, замечательная, изумительная, необыкновенная, непорядочная, отличная, очаровательная, превосходная, прекрасная, прелестная, славная, сносная, удивительная, чудесная, чудеснейшая, чудная*;

б) отрицательную: *плохая, адская, аспидская, безнравственная, возмутительная, гнусная, дурная, идиотская*, *мерзкая, неважная, отвратительная, отчаянная, паршивенькая, подлая, поганая, препаскудная, противная, сволочная, скверная, сквернейшая, ужасная, ужаснейшая, унылая*;

2) указывающие на различные физические показатели:

а) температуру воздуха: *жаркая, прохладная, свежая, теплая, холодная*;

б) влажность воздуха: *гнилая, дождливая*, *промозглая, сухая, сырая*;

в) наличие / отсутствие ветра: *ветреная, тихая*;

г) особенности солнечного освещения: *облачная, пасмурная, солнечная, туманная, ясная*;

3) соотносящие погоду:

а) со временем года или его характеристикой: *весенняя, «високосная», зимняя, летняя, осенняя, предзимняя*;

б) с городом / регионом: *вологодская, питерская, сибирская*;

4) указывающие на деятельность / состояние, связанные с погодой: *бессмысленная, бленорейная, грибная, квелая, писчая*.

Оценочные определения встречаются в письмах каждого из рассматриваемых авторов; высказывания с такими определениями обычно содержат информацию о том, какую погоду имеет в виду автор. Эти сведения могут быть переданы двумя способами:

1) посредством лексических единиц, указывающих на различные физические показатели (температуру, природные явления) в рамках одного высказывания: ***Погода*** *нынче прелестная, жаркая* [Т2: 110]; ***Погода*** *плохая: ветер* [Ч1: 97];

2) посредством последующих высказываний, содержащих развернутое описание погоды: ***Погода*** *нехороша. Тает и ветрено, гудит день и ночь* [Т2: 9].

Характеристика погоды как хорошей или плохой представляет собой одно из средств раскрытия языковой картины мира автора письма – индивидуальной или типизированной, присущей большинству носителей языка, ср.: *Очень хорошая здесь* ***погода****! Солнце, ясно, холодно! Хорошо!* [Г1: 285]; *Превосходная здесь* ***погода*** *– солнце, жара* [Г1: 329]; *А тут еще* ***погода*** *моя, родная – мороз и солнце, действительно, чудесно* [А: 313]; ***Погода*** *у*

нас отвратительная. <…> Грязь, слякоть непролазная, а летом, наверное, все сгорит от жары [А: 13].

Определения, соотносящие погоду с городом / регионом, появляются в анализируемом материале начиная с писем М. Горького; определения, указывающие на связанную с ней деятельность автора письма, представлены в письмах А.П. Чехова, М. Горького и В.П. Астафьева. Следовательно, можно предположить, что время появления таких определений в русском эпистолярном тексте – рубеж XIX-XX вв.

Яркой чертой эпистолярного идиостиля В.П. Астафьева является характеристика погодных условий посредством глаголов: ***Погода*** *похолодала…* [А: 43]; ***Погода*** *у нас нынче сдурела. В начале лета и вот уже больше месяца стоит куда тебе с добром* [А: 46]; ***Погода*** *было изломилась маленько, но сегодня резко похолодало и опять стало солнечно, ясно* [А: 89]; ***Погода*** *перемогается* [А: 137]. Используя данный языковой прием, автор (невольно или намеренно) подчеркивает, что относится к природе как к живому организму. Впрочем, и другие авторы при характеристике погоды используют прием олицетворения (см. определения, содержащие оценку погоды): ***Погода*** *у нас безнравственная, бленорейная, 3 градуса тепла* [Ч1: 110].

Высказывания, содержащие упоминания о погоде, нередко связаны причинно-следственной связью с соседними высказываниями, содержащими следующую информацию:

1. Сообщение:

1) о деятельности автора:

а) до момента написания письма: *Здесь* ***погода*** *вроде бы сделалась, и я вчера первый раз сходил в лес с ружьем* [А: 124];

б) в момент написания письма: *Нынче почти не выходил, –* ***погода*** *нехороша. Делаю пасьянсы, читаю и думаю* [Т2: 8];

в) после написания письма: *В сентябре удеру в Воскресенск, если* ***погода*** *не воспрепятствует* [Ч1: 33];

2) о настроении / самочувствии автора или лиц из его окружения: ***Погода*** *меня замаяла. Болотная, сырая, протухлая. Все дома болеют и особенно внук* [А: 250].

2. Приглашение адресата в гости: ***Погода*** *хороша, и у нас все здоровы и устроились. Милости просим* [Т2: 63].

3. Совет адресату не приезжать в гости к автору письма: *Ехать сюда ты подождала бы. Во-первых – сквернейшая* ***погода****, во-вторых – непрерывная революция* [Г1: 403].

Вышесказанное подтверждает один из выводов, сделанных на основе сравнительно-сопоставительного исследования концепта «Погода» в русском языке и концепта «Weather» в английском языке, который состоит в том, что для русской лексемы *погода* характерны следующие значения: ‘благоприятный, склонный, спопутный’; ‘обстановка, окружающие условия’, причем английская лексема *weather* этих значений не содержит (см.: [Перфильева 2008: 10]).

Анализ позиции высказывания со словом *погода* в эпистолярном тексте показал, что обычно они размещены в финальной части письма, перед формулами прощания. Они также могут находиться в начале письма, если высказывание реализует интенцию извинения или оправдания: *Дорогой Федин, в Москву я отправляюсь 20-го апреля <…>. Очень тороплюсь и поехал бы раньше, но в течение этого месяца было два кровохарканья, потому что* ***погода*** *идиотская* [Г3: 253]. Если высказывания со словом *погода* не связаны с событиями, описанными в письме, то они могут быть использованы в качестве постскриптума: *У нас* ***погода*** *первый день прекрасная* [Т1: 526].

Таким образом, концепт «Погода» имеет специфические средства вербализации в эпистолярном тексте, связанные с использованием определенных языковых средств и употреблением в определенных ситуациях.

2.2. Эпистолярные «переменные», отражающие изменения существующих реалий в частных письмах XIX-XX вв.

Одной из составляющих исследований языковой картины мира является изучение особенностей употребления слов, обозначающих фрагменты языковой картины материального мира (см., например: [Булатникова 2006]), представленное и в данной работе.

В эпистолярном дискурсе лексические единицы, представляющие лингвокультурные «переменные», используются не только в определенном контекстуальном окружении, но и в определенных типовых ситуациях. Анализ употребления данных единиц в письмах классиков русской литературы позволяет не только установить закономерности их использования, обусловленные особенностями эпистолярного текста, но и выявить изменения в их функционировании, обусловленные экстралингвистическими факторами.

2.2.1. Особенности употребления и эволюция в использовании лексем, обозначающих средства дистантного общения (письмо, телеграмма, телефон)

Слово *письмо* активно используется в письмах всех анализируемых авторов. Описание особенностей вербализации одноименного концепта в русском эпистолярном тексте см. в п. 2.1.1. настоящего исследования.

Лексема *телеграмма* в письмах А.С. Пушкина не отмечена, поскольку телеграфное сообщение появилось в России примерно в середине XX в. В эпистоляриях остальных анализируемых авторов данное слово используется довольно активно (см. диаграмму 4 приложения 2): в письмах Л.Н. Толстого – 17 с/у, А.П. Чехова – 172 с/у, М. Горького – 79 с/у, М.А. Шолохова – 30 с/у, В.П. Астафьева – 44 с/у.

Слово *телеграмма* в письмах М. Горького, А.П. Чехова, М.А. Шолохова и В.П. Астафьева может сопровождаться определениями,

выраженными прилагательными. По тематическому признаку они могут быть распределены на следующие группы, в которых осуществляется характеристика телеграммы с точки зрения:

1) объема: *длинная*;

2) назначения / содержания: *благодарственная*, *поздравительная, скорбная, успокоительная, юбилейная*;

3) общей его оценки адресатом: *дрянная*, *милая*;

4) отношения к адресату: *жестокая*, *теплая*;

5) внешнего вида при получении: *мокрая*;

6) времени написания: *вчерашняя*;

7) способа отправки: *срочная*;

8) последовательности в переписке: *ответная*;

9) местонахождения: *газетная*.

В результате анализа употребления высказываний, включающих данные лексемы, было установлено, что для эпистолярного текста характерно употребление слова *телеграмма* в определенных ситуациях, соотносимых с РА (в данной ниже типологии представлены только ситуации, отмеченные в письмах двух и более авторов; полный перечень типовых ситуаций см. в таблице 2 приложения 2).

I. Информативные.

1. Сообщение:

1) об отправке автором телеграммы:

а) адресату (в письмах Л.Н. Толстого – 2 с/у, А.П. Чехова – 5 с/у, М. Горького – 2 с/у, М.А. Шолохова – 1 с/у): *Послал тебе* ***телеграмму***, *напился чаю у турка в хатке и пришел домой* [Т2: 58]; *Милый Виктор Александрович, я послал* ***телеграмму****, все-таки позволь еще поздравить тебя письменно* [Ч2: 398]; *Вчера послал тебе* ***телеграмму*** [Г1: 405; Ш: 116];

б) третьему лицу (в письмах А.П. Чехова – 3 с/у, М. Горького – 3 с/у, М.А. Шолохова – 2 с/у, В.П. Астафьева – 2 с/у): *Вчера и третьего дня было так хорошо, что я не удержался и послал* ***телеграмму*** *в «Новое время»* [Ч2:

245]; *Послал* ***телеграмму*** *в Питер, да ответа нет еще* [Г1: 85]; *22 марта я послал в «Правду»* ***телеграмму*** *о переброске семян в Миллеровский район* [Ш: 194]; *Я отбил* ***телеграмму*** *в Кремль с гневным протестом против обложения налогами земельных участков, с которых кормится народ…* [А: 650].

2) о получении автором телеграммы:

а) адресата (в письмах Л.Н. Толстого – 2 с/у, А.П. Чехова – 3 с/у, М. Горького – 7 с/у, М.А. Шолохова – 1 с /у, В.П. Астафьева – 3 с/у): *Вчера получил от Тани и Илюши, а нынче принесли твое письмо и* ***телеграмму*** [Т2: 74]; *Получил от Вас одну* ***телеграмму*** *и письмо…* [Ч1: 460]; *Получил Вашу* ***телеграмму*** [Г1: 212]; ***Телеграмму*** *Вашу получил сегодня* [Ш: 192]; *Дорогой Валерий Николаевич!* ***Телеграмму*** *я получил* [А: 393];

б) третьего лица (в письмах А.П. Чехова – 16 с/у, М. Горького – 6 с/у, В.П. Астафьева – 5 с/у): *Сегодня получил* ***телеграмму*** *от Суворина в 80 слов* [Ч1: 457]; *Получил* ***телеграмму*** *от Леонида Андреева…* [Г1: 365]; *Что же это «Знамя» так меня мучает? Была* ***телеграмма*** *дней с десять назад, скоро, мол, и опять ни гу-гу* [А: 63];

3) об обстоятельствах получения автором телеграммы:

а) адресата (в письмах А.П. Чехова – 10 с/у, В.П. Астафьева – 4 с/у): *Дорогой Федор Дмитриевич, сегодня получил я по почте из Ялты* ***телеграмму****, которую Вы послали неделю тому назад* [Ч2: 576]; *А* ***телеграмма*** *твоя пришла вечером, и что на нее отвечать – не знаю* [А: 288];

б) третьего лица (в письмах А.П. Чехова – 5 с/у, В.П. Астафьева – 2 с/у): *Ее* [мамаши. – Т.А.] ***телеграмму*** *прислали мне почтой из Москвы* [Ч2: 458]; *Со мною поступили иначе – рукопись мне не прислали, а прислали телеграмму, чтоб я не позднее 25-го был в Новосибирске.* ***Телеграмма*** *послана 23-го, пришла 24-го, а 25-го, 26-го – суббота и воскресенье* [А: 77];

4) о содержании (пересказ / цитирование) телеграммы:

а) адресата, полученной автором (в письмах Л.Н. Толстого – 2 с/у, А.П. Чехова – 6 с/у): *Нынче получил вашу* ***телеграмму*** *о Brissaut или Brissot с уведомлением, что вы остаетесь indéfiniment…* [Т2: 277]; *Вы в Вашей* ***телеграмме*** *изъявили желание иметь от меня сибирские впечатления возможно скорее и даже, сударь, имели жестокость попрекнуть меня в слабой памяти, т.е. в том, как будто я забыл о Вас* [Ч1: 459];

б) третьего лица, полученной автором (в письмах А.П. Чехова – 14 с/у, М. Горького – 10 с/у, В.П. Астафьева – 5 с/у): *Ты пишешь: «не продавай Марксу», а из Петербурга* ***телеграмма****: «договор нотариально подписан»* [Ч2: 292]; *В тот же день получил* ***телеграмму*** *из Мос[квы]: «Зина скончалась»* [Г1: 137]; *Пришла из «Молодой»* ***телеграмма****: «Рукопись задержалась чтением главной редакции»* [А: 101];

в) автора, отправленной адресату (в письмах А.П. Чехова, М. Горького – по 2 с/у): *В своей* ***телеграмме*** *я просил Вас не писать опровержение* [Ч2: 256]; *Из* ***телеграммы*** *моей ты уже знаешь, что судить меня будут 29-го апреля, защищает Грузенберг, будем апеллировать в сенат и вообще извлечем из этого дела все возможные выгоды, т.е. – постараемся устроить большой шум* [Г1: 372];

г) автора, отправленной третьему лицу (в письмах А.П. Чехова – 3 с/у, В.П. Астафьева – 2 с/у): *Сижу и жду ответа из Тюмени на свою телеграмму. Телеграфировал так: «Уведомьте, когда идет пассажирский пароход Томск» и т.д.* [Ч1: 443]; *В «Молодую» послал* ***телеграмму*** *с предупреждением, что если они в ближайшее время не решат судьбу книги, я передам ее в другое издательство* [А: 104];

д) третьего лица, отправленной третьему лицу (в письмах М. Горького – 3 с/у, М.А. Шолохова – 4 с/у): *Вера Кольберг получила* ***телеграмму****, в которой ее извещают, что ее брат – безнадежен, умирает* [Г1: 259]; *В* ***телеграмме*** *Калинину они* [крестьяне. – Т.А.] *прямо сказали: «Нас разорили хуже, чем нас разоряли в 1919 году белые»* [Ш: 88];

5) местоположения / адреса автора, куда адресат должен послать телеграмму (в письмах Л.Н. Толстого – 2 с/у, А.П. Чехова – 3 с/у): *Пиши в Шамардино и туда же посылай* ***телеграммы****, если будет что-нибудь экстренное* [Т3: 750]; *Для* ***телеграмм*** *мой адрес короче; нужно просто так: Лопасня Чехову* [Ч2: 169];

6) об эмоциях, которые испытывает автор при прочтении телеграммы адресата (в письмах А.П. Чехова – 5 с/у, М. Горького – 5 с/у, М.А. Шолохова – 2 с /у): *Ваша* ***телеграмма*** *насчет «Тормидора» смутила меня. Меня страшно потянуло в Петербург…* [Ч1: 502]; *Сейчас читал Вашу* ***телеграмму*** *и – впал в уныние!* [Г1: 45]; *После Вашей* ***телеграммы*** *ожил и воспрянул духом* [Ш: 199];

7) о том, что на телеграммы автора третьему лицу нет ответа (в письмах А.П. Чехова и В.П. Астафьева – по 2 с/у): *Газетные слухи о 19-м весьма нас взволновали: посланы* ***телеграммы****, письма – ответов нет* [Г1: 360]; *После праздника я давал* ***телеграмму*** *в «Знамя», просто чтоб подшевелить немножко «машину». Ответа нет* [А: 65];

8) о том, что третье лицо передавало телеграмму, адресованную автору, по телефону (в письмах А.П. Чехова – 4 с/у, М.А. Шолохова – 2 с/у): *По телефону мне передаются* ***телеграммы****, и я вот жду каждую минуту, что меня позовут, наконец, в Москву* [Ч2: 574]; *Затем* [Овчинников. – Т.А.] *пошел на телеграф, предложил, чтобы* ***телеграмму*** *передали не по телеграфу, а по телефону.* ***Телеграмму*** *передали при нем* [Ш: 179].

2. Обещание сообщить информацию адресату телеграммой (в письмах А.П. Чехова – 6 с/у, М.А. Шолохова и В.П. Астафьева – по 2 с/у): ***Телеграмму****, конечно, пришлю, непременно выходи меня встретить, непременно!* [Ч2: 424]; *Если мне придется побыть несколько дней в Ростове, – постараюсь Вас известить* ***телеграммой*** [Ш: 397]; *Я если из Астрахани поеду <…>, дам тебе* ***телеграмму****, хоть коротко повидаться на вокзале* [А: 220].

II. Императивные.

Просьба к адресату прислать автору телеграмму (в письмах Л.Н. Толстого – 2 с/у, А.П. Чехова – 4 с/у, М. Горького и М.А. Шолохова – по 8 с /у, В.П. Астафьева – 7 с/у): *Если вы согласны на мое предложение отложить печатание до марта, то вы обяжете меня, известив меня об этом* ***телеграммой****…* [Т2: 434-435]; *Жду* ***телеграммы****, никак не дождусь* [Ч2: 560]; *Ответьте мне* ***телеграммой*** *– могу ли напечатать часть 4-го акта «Дна» в «Нижегор[одском] листке»?* [Г1: 285]; *Стукни* ***телеграммку*** *– не опоздал ли я с этой главой?* [Ш: 400]; *Бандероли ходят долго. Так что непременно позвони или* ***телеграмму*** *дай, когда получишь* [А: 481].

III. Этикетные.

1. Благодарность адресату за телеграмму (в письмах А.П. Чехова – 8 с/у, М. Горького – 3 с/у, М.А. Шолохова – 2 с/у, В.П. Астафьева – 2 с/у): *Спасибо Вам за* ***телеграмму*** *и вообще за участие* [Ч2: 256]; *Дорогой мой, мой славный Федор! Спасибо за* ***телеграммы!*** [Г1: 177]; *Горячо благодарю и обнимаю моих правдистов, работников редакции и типографии за теплую* ***телеграмму*** [Ш: 469]; *Дорогая Ася! Спасибо за* ***телеграммы*** [А: 448].

2. Извинение / оправдание за то, что автор не отправил телеграмму адресату (в письмах Л.Н. Толстого – 2 с/у, А.П. Чехова – 3 с/у, В.П. Астафьева – 4 с/у): *Тоже не пеняй, пожалуйста, что не послал* ***телеграмму,*** *– не стоит* [Т2: 30]; *Весь март я провел в Крыму и только из газет узнал о Вашем юбилее и потому не прислал Вам своевременно приветственной* ***телеграммы*** [Ч2: 52-53]; *Я написал письмо, как прилетел, и оттого не давал* ***телеграмму*** [А: 33].

IV. Оценочные.

Критика адресата за присланную телеграмму / большой объем телеграммы в связи с большими расходами адресата (в письмах А.П. Чехова – 2 с/у, М. Горького – 3 с/у): *Милая актрисуля, эксплоататорша души моей,*

зачем ты прислала мне ***телеграмму****? Уж лучше бы про себя телеграфировала, чем по такому пустому поводу* [Ч2: 439]; *Вы изобразите мне письмом, кто это разорил Вас на такую длинную* ***телеграмму*** [Г1: 45].

Высокая частотность типовых ситуаций «Просьба к адресату прислать автору телеграмму с определенной информацией» (всего 29 с/у), «Сообщение адресату содержания телеграммы третьего лица, адресованной автору» (всего 29 с/у), «Сообщение о получении автором телеграммы третьего лица» (всего 27 с/у) подтверждает тот очевидный факт, что главная функция телеграммы, в отличие от письма, состоит в передаче / получении информации в течение короткого промежутка времени.

Сравнительный анализ количества употреблений слова *телеграмма* в письмах анализируемых авторов позволяет сделать вывод о том, что в качестве средства быстрой передачи информации телеграммы активнее всего использовались на рубеже веков.

Типовые ситуации, реализуемые высказываниями со словом *телеграмма*, во многом сходны с теми, которые представлены высказываниями со словом *письмо*, однако есть и отличия. Высказывания, реализующие сообщения о том, что третье лицо передавало телеграмму, адресованную автору, по телефону иллюстрирует иной, по сравнению с письмами, способ передачи информации, а высказывания, содержащие критику адресата за присланную телеграмму или за большой объем телеграммы, – высокую стоимость отправки телеграммы на рубеже XIX и XX вв.

Большинство типовых ситуаций, отмеченных в письмах одного из анализируемых авторов, также обусловлено желанием автора сократить свои расходы или расходы адресата на телеграмму.

В частности, в письмах А.П. Чехова содержатся указания о том, как следует «зашифровать» (5 с/у) или «расшифровать» (2 с/у) телеграмму, чтобы автор письма смог сэкономить на ее отправке: *Жоржик оказал бы мне великую услугу, если бы в* мой счет *телеграфировал мне.* ***Телеграмма***

должна быть такая: «Badenweiler Tschechow. Bien. 16. Vendredi». Это значит bien – пароход хорош, 16 – число дней путешествия, Vendredi – день отхода парохода из Триеста [Ч2: 599]; *Если я пришлю к вам на дачу* ***телеграмму*** *такого рода: «Вторник дачным Алексея», то это значит, что приеду во вторник с дачным поездом и прошу выслать Алексея* [Ч1: 146].

В письмах М. Горького представлена критика адресата за отправку телеграммы автору письма на два адреса (2 с/у): *А за поздравления спасибо! Но – почему по двум адресам посылаешь* ***телеграммы****? Береги деньги…* [Г1: 316].

В эпистолярии В.П. Астафьева отмечены рекомендации адресату не отправлять телеграмму (2 с/у): *Если предложение мое не проходит, то не надо тратиться и на* ***телеграмму*** [А: 394].

В письмах В.П. Астафьева также встречаются сообщения о написании автором письма вместе телеграммы, специфика которой не позволяет осуществить полноценное эпистолярное общение (3 с/у): *Сегодня 15-е. До 30-го письмо мое дойдет, поэтому лучше в письме несколько слов, а* ***телеграммы****, справки и автографы – не мой жанр* [А: 306].

Таким образом, типовые ситуации, реализованные высказываниями со словом *телеграмма*, позволяют описать модель одноименного концепта следующим образом: 1) в центре фрейма находится образ человека, который пишет / отправляет / получает телеграмму; ее автором является создатель письма (для первых двух действий), адресат или третье лицо (для третьего действия), причем обстоятельства отправки телеграммы нередко эксплицированы в письме; 2) телеграмма достигает адресата значительно быстрее, чем письмо, содержит важную для адресата информацию; 3) телеграмма не может заменить письма, однако ее прочтение может вызвать у человека эмоции, подобные тем, которые появились бы при прочтении письма; 4) стоимость отправки телеграммы выше стоимости отправки письма, поэтому она должна быть короткой, а ее отправка – обусловлена необходимостью.

Лексема *телефон* в письмах Л.Н. Толстого представлена всего 1 с/у, в эпистоляриях остальных анализируемых авторов конца XIX-XX вв. данное слово становится более частотным (см. диаграмму 5 приложения 2): в письмах А.П. Чехова – 22 с/у, М. Горького – 13 с/у, М.А. Шолохова – 13 с/у, В.П. Астафьева – 52 с/у.

В результате анализа употребления высказываний, включающих данные лексемы, было установлено, что для эпистолярного текста характерно употребление слова *телефон* в определенных ситуациях, соотносимых с РА (в данной ниже типологии представлены только ситуации, отмеченные в письмах двух и более авторов; полный перечень типовых ситуаций см. в таблице 3 приложения 2).

1. Сообщение адресату:

а) о звонке третьего лица автору (в письмах М.А. Шолохова – 1 с/у, В.П. Астафьева – 4 с/у): *Гришин сам ходил туда, он часа четыре назад звонил мне по* ***телефону*** *и рассказал, что против моей кандидатуры не только не возражали, но приняли весьма благосклонно* [Ш: 59]; *Когда меня спросили по* ***телефону****, кто бы сделал на этом обсуждении вступительное слово, я брякнул о Вас* [А: 70];

б) о передаче телеграммы третьего лица по телефону (в письмах А.П. Чехова – 4 с/у, М. Горького – 1 с/у, М.А. Шолохова – 1 с/у): ***Телеграммы*** *стали приходить 27-го вечером, когда я был уже в постели. Их мне передают по* ***телефону*** [Ч2: 358]; *Сейчас жену вызвали на дачу хозяев, и там Ярцев по* ***телефону*** *передал ей содержание телеграммы из Киева от жены моего старого товарища Николая Захаровича Васильева…* [Г1: 205]; *Затем* [Овчинников. – Т.А.] *пошел на телеграф, предложил, чтобы телеграмму передали не по телеграфу, а по* ***телефону****. Телеграмму передали при нем* [Ш: 179];

в) номера телефона автора (в письмах М. Горького – 2 с/у, М.А. Шолохова – 1 с/у, В.П. Астафьева – 4 с/у): ***Телефон*** *мой 3-17-09* [Г3:

228]; *Мой* ***телефон*** *Т-1-59-61* [Ш: 356]; ***Телефон*** *у меня здесь 2-70-55 (через Дивногорск)* [А: 536];

г) о многочисленных звонках третьих лиц, отвлекающих автора от работы (в письмах А.П. Чехова – 2 с/у, В.П. Астафьева – 8 с/у): *Целый день звонит* ***телефон****, надоедают посетители* [Ч2: 374]; *Заедает текучка, в связи с приближением Дня Победы – просто отрывают рукава и не смолкает* ***телефон*** [А: 577].

2. Просьба к адресату о сообщении нужной автору информации по телефону (в письмах А.П. Чехова – 2 с/у, М. Горького – 2 с/у, М.А. Шолохова – 3 с/у, В.П. Астафьева – 2 с/у): *Когда приедете в Ялту, то непременно в тот же вечер дайте мне знать по* ***телефону****, доставьте мне это удовольствие* [Ч2: 588]; *Из Москвы сообщили, что мне будет посылка – книги; если получится, попросите сообщить мне по* ***телефону*** [Г3: 207]; *В Москве я буду примерно числа 10 июля; не откажите в любезности «звякнуть» мне по* ***телефону*** *(3-13-83)* [Ш: 204]; *Отбейте телеграмму или позвоните в Вологду по* ***телефону*** *2-21-07, и, если согласитесь, я и вышлю рукопись* [А: 284].

Среди типовых ситуаций, реализуемых высказываниями со словом *телефон*, отмечены только ситуации сообщения и просьбы, что свидетельствует о том, что телефон для анализируемых авторов представляет собой в первую очередь средство передачи информации. Особо отметим типовую ситуацию «Сообщение адресату номера телефона автора», появляющуюся в письмах с начала XX в. и иллюстрирующую увеличение количества абонентов городской телефонной сети.

Частотность употребления слова *телефон* в письмах анализируемых авторов может свидетельствовать о том, что телефон представлял наиболее важное средством общения для А.П. Чехова и В.П. Астафьева. У этих авторов находим типовые ситуации, реализованные высказываниями с лексемой *телефон*, которые не отмечены в эпистоляриях других писателей, что подтверждает данное предположение.

Так, в письмах А.П. Чехова отмечена типовая ситуация, связанная с сообщением адресату информации, которая была получена автором от третьих лиц по телефону (4 с/у): *Вчера Варвара Константин[овна] сообщила мне по* ***телефону****, что я утвержден в должности члена попечительного совета гимназии* [Ч2: 265-266].

В эпистолярии В.П. Астафьева встречаются высказывания, в которых автор жалуется адресату на то, что телефон в его квартире не работает / работает плохо (4 с/у): ***Телефон*** *у нас опять не работает (третий раз только в апреле выходят из строя кабеля, то их режут, то варят в горячей воде)…* [А: 407], а также сообщает о том, что при подготовке рукописи к изданию общается с редактором по телефону (3 с/у): *Когда напечатается «Веселый солдат» – май-июнь в «Новом мире» – сегодня я жду звонка, чтобы прочесть по* ***телефону*** *правку в верстке, то сложится книга из трех повестей: «Так хочется жить», «Обертон» и «Веселый солдат»* [А: 661].

Как видим, авторы анализируемых писем в основном используют телефон для передачи или получения необходимой информации, при этом общение по телефону иногда отвлекает их от важных дел. Кроме того, в высказываниях со словом *телефон*, реализующих типовую ситуацию «Сообщение адресату номера телефона автора», находит отражение появление с начала XX в. номеров городских телефонов.

Таким образом, результатом характеристики вербального окружения лексем, обозначающих средства дистантного общения, является описание специфических типовых ситуаций, реализуемых в высказываниях с данными лексемами, а также контекстуального окружения этих единиц. Выявленная специфика употребления анализируемых слов в частных письмах русских писателей, а также ее изменения, обусловленные экстралингвистическими факторами, позволяют получить представление о традициях, связанных с дистантным общением, и об их эволюции на протяжении последних двух столетий.

2.2.2. Особенности употребления и эволюция в использовании лексем, обозначающих материалы и инструменты для письма

Слова, обозначающие материалы для письма, употребляются каждым из рассматриваемых авторов. Так, наиболее активно используется слово *бумага* (всего 304 с/у; в письмах А.С. Пушкина – 32 с/у, Л.Н. Толстого – 64 с/у, А.П. Чехова – 48 с/у, М. Горького – 32 с/у, М.А. Шолохова – 22 с/у, В.П. Астафьева – 104 с/у); почти в три раза реже встречается слово *лист*, включая его словообразовательные дериваты (всего 118 с/у; в письмах анализируемых авторов соответственно 26, 21, 21, 20, 10, 20 с/у), более частотным по сравнению с ним является слово *страница* (всего 185 с/у, в письмах – соответственно 7, 23, 34, 48, 9, 64 с/у). Лексема *чернила* также отмечена в письмах всех анализируемых авторов (всего 29 с/у; в письмах – соответственно 1, 5, 4, 6, 1, 12 с/у).

В отличие от материалов для письма, которые на протяжении XIX-XX вв. остаются неизменными, инструменты для письма претерпевают значительную эволюцию: на рубеже веков появляются первые пишущие машинки, которые быстро завоевывают популярность у людей, чья профессия связана с печатным словом; в середине XX в. изобретена шариковая ручка, которая, благодаря удобству, вытеснила прежний способ письма с помощью пера и чернил. Данные факты находят отражение в писательском эпистолярии: начиная с писем А.П. Чехова отмечены с/у словосочетания *пишущая машина* и, далее, слова *машинка* (всего 72 с/у; соответственно 1, 9, 3, 59 с/у); в письмах В.П. Астафьева отмечено употребление слова *ручка* (15 с/у). В то же время в письмах всех анализируемых авторов используются слова *перо* (всего 62 с/у; соответственно 18, 8, 15, 8, 4, 9) и *карандаш* (всего 32 с/у; соответственно 3, 9, 7, 8, 3, 2 с/у), поскольку данные инструменты для письма являются традиционными и неизменными на протяжении рассматриваемого периода (см. таблицу 4 приложения 2).

Анализ употребления лексем, обозначающих материалы и инструменты для письма, в частных письмах позволил установить, что они используются в высказываниях, реализующих определенные ситуации, соотносимые с РА (ниже перечислены группы, представленные примерами, которые отмечены как минимум у двух авторов, причем у каждого из них более 1 с/у).

I. Просьба:

1) о присылке материалов для письма:

а) бумаги: *Пришли мне **бумаги** почтовой и простой...* [П1: 335]; *Привезите ... почтовой бумаги большого формата* [Ч1: 64]; *Кончилась у меня, братцы, **бумага**. <…> Пришлите стопу для печатания* [Ш: 150];

б) чернил: *Скажи Ольге, чтобы, когда будет на Кузнецком, взяла у Мюра I бутылку **чернил**, так называемых «антраценовых», и привезла бы с собой* [Ч2: 486]; *Боюсь, что у меня не хватит **чернил**, и к тебе большая просьба – найти и с кем-нибудь переслать в Москву и из Москвы мне флакончик черных **чернил**…* [А: 453];

2) о пересылке / передаче листа бумаги, содержащего важное сообщение: *Пришлите мне назад **листик** этот* [П2: 175]; *Второй **поллистик** передайте Некрасову* [Т1: 405]; *Если список рассказов для II тома затерян, то пошлите в типографию прилагаемый **листок*** [Ч2: 350]; *Прилагаемый **листок** будьте любезны передать Ивану Павловичу, если он не уехал* [Г1: 390].

II. Извинение:

1) в связи с отсутствием почтовой бумаги: *Вчера пришел домой в ½ 3-го с головной болью и, главное, оттого, что не было **бумаги** и конверта, не мог написать тебе* [Т1: 677]; *Простите, дорогой Алексей Николаевич, что пишу на простой **бумаге**; почтовой нет ни одного **листа**…* [Ч1: 273];

2) в связи с недостаточным или избыточным объемом письма автора: *Извините, ежели старинный приятель пишет вам только две строчки*

с половиной – в будущую почту напишет он две ***страницы*** *1/2* [П1: 20]; *Простите, Дмитрий Васильевич, мне так понравился Ваш рассказ, что я готов исписать Вам дюжину* ***листов****, хотя отлично знаю, что не могу сказать Вам ничего нового, хорошего* и *дельного* [Ч1: 123].

III. Упрек в связи недостаточным или избыточным объемом письма адресата: *У тебя нарывы, а ты пишешь мне четыре* ***страницы*** *кругом. Как тебе не совестно! Не могла ты мне сказать в четырех строчках о себе и о детях* [П3: 160]; *Пожалуйста не засни на лаврах, которыми ты можешь воображать, что увенчался, написав мне письмо в* $^{3}/_{4}$ *почтового* ***листа****, а продолжай мне писать почаще и подлиннее…* [Т1: 339];

IV. Благодарность за подарок / сообщение о подарке: *Благодарю вас очень и за* ***карандаши*** *(имею к ним слабость), и за карты, и за книги* [Т2: 222]; *Сердечно благодарю Вас, дорогой собрат, за милый Ваш подарок. Писать агатовым* ***карандашом*** *едва ли буду, а – сохраню его бережно…* [Г2: 235]; *И еще* [переводчица из города Тяньцзин. – Т.А.] *двухконечную* ***ручку*** *подарила, на которой иероглифы с пожеланием вечного здоровья, долголетия и мира в душе* [А: 472].

V. Сообщение:

1) о качестве материалов для письма, их характеристика: *... я воображаю себе <…> новое исправленное издание – на веленевой* ***бумаге****…* [Т1: 340-341]; *Спасибо, получил свою «Татьяну Репину».* ***Бумага*** *очень хорошая* [Ч1: 367]; ***Чернила*** *скверные, а на перо вечно садятся какие-то волоски и кусочки* [Ч1: 462]; *А плохо издают книги В.Г.,* ***бумага*** *пухлая, нестойкая, брошюровка тоже нехороша* [Г3: 108]; *… перепечатано вообще неважно и* ***бумага*** *разношерстная* [Ш: 123]; *Я рядовой окопный, трижды раненый боец (пишу и работаю с одним зрячим глазом, поэтому на клетчатой* ***бумаге****)…* [А: 456]; *Ведь написал 520 страниц, исписал почти две чернильницы этих вот хороших американских* ***чернил****...* [А: 525];

2) об экономии материалов для письма: *Я все трачу* ***чернила*** *и* ***бумагу****, хотя с большой экономией, но трачу* [Т3: 676]; *Письмо Ваше к Суворину*

отправил я в корзину, предварительно оторвав чистую половинку почтового ***листа*** [Ч1: 423]; *(На полях). Экономлю* ***бумагу****, боюсь не умещу.* [Ш: 32];

3) о причинах завершения эпистолярного общения: ***Лист*** *кругом; на сей раз полно* [П1: 357]; *Однако я исписываю уж 3-й* ***лист****. Ночь. Простите, пожалуйста. Поклон всем Вашим* [Ч1: 285]; *Летит самолет за Светланой, да и* ***бумага*** *кончается. Напиши письмишко в ответ. Еще раз обнимаю* [Ш: 638]; *Ну, будь здоров,* ***лист*** *кончается* [А: 21]; *Кончаются* ***чернила****, третий флакон, а тыкать в посудину мне надоело. Так закругляюсь* [А: 536];

4) об объеме текста письма, дневника или рукописи, написанного:

а) автором: *Милый мой ангел! я было написал тебе письмо на четырех* ***страницах****, но оно вышло такое горькое и мрачное, что я его тебе не послал, а пишу другое* [П3: 262]; *У меня лежит начатое на 4-х* ***страницах*** *письмо к вам, но я его не пошлю* [Т1: 607]; *Сейчас написал тебе было два* ***листочка*** *и бросил, не послал* [Т2: 452]; *Я послал вам в два раза 16* ***страниц*** *дневника и удивляюсь, что они еще не получены вами* [Ч1: 139]; *Рассказ большой – 62* ***страницы****…* [А: 357];

б) третьим лицом: *Вчера какой-то, по-видимому, очень молодой человек прислал мне из Воронежа рукопись* ***листов*** *в 40, мелко исписанную* [Ч1: 540]; *Не так давно нежданно-негаданно, не будучи с ним* [Григоровичем. – Т.А.] *знаком, я получил от него письмо в полтора* ***листа*** [Ч1: 94]; *Теперь он, наверное, пришлет еще только одно письмо, в котором излает меня вдребезги, а больше уже не будет писать мне ни на трех, ни на четырех* ***листах*** *почтовой* ***бумаги*** *большого формата* [Г1: 175];

5) о номере листа / страницы печатного издания или рукописи: *Статью о воспитании – я получил первый* ***лист*** *и нынче – третий, но второго у меня нет* [Т3: 518]; *Третий день ничего не делаю, кроме того, что читаю вашу книгу. <…> Я на 312* ***странице*** *теперь* [Т2: 130]; *Однако Вы не удержались и на* ***странице*** *180 описали Софью Петровну* [Ч2: 62]; *Возьмите хотя бы только одну сцену – с начала 3-й страницы, когда евреи*

прячутся, – какой трагизм! [Г1: 411]; *С первой* ***страницы*** *ты смотришь на мир, положивши руки, а парень с гармошкой – сзади на развороте* [Ш: 116-117]; *... перешел сегодня на 200* ***страницу*** *черновика...* [А: 454];

б) о пометках в тексте художественного произведения:

а) сделанных автором: *Вы найдете в конце книги пьесы, отмеченные* ***карандашом****…* [П3: 536]; *Четвертый акт с того места, где отчеркнуто красным* ***карандашом****, много изменен* [Т2: 125]; *Рассказ очень хорош, начиная с того места, которое я отметил красным* ***карандашом*** [Ч2: 155]; *Посылаю книгу «Песни о свободе» – подчеркнутое синим* ***карандашом*** *интереснее других* [Г1: 382]; *... я уже сам, по доброй воле, поработал за цензуру и* ***карандашом*** *снял «опасные места»…* [А: 367];

б) сделанных редакторами или цензорами: *Ты думал, что твоя статья о партизанской войне пройдет сквозь цензуру цела и невредима. Ты ошибся: она не избежала красных* ***чернил*** [П3: 475]; *Поправки* [к статье Сакена. – Т.А.] *сделаны черными* ***чернилами*** *Хрулевым…* [Т1: 386]; *Цензор наметил синим* ***карандашом*** *места, которые ему не нравятся…* [Ч2: 104]; *Никаких объяснений, и, судя по отметкам* ***карандашом*** *на полях рукописи, – она не прочитана и на треть* [Г1: 11];

7) о писательской деятельности автора:

а) в целом: *... я <…> сам выдумываю людей, женщин, живу с ними, мараю* ***бумагу...*** [Т1: 486]; *Но сам ведь виноват, не работал бы, не марал* ***бумагу****, и здоровье бы сохранилось…* [А: 376]; *Царапаю потихоньку* ***бумагу****, жалко затихающего и затухающего в душе и памяти материала* [А: 671]; *Я еще ничего, чего-то корябаю на* ***бумаге****, изредка печатаюсь…* [А: 626], ср.: *Я сижу в деревне, нет здесь ни телеграфа, ни попутного нарочного передать вам какое-то послание. Вот корябаю* ***пером*** *своим на* ***бумаге****…* [А: 652];

б) о сложности процесса написания художественного произведения и непредсказуемости его результатов: *Тоже мытарюсь и маюсь <…> в тщетных попытках переложить наше грозовое время на* ***бумагу...*** [Ш:

161]; *Над иной вещью бьешься, бьешься. <…> Что было в башке, там и осталось, а на **бумагу** сопливые вышлепки вылились* [А: 117]; *Но счастье бывает самое большее тогда, когда вдруг из ничего, из обыкновенного пузырька с **чернилами** извлечешь что-то похожее на жизнь…* [А: 157];

в) о перерыве в процессе письма: *Я написал его* [первый том «Островского». – Т.А.] *в две недели, но остановился по причине жестокого рюматизма, от которого прострадал другие две недели, так что не брался за **перо**…* [П3: 88]; *Я не писал тебе потому, что свинство почты так меня охолодило, что я **пера** в руки взять был не в силе* [П3: 259]; *Я не брал в руки **пера** два месяца и очень доволен своим летом* [Т1: 771-772]; *Все лето проболел, не работал, только что берусь за **перо*** [Ш: 302];

г) о начале процесса процессе работы над художественным произведением или написанием письма после перерыва: … *однако я еще писать не принимался, и в первый раз беру **перо**, чтоб с тобою побеседовать* [П3: *309*]; *Поверите ли, что я должен переломить стыд, который испытываю, чтобы взяться за **перо** и писать вам* [Т1: 389]; *... пославши ответ на телеграмму, я взялся за **перо**, чтобы написать Вам* [Ч2: 367]; *Несколько дней было тяжело, и сегодня впервые берусь за **ручку*** [А: 112] (Отметим, что в словаре у устойчивых выражений *взяться, браться за перо* и *брать, взять перо* отмечено только значение ‘начинать заниматься литературным трудом, пробовать писать художественные вещи’ [БТС: 825]. Вероятно, значение ‘начинать писать письмо’ свойственно любому эпистолярному тексту, а значение ‘начинать процесс работы над художественным произведением’ характерно прежде всего для писательского эпистолярия.);

д) о невозможности писать художественное произведение или письмо: *Кстати о гадости – читал я «Федру» Лобанова – хотел писать на нее критику <…> – **перо** вывалилось из рук* [П1: 211]; ***Перо** из рук валится, и я вовсе не работаю* [Ч1: 160]; *Хотел написать о многом, о постановке (должна же удаться она), но завтра мне в 3 утра выезжать в Каргинскую,*

<…> а сейчас 12, сижу, и ***перо*** *падает из рук…* [Ш: 93]; *И вообще на* ***бумагу*** *и* ***чернила*** *смотреть не могу, хочу отдохнуть как следует...* [А: 666]; *Правда, никак не могу после смерти отца наладиться, или уж стар и ленив стал, но на* ***ручку*** *и* ***чернила*** *даже смотреть не могу* [А: 294];

8) о создании машинописного варианта:

а) художественного произведения: *... я все-таки заказал напечатать 2 экземпляра на ремингтоне (****машина*** *печатает 2 экземпляра сразу) – и один пришлю Вам* [Ч2: 95]; *Стихи посланы в копиях, напечатанных на* ***машинке*** [Г2: 354]; *Дама, которая управляет сией* ***машиной****, работает весьма медленно, и я, по всей вероятности, пока она кончит печатать роман, успею написать другой* [Ш: 55-56]; *Вчера поставил точку, и Марья начала печатать рукопись на* ***машинке*** [А: 27];

б) письма с указанием причины того, почему письмо напечатано на машинке, а не написано от руки / извинение за такое оформление письма:

б1) плохой почерк: *Чтобы вы не говорили, что я плохо пишу и меня нельзя читать, – вот я напечатал это письмо на* ***машинке*** [Г2: 149]; *Почерк мой ужасный, поэтому Марья Семеновна напечатает письмо на* ***машинке*** [А: 404];

б2) временные сложности с письмом от руки: *Рука моя огрубела от убийства вальдшнепов, гусей и пр[очей] пернатой дичи так, что уже не в состоянии держать* ***перо****. А поэтому я прибегаю к помощи* ***пишмаши*** [Ш: 632]; *Даю на* ***машинку*** *письмо, ибо недавно из больницы и руки еще дрожат* [А: 342];

б3) обе вышеприведенные причины одновременно: *Еще извини, что отдал письмо на* ***машинку*** *жене. Почерк у меня ужасный, а тут еще рука болит и пишу с трудом и вовсе неразборчиво* [А: 146];

9) о письменной форме:

а) сообщения: *Об Вяземском получил известие. Перешли ему, душа моя, все, что ты имеешь на* ***бумаге*** *и в памяти из моих новых сочинений* [П1: 393]; *Меня в Люцерне сильно поразило одно обстоятельство, которое*

я почувствовал потребность выразить на ***бумаге*** [Т1: 483]; *Целый день сижу, читаю и делаю выписки. В голове и на* ***бумаге*** *нет ничего, кроме Сахалина* [Ч1: 414]; *Излагая впечатления на* ***бумаге****, я продаю оные и плачу людям деньги, оставляя жизнь моим кредиторам навсегда!* [Г1: 108];

б) общения: *Впрочем, я свое дело сделал и с Толстым на* ***бумаге*** *более связываться не хочу* [П1: 111]; *Не имея счастья тебя увидеть еще раз, я принимаюсь за* ***чернила*** [Ч1: 6];

10) о предпочтении реального общения эпистолярной коммуникации: *Я не люблю писать писем. Язык и голос едва ли достаточны для наших мыслей – а* ***перо*** *так глупо, так медленно – письмо не может заменить разговора* [П1: 31]; *Очень вы мне недостаете. На* ***бумаге*** *всего не расскажешь* [Т3: 747]; *О своем путешествии расскажу Вам в Питере. Буду рассказывать часа два, а описывать его на* ***бумаге*** *не буду, ибо описание выйдет кратко и бледно* [Ч1: 257]; *Не хочу я говорить с тобой вот через эту трехметровую* ***бумагу****. Хочу видеть и слышать тебя* [Ш: 115]; *Словами-то я бы, наверное, об Анатолии Дмитриевиче сказал бы горячей и лучше, чем на* ***бумаге*** [А: 515].

Как видим, для слов *бумага*, *чернила*, *карандаш*, *ручка* характерно употребление в сочетании с характеризующим его прилагательным; лексемы *лист*, *страница* часто содержат при себе числительные, а слова *перо*, *ручка* нередко используются в составе фразеологизированных глагольно-именных сочетаний.

Замена одной из анализируемых лексем на другую в одной и той же ситуации или отсутствие высказываний, реализующих ту или иную ситуацию, в письмах определенного периода могут свидетельствовать об изменении: 1) реалий, связанных с этикетом (в XIX – начале XX в. в качестве подарка используется карандаш, в XX в. – ручка) или процессом письма (с середины XX в. – авторучка вместо пера); 2) традиций в использовании материалов и инструментов для письма в издательской деятельности (с конца XIX в. пометки делаются карандашом вместо чернил,

на рубеже веков появляется печатная машина) и в эпистолярном общении (с середины XX в. появляется возможность напечатать письмо на машинке, а вместо специальной почтовой бумаги используется обычная).

Таким образом, результатом характеристики вербального окружения лексем, обозначающих инструменты и материалы для письма, является выявление специфических типовых ситуаций, реализуемых в высказываниях с данными лексемами, а также контекстуального окружения этих единиц. Установленная специфика употребления анализируемых слов в частных письмах русских писателей, а также ее изменения, обусловленные экстралингвистическими факторами, позволяют получить представление о традициях, связанных с использованием инструментов и материалов для письма, и в том числе об эпистолярном этикете и его эволюции на протяжении последних двух столетий.

2.2.3. Особенности употребления и эволюция в использовании лексем, обозначающих средства передвижения

Экстралингвистические факторы, а именно технический прогресс, находят отражение в эпистолярии прежде всего в использовании конкретных лексем, обозначающих средства передвижения, в письмах, относящихся к разным временным периодам.

Так, только в эпистолярии XIX в. отмечены слова *дилижанс* (в письмах А.С. Пушкина – 3 с/у, Л.Н. Толстого – 2 с/у), *тарантас* (в письмах Л.Н. Толстого – 3 с/у, А.П. Чехова – 8 с/у), *карета* (в письмах А.С. Пушкина – 12 с/у, Л.Н. Толстого – 7 с/у, А.П. Чехова – 1 с/у), *коляска* (12, 2, 9 с/у соответственно); *тройка* (2, 3, 4 с/у), *экипаж* (2, 10, 8 с/у).

Железнодорожное сообщение в России появилось после 1837 года, а первые пассажирские перевозки на судах по Волге – с середины XIX в., поэтому единицы *железная дорога* (у Л.Н. Толстого – 13 с/у, А.П. Чехова – 10 с/у, М. Горького – 3 с/у, М.А. Шолохова – 3 с/у, В.П. Астафьева – 2 с/у),

поезд (8, 30, 9, 7, 19 с/у соответственно), *вагон* (7, 19, 12, 1, 6 с/у), *пароход* (5, 97, 13, 6, 15 с/у) не отмечены в письмах А.С. Пушкина.

Активное использование автомобильного и воздушного транспорта началось на рубеже веков, и данный факт также находит отражение в анализируемом материале: в письмах М. Горького отмечено употребление слов *автомобиль* (3 с/у), *аэроплан* (4 с/у), в письмах М.А. Шолохова и В.П. Астафьева – *машина* (18 и 32 с/у), *самолет* (10 и 28 с/у), у В.П. Астафьева – *вертолет* (11 с/у); лексема *трактор* активно используется в эпистолярии М.А. Шолохова (17 с/у), в письмах М. Горького и В.П. Астафьева она встречается значительно реже (4 и 3 с/у).

В то же время в письмах каждого из анализируемых авторов представлены и слова, обозначающие «вечные», не зависящие от времени средства передвижения: *пешком* (6, 6, 13, 7, 3, 11 с/у), *лошадь* (15, 45, 61, 18, 1, 10 с/у), *верхом* (15, 4, 3, 4, 2, 1 с/у), *сани / санки* (2, 9, 6, 3, 2, 1 с/у). Полагаем, что уменьшение числа употреблений лексем, обозначающих передвижение на конной тяге, также обусловлено экстралингвистическими факторами, а именно снижением популярности данного вида транспорта, которое связано с развитием технического прогресса (полный перечень лексем, обозначающих средства передвижения, см. в таблице 5 приложения 2).

Анализ употребления лексем, обозначающих средства передвижения, в частных письмах позволил установить, что они используются в высказываниях, реализующих определенные ситуации, соотносимые с РА (ниже представлены типовые ситуации, встречающиеся как минимум у трех авторов, причем у каждого из них более 1 с/у).

I. Сообщение:

1) о времяпрепровождении автора и / или лиц из его окружения: *Вот уж три дня, как я только что гуляю то* ***пешком****, то* ***верхом*** [П3: 375]; *Мамаша сегодня говела* и *ездила в церковь на собственной* ***лошади****; папаша вывалился из* ***саней*** *– до того был стремителен бег* ***коня****!* [Ч1: 563];

Прислуги нет, готовим сами и все делаем сами. Я – мою посуду, Зина ездит ***верхом*** *за провизией, профессор – варит чай, кофе и т.д.* [Г1: 447]; *Недавно ездил я по району на* ***машине*** *и вот на той стороне Дона в степи верстах в 80 от Вешек увидел волка* [Ш: 147]; *Он-то* [комар. – Т.А.] *и выгнал нас с берега – бежали с попутным* ***катером****, а улетали* ***самолетом*** *и летали долго, непогода гоняла…* [А: 108];

2) о поездке / путешествии автора и / или лиц из его окружения: *Собирался я выехать в зимнем* ***дилижансе****, но мне объявили, что по причине оттепели должен я отправиться в летнем; взяли с меня лишних 30 рублей и посадили в четвероместную* ***карету*** *вместе с двумя товарищами* [П2: 658]; *Вчера я на* ***лошадях*** *вернулся к вечеру из Людинова* [Т2: 55]; *Дорогой Алексей Максимович, я был на сих днях в Перми, потом поплыл выше в Усолье, теперь по* ***железной дороге*** *спускаюсь опять до Перми…* [Ч2: 498]; *Поездку по Скандинавии все же совершил, сопутствуемый М.П., дочерью и сыном.* ***Самолетом*** *до Копенгагена,* ***поездом*** *до Осло,* ***поездом*** *же до Стокгольма и оттуда самолетом до Хельсинки* [Ш: 549]; *Из Свердловска М.С. поехала* ***поездом*** *домой, а я на* ***самолете*** *– в Москву…* [А: 272];

3) о планах автора и / или лиц из его окружения: *Погода превосходная, и мы хотим воспользоваться ею, чтобы съездить в Богородицкий уезд: я, Таня, Наташа и Лева. <…> Если будет дурная погода, то не поедем* ***санями****, а вернемся* ***железной дорогой*** [Т2: 238-239]; *Отсюда еду на Байкал, потом в Читу, Сретенск, где меняю* ***лошадей*** *на* ***пароход****, и плыву по Амуру до своей цели* [Ч1: 467]; *Жена с ребенком уезжает на* ***пароходе*** *по Волге, приедет – отправится в Каму, до Перми* [Г1: 81]; *… в субботу 11 апреля выезжаем в г. Ниццу на юге Франции. Оттуда* ***машиной*** *поедем в г. Марсель, в княжество Монако и – в Париж* [Ш: 458]; *Собираюсь в конце апреля слетать в Тарханы. От нас ходит* ***самолет*** *в Самару, а оттуда своим ходом двинемся к пензякам* [А: 622];

4) об изменениях в движении транспорта в связи с погодными условиями: *В Тулу ездят на **колесах**, и на Козловку уже едва ли проедешь на **санях**. В низах вода; но и воды, и снега мало, везде проехать можно* [Т2: 10]; *Утром не захотели везти на **пароме**: ветер. Пришлось плыть на **лодке*** [Ч1: 453]; *Теперь* [до станицы Вешенской. – Т.А.] *и на ваших замечательных покрышках не доберешься. Снег, **машины** не ходят* [Ш: 250-251]; *Все бы хорошо, но опять горела без конца и края матушка-тайга, **самолеты** ходить не могли – на небе солнце угасало от дыма* [А: 397];

5) о престижности владения / пользования транспортным средством: *Г-жа Дембицкая мечтает о том, чтоб жить в Петербурге, ездить на 30 балов в зиму, принимать у себя хороших приятелей и кататься по Невскому в своей **карете*** [Т1: 429]; *На правах великого писателя я все время в Питере катался в **ландо** и пил шампанское* [Ч1: 214-215]; *Так вот, на писателя не похожий, и до се живу. Сейчас хоть дубленка есть, **машина**, дом в деревне, и волосья не стригу – сами вылезают, а бывали времена* [А: 388];

6) о продаже / покупке транспортного средства: ***Лошади** мои не продаются, несмотря на участие, которое ты в этом принимал…* [Т1: 350]; *Поздравьте: свой собственный **экипаж** я продал в Иркутске* [Ч1: 472]; *И еще я купил себе **машину** «Волгу», чтобы было на чем ездить в Сиблу…* [А: 216];

7) о расходах автора, связанных с приобретением / продажей личного транспорта: *Теперь, кажется, все уладил и стану жить потихоньку без тещи, без **экипажа**, следственно – без больших расходов и без сплетен* [П2: 494]; *На **коляске** я потерпел больше 160 рублей убытку* [Ч1: 482]; *Никогда не заключал заранее договоров, а тут покупка **машины** и прочее выбили из финансов, вогнали в кабалу, вот и приходится вкалывать до изнеможения* [А: 333];

8) окончании эпистолярного общения с адресатом: *Сейчас еду, **лошади** уже заложены* [П3: 308]; *Прощайте. Подана **лошадь*** [Ч1: 143];

Дорогой А.Н. – сейчас садимся на ***лошадей*** *и едем. Когда увидимся?* [Г1: 419]; *Летит* ***самолет*** *за Светланой, да и бумага кончается. <…> Еще раз обнимаю* [Ш: 638];

9) о прогрессе / регрессе общества, связанном с появлением / исчезновением транспортных средств: *Мы живем в печальном веке, но когда воображаю Лондон, чугунные дороги, паровые* ***корабли****, английские журналы или парижские театры и бордели – то мое глухое Михайловское наводит на меня тоску и бешенство* [П1: 618]; *В деле прогресса России, мне кажется, что, как ни полезны телеграфы, дороги,* ***пароходы****, штуцера, литература (со всем своим фондом), театры, Академии художеств и т.д., а все это преждевременно и напрасно до тех пор, пока из календаря будет видно, что в России, включая всех будто бы учащихся, учится* $^{1}/_{100}$ *доля всего народонаселения* [Т1: 544]; *Я видел, как мужики впервые знакомились с его* [комбайна. – Т.А.] *работой, и я совершенно уверенно говорю:* ***аэроплан***, ***подводная лодка****, радио и даже будущий полет на луну – все это пустяки в сравнении с* ***трактором*** *и* ***комбайном*** [Г3: 177]; *Время мало касается наших российских людей. Больше это касается транспортных средств –* ***лошадей*** *не стало, так ходят* ***пешком*** *и носят на себе грузы разные: котомки, вязанки сена, вязанки дров* [А: 102].

II. Приглашение:

1) с описанием предстоящего времяпрепровождения: *Ах, мой милый! что за прелесть здешняя деревня! вообрази: степь да степь; соседей ни души; езди* ***верхом*** *сколько душе угодно, пиши дома сколько вздумается, никто не помешает. Уж я тебе наготовлю всячины, и прозы и стихов* [П2: 317]; *Не побываете ли Вы в Крыму весной? Из Ялты можно было бы на* ***лошадях*** *в Феодосию, в монастырь* [Ч1: 412]; *Возьмем мы с Вами* ***лодку****, я буду Вас возить по реке, а приедем на рыбное место – я буду книжку читать, а Вы – дожидаться, пока окунь клюнет. Милое житье, ей-богу!* [Г1: 250]; *Если замаскироваться с* ***лодкой*** *на середине в камыше, – то Вы представляете, какая будет на вечер. и утрен. зорях охота? Вы – на* ***лодке****,*

а я где-нибудь на берегу, подальше. Всего – два ружья! [Ш: 472-473]; *Я буду тебя ждать. Тепло будет, так и на* ***лодке*** *на Ману сплаваем, сетчонку закинем* [А: 555];

2) с указанием времени, которое будет затрачено на дорогу: *Поезжайте-ка к нам в Ялту. Ведь* ***поезд*** *до Ялты идет только 1/2 суток!* [Ч2: 461]; *Ко мне от Нижнего семь часов езды по* ***железной дороге****, по очень скверной дороге!* [Г1: 260]; *А из Миллерово можно добраться до меня на* ***машине*** *за 6-7 часов* [Ш: 111]; *Будет отпуск – приезжай. От Москвы до Вологды 7 часов на* ***поезде*** *и 52 минуты на* ***самолете*** [А: 152];

3) с советом о том, каким транспортом воспользоваться для поездки: *Можно поехать из Тулы, из Ясенков и из Козловки. Если из Козловки, то надо написать или телеграфировать, чтоб выслать, потому что там нет* ***лошадей*** [Т2: 206]; *Из Москвы в Курск идет почтовый* ***поезд*** *в три часа пополудни. Садитесь на этот* ***поезд*** [Ч1: 255]; *Вы поезжайте из Ялты морем на Ростов, с Ростова, Доном, до Калача, от Калача до Волжской 90 верст в* ***вагоне*** *– а в Царицыне берите билет до Василя, на Зевеке – всего удобнее* [Г1: 91]; *К нам ходят* ***самолеты*** *(по-моему, два или три), но я советую Вам ехать* ***поездом*** *– это ночь и половина дня пути на пермском* ***поезде****, с Курского вокзала* [А: 89].

III. Просьба отправить / встретить автора или лиц из его окружения: *Дорогой Николай Михайлович, если врачи разрешают Епифанову ехать в Ялту теперь же и если он сам не против поездки, то отправьте его, пожалуйста, т.е. купите билет, посадите в* ***вагон*** *и проч. и напишите мне, сколько Вы истратили* [Ч2: 320]; *Наш общий старый знакомый – М.Н. Павлов – уже м-ц лежит, болеет, не встает с постели. Надо его отправить его в С-град и – если можно –* ***сансамолетом*** [Ш: 371]; *Вероятно, еще до праздников мне придется приехать в Астрахань и на обратном пути просить тебя, Женя, встретить меня с* ***машиной*** [А: 213].

IV. Извинение, связанное с неподобающим, по мнению автора, содержанием / оформлением / объемом письма: *Мой ангел, я писал тебе*

сегодня, выпрыгнув из ***коляски*** *и одуревс дороги. Ничего тебе не сказал и ни о чем всеподданнейше не донес* [П3: 152]; *Я сейчас не пишу вам своей рукой, потому что проехал маленькую станцию на очень тряском* ***экипаже****, станцию к новому назначению, то есть болен моею обычною и очень обычною желудочною болезнью* [Т2: 443]; *Простите, пожалуйста, что пишу два слова,* ***лошади*** *оседланы, погода прелестная, и я после болезни в первый раз выезжаю в поле* [Т1: 415]; *Спешу к курьерскому* ***поезду****, а посему не гневайтесь на краткость письма* [Ч1: 74]; *Почерк у меня преподлый, потрясучий. Это оттого, что* ***пароход*** *трясет. Писать трудно* [Ч1: 476].

Лексемы со значением ‘средство передвижения’ в писательском эпистолярии обычно не имеют при себе зависимых слов. Исключение составляют письма А.П. Чехова, в которых анализируемые лексемы могут сопровождаться эпитетами и сравнениями (в примерах, данных ниже, они подчеркнуты): *Всю ночь в III классе дохлого, гнусного, тянучего товаро-пассажирского* ***поезда*** [Ч1: 146]; *Очень красивы буксирные* ***пароходы****, тащущие за собою по 4-5 барж; похоже на то, как будто молодой изящный интеллигент хочет бежать, а его за фалды держат жена-кувалда, теща, свояченица и бабушка* [Ч1: 437].

Лексемы, обозначающие транспортные средства, в письмах анализируемых авторов нередко используются в составе сравнительных оборотов. Так, в эпистолярных текстах встречаются сравнения человека с лошадью, в которых основанием сравнения является трудолюбие и высокая работоспособность: *Иногда мне приходит в голову, что среди совсем других – в другой сфере – интересов и очень близких вашему сердцу вы, получив мой пакет, скажете в душе: «Ах, что они не оставят меня в покое!» Но, прочтя все и не подумав, а почувствовав, вы, как добрая* ***лошадь****, вляжете в хомут и только скажете: «Ну, куда везти? сколько вас там? Я готова»* [Т1: 738]; *Устал я, как мужицкая* ***лошадь*** [Г3: 122]; *Из-за непогоды работал все последние дни, как колхозная* ***лошадь*** [А: 373].

Помимо лексемы *лошадь*, в составе сравнительных оборотов в письмах нескольких авторов отмечены слова *корабль, пароход* и *поезд*. В большинстве примеров особенности того или иного вида транспорта, послужившие основанием для сравнения, у каждого автора индивидуальны и не повторяются у других. Исключением является сравнение звуков, издаваемых людьми или природными явлениями, с шумом движущегося поезда: *Вчера ночью ездил за город и слушал цыганок. Хорошо поют эти дикие бестии. Их пение похоже на крушение* ***поезда*** *с высокой насыпи во время сильной метели: много вихря, визга и стука...* [Ч1: 343]; *Пришел к Сибле, она разлилась, затопила кусты, бушует, грязная, взъерошенная, издали шумит, словно большой* ***поезд*** *на железной дороге* [А: 212].

Таким образом, результатом характеристики вербального окружения лексем, обозначающих средства передвижения, является выявление специфических типовых ситуаций, реализуемых в высказываниях с данными лексемами, а также контекстуального окружения этих единиц. Установленная специфика употребления анализируемых слов в частных письмах русских писателей позволяет получить представление о традициях, связанных с использованием лексем, обозначающих средства передвижения, в русском эпистолярном тексте.

2.3. Собственно лингвокультурные концепты

Концепты «Грех», «Дом» и «Праздник» являются весьма значимыми для русской лингвокультуры. Выбор именно этих единиц для анализа обусловлен прежде всего тем, что вербализующие их ключевые слова довольно частотны в письмах, и, что более важно, они обладают особой, «эпистолярной» семантикой, которая изменяется с течением времени. Лингвокультурный анализ употребления лексем, представляющих данные концепты, в частных письмах XIX-XX вв. позволяет выявить эволюцию значений этих единиц, которая находит отражение в русских эпистолярных текстах.

2.3.1. Особенности вербализации концепта «Грех» в частных письмах XIX-XX вв.

Понятие греха является одним из важных для человеческого сознания и культуры, оно очерчивает рамки поведения индивида и регулирует его отношения с обществом. В разных культурах данное понятие по-разному интерпретируется и вербализуется. В частности, исследователи отмечают, что «грех» представляет собой ключевое понятие русской культуры, в котором «нашли отражение мировидение русского народа, его психология, этические и моральные принципы, религиозные и мирские знания» [Козина 2003: 3]. Ученые-языковеды в последнее десятилетие весьма активно изучают содержание концепта «Грех» и особенности его вербального воплощения в русской языковой картины мира [Козина 2003; Бушакова 2010; Карижская 2010], а также рассматривают данную проблему в сопоставительном аспекте [Концепт греха... 2000; Панова 2000; Семухина 2008].

В качестве единицы анализа нами избрана лексема *грех*, реализации которой были извлечены методом сплошной выборки из писем А.С. Пушкина (14 с/у), Л.Н. Толстого (52 с/у), А.П. Чехова (22 с/у), М. Горького (17 с/у), М.А. Шолохова (6 с/у), В.П. Астафьева (27 с/у) (см. диаграмму 6 приложения 2).

В толковом словаре отмечено два значения слова *грех*: «1. У верующих: нарушение действием, словом или мыслью воли Бога, религиозных предписаний, правил. 2. Предосудительный поступок, недостаток» [БТС: 227]. Поскольку в слове *грех* содержится сема ‘нарушение’, считается возможным приравнять его к интерпретационным словам (см.: [Панова 2000: 167]), т.е. необходимой составляющей ядра концепта «Грех» является указание на определенное действие / состояние, которое оценивается членами общества как предосудительное.

В связи со спецификой анализируемого материала в нем, наряду с различными действиями, подвергающимися осуждению, встречается

описание «грехов», связанных с литературной и эпистолярной деятельностью.

При этом описания разнообразных «литературных грехов» отмечены в письмах, относящихся к различным временным пластам: *Например, мнение Тургенева о том, что нельзя на 10 страницах описывать, как NN положила руку, мне очень помогло, и я надеюсь избежать этого* ***греха*** *в будущем* [Т1: 648]; *Именно этой драмой я объясняю и ничем иным не могу объяснить «пестроту, неустойчивость... настроений», «гипертрофию личного», а также прочих* ***грехов*** *и болезней, коими действительно богата наша среда литераторов* [Г3: 419-420]; *Попрошу вот о чем: свежим взглядом заметь, где имеются смешения во времени. Как тебе известно, это мой* ***грех*** [А: 15].

Напротив, упоминание об «эпистолярном грехе», а именно длительном отсутствии ответа на письмо адресата, встречается только в письмах, написанных в XX в.: *Ваша рецензия в «Курьере», адрес, письма из Москвы, гул славы, который изредка доносится сюда северным ветром, истомили меня, я словно изнемог и все никак не соберусь написать Вам, дорогой Александр Иванович. Простите мне великодушно, отпустите мне мои* ***грехи****...* [Ч2: 294]; *К Вам, Евгения Григорьевна, и ко всей Вашей чудесной семье я отношусь по-родственному, так что и Вы мне простите мой «****грех****» – молчание* [Ш: 91-92]. В обоих вышеприведенных примерах слово *грех* употреблено для придания высказыванию иронического оттенка, чему также способствует использование книжной лексики (*истомили*, *изнемог*) в письме А.П. Чехова и употребление кавычек в письме М.А. Шолохова.

В связи с вышесказанным интересно отметить, что в письме А.С. Пушкина в подобном контексте вместо слова *грех* используется синонимичная лексема, причем безо всякой иронии: *С крайней досадою узнал я, что давно уже отосланные Ваши бумаги все еще находились в руках того, кому я их поверил. Простите невольное мое* ***прегрешение*** [П3: 335].

Лексема *грех* в письмах, помимо непосредственного описания действия / состояния, оцениваемого в обществе как предосудительное, может сопровождаться определениями (в примерах, данных ниже, они подчеркнуты), содержащими характеристику греховного действия / состояния, связанного с:

1) субъектом его совершения (здесь и далее соответствующие определения подчеркнуты): *Немножко бы только поменьше Толстого, и хоть какое-нибудь сведение о правительственных* ***грехах*** *общих, а не исключительно религиозного гонения* [Т2: 437]; *Кстати сказать, наше всенародное пьянство и глубокое невежество – это общинные* ***грехи*** [Ч2: 281]; *Бедняга не вытерпел пытки и сознался во всех* ***грехах*** *своих* [Г1: 414]; *Она* [женщина. – Т.А.] *создательница жизни, мать, хозяйка, но не ответчица перед Господом за* ***грехи*** *наши* [А: 628];

2) сферой его совершения: *Знаешь так уж много своих нелюбовных* ***грехов*** *со всем, гораздо большим числом людей, с которыми не переставая так жестоко грешишь и своей жизнью* [Т3: 688]; *Я не закрываю глаз на ошибки, небрежности, торопливость и всякие иные* ***грехи*** *писательские…* [Г2: 542]; *С горы Колька спустится <…>, путный мужик, у путной матери вырос (папа-то <…> чужих бабенок шшупал, вот и помре рано от* ***грехов*** *мушшынских и блуду обшэственного)* [А: 391];

3) временем его совершения: *Я знаю, что* ***грехов*** *у меня много, и я молюсь, чтобы бог помог мне не впадать в прежние* ***грехи*** [Т1: 476]; *Явился ко мне Вернер <…> и попросил меня отсчитать ему десяточек каких-нибудь рассказов посмешнее. Я порылся в своем ридикюле, выбрал дюжину юношеских* ***грехов*** *и вручил ему* [Ч1: 156];

4) его величиной: *Владеть землею как собственностью – великий* ***грех*** [Т3: 712]; *Сочинение Винниченка почти талантливо – если принять за талант трудолюбие, с коим он собрал всю грязь и мерзость жизни, дабы бросить ими в лица вчерашних «святых и героев», ныне, как оказалось, повинных в самых гнуснейших* ***грехах*** *мира* [Г2: 223]; *Обвиняют* [людей. –

Т.А.] *во всех смертных* ***грехах****, в том числе и Кашарской группировке* [Ш: 164]; *Если б наше общество, породившее такое беспредельное сиротство, исправилось и прибрало беспризорных детей, многое Господь простил бы нам. А так, среди многих тяжких* ***грехов****, мы не избудем и этот* [А: 714];

5) количеством грехов: *Лучше бы ты уж написал: «Не осуждай!» – единственный* ***грех*** *моего письма,* ***грех****, как мне кажется, окупаемый литературной струнко*й [Ч1: 28]; *А вообще он* [Басаргин. – Т.А.] *– значительно умнее всех газетных критиков типа Измайлова и старую литературу знает прекрасно, не им чета! И – любит ее, за это ему простятся многие его* ***грехи****!* [Г2: 269].

Кроме действия / состояния, характеризуемого как греховное, в содержание концепта «Грех» включаются и иные элементы. В анализируемом материале отмечены следующие из них:

1) греховность человека: *Всякий человек грешен и всеми прошедшими* ***грехами*** *так запутал себя, что всякий, особенно женатый, семейный, наверно не знает и не может знать, как надо устроить свою жизнь* [Т3: 624]; *Но у всех свои беды,* ***грехи*** *и хлопоты* [А: 690];

2) обвинение за грехи: *Обвинять интеллигенцию сейчас во смертных* ***грехах*** *– это значит углублять трещину между ею и народом* [Г2: 251]; *Я пишу об этом потому, что уже находятся охотники обвинить Кочетова во* ***всех грехах****, а – по моему мнению – это будет несправедливо* [Ш: 569];

3) оправдание за грех: *Очень прошу Вас не смотреть на все это, как на мое стремление учить и редактировать – в сем* ***грехе*** *не повинен* [Г2: 110]; *Хвалю себя за то, что не вступил в эту лживую и кровавую партию. <…> Хоть этот* ***грех*** *меня минул* [А: 511];

4) покаяние за грехи:

а) перед Богом: *Что касается твоего письма, то один Господь без* ***греха****, но я хоть каюсь в них,* ***грехах****-то* [А: 518];

б) перед людьми: *Позвольте мне покаяться перед Вами, уважаемый Яков Петрович, и попросить отпущения* ***грехов*** [Ч1: 213];

5) искупление грехов: *Не думай, чтобы я за это сетовал на тебя, напротив, я люблю это, люблю, когда будят во мне сознание моего старого* ***греха*** *слабости и вызывают еще большее желание искупить его* [Т2: 275]; *… еще раз прошу извинить меня, войти в мое положение. Авось в будущем покрою* ***грехи*** *свои* [Ч2: 516];

6) наказание за грехи со стороны:

а) Бога: *Я живу по своим* ***грехам*** *незаслуженно хорошо* [Т3: 597]; *В деревне выспался, на земле поработал, воспарил было, ан не балуй, хрен старый – Господь не велит в годах старых забывать о летах своих и о* ***грехах*** *тоже* [А: 599];

б) людей: *Пришлю Вам также в наказание за* ***грехи*** *корректуру своего рассказа, отданного в «Русскую мысль»* [Ч1: 602];

7) прощение за грехи, дарованное:

а) Богом: *А всем нам* [желаю. – Т.А.] – *просветления разума, хлеба, мира и всепрощения Божия за* ***грехи*** *наших дедов, отцов и за наши тоже* [А: 503];

б) людьми: *Простите мне великодушно, отпустите мне мои* ***грехи*** *и верьте – я благодарен Вам бесконечно* [Ч2: 294].

Как видим, смысловые компоненты концепта «Грех», отмеченные в эпистолярных текстах, ярко характеризуют личности писателей с точки зрения их отношения к религии. В частности, множество примеров, извлеченных из писем Л.Н. Толстого и В.П. Астафьева, не содержат идей, которые противоречили бы догматам христианского вероучения. Напротив, высказывания из писем А.П. Чехова (см. пп. (4б), (5б)) идут вразрез с основами церковного вероучения. Кроме того, в эпистолярии данного автора лексема *грех* часто используется для выражения иронического отношения к себе, адресату или предмету обсуждения (один из ярких подтверждений этому – окказиональное употребление слова *грех* в значении ‘рассказ’). Выражение *обвинять во всех (смертных) грехах*, используемое в письмах М. Горького и М.А. Шолохова, является устойчивым, а его

употребление подчинено языковой традиции и не свидетельствует о религиозности автора.

Использование устойчивых оборотов со словом *грех*, характерное для писательского эпистолярия, также не коррелирует с отношением автора к религии. Так, данные выражения отмечены в письмах и атеистически настроенных писателей: *Как бы ни было, хоть* ***с грехом пополам****, но писать их* [«Осколки московской жизни». – Т.А.] *буду и, вероятно, чаще, чем раз в месяц* [Ч1: 65]; *«Донские рассказы» – нечего* ***греха таить*** *– слабенькая, ученическая книга…* [Ш: 484-485]. Активно используются пословицы и поговорки со словом *грех* в письмах А.С. Пушкина: *Критики у нас, чувашей, не существует, палки как-то неприличны; о поединке* ***и смех и грех*** *было и думать…* [П1: 247]; *Ты зовешь меня к себе прежде августа.* ***Рад бы в рай, да грехи не пускают*** [П3: 257]. Для эпистолярного идиостиля Л.Н. Толстого и В.П. Астафьева, в отличие от остальных авторов, характерна трансформация устойчивых выражений со словом *грех*: *И знаете, решил лучше* ***подальше от него*** [Тургенева. – Т.А.] *и* ***от греха****. Какой-то задира неприятный* [Т1: 850]; *Одна у нас Полька в строю, но учится из-под бабиной палки, зато врет, сочинительствует куда с добром…* ***И грех, и смех*** *с нею!* [А: 476]; *Спасибо, брат, за письмо, за доброе приглашение посетить челябинскую землю.* ***Давно хочется, да грехи не пускают****, да суета и видимость работы* [А: 481].

Кроме функций, стандартных для имени существительного, слово *грех* нередко используется в эпистолярном тексте в функции сказуемого с инфинитивом в значении ‘грешно’ (с пометой «разг.»). [БТС: 227]. Примеры употребления конструкции «*грех* + инфинитив» отмечены в письмах почти всех анализируемых авторов (за исключением писем М. Горького), причем наиболее частотной она является в пушкинском эпистолярии. Интересно отметить, что А.С. Пушкин использует данную конструкцию при характеристике действий адресата или третьих лиц, в то время как остальные писатели употребляют ее для оценивания собственных

действий, ср.: ***Грех*** *тебе меня подозревать в неверности к тебе и в разборчивости к женам друзей моих* [П3: 77]; *Я живу в Царском Селе в доме Китаевой на большой дороге.* ***Грех*** *тебе будет ко мне не заехать* [П2: 497]; *Скажи от меня Муханову, что ему* ***грех*** *шутить со мною шутки журнальные* [П1: 367] – *Мне очень трудно переносить фальшь спиритизма, но* ***грех*** *судить, и не будем* [Т3: 540]; *Кашель у меня свирепый, уже 5-6 дней, но в общем здравие мое хорошее,* ***грех*** *пожаловаться* [Ч2: 450]; *…ты сибиряк, а значит, родня, перед которой лукавить* ***грех*** [А: 146].

Таким образом, анализ употребления лексемы *грех* в эпистолярном наследии русских писателей позволил: а) определить некоторые закономерности ее функционирования в письмах; б) установить компоненты, составляющие содержательное ядро одноименного концепта в эпистолярном тексте; в) выявить особенности их вербализации в зависимости от ценностной картины мира автора писем.

2.3.2. Особенности вербализации концепта «Дом» в частных письмах XIX-XX вв.

Данный концепт в последние годы активно исследуется, при этом в работах он рассматривается преимущественно как фрагмент авторской художественной картины мира [Ланская 2005; Фещенко 2005; Фокина 2009], реже – как часть языковой картины мира [Медведева 2001]. Новизна настоящего исследования состоит в том, что в нем представлен перечень наиболее частотных для эпистолярия типовых ситуаций, в которых используются лексемы, вербализующие рассматриваемый концепт.

В качестве единиц анализа избраны наиболее частотные для эпистолярия лексемы *дом*, *дома, домой*, извлеченные методом сплошной выборки из писем А.С. Пушкина (соответственно 52, 35, 6 с/у), Л.Н. Толстого (85, 49, 30 с/у), А.П. Чехова (157, 94, 57 с/у), М. Горького (105, 12, 9 с/у), М.А. Шолохова (74, 25, 18 с/у), В.П. Астафьева (197, 116, 102 с/у) (см. диаграмму 7 приложения 2).

В толковом словаре отмечено пять значений слова *дом,* из которых четыре представлено в анализируемом материале: «1. Здание, строение, предназначенное для жилья, для размещения различных учреждений и предприятий. 2. Жилое помещение, квартира; жилье. // *Разг.* Жильцы одного дома, строения. <…> // *только ед.* О месте, где живут люди, объединенные общими условиями существования, общими интересами и т.п. 3. Семья, люди, живущие вместе, одним хозяйством. // Хозяйство отдельной семьи. <…> 5. В составе названий различных учреждений, заведений» [БТС 2001: 272]. У наречий, образованных от слова *дом*, словарь фиксирует по два значения, которые также представлены в нашем материале: «*дома* 1. У себя дома, на своей квартире. 2. На родине, в родных местах» [Там же: 272]; *домой* «1. В свой дом, к себе на квартиру; к своей семье. 2. На родину, в родные места» [Там же: 272].

Использование в качестве материала для анализа писем, относящихся к разным временным пластам, позволяет выявить эволюцию, в частности расширение, семантики анализируемых лексем, обусловленную изменениями в восприятии пространства носителями языка.

Так, в письмах А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого лексемы *дом, дома, домой* используются исключительно для указания на помещение, в котором живет автор, или, в результате метонимического переноса, словом *дом* именуются домочадцы: *Здорова ли ты, душа моя? и что мои ребятишки? что* ***дом*** *наш, и как ты им управляешь?* [П3: 381]; ***Дома*** *же у меня все прекрасно, – все здоровы* [Т1: 690].

В письмах рубежа веков домом начинают именовать также город или страну рождения и / или проживания: *Возвращусь, вероятно, раньше, чем думал, и очень возможно, что в марте буду уже* ***дома****, т.е. в Ялте* [Ч2: 437]; *А затем я все-таки перееду жить в Союз, время такое, что надобно быть* ***дома*** [Г2: 203].

А в письме, датированном 1997 годом, находим пример включения в понятие «дом» всей планеты: *Человек не захотел жить по заветам*

Божьим, не захотел спасения и посчитал путь, указанный Богом, для себя неприемлемым и трудным, а безбожие, неверие неизбежно приведет его и ***«дом»*** *наш уютный – Землю к гибели, причем не в очень отдаленные времена* [А: 652-653].

Коннотативно-оценочный компонент значения лексемы *дом* в подавляющем большинстве употреблений в эпистолярном тексте не эксплицирован. Однако в анализируемом материале есть несколько примеров, представляющих актуализацию негативно-оценочной коннотации слова *дом*, отражающей отрицательное отношение носителей русского языка к наличию собственности как проявлению стяжательства и корысти: *Можно жить в Москве, в Петербурге, в Туле, в Киеве, где хочешь, не заводя своего* ***дома****, своей ямы, куда ухлопываются и деньги, и время, и внимание* [Т2: 449-450]; *Насчет дома – со мной уже прошло. Это был маленький припадок чувства собственности, а теперь я не хотел бы даже, чтоб мне подарили* ***дом*** [Г1: 179]; *Во, сивый дурак! Прежде никогда не заключал договор заранее и авансов не брал, а тут забарахолился:* ***дом****, машина, квартира молодым – и попал впросак* [А: 231].

Анализируемые единицы нередко используются для создания художественных образов, представляя собой, таким образом, одно из средств характеристики эпистолярного идиостиля автора. Наиболее частотны здесь сравнения. В частности, М. Горький в одном из своих писем с помощью сравнения государства с домом объясняет причины некомфортной жизни в новой стране: *Разумеется, трудно жить в недостроенном* ***доме****, а еще того трудней в государстве, которое строится на совершенно новых началах, как никто, нигде и никогда еще не пытался строить жизнь* [Г3: 159]. В письмах В.П. Астафьева встречаются сравнения художественного произведения с домом – по объему и по количеству действующих лиц: *Навидавшись в Московии всяких разностей и наслушавшись литературных богов и божков, он* [В. Черненко. – Т.А.], *наверное, здорово вдохновился и нагвоздит теперь большой том, как* ***дом****,*

да еще крепче «Кольчуги» [А: 20]; *Много людей в повести, зачастую совсем необязательных. Одну простую вещь усвойте – чем в* ***дому*** *меньше народу, тем ему, этому народу, удобней и вольготней жить, тем больше у вас возможностей рассмотреть каждого, остановиться на каждом и написать его подробней* [А: 154].

Прием художественного олицетворения, используемый при описании домов, напротив, не является индивидуально-авторским, поскольку встречается у нескольких писателей: ***Дома*** *выглядывают приветливо и ласково, на манер благодушных бабушек…* [Ч1: 144]; ***Дома*** *состарились, поселок захирел, пустует, а природа стоит на месте…* [А: 126].

В целом для русского эпистолярного текста характерно употребление слова *дом* в определенных типовых ситуациях, соотносимых с РА.

I. Сообщение:

1) о несостоявшейся встрече автора письма с адресатом: *Милостивый государь Александр Андреевич, Быв у Вас и не имев удовольствия застать Вас* ***дома****, на всякий случай беру с собой письмо* [П3: 125]; *Дорогой Семен Павлович – я очень огорчен тем, что Вы не застали меня* ***дома****, я был бы очень рад познакомиться с Вами* [Г2: 374]; *Дорогой т. Родионов! Срочно уезжаю* ***домой****. Прошу перенести вечер на январь, когда я снова буду в Москве* [Ш: 247]; *Потом я вернулся в Москву, звонил вашим, но не ответили, видно,* ***дома*** *не было* [А: 129];

2) о болезни автора письма или третьих лиц: *Я* ***дома****, больной, в насморке* [П3: 512]; *Я хвораю почти всю зиму, две недели как не выхожу* ***из дома*** [Т1: 692]; *И.И. Горбунова я не видел. Мне говорили, что он заболел и не выходит* ***из дому*** [Ч2: 7]; ***Из дома*** *не выхожу. Грипп* [Г1: 399]; *Сейчас он* [К.В. Потапов. – Т.А.] *тяжело болен, лежит* ***дома*** *один, «позабыт и позаброшен»* [Ш: 585]; *Марья тоже едва тянет свои дни, перестала совсем выходить* ***из дома****, часто ее загоняет в постель больное сердце* [А: 686];

3) о домашней обстановке автора письма: *У меня все так же хорошо* ***дома****, детей пятеро, и работы столько, что всегда нет времени* [Т1: 700];

Дома *все хорошо* [Ч2: 476]; ***Дома*** *у меня не все ладно, поэтому в деревне долгое время жил и живу один…* [А: 233];

4) о прошедших или планируемых действиях, связанных с поездками автора письма: *Святую неделю провел я чинно* ***дома****, был всего вчерась (в пятницу) у Карамзиной да у Смирновой* [П3: 239]; *Послал тебе телеграмму, напился чаю у турка в хатке и пришел* ***домой*** [Т2: 58]; *Я сейчас в Москве, а завтра еду* ***домой*** [Ч2: 19]; *Смотался я из Москвы весьма экстренно, заехал за «хвостом» в Ростов, а сейчас уже* ***дома****…* [Ш: 156]; *Я около двух месяцев не был* ***дома****. Ездил в Латвию, работал в Москве…* [А: 70];

5) о творческой деятельности автора письма: *Ты спрашиваешь, что я делаю. Ничего путного, мой ангел. Однако* ***дома*** *сижу до четырех часов и работаю* [П3: 257]; *Я сижу* ***дома*** *и все время был занят статьею «Рабство нашего времени»...* [Т2: 475]; *На меня теперь стих писательский нашел. Не выхожу* ***из дому*** *и все пишу, пишу* [Ч1: 347]; *Я задержусь в Москве до 7-го, потом –* ***домой*** *работать* [Ш: 576]; *После поездки сидел дома, много работал* [А: 367];

6) о том, как выглядит дом, насколько в нем комфортно:

а) внутри: ***Дом*** *его* [Нащокина. – Т.А.] *(помнишь?) отделывается; что за подсвечники, что за сервиз! он заказал фортепьяно, на котором играть можно будет пауку, и судно, на котором испразнится разве шпанская муха* [П2: 658]; ***Дом*** *старинный, огромный, анфилада комнат в 10, зимний сад и старая мебель* [Т2: 54]; *Среди огромного, старого парка стоит красный каменный* ***дом****, в нем семь крошечных нелепых комнат* с *узкими и низенькими дверями, а в этих комнатах – мы* [Г1: 125];

б) снаружи: *Все* ***дома*** *приплюснуты, давно не штукатурены, крыши не крашены, ставни затворены...* [Ч1: 131]; *Первая линия* ***домов*** *против моих окон стоит в воде, и, постепенно поднимаясь по горе,* ***дома*** *влезают на высоту крыши замка. Они очень оригинальны и грязны, некоторые окрашены в синюю краску – здесь своя эстетика – все они с террасами* [Г1:

27-28]; ***Дома*** *красивые, опрятные, они почти все по старой архитектуре выстроенные, но в городах есть уже и модерняга, и какая!* [А: 381];

в) с точки зрения температуры / влажности воздуха в нем: ***В доме*** *еще сыро, но было топлено и тепло* [Т2: 107]; ***В доме*** *тепло…* [Ч1: 599]; *… туман, дождь, никакого моря – нет, а просто в небольшом пространстве, плотно замкнутом серым киселем, натыканы мокрые деревья, мокрые камни, среди их – мокрый* ***дом****…* [Г3: 428]; *Правда, в нашем старом поселке* ***в домах*** *очень тепло, у нас тоже…* [А: 608];

7) адреса автора письма или, реже, третьих лиц: *Адресуйте же ваши стихи в Москву на Молчановку в* ***дом*** *Ренкевичевой…* [П1: 698]; *Я нынче переехал на квартиру: на углу Большой Мещанской и Вознесенской,* ***в доме*** *Блума № 14* [Т1: 427]; *Пишите теперь в Москву: Малая Дмитровка,* ***дом*** *Фирганг* [Ч1: 526]; *Если согласны – отвечайте по адресу: Петроград, Литовская,* ***дом*** *Перцева, квар. 110, «Парус», мне* [Г2: 392]; *Маруся, адрес таков: Москва, угол Б. Дмитровки и проезд Художественного театра,* ***дом*** *7/5, кв.13. Кудашеву для Шолохова* [Ш: 32]; *Адрес мой изменился. <…> звучит он ныне так: Пермская область, г. Чусовой, ул. Нагорная,* ***дом*** *60* [А: 29].

II. Извинение, обусловленное задержкой ответа на письмо адресата: *Вчера пришел* ***домой*** *в $^{1}/_{2}$ 3-го с головной болью и, главное, оттого, что не было бумаги и конверта, не мог написать тебе* [Т1: 677]; *Вчера только вернулся* ***домой****, гора писем, сижу и отвечаю, даже спина трещит* [Г2: 383]; *Дорогой Всеволод Петрович! Ваше письмо не застало меня* ***дома****, два месяца провел в Казахстане и только сейчас удосужился Вам ответить* [Ш: 541]; *Здравствуй, Иван! Ты прости, брат, что я так долго тебе не отвечал. Лишь на днях появился* ***дома*** [А: 30].

III. Приглашение адресата в гости или сообщение о планируемом визите к адресату: *Когда будет время, заезжайте ко мне поутру, я всегда* ***дома*** [П2: 283]; *А ведь ты ездишь в столицы мимо нас, почему же ты не заедешь? Мы были бы очень рады, и тебе не стоило бы большого труда. Я*

всегда ***дома*** [Т2: 205]; *Будьте добры, напишите мне, когда я могу застать Вас* ***дома****. Я давно уже не видел Вас, мне хочется повидаться, поблагодарить лично и поговорить* [Ч2: 575]; *Приезжай в любой день, но лучше на вечер, чтобы застать нас* ***дома*** [Ш: 584]; *Так хотелось бы побывать у тебя вместе с супругою. Будешь ли ты* ***дома*** *в это время? <…> Отпиши мне* [А: 188].

IV. Прощание: *Крепко обнимаю Вас и весь Ваш* ***дом****…* [Ч1: 490]; *Кланяюсь всему* ***дому*** *Вашему и обнимаю Вас* [Г2: 370]; *Поклон твоему* ***дому!*** [А: 243].

Таким образом, результатом характеристики вербального окружения лексемы *дом*, реализующей одноименный эпистолярный концепт, является не только выявление его культурного своеобразия, в том числе связанного с эволюцией значения и контекстуального окружения реализующей его лексемы, но и выявление специфических типовых ситуаций, характерных для эпистолярного текста.

2.3.3. Особенности вербализации концепта «Праздник» в частных письмах XIX-XX вв.

Слово *праздник* является довольно частотной единицей русских писем (см. диаграмму 8 приложения 2). Подсчет количества его употреблений в анализируемом материале позволил установить, что чаще всего данное слово используется в письмах В.П. Астафьева (54 с/у), примерно в два раза реже оно употребляется в эпистолярии А.П. Чехова (28 с/у), еще в два раза реже – в письмах Л.Н. Толстого и М. Горького (по 16 с/у) и также примерно в два раза реже – в письмах А.С. Пушкина (9 с/у) и М.А. Шолохова (10 с/у). Поскольку авторы писем, в эпистолярии которых анализируемая лексема представлена с примерно одинаковой частотой, жили в разные века, можно предположить, что количество данных единиц в анализируемых текстах обусловлено скорее индивидуальными предпочтениями пишущего, чем особенностями эпистолярного стиля того или иного периода.

В большинстве примеров реализовано основное значение лексемы, отмеченное в толковом словаре первым: «День (дни) торжества, связанного с выдающимся событием, обычаем или общественным деятелем (писателем, ученым, композитором, святым и т.п.)» [БТС: 954].

При этом особенности употребления данной лексемы обусловлены, на наш взгляд, не столько индивидуально-авторскими предпочтениями, сколько экстралингвистическими факторами.

Высказывания со словом *праздник* чаще представляют собой РА поздравления адресата и, реже, лиц из его близкого окружения. По сложившейся эпистолярной традиции они располагаются в начале или конце письма.

Лексема *праздник* употребляется вместо соответствующего геортонима обычно в тех случаях, когда речь идет о государственных праздниках, дни проведения которых официально объявляются нерабочими. Так, в письмах, датированных XIX в., слово *праздник* используется вместо геортонимов *Рождество Христово* и *Пасха*:

- Рождество Христово: *Поздравляю Вас и Ваше семейство с наступающими* ***праздниками*** *и желаю всего хорошего* [Ч1: 109]; *Поздравляю Вас с* ***праздником*** [Г1: 51];
- Пасха: *С* ***праздником****, милый друг Маша!* [Т1: 400]; *Добрый Сергей Павлович! Поздравляю* с ***праздником*** [Г1: 74].

В эпистолярных текстах XX в. замене подвергаются следующие геортонимы:

- Новый год: *Ну, еще раз поздравляю с* ***праздником*** *и крепко жму руки* [А: 20];
- Международный женский день (с этим праздником принято поздравлять только представительниц прекрасного пола): *Дорогой Евгений Васильевич! Приветствую Вас, Елену, маму Вашу и ребят, шлю всем самые наилучшие пожелания, прежде всего женщинам, и поздравляю их с* ***праздником*** *и началом весны!* [А: 272];

• Международный день солидарности трудящихся: *С маем! С **праздником** тебя* [А: 343];

• День Великой Октябрьской социалистической революции: *Прежде всего с **праздником** Вас и все Ваше семейство!* [А: 62].

Автору письма в большинстве случаев нет необходимости конкретизировать, о каком именно празднике идет речь, поскольку письмо с поздравлением обычно пишется с таким расчетом, чтобы адресат получил его в канун соответствующего праздника. Если же письмо получено с большим опозданием, адресат может догадаться о названии праздника по дате письма.

К особенностям эпистолярного идиостиля В.П. Астафьева, на наш взгляд, можно отнести поздравления с календарным праздником и временем года, в период которого он отмечается: *Поздравляю тебя и супругу твою с **праздником** и белоснежной зимой* [А: 160]; *Дорогой Александр Михайлович! Поздравляю Вас с **праздником** весны* [А: 51]; *Поздравляю с **праздником** и весной!* [А: 286]; *С **праздником** осени и с ожиданием весны!* [А: 347].

Употребление слова *праздник* вместо соответствующего геортонима претерпевает изменения, обусловленные экстралингвистическими факторами, и в первую очередь сменой общественного строя. Однако эти изменения более значительны, чем может показаться на первый взгляд.

Анализ употребления лексемы *праздник* в русских письмах XX в. позволяет говорить о расширении ее значения. Если в XIX в. данным словом именуются только христианские праздники, т.е. «дни, назначенные церковью для торжественного чествования Господа Бога и святых» [Христианство 1993: 382], то в XX столетии в содержание анализируемой лексемы включаются и светские праздники, а кроме того, годовщины событий, значимых в жизни конкретного человека, также начинают именоваться праздниками, ср.*: Поздравляю тебя с прошедшими и будущими призами, с **праздником**, с новым годом…* [Т1: 340]; *Прежде всего, по*

христианскому обычаю, добрейший Николай Александрович, поздравляю Вас и Ваше семейство с ***праздником*** *и с наступающим Новым годом* [Ч1: 109] – *Завтра и у меня –* ***праздник****: внуке – два года* [Г3: 31]; *Пользуясь случаем, поздравляю с наступающим* ***праздником*** *1 Мая* [Ш: 633]; *Со всеми Вас* ***праздниками****: с 50-летием, с Новым годом!* [А: 267]. На наш взгляд, таким образом в языке и тексте фиксируется переход от коллективного мировосприятия к индивидуальному.

Расширение значения лексемы влечет изменение ее сочетаемости. В письмах, датированных XIX в., атрибутивные сочетания со словом *праздник* используются довольно редко, причем преимущественно в случаях, когда лексема *праздник* используется вместо геортонима *Пасха* (здесь и далее зависимый компонент атрибутивного сочетания подчеркнут): *Поздравляю вас, дорогая тетенька, с принятием святых тайн и* <u>*светлым*</u> ***праздником****. Христос воскресе!* [Т: 477]; *Даже и этот* <u>*лучший*</u> ***праздник****, праздник возрождения природы, он* [Петербург. – Т.А.] *встречает сухо, скучно, по-чиновнически* [Г1: 317]. В первом примере имя прилагательное можно охарактеризовать как постоянный эпитет, во втором – как эпитет оценочный.

В письмах XX в., напротив, атрибутивные сочетания со словом *праздник* используются весьма активно. Так, в письмах В.П. Астафьева при обозначении календарных событий зависимый компонент сочетания выполняет ту же функцию эпитета – постоянного или оценочного, что и в рассмотренных выше примерах: *Через день Рождество Христово. Поздравляю всех пензяков и Вас тоже с этим* <u>*пресветлым*</u> <u>*земным*</u> ***праздником****!* [А: 638]; *И я поздравляю тебя с Пасхой, с этим так и оставшимся с детства в памяти* <u>*таинственно-торжественным*</u> ***праздником*** [А: 712]; *Говорят, июль будет жаркий, так, может, к Седьмому ноября, тобой любимому* <u>*красному*</u> ***празднику****, и поспеет* [А: 683]. В последнем примере автору удалось совместить обе функции: цветовой эпитет одновременно выступает в роли постоянного и в роли

оценочного, выражая негативное отношение автора к празднику рождения советской власти.

Другую функцию, а именно характеризующую, выполняют атрибутивные слова, обычно местоимения, в сочетаниях со словом *праздник*, если это слово заменяет геортоним, обозначающий праздник, который не связан с общепринятыми датами: *Вчера каприйцы устроили какой-то* ***праздник****, – собственно говоря, праздника никакого не полагалось по святцам, но была хорошая погода, и люди сочли это достаточно серьезной причиной для безделья и радости* [Г2: 65]; *Дорогой мой Алексей Павлович, весьма досадно, что немощи старческие не позволяют мне явиться на* ***праздник*** *Ваш и с радостью послушать, как товарищи скажут Вам слова любви и уважения…* [Г3: 388]; *А тебе, Маня, в сегодняшний наш* ***праздник*** [годовщина свадьбы. – Сост.], *торжественный день хочу повторить то, что собирался сказать по телефону: я тебя люблю больше всех людей на свете...* [А: 452]; *Скоро будет пятьдесят и городу Игарке. Доживу – непременно приеду на этот главный для всех нас, старых игарчан,* ***праздник*** [А: 204].

Кроме того, зависимый компонент атрибутивного сочетания может указывать на временное соотношение дня поздравления и днем / днями празднования: *С наступающим вас* ***праздником!*** [А: 357]; *Дорогие Люда! Роберт! С* ***праздниками*** *прошедшими вас и детей* [А: 314].

Интересно отметить, что в результате подобного исследования, проведенного на диалектном материале, было установлено, что «большинство атрибутивных сочетаний со словом *праздник* обозначают события, так или иначе связанные с церковным календарем» [Панина 2008: 202], причем зависимый компонент сочетания в большинстве примеров также выполняет характерологическую функцию. Можно предположить, что в диалекте сохранилась существовавшая в прошлом необходимость дифференциации разнообразных православных праздников. С течением времени количество значимых для носителей языка религиозных

праздников уменьшилось, что и нашло отражение в уменьшении числа атрибутивных сочетаний со словом *праздник* в письмах, написанных в XIX в. С расширением значения рассматриваемой лексемы вновь появилась необходимость в указании на характер празднования, что вновь привело к увеличению количества атрибутивных сочетаний с анализируемым словом.

Несколько реже высказывания, включающие лексему *праздник*, представляют собой описание традиций проведения того или иного праздника, а также указание на особенности его отмечания автором письма или его планов на этот счет.

В эпистолярном тексте находят свое вербальное воплощение обязательные атрибуты праздника, существующие в русском языковом сознании, которые, в частности, состоят в том, что:

1) отсутствует привычная деятельность, никто не работает: *Бог знает, кончу ли здесь мои дела, но к* ***празднику*** *к тебе приеду* [П2: 670]; *Здоровье мое, которое все было дурно, теперь как будто поправляется, и начатая работа перебита* ***праздниками****, но не остановлена* [Т1: 815]; *Фотографию не могу послать, толстого картона для упаковки нет, а –* ***праздники****, магазины уже заперты* [Г2: 520]; ***Праздники*** *не дали мне возможности работать, сам я был в деревне, но меня все равно нашли гости* [А: 215];

2) проводятся встречи с родственниками, друзьями или единомышленниками, а при невозможности встречи пишутся письма: *Завтра Петергофский* ***праздник****, и я проведу его на даче у Плетнева вдвоем* [П3: 275]; *Я прошлого года встретил этот* ***праздник*** *с Толстыми в Петербурге и нынче вечером встречу с ними в Женеве* [Т1: 477]; ***Праздники*** *в Москве прошли шумно. По крайней мере я не имел ни одного покойного дня: гости, съезд врачей, длинные разговоры и проч....* [Ч1: 112]; *Как жаль, что Вы не можете приехать на* ***праздники****!* [Г1: 212]; *Буде возникнет у Вас охота прибыть на* ***праздники*** *ко мне, то еще раз сообщаю – лететь 2 часа 15 минут, ехать сутки* [А: 84]; *Чего-то перестал*

он [Василий. – Т.А.] *мне писать, даже по* ***праздникам****, видать, совсем мохом зарос иль обиделся на что…* [А: 616];

3) организуются застолья, во время которых принято употреблять спиртные напитки: *Говорят, что нельзя при покупках, продажах, условиях, а пуще всего на* ***праздниках****, на крестинах, свадьбах, похоронах не пить водки и не угощать ею* [Т3: 700]; *Как-то на* ***праздниках*** *в хмельном виде я написал тебе проект о половом авторитете...* [Ч1: 23]; *На* ***праздниках*** *пришлось выпить с братьями-писателями...* [Ш: 638].

В письмах В.П. Астафьева нашли отражение реалии советской эпохи, связанные с традициями празднования различных событий и «околопраздничной» жизнью людей: *...в конце июня Чусовому-то 60 лет! <…> Любопытно было бы посмотреть и послушать, какими достижениями хвастаться будут чусовляне? Ведь без достижений и без хвастовства какой же у нас* ***праздник****?!* [А: 537]; *Не поехал бы* [в Латвию. – Т.А.]*, но купить кое-что надо и себе, и ребятам, костюм надо, пальто, сапоги – ничего-то у нас нету. Все заперли до* ***праздников*** [А: 116]; У *нас с этим зверем* [мотылем. – Т.А.] *дела очень плохи. Привозят его из Челябинской области, и когда продают, на улице демонстрация больше, чем в* ***праздники*** [А: 102].

Как видим, для носителя русского языка праздник прежде всего ассоциируется с отдыхом, общением, застольем. Данные выводы подтверждаются и результатами анализа исследователями содержания лексемы *праздник* в лингвокультурологическом аспекте на материале как русского, так и болгарского языков: «Лексема “*праздник*” является составной частью лексико-семантического поля, представляющего в русском языке концепт “*радость*”» [Кирьякова 2009: 17]; «Современное понимание праздника в болгарском массовом сознании включает прежде всего необходимость отметить его соответствующим образом, т.е. праздник связывается с проявлением определенной активности. В период тоталитаризма празднование включало обязательное участие в различных

по характеру массовых мероприятиях. Сегодня каждый вправе отмечать праздники по-своему, но так или иначе “ничего-не-делание” далеко от нашего представления о праздновании. В прошлом, однако, праздник часто связывался с запретом на любую или на какую-нибудь определенную деятельность. <…> Кстати, русская лексема *праздник* претерпевает аналогичный семантический сдвиг» [Петкова-Калева 2006: 92].

Особенностью употребления лексемы *праздник* в русских частных письмах является возможность ее использования не только для замены геортонима, употребленного в прямой, типичной для него функции, но и для обозначения конкретной даты или временного отрезка, т.е. в функции хрононима. В этой функции могут быть использованы и геортонимы, «на что указывают предлоги *на*, *от*, *после* и др. и их положение обстоятельства времени» [Андреева 2004: 150].

Данная функция реализуется в высказываниях, содержащих следующую информацию:

1) сообщение пишущего о событиях, произошедших в этот период, или о планах на указанное время: *Я буду в Москве перед* ***праздниками*** *и тогда увижусь тотчас же с вами и продержу 2-е корректуры* [Т1: 601]; *Репетиции начнутся после* ***праздника*** [Ч1: 321]; *Все я хвастался всем своим здоровьем. Хвалился, хвалился и в* ***праздник*** *горлом заболел* [А: 324]; *Ирина, дочь моя, уехала на праздники в Пермь, а после* ***праздников*** *поедет и Мария…* [А: 147];

2) вопрос о действиях адресата, планируемых в этот период, обычно задаваемый при приглашении в гости: *Как живете? Не вздумаете ли на* ***праздниках*** *прокатиться сюда?* [Г1: 147-148].

В функции хрононимов используются только те единицы, которые используются вместо геортонимов, называющих официальные государственные праздники. В нашем материале это праздники Рождества Христова и Пасхи (в письмах XIX в.), Новый год, Международный день

солидарности трудящихся, День Победы, а также День Великой Октябрьской социалистической революции (в письмах XX в.).

Еще одна особенность употребления слова *праздник* в анализируемом материале связана с использованием формы множественного числа. В письмах, написанных в XIX в., анализируемая лексема в форме множественного числа используется обычно для обозначения рождественских или пасхальных праздников, которые отмечались несколько дней (Рождество – три дня, Пасха – неделю): *Поздравляю Вас и Ваше семейство с наступающими* ***праздниками*** *и желаю всего хорошего* [Ч1: 109]; *Увлеченный устройством детского спектакля, я почти забыл, что теперь* ***праздники*** [Г1: 23]. Поскольку в XX в. большинство праздников отмечается один день, а также в связи с рассмотренным выше расширением значения лексемы *праздник*, форма множественного числа в письмах, относящихся этому периоду, используется для наименования нескольких праздников, отмечаемых в непосредственной временной близости: *19-го еду в Москву и вернусь, очевидно, после майских* ***праздников*** [Ш: 574]; *Со всеми вас* ***праздниками****, дорогие наши, и прежде всего с Пасхой и Первомаем, да и с горьким Днем Победы тоже* [А: 696]. Следовательно, можно предположить, что указанное изменение значения слова обусловлено исключительно экстралингвистическими факторами.

В результате анализа функционирования лексемы *праздник* в русских письмах можно сделать следующие выводы. Данная единица используется при поздравлении пишущим адресата для указания на время, в течение которого автор или адресат совершает определенные действия, а также при описании действий, связанных с проведением того или иного праздника или памятной даты. В последнем случае находят вербальное воплощение обязательные атрибуты праздника, существующие в русском языковом сознании: отдых, общение, застолье. В эпистолярном тексте зафиксировано расширение значения рассматриваемого слова, возникшее в начале XX в. и обусловленное прежде всего сменой общественного строя и эволюцией в

мировосприятии людей. Расширение значения лексемы влечет изменение ее сочетаемости, состоящее прежде всего в увеличении количества атрибутивных сочетаний со словом *праздник*, в которых зависимый компонент словосочетания выполняет характерологическую функцию.

Выводы по главе 2

Концепты, представленные в русском эпистолярном тексте, можно разделить на группы, в состав которых включаются:

а) эпистолярные константы – «Письмо», «Здоровье», «Погода», т.е. единицы, которые представлены в письмах большим количеством употреблений и у которых реализующие их лексемы обладают особой, «эпистолярной» семантикой и специфическим контекстуальным окружением, характерным именно для писем;

б) эпистолярные «переменные», т.е. единицы, которые вербализуются в письмах посредством различных лексем, номинирующих средства дистантного общения, материалы и инструменты для письма, а также средства передвижения, и у которых изменения в употреблении обусловлены экстралингвистическими факторами;

в) собственно лингвокультурные концепты – «Дом», «Грех», «Праздник», т.е. единицы, представленные одноименными ключевыми словами, имеющими особую, «эпистолярную» семантику, которая изменяется в письмах с течением времени.

В результате анализа контекстуального окружения ключевых слов, вербализующих рассматриваемые концепты, было установлено следующее: слова *письмо, погода, телеграмма, бумага, чернила, карандаш, ручка, грех, праздник* нередко сопровождаются определениями, которые могут быть использованы для характеристики данных концептов; лексемы *лист, страница* часто содержат при себе числительные; слова *перо, ручка, грех* нередко используются в составе фразеологических оборотов; лексемы

здоровье и *здоровый* употребляются преимущественно в составе эпистолярных формул.

Однако основным средством описания концептов в данной работе является выявление и анализ типовых ситуаций, соотносимых с РА и реализованных высказываниями с ключевыми словами, которые вербализуют тот или иной концепт.

Предложенная в работе методика анализа концептов позволяет определить закономерности использования анализируемых слов в эпистолярном тексте и на их основе представить описание смыслового потенциала того или иного концепта.

Различие в контекстуальном окружении, наборе типовых ситуаций в письмах, выборе того или иного ключевого слова, а также различия в частотности его употребления в письмах, принадлежащих разным временным пластам, может свидетельствовать об эволюции содержания концепта или значения лексемы – ключевого слова, об особенностях содержания концепта, реализованных именно в эпистолярном тексте, об отражении в эпистолярном тексте экстралингвистических факторов, обусловивших данные изменения, а также об элементах эволюции эпистолярного этикета.

Так, выявлена эволюция содержания концепта «Письмо», маркером которой выступает изменение состава типовых ситуаций, представляющих данный концепт; определена специфика содержания концептов «Грех», «Дом», «Праздник», которая характерна именно для эпистолярного текста и появление которой связано со специфическим окружением лексем, вербализующих концепты в анализируемом материале.

Установлены также изменения в семантике лексем *грех*, *дом*, *праздник*, эксплицированные в письмах, которые относятся к XX в. Определено, что изменение частотности слов *телеграмма* и *телефон*, ряда слов, обозначающих материалы и инструменты для письма (*чернила*, *ручка*, *пишущая машинка*), а также некоторые средства передвижения в письмах,

принадлежащих к разным временным периодам, связано с исчезновением или появлением называемых ими объектов.

Высказано предположение, что появление в письмах В.П. Астафьева модификации типовой ситуации, состоящей в описании плохого состояния здоровья автора или лиц из его окружения без «маскировки» этого состояния, является маркером исчезновения традиции эпистолярного общения, которая заключается в табуированности высказываний с подобным содержанием.

В типовых ситуациях, которые представлены высказываниями с лексемами, обозначающими материалы и инструменты для письма, а также в использовании определений к данным словам находят отражение некоторые тенденции изменения традиций оформления частного письма (с середины XX в. письмо может быть напечатано на машинке, причем, как правило, на обычной бумаге вместо специальной почтовой), а также принятых в писательской среде правил этикета (в XIX в. в качестве сувенира было принято дарить карандаши, а в XX в. – ручки).

Кроме того, предложенная в работе методика описания содержания концептов позволяет выявить особенности реализации того или иного концепта в письмах конкретного автора и тем самым охарактеризовать его языковую личность и особенности эпистолярного идиостиля.

Глава 3.
Лингвокультурная специфика ономастических единиц русского эпистолярного текста

Ономастические единицы представляют собой ценный материал для исследований в области этнолингвистики и лингвокультурологии в целом, поскольку, по мнению лингвистов, в ономастике кодируются наиболее значимые и устойчивые кванты этнокультурной информации (см.: [Березович 2001: 34]).

В последние десятилетия собственные имена изучаются весьма активно. Так, в монографии В.И. Супруна устанавливается «“система координат” ономастического поля современного русского языка и его художественно-эстетического потенциала, коммуникативно-изобразительных возможностей входящих в него единиц» [Супрун 2000: 5]. Автор полагает, что «онимы, как и другие лексические единицы, могут обладать экспрессивностью, отражая субъективное отношение автора текста <…> к содержанию. Следовательно, имена собственные имеют созначение (коннотацию), которое сопутствует значению лексемы, и это также свидетельствует в пользу их полноценности как лексико-семантических единиц» [Там же: 20]. В качестве источников исследования ученый избирает словари различных типов и энциклопедии, а также художественные тексты и записи живой речи. В работе Н.В. Васильевой представлен комплексный подход к собственным именам в художественных и публицистических текстах; анализируется ближайшее окружение имени в рамках микротекста, а также свойства и функции собственных имен в целом тексте (см.: [Васильева 2009]).

Употребление имен собственных в письмах, безусловно, имеет свою специфику, выявление которой является одной из задач данного исследования.

3.1. Особенности употребления онимов в частных письмах XIX-XX вв.

Ономастическое пространство анализируемых эпистолярных текстов включает в себя несколько групп собственных имен. Из них наиболее частотными являются антропонимы, библионимы, геортонимы и топонимы. Менее частотной, но весьма значимой для лингвокультурного анализа группой имен собственных являются этнонимы. В работе рассмотрены также особенности употребления колоронимов, поскольку они близки по некоторым функциям к ономастическим единицам и так же, как и другие онимы, содержат культурно значимую информацию.

3.1.1. Антропонимы

Антропонимы – любые собственные имена, которые может иметь человек (или группа людей), в т.ч. «личное имя, отчество, фамилия, прозвище, псевдоним, криптоним, кличка, андроним, гинеконим, патроним» [Подольская 1988: 31].

Появление в письме антропонимов, называющих пишущего субъекта и адресата, предопределено сложившейся эпистолярной традицией. Первые используются преимущественно в подписи, вторые – в функции обращения. Рассмотрим подробнее особенности использования данных единиц в каждой из выделенных групп.

Подпись может быть нераспространенной, т.е. содержащей только:

1) официальное личное имя: ***Алексей*** [Г1: 29]; ***Михаил*** [Ш: 122]; ***Виктор*** [А: 33];

2) фамилию: ***Пушкин*** [П1: 25]; ***Чехов*** [Ч1: 356]; ***Пешков*** [Г1: 22];

3) официальное личное имя и фамилию: ***Алексей Пешков*** [Г1: 8]; ***Виктор Астафьев*** [А: 108];

4) начальную букву имени и фамилию: ***А. Пушкин*** [П1: 68]; ***Л. Толстой*** [Т1: 533]; ***А. Чехов*** [Ч1: 11]; ***А. Пешков*** [Г1: 22]; ***М. Горький*** [Г1: 143]; ***М. Шолохов*** [Ш: 8]; ***В. Астафьев*** [А: 13];

5) инициалы имени и фамилии или имени и отчества: ***А.П.*** [П1: 115]; ***П.*** [П1: 131]; ***Л.Н.*** [Т1: 359]; ***В.П.*** [А: 291].

В письмах XX в. начальные буквы имени и фамилии автора письма используются только в постскриптумах: *Прощевайте! Крепко жму руку. А. Пешков. Где Антон Павлович? А если Мария Николаевна у Вас – поклон ей низкий.* ***А.П.*** [Г1: 131]; *Всех обнимаю. Ваш М. Шолохов. P. S. Привет Вале, дедушке.* ***М.Ш.*** [Ш: 150].

Более характерно для частных писем использование распространенных подписей, которые включают, помимо имени собственного, другие слова (в нижеприведенных примерах они подчеркнуты), а именно:

1) притяжательные местоимения: *Твой гр.* ***Л. Толстой*** [Т1: 455]; *Весь Ваш* ***А. Чехов*** [Ч1: 209]; *Всегда Ваш* ***Пешков*** [Г1: 359]; *Ваш* ***М. Шолохов*** [Ш: 235]; *Вечно твой* ***Виктор*** [А: 215];

2) прилагательные и причастия: *Преданный вам гр.* ***Л. Толстой*** [Т1: 601]; *Уважающий Вас* ***Алексей Пешков*** [Г1: 6]; *Каждодневно думающий о тебе, пребывающий в Быковке твой* ***Виктор*** [А: 131];

3) существительные:

а) в именительном падеже: *Егоза* ***Пушкин*** [П1: 20]; *Ваш истинный и старый друг* ***Л. Толстой*** [Т1: 739]; *Твой брат* ***А. Чехов*** [Ч1: 7]; *Ваш престарелый, но все еще бодрый родитель* ***М. Шолохов*** [Ш: 673]; *Ваш бывший боец* ***Виктор Астафьев*** [А: 387];

б) в творительном падеже: *С почтением* ***А. Пешков*** [Г1: 18]; *С добрым приветом к Вам* ***М. Шолохов*** [Ш: 575]; *С глубоким уважением*, ***Астафьев*** [А: 37].

Высокая частотность распространителей *твой, Ваш, преданный, уважающий, с почтением, с приветом, с уважением* позволяет говорить о том, что они представляют собой элементы эпистолярных формул (подробнее об эпистолярных формулах см.: [Балакай 2007]). Данные единицы автор использует для выражения своего положительного

отношения к адресату, а имена существительные из подгруппы (3а) – также для экспликации родственной или духовной связи с адресатом или для самохарактеристики, обусловленной содержанием письма.

Результаты нашего анализа подтверждают позицию Н.И. Белуновой: подписи в неофициальном письме – это «не только дань этикету, но прежде всего – показатель личных отношений между адресантом и адресатом. Их выбор определяется главным образом прагматическими особенностями: степенью знакомства, характером личных отношений коммуникантов: дружеские отношения / интимно-дружеские» [Белунова 2009: 27-28].

Подобно подписям, обращения, выраженные именами собственными, являются обязательным элементом эпистолярного текста. Среди антропонимов, обозначающих адресата, в нашем материале отмечены личные имена (официальные или деминутивные), нередко с отчествами, а также фамилии и, реже, прозвища.

Обращение, расположенное в начале письма, выполняет контактоустанавливающую (фатическую) функцию. Активно используются следующие разновидности обращений:

1) отдельные обращения: ***Сережа!*** [Т1: 308]; ***Виктор Сергеевич!*** [Г1: 50]; *Товарищ* ***Суслов!*** [Ш: 422]; ***Иван!*** [А: 57]; ***Васенька!*** [А: 273];

2) обращения в составе предложений, реализующих:

а) приветствие: *Здравствуйте,* ***Алексей Сергеевич!*** [Ч1: 268]; *Тов.* ***Колесникова****, привет!* [Ш: 97]; *Добрый день,* ***Володя!*** [А: 26];

б) иные речевые намерения адресанта: *Как тебе не совестно,* ***Сережа****, не отвечать на письмо…* [Т1: 350]; *Спасибо,* ***Антон Павлович****, за карточку* [Г1: 58].

В последней подгруппе отсутствуют примеры из писем М.А. Шолохова и В.П. Астафьева, что позволяет предположить, что с 20-х гг. XX в., в отличие от предшествующего столетия, эпистолярный этикет требует начинать письмо именно с приветствия.

Наряду с приведенными выше нераспространенными обращениями, часто встречаются обращения, распространяемые посредством таких единиц (в нижеприведенных примерах они подчеркнуты), как:

1) оценочные прилагательные: *Почтенный* ***Александр Иванович!*** [П1: 236]; *Многоуважаемый* ***Егор Петрович!*** [Т1: 411]; *Милый* ***Алексей Николаевич!*** [Ч1: 217]; *Уважаемый г.* ***Шольц!*** [Г1: 289]; *Дорогой* ***Иванушка!*** [А: 71];

2) существительные, свидетельствующие о духовной близости или родстве адресата с автором письма: *Милый друг* ***Маша!*** [Т1: 398]; *Дорогой брат* ***Миша***! [Ч1: 10]; *Милый друг* ***Федор Иванович!*** [Г1: 286]; *Здравствуйте, дорогая и уважаемая мамуня* ***Евгения Григорьевна!*** [Ш: 140]; *Дорогой земляк* – ***Саша Щербаков!*** [А: 155].

Как видим, для распространения обращений часто используются одни и те же слова, и данный факт свидетельствует о том, что начальные обращения включаются в состав эпистолярных формул приветствия. В первой подгруппе – это прилагательные *почтенный, (много)уважаемый, дорогой, милый* и нек. др.; во второй подгруппе отмечается большее разнообразие распространителей, однако чаще других используется лексема *друг*.

Среди обращений, используемых в основной части письма, распространенные единицы употребляются довольно активно. В отличие от начальных обращений, здесь их употребление не столь обязательно. Однако, судя по анализируемым эпистолярным текстам, авторы писем предпочитают включать обращения, выраженные посредством антропонимов, в высказывания, реализующие определенные иллокутивные цели:

1) сообщение: *Ночью сегодня,* ***Константин Петрович****, предполагаются повальные обыски* [Г1: 374]; *Я думаю,* ***Маруся****, что в сентябре возьму тебя обязательно* [Ш: 38]; *Получил твое письмо,* ***Иван*** [А: 22];

2) вопрос: … *нельзя ли,* ***Сергей Павлович****, подождать до времени, пока я окончу повесть?* [Г1: 62]; *Что мне делать,* ***Александр Серафимович****?* [Ш: 112]; ***Сергей Алексеевич****! А как Вы сейчас?* [А: 284];

3) жалобу: ***Всеволожский*** *милый, царь не дает мне свободы!* [П1: 293]; *Лето у меня пропало,* ***Евгения Григорьевна****!* [Ш: 157]; *Я,* ***Коля****, очень тоскую здесь, глушу лишь работой грызь сердешную, все мне здесь чужое…* [А: 233];

4) выражение эмоций: *Жалею,* ***Дельвиг****, что до меня дошло только одно из твоих писем…* [П1: 67]; *Очень я рад Вашему письму, т.* ***Левицкая****!* [Ш: 76]; *Большая нам с Маней была,* ***Женя****, радость, что ты приезжал* [А: 213];

5) благодарность: *Милая* ***Оля****, благодарю за письмо…* [П1: 325]; *Спасибо за поздравление,* ***Сергей Павлович****…* [Г1: 23]; *Спасибо тебе,* ***Саша****, за хлопоты* [А: 226];

6) извинение: *Это стихи, следственно шутка – не сердитесь и усмехнитесь, любезный* ***Филипп Филиппович****…* [П1: 180]; *Вы простите меня, дорогой* ***Владимир Галактионович****, за мое предыдущее письмо* [Г1: 11]; *Извините,* ***Владимир Матвеевич****, за длинное письмо и за некоторую сумбурность* [А: 37];

7) просьбу: ***Лев****! сожги письмо мое* [П1: 325]; *Пожалуйста,* ***Сережа****, отвечай мне немедленно…* [Т1: 457]; *Очень прошу Вас, добрый* ***Владимир Галактионович****, помочь мне в этом деле* [Г1: 16]; *Прочтешь письмо, – улыбнись мне,* ***Эммушка****!* [Ш: 139]; ***Саша****! Газетку с приветствием не забудь, ладно?!* [А: 215];

8) совет: *Брат* ***Лев****! не серди журналистов!* [П1: 384]; *Сладкий* ***Миша****, если у тебя будут дети <…>, то завещай им не гнаться за дешевизной* [Ч1: 447]; *… в интересах ребенка тебе не следует жить в городе. Поезжай-ка в Самару,* ***Катя*** [Г1: 25]; *Советую тебе, бессмертный* ***Егор****, ехать домой сейчас…* [Ш: 285]; *Я думаю,* ***Феликс****, что тебе, как очеркисту, надобно вступать в Союз писателей…* [А: 375];

9) упрек: ***Жан**, что такое? Как понимать? Неужели в понятиях о нравственности я расхожусь с такими людьми, как Вы?..* [Ч1: 427]; *Сегодня получил сразу четыре письма от тебя. Спасибо, но, **Катеринка**, зачем же писать ежедневно?* [Г1: 26]; *Эх, **Горенский**, **Горенский**, **Гавриил Георгиевич**! Мы уж и ложь во спасение прошли, а Вы все еще «тама», все еще врете себе и другим!* [А: 384].

Отмечены обращения и в финальной части письма, традиционно включающей в себя высказывания с иллокуциями:

1) прощания: *Прощайте, любезный **Алексей Николаевич**…* [П1: 612]; *До свидания, **Мария Владимировна**…* [Ч1: 508]; *Всего доброго, **София Андреевна**!* [Г1: 142]; *Обнимаю тебя, **Николаша**!* [А: 504];

2) пожелания: *Будьте здоровехоньки, милый **Жан*** [Ч1: 495]; *От всего сердца желаю Вам, дорогой **Никита Сергеевич**, доброго здоровья* [Ш: 514]; *Поправляйся, **Витя**!* [А: 156].

Итак, можно сделать вывод о том, что, в отличие от других текстов, в которых «собственные имена плохо сочетаются с прилагательными» [Васильева 2009: 55], в письме антропонимы, обозначающие автора письма (в подписи) и адресата (в обращении), активно употребляются с распространителями, в числе которых притяжательные местоимения, оценочные прилагательные и причастия, а также существительные, эксплицирующие близкие родственные или дружеские отношения адресанта и адресата. Полагаем, что данные распространители можно рассматривать как средства включения адресата в личную сферу пишущего и, наоборот, автора письма – в личную сферу адресата (подробнее о понятии личной сферы говорящего см.: [Апресян 1995: 645-646]).

Антропонимы, называющие людей, входящих в личную сферу автора письма и / или адресата, также используются в письме в определенных ситуациях. В первую очередь, автор использует данные имена собственные (среди них отмечены фамилии, полные официальные имена с отчествами

или без них, деминутивные имена и прозвища) в финальной части письма в следующих случаях:

1) при передаче привета лицам, находящимся рядом с адресатом: *Обнимаю с братским лобзанием* ***Дельвига*** *и* ***Кюхельбекера*** [П1: 58]; ***Марье Петровне*** *жму руку...* [Т1: 565]; *Поклон* ***Прасковье Никифоровне*** *и* ***Феде****, а также* ***Билибину*** [Ч1: 268]; ***Максиму*** *и* ***Кате*** *– поцелуи* [Г1: 402]; *Я почтительно кланяюсь* ***Игорю Константиновичу*** *и его жене,* ***Вале*** *– привет* [Ш: 165];

2) при просьбе к адресату передать привет его близким или знакомым: ***Борису Алексеевичу*** *пожмите руку за меня* [Т1: 567]; ***Анне Ивановне*** *передайте мой сердечный привет,* ***Насте*** *и* ***Боре*** *тоже* [Ч1: 391]; *Если увидите* ***Средина*** *или* ***Ярцева****, кланяйтесь* [Г1: 95]; *... передай большой привет* ***Надежде Николаевне, Владимиру Васильевичу, Левке*** *и всем, всем* [А: 14];

3) при передаче привета адресату или его близким от лиц, находящихся рядом с автором письма: ***Соня*** *целует вас* [Т 631]; *Все* ***Чеховы*** *и* ***Линтваревы*** *шлют Вам привет* [Ч1: 238]; *Поклон от* ***А[лексея] А[лексеевича]*** *и* ***Ю[стиньи] И[вановны]*** [Г1: 16]; *Кланяется тебе и близким твоим* ***Мария Семеновна*** [А: 226].

Кроме того, имена собственные, которые обозначают людей, включенных в личную сферу пишущего и / или адресата, используются в высказываниях, реализующих следующие речевые интенции:

1) вопрос: *Что мой* ***Кюхля****, за которого я стражду, но все люблю?* [П1: 347]; *Здоров ли* ***Билибин****?* [Ч1: 106]; *Как живет* ***Катерина****?* [Г1: 72]; ***Светий*** *мой как?* [Ш: 62]; *Где* ***Ирина****? <...> Как дела у* ***Андрея****?* [А: 149];

2) просьбу (последняя отмечена в нашем материале только в письмах, датированных XIX в.): *Напиши мне нечто о* ***Карамзине, ой, ых. Жуковском, Тургеневе А., Северине, Рылееве*** *и* ***Бестужеве*** [П1: 335]; *... пожалуйста, расскажи мне про наших знакомых:* ***Дьяков, Ферзен, Львов, Озеров, Ислявины, Волконские****, даже* ***Горчаковы****?* [Т1: 352]; *Напиши, как ты*

поживаешь, как поживает твоя семья, как поживает ***Елизавета Михайловна****…* [Ч1: 8].

Еще одна особенность употребления антропонимов в неофициальных письмах, характеризующихся непринужденностью в выборе языковых средств и экономией речевых усилий, состоит в сокращении имен собственных. Обычно, помимо аббревиатур в подписи, такое сокращение используется для антропонимов, обозначающих лиц, которые не принимают участия в общении: *Я начал переписку только с* ***Ж.*** *и* ***В.*** [П1: 333]; *Маша сидит в известном переулке в Туле с* ***М.В.****, Сережей и всей кликою…* [Т1: 341]; *Я взял слово с* ***Л.И.****, что он пошлет Вам это письмо* [Ч1: 41]; *Живем мы пока в таком числе:* ***Ник. Ив.****, его сестра, я, жена, сын, теща…* [Г1: 91]; *Эти два дня Лидию почти не вижу, она с* ***Кл. Ник.*** [Ш: 23]; ***М.С.*** *приехала* [А: 317].

В письмах М. Горького и М.А. Шолохова также отмечено сокращение антропонимов, используемых в функции обращения: ***Ник. Сам.!*** [Г1: 390]; *До свидания,* ***В.Г.*** [Г1: 15]; *Вы поймите, дорогая* ***Евг. Григорьевна****, что рот зажать мне легче всего* [Ш: 117].

Использование в эпистолярном тексте подписи, а также антропонимов, которые обозначают людей, включенных в личную сферу автора письма, предоставляет широкие возможности для языковой игры. В исследуемом материале отмечены следующие приемы модификации антропонимов:

1) употребление иноязычного аналога имени (с использованием как кириллического, так и латинского шрифтов): *Тебе ничего не пишу, мусье* ***Lion****, за то, что за тобою еще несколько ответов* [П1: 447]; *Да пришли мне кольцо, мой* ***Лайон*** [П1: 341] (Здесь А.С. Пушкин использует английский вариант произношения имени адресата.); *Милый друг* ***Alexandrine*** [Т1: 594]; *Ваш* ***Antoine*** [Ч1: 201]; ***Antonio*** [Ч1: 243] (Здесь А.П. Чехов использует различные варианты своего имени: французский, итальянский.); *… моя* ***Мари****, как зовет ее одна знакомая латышка, собирается в Индию*

туристкой. <…> Но вот отправлю ***Мари*** *в Индию и уеду в деревню хоть на неделю…* [А: 237];

2) образование окказиональных вариантов имен по распространенным словообразовательным моделям, обычно путем присоединения уменьшительно-ласкательных суффиксов к основе имени или фамилии (при этом основа фамилии обычно подвергается усечению): *Обнимаю тебя, моя радость, обнимаю и крошку* ***Всеволодчика*** [П1: 293] (Письмо А.С. Пушкина адресовано Н.В. Всеволожскому.); *Душенька дяденька* ***Фетинька*** [Т1: 533] (Письмо адресовано А.А. Фету.); *Дорогие* ***Турки****, язычники и иноверцы! Дорогие* ***Митрофанчики****!* [Ш: 685] (Письмо М.А. Шолохова адресовано С.М. и А.М. Турковым, М.М. и В.Н. Митрофановым.); *Дорогая Маня и* ***астафьята****, здравствуйте!* [А: 38] (Письмо В.П. Астафьева адресовано его семье.).

Помимо модификации антропонимов, для неформального эпистолярного общения характерно использование *аутографонимов* (термин введен В.И. Супруном; вслед за ученым обозначаем данным термином «различные серьезные и шутливые подписи в письмах, дарственных надписях и т.д., которые хотя и бывают нередко также вымышленными, заменяют подлинные антропонимы, но употребляются только в интимном общении…» [Супрун 2008: 98]). В нашем материале аутографонимы отмечены преимущественно в письмах А.П. Чехова: *Твой* ***Шиллер Шекспирович Гете*** [Ч1: 175]; *Ваш* ***Акакий Тарантулов*** [Ч1: 357]; *С почтением* ***Генрих Блокк*** *и К°* [Ч1: 417] (подробнее об особенностях употребления аутографонимов в частных письмах XIX-XX вв. см.: [Акимова 2012б]).

Кроме того, автор письма может называть адресата «чужим», ситуативным или постоянным, «эпистолярным» именем: *Прощай, князь* ***Вертопрахин****, кланяйся княгине* ***Ветране****…* [П1: 668]; *Благослови, преосвященный владыко* ***Асмодей*** [П1: 275]; *Милый* ***Альба****!* [Ч1: 187]; *Прощайте,* ***Альба*** [Ч1: 189]; ***Гусиных*** [Ч1: 160]; ***Гусиади****!* [Ч1: 203].

Распределение исследуемого материала в рамках данной классификации позволяет сделать предположение о том, что называние автором себя и адресата вымышленными именами характерно для эпистолярия XIX в., а остальные приемы свойственны письмам, относящимся как к XIX, так и к XX в.

Среди имен, не включенных в личную сферу адресата, можно отметить антропонимы, обозначающие персон, известных широкому кругу людей. Если закономерности употребления остальных антропонимов, обозначающих третьих лиц, выявить не представляется возможным, то ситуации употребления имен собственных, называющих знаменитостей, в письмах представлены достаточным количеством с/у. Данные единицы используются в следующих случаях:

а) при указании на источник цитаты: *Класс писателей, как заметил* ***Alfieri****, более склонен к умозрению, нежели к деятельности…* [П1: 589]; *Wage nur zu irren und zu träumen! –* ***Шиллер*** *сказал* [Т1: 423-424]; *Вспоминаю* ***Турнефора****: родить надо, а свечки нету* [Ч1: 563]; *А запивать стерлядь и куропаток будем <…> тем самым «соком кипучим, искрометным», который некогда воспел известный дегустатор* ***Александр Сергеевич*** [Ш: 329]; *А ведь тезка Ваш, придворный поэт* ***Гавриил Державин****, писал еще двести лет назад: «Злодейства землю сотрясают! Неправды зыблют Небеса!..»* [А: 384];

б) в составе сравнения: *Ты, кажется, любишь Казимира, а я так нет. Конечно, он поэт, но все не* ***Вольтер****, не* ***Гете****...* [П1: 446]; *Голова моя занята мыслями о лете и даче. Денно и нощно мечтаю о хуторе. Я не* ***Потемкин****, а* ***Цинциннат*** [Ч1: 340]; *В русской литературе еще не было новеллиста, подобного Вам, а теперь Вы у нас самая ценная и крупная фигура. Хорош* ***Мопассан****, и очень я его люблю – Вас больше его* [Г1: 52]; *Работаю лишь утром, а к вечеру полный дурак и немощный, как* ***Казанова*** *в старости* [А: 29].

Подробнее об особенностях употребления прецедентных онимов см. в п. 3.2. настоящего исследования.

Кроме того, в эпистолярном наследии писателей часто встречаются называющие авторов произведений антропонимы, которые используются в составе высказываний с метонимическим переносом, что характерно для разговорного дискурса (см.: [Харченко 2010: 62]): … *чем более читаю* ***Тацита****, тем более мирюсь с* ***Тиберием*** [П1: 469]; *Невероятно и ни на что не похоже, но я прочел* ***Ксенофонта*** *<…>. Для* ***Гомера*** *же нужен только лексикон и немного напряжения* [Т1: 693]; *У меня забытый Вами* ***Бальзак****…* [Ч1: 391]; *Читаю* ***Клейна*** *– прекрасная книга!* [Г1: 248]; *Сейчас начинаю снова открывать для себя* ***Пушкина*** *и* ***Гоголя****...* [А: 253].

Как видим, к антропонимам, которые обозначают людей, не включенных в личную сферу автора, в большинстве случаев относятся фамилии.

Таким образом, в результате анализа употребления антропонимов в неофициальных письмах русских писателей выявлены закономерности их использования, связанные с контекстуальным окружением и ситуациями употребления. Кроме того, установлены приемы модификации антропонимов, характерные для русских частных писем, а также некоторые изменения в использовании антропонимов, возникшие в результате эволюции эпистолярного этикета.

3.1.2. Библионимы

Библионимы, т.е. названия любых письменных произведений – «художественного, религиозного, научного, политического и т.д.» [Подольская 1988: 42], весьма частотны в писательском эпистолярии.

Особенности употребления библионимов в эпистолярных текстах обусловлены стремлением автора создать в частном письме атмосферу непринужденной беседы с адресатом.

В частности, если название состоит из нескольких слов, авторы нередко сокращают его до одного слова. В случаях, когда библионим представляет собой словосочетание, остается обычно главное слово: *Ты напрасно не поправил в «**Олеге**» герба России* [П1: 430]; *Разумеется, приеду и, разумеется, буду делать все от меня зависящее и возможное, чтобы «**Дон**» пошел по экрану* [Ш: 113]; *Надо бы заканчивать «**Поклон**» и непременно нынче, а я никак ладом за стол не сяду* [А: 250].

В названии, состоящем из определяемого слова и приложения, может «потеряться» приложение (в нижеприведенном примере – *царь*): *В десятом номере «Литературного обозрения» будет «круглый стол» по «**Рыбе**» – мне очень интересно будет знать твое мнение...* [А: 243].

Библионим, включающий имя и фамилию героя, автор может сократить, оставив только имя или только фамилию: *Милый мой, посидим у моря, подождем погоды; я не умру; это невозможно; бог не захочет, чтоб «**Годунов**» со мною уничтожился* [П1: 546]; *Какого вам «**Бориса**» и на какие лекции? в моем «**Борисе**» бранятся по-матерну на всех языках. Это трагедия не для прекрасного полу* [П1: 605]; *У меня на сердце еще ваше последнее письмо с одобрением последней части «**Карениной**»* [Т1: 801]; *За последние дни я глотнул от щедрот жизни много всякой гадости и настроен довольно дико. Боюсь, не отозвалось бы это на «**Фоме**»* [Г1: 61].

Два варианта сокращения названия возможны и в случае, когда оно совпадает с номинацией героя произведения и при этом состоит из двух существительных: *Все-таки она* [публика. – Т.А.] *непобедима в своем туподушии и плохо понимает Вас и в «Чайке» и в «**Дяде**». <…> В последнем акте «**Вани**»… я задрожал от восхищения пред Вашим талантом и от страха за людей, за нашу бесцветную, нищенскую жизнь* [Г1: 46].

Подавляющее большинство библионимов, выраженных именем существительным или включающих его в свой состав в роли главного компонента словосочетания, употреблено в анализируемом материале в форме именительного падежа. В письме автор может трансформировать

название, используемое в форме косвенного падежа, чтобы получить возможность более «удобно» с точки зрения грамматики «вписать» название в контекстуальное окружение: *Получил 25 штук «**Дна**», и уже – нет ни одного экземпляра, – все растащили. В Москве «**Дно**» продавалось на улицах мальчишками от Клюкина еще 1-го числа…* [Г1: 287]; *Получил наконец-то свою «**Весну**»* (имеется в виду книга «До будущей весны». – Сост.) [А: 16].

В письмах М.А. Шолохова отмечен еще один способ сокращения названий, также свидетельствующий о непринужденном характере эпистолярного общения, а именно усечение зависимого компонента словосочетания: *Если я и допишу «**Тих. Дон**», то не при поддержке проклятых «братьев»-писателей и литерат. общественности, а вопреки их стараниям всячески повредить мне* [Ш: 109]; *Ни единого «выходного» не было, вокруг меня одни и те же, страшно прискучившие мне люди (по «**Т. Дону**» вперемежку с новыми из этой раззлосчастной «Целины»)…* [Ш: 138]; *Приеду править коррект. «**Под. целины**».* [Ш: 159].

В эпистолярии М.А. Шолохова отмечены также примеры употребления библионимов в виде аббревиатуры: *В январе я наладил печатание 3 кн. «**Т.Д.**»…* [Ш: 143].

Непринужденностью эпистолярного общения можно объяснить и тот факт, что авторы иногда используют названия произведений без кавычек, которые, согласно правилам русской пунктуации, здесь необходимы [Розенталь 2008: 325]: *Не вполне подтверждаю то, что писал о твоей **Ироиде**, но признаюсь – это стихотворение недостойно ни тебя, ни Батюшкова* [П1: 133]; ***Руслан** – молокосос, **Пленник** зелен – и пред поэзией кавказской природы поэма моя – голиковская проза* [П1: 561]; *Моя **Анна** надоела мне, как горькая редька* [Т1: 777]; *Вам не нравится мой второй **черт**?* [Г1: 112].

Вышеприведенные случаи употребления библионимов также можно рассматривать как примеры языковой игры (подробнее об этом см.:

[Акимова 2010б]). Данное явление получило в лингвистической науке следующее толкование: «неправильность (или необычность), осознаваемая и намеренно допускаемая говорящим» [Санников 1999: 67], которая «основана на знании системы единиц языка, нормы их использования и способов творческой интерпретации этих единиц» [Там же: 13, 15].

В эпистолярном творчестве писателей отмечаются разнообразные проявления данного лингвистического феномена, поскольку для лингвокреативно мыслящих идивидуумов, к которым относятся не только писатели, но и в целом представители интеллигенции, «характерны такие явления, как рефлексия над словом, намеренное его искажение, обыгрывание его звукового состава, внутренней формы, связей с другими словами, словесные каламбуры и т.п. – иначе говоря, языковая игра во всех ее обличьях» [Крысин 2001: 104].

Такое понимание языковой игры можно считать узким, поскольку во внимание принимаются только модификации отдельных языковых единиц или взаимодействие близкорасположенных лексем.

Языковая игра, связанная с употреблением библионимов, в эпистолярии рассматриваемых авторов представлена в большинстве случаев употреблением лексических единиц, чаще глаголов, в переносном, а именно в метафорическом, значении. Перенос здесь обусловлен полной омонимией названия (как правило, выраженного существительным или словосочетанием с главным словом – именем существительным) с предметом или явлением, которое позиционируется автором как ключевое для данного произведения.

Наиболее частотными являются примеры, содержащие названия, совпадающие с именами (или другими номинациями) главных действующих героев. Как и следовало ожидать, языковая игра здесь основана на олицетворении. Данный троп активно используется в письмах А.С. Пушкина и В.П. Астафьева (здесь и далее лексемы, способствующие реализации того или иного тропа, подчеркнуты): *Платье*, *сшитое, по заказу*

*вашему, на «**Руслана и Людмилу**», прекрасно; и вот уже четыре дни как печатные стихи, виньета и переплет детски утешают меня* [П1: 72]; *«**Онегина**» переписываю. Немедленно и он явится к тебе* [П1: 401]; *«**Пастушка**» моя не пристроилась еще. Все ахают и охают, но не печатают* [А: 160]; *«**Пастушку**» (я ее люблю, как свою дочь – зло и больно) задумал ведь я еще в 1954 году* [А: 191].

Единичные случаи подобного употребления библионимов отмечены также в письмах Л.Н. Толстого, А.П. Чехова и М. Горького: *Берусь теперь за скучную, пошлую «**Анну Каренину**» и молю бога только о том, чтобы он мне дал силы спихнуть ее как можно скорее с рук…* [Т1: 771]; *После того как я поговорил с ним* [издателем Островским. – Т.А.] *о моем выкидыше «**Иванове**», я узнал цену, какую имеют для нашего брата такие люди* [Ч1: 190]; *«**Вареньку**» не получил для корректуры. Она уехала в Ялту...* [Г1: 82].

Представленные примеры наглядно иллюстрируют стремление писателей подчеркнуть трепетное отношение к своим произведениям: как к живым людям (употребление слов *платье* в значении ‘переплет’, *уехала* в значении ‘была отправлена’ и др.) и, более того, как к собственным детям (сравнение *люблю как дочь*, фразеологизм *спихнуть с рук* в значении не ‘выдать замуж’, а ‘пристроить в издательство’ и др.).

Метафорический перенос по ассоциации с представителями фауны в анализируемом материале представлен только в письмах В.П. Астафьева, автора повести с «зооморфным» названием – «Царь-рыба»: *Извини, что не сразу тебе ответил, не мог на письма выкроить время, все бьюсь с «**Рыбой**» – ловлю ее, давлю…* [А: 219]; *В пятом номере «Роман-газеты» в сокращенном виде идет «**Царь-рыба**» – продрала все невода и мережи на своем пути* [А: 256]. Как видим, здесь метафорический перенос осуществляется преимущественно с помощью глаголов, и автору удается в красках описать сложности процесса работы над повестью и ее опубликования.

В письмах А.С. Пушкина неоднократно встречается метафорический перенос, связанный с водной стихией: *Благодарю очень за «**Водопад**». Давай мутить его сейчас же…* [П1: 506]; *Не стыдно ли Кюхле напечатать ошибочно моего «Демона»! моего «Демона»! <…> Не давать ему за то ни «**Моря**», ни капли стихов от меня* [П1: 324]; *Радуюсь, что мой «**Фонтан**» шумит.* [П1: 217].

В данных примерах, как и в приводимых ранее, языковая игра построена на употреблении в переносном значении лексических (глагольных) и фразеологических единиц. В последнем примере метафорический перенос мог возникнуть случайно, ср. высказывание, построенное по сходной модели, в котором нет предпосылок для языковой игры: *Скажи мне, милый мой, шумит ли мой «**Пленник**»?* [П1: 129].

Подобное употребление глаголов в метафорическом значении, приводящее к появлению двусмысленности, вероятно, неосознаваемой автором, отмечено и в письмах В.П. Астафьева: *А запарку эту сделал я себе сам – добивал новую повесть «**Царь-рыба**»…* [А: 180]; *Готовил я «**Царь-рыбу**» в «Роман-газету» в один [!] номер – больше мне не дают. Надо было сокращать 3,5 листа. Я, идиот, начал «идти по тексту», исполосовал всю повесть, измучился…* [А: 244].

Метафорическое употребление лексем, контактирующих с библионимами, четко осознается адресатом, который легко расшифровывает их истинный смысл. Ни один из вышеприведенных высказываний нельзя считать построенным на дилогии – фигуре речи, основанной «на употреблении омонимов и полисемичных слов в таком контексте, который исключает их однозначное толкование» [Москвин 2005: 265].

Однако в исследуемом материале отмечено несколько примеров, которые, на наш взгляд, можно отнести к дилогии: *Над или под «**Морем и землею**» должно было поставить «Идиллия Москва»* [П1: 114]; *Жаль, что*

его [Короленко. – Т.А.] *«**По пути**»* *ощипала* *цензура* [Ч1: 199]; *К троице я пришлю Вам что-нибудь* *зеленое*, *a la «**Верба**»* [Ч1: 24].

Двусмысленное понимание данных высказываний возможно только в том случае, если если адресат слушает письмо, а не читает его. При зрительном восприятии текста становится понятно, благодаря кавычкам и прописной букве первого слова, что речь идет о названиях. Однако эти знаки не должны помешает адресату воспринять подобные высказывания как проявление языковой игры, а именно каламбура.

В письмах А.С. Пушкина и В.П. Астафьева отмечена перифраза, тематически связанная с названием произведения, используемого автором в данном или рядом находящемся высказывании: *«**Мечта воина**» привела в задумчивость* *воина*, *что служит в иностранной коллегии и находится ныне в бессарабской канцелярии* [П1: 139]; *Ну, первое, что меня интересует, ты уже, наверное, догадываешься, книга, конечно* [речь идет о книге «**До будущей весны**». – Сост.]. <…> *Успокой душу любителя* *весен*, *напиши, долго ли еще будет осень?* [А: 15].

В обоих примерах описательный оборот использован вместо местоимения *я*. Перифраза здесь реализует стремление автора выразить ироническое отношение к произведению (в письме А.С. Пушкина) или его автору (в письме В.П. Астафьева), т.е. в данном случае – к себе самому.

С помощью определения, тематически связанного с названием произведения, может быть выражена дружеская насмешка автора письма над лицом, не принимающим участие в эпистолярном общении: *Читал ли ты последние произведения Жуковского,* *в бозе почивающего*? *слышал ты его «**Голос с того света**» – и что ты об нем думаешь?* [П1: 38]. Идиоматическое выражение, используемое для характеристики поэта, имеет здесь два значения: 1. ‘умерший’, использованное здесь в переносном смысле – ‘редко появляющийся в печати’; 2. ‘пребывающий в Боге’, т.е. предающийся мистицизму. Очевидно, что данное определение лица, чьи

действия обсуждаются в письме, обусловлено прежде всего названием стихотворения.

Эпитет, включенный в название произведения, также может стать основой для языковой игры, связанной с использованием антонимичной лексемы. Пример подобного употребления отмечен в письме М.А. Шолохова: *Не подумайте, дорогая т. Левицкая, что радуюсь успеху романа, <…> радуюсь тому, что «**Тихий Дон**» находит столь звучный отклик и у Вас, и у Игоря, и у остальных моих читателей …* [Ш: 76].

Как видим, в основе языковой игры, связанной с употреблением библионимов, в большинстве случаев находится омонимия; средствами, создающими языковую игру, являются слова и идиоматические выражения, употребленные в переносном значении. Иные приемы создания языковой игры, в частности перифразы и эпитеты, отмечены в эпистоляриях отдельных авторов и могут быть охарактеризованы как элементы эпистолярного идиостиля данных авторов.

Широкое понимание языковой игры как моделирования языковой действительности позволяет представить эпистолярный дискурс как имитацию устной речи. «Так, например, иногда может показаться, что события, которые описываются в тексте письма, изложены несвязно, непоследовательно, как это свойственно спонтанной эмоционально устной речи. <…> Если подобные примеры подкреплены наличием черновиков, позволяющих выявить стремление автора текста подчеркнуть “неподготовленность” эпистолярного общения, то спонтанность изложения можно рассматривать как форму языковой игры» [Фесенко 2009: 12].

В нашем материале отмечены примеры использования библионимов для своеобразного «перекидывания мостика» от одной темы к другой: *Если гг. издатели не захотят удостоить меня присылкою своих альманахов, то скажи Сленину, чтоб он мне их препроводил, в том числе и «**Талию**» Булгарина. Кстати о талии: на днях я мерился поясом с Евпраксией, и тальи наши нашлись одинаковы* [П1: 307]; *Черт бы драл эту жизнь*,

*в которой все порядочное так быстро умирает. «**Черта**» Вы хотите взять себе?* [Г1: 44]; *Я до сих пор помню твой рассказ «**Черный крест**» и думаю, что придет твой день, хотя бы потому, что ты печатаешься и недоволен собой. Всем, кто остается доволен своей писаниной, можно смело ставить крест…* [А: 29].

Подобное употребление созвучных названиям лексических и фразеологических единиц, на наш взгляд, также можно отнести к языковой игре, хотя, конечно, нельзя однозначно утверждать, что выбор единиц осуществлен авторами намеренно, а не спонтанно.

Таким образом, к особенностям использования библионимов в эпистолярном тексте можно отнести, во-первых, сокращение количества слов или, реже, букв в анализируемых единицах, а во-вторых, создание посредством этих единиц комического эффекта или стилизации под спонтанный речевой поток. Закономерности использования названий художественных произведений в писательском эпистолярии наглядно иллюстрируют мастерство художников слова, стремящихся воплотить в письмах живость и непосредственность устной речи.

3.1.3. Геортонимы

Геортонимы – наименования праздников, торжеств, фестивалей (см.: [Подольская 1988: 48]).

Высказывания, содержащие геортонимы, обычно представляют собой поздравления, которые автор письма направляет адресату и, возможно, его близким: *Поздравляю тебя с **рождеством** спасителя нашего господа Иисуса Христа* [П1: 204]; *Поздравляю вас с **днем рожденья*** [Т1: 850]; *С **Новым годом**, с новым счастьем, дорогой Василий Михайлович!* [Ч2: 205]; *Горячо поздравляю вас с **33 годовщиной Советской Армии*** [Ш: 381].

Гораздо реже пишущий использует геортонимы в высказываниях, посвященных описанию традиций проведения праздника, а также указанию на особенности его празднования автором письма или его планов на этот

счет: *Знаете ли вы трогательный обычай русского мужика в* ***светлое воскресение*** *выпускать на волю птичку?* [П1: 156]; *А вчерась деревня наша шумела –* ***Крещенье*** *праздновали быковцы. Брагу пили и песни пели* [А: 102]; *Во всяком случае,* ***именины*** *твоего старшего цуцыка мы отпразднуем вместе... Предупреди его, что торта не будет* [Ч1: 174]. Помимо описания деятельности людей, также может быть указана дата мероприятия: *Сегодня, 17-го –* ***День освобождения Варшавы****, и мы с утра возложили цветы к подножию Нике и расписывались в книге города Варшавы* [А: 380].

Особенностью употребления геортонимов в тексте является возможность их использования не только в типичной для них функции, т.е. для наименования того или иного праздника, но и для обозначения конкретной даты или временного отрезка, т.е. в функции хрононима. Примеры такого использования содержатся в еще памятниках древнерусской письменности: «в новгородских берестяных грамотах начиная с последней четверти XII в. фиксируются в большинстве своем дожившие до наших дней календарные конструкции типа “*на Пьтровъ днь*”, “*на Петръво дне*”, “*ко Петровоу дени*”, “*ко Илину дни*”, “*по Петровъ дни*”, “*о Петрови дни*”» [Толстая 2001: 87]. Исследователи также отмечают, что и «авторы художественных произведений довольно часто используют геортонимы в значении хрононимов, на что указывают предлоги *на*, *от*, *после* и др. и их положение обстоятельства времени» [Андреева 2004: 150].

В анализируемом материале данная функция геортонимов реализуется в высказываниях, содержащих следующую информацию:

1) сообщение пишущего о событиях, произошедших в этот период, или планах и планах на указанное время: *Я слова своего не изменю и после* ***петрова дня*** *приеду…* [Т1: 404]; *После Вашего отъезда, перед* ***рождеством****, приехал в Москву один петербургский редактор и повез меня в Петербург* [Ч1: 94];

2) вопрос о действиях адресата, планируемых в этот период, а также приглашение его в гости: *Можно ли ожидать, что ты в* ***пост*** *будешь*

в Ялте? [Г1: 193]; *Пожалуйста, если вам возможно, приезжайте на* ***святки*** [Т1: 788].

В основном эта функция присуща лексемам, номинирующим даты православного церковного календаря (ср. подобные наблюдения, связанные с употреблением православных геортонимов в устной речи [Терентьева 2011: 92]). Православные геортонимы с учетом возможности использования в функции хрононима можно разделить на две подгруппы:

1) используемые как в прямой функции, так и в роли хрононима (*Рождество*, *Масленица*, *Пасха* и нек. др.);

2) используемые только в функции хрононима (*Великий пост, Страстная пятница, Фомина неделя, Троица, Петров день*).

В отличие от других групп ономастической лексики геортонимы более «мобильны»: частотность, функции, семантика, особенности репрезентации той или иной единицы обусловлены прежде всего экстралингвистическими факторами. Иными словами, изменения, происходящие в жизни общества, неизбежно накладывают отпечаток на функционирование геортонимов в эпистолярном тексте.

Так, православные геортонимы активно употребляются в письмах XIX – начала XX в., а в эпистолярии середины XX в. присутствуют лишь рудименты прежней картины. В частности, в письмах М.А. Шолохова отмечено только 6 с/у использования церковных геортонимов в роли хрононимов, а в эпистолярии В.П. Астафьева – всего 4 с/у. Однако ближе к концу XX в. в письмах последнего появляются православные геортонимы, используемые в прямой функции – автор поздравляет адресата с праздниками Рождества и Пасхи: *Через день* ***Рождество Христово****. Поздравляю всех пензяков и Вас тоже с этим пресветлым земным праздником! Будьте здоровы!* [А: 638]; *И я поздравляю тебя с* ***Пасхой****, с этим так и оставшимся с детства в памяти таинственно-торжественным праздником* [А: 712]. Напротив, в письмах, созданных в период существования СССР, не отмечено ни одного подобного примера.

Это объясняется искоренением православных традиций и пропагандой атеизма, характерными для советской эпохи.

В процессе функционирования геортонимы, особенно употребляемые в функции хрононимов, могут варьироваться в фонетико-фонологическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом и орфографическом отношении (см.: [Реммер 2005: 183]). В связи с тем, что авторы писем, особенно неофициальных, нередко имитируют непосредственное общение с адресатом, варьирование геортонимов в эпистолярных текстах «вписывается» в законы устного общения. Так, для них характерны следующие приемы варьирования православных геортонимов:

1) сокращение количества слов в словосочетании до одной значимой лексемы: *Ежели Сережа с вами, поздравляю его с* ***рождеством****, обнимаю…* [Т1: 467]; *В среду на* ***страстной*** *меня выпустят…* [Ч2: 158];

2) замена книжного аффикса *-нић-* разговорным *-ньћ-*: *Крещенье*, *Воскресенье*, *Успенье*.

Отметим также, что в эпистолярном тексте геортонимы часто пишутся со строчной буквы; особенно это характерно для единиц, используемых в функции хрононима.

Среди геортонимов, которые обозначают светские праздники, лидером по количеству употреблений является *Новый год*. Данная единица активно используется в письмах как в прямой функции, так и в роли хрононима.

Контекстуальное окружение словосочетания позволяет выявить изменения в восприятии понятия, номинированного данным геортонимом: в XIX в. Новый год не считается праздником, на рубеже веков становится таковым наряду с Рождеством, а к середине XX в. новогодние праздники «поглощают» рождественские, ср.: *Начинаю с того, что поздравляю вас с* ***праздником*** *и* ***Новым годом****, желаю вам здоровья…* [Т1: 851]; *Не вздумаете ли на* ***праздниках*** *прокатиться сюда?* [Г1: 147-148];

С запозданием поздравляю и с тем, что сломал пятый десяток, и с ***Новым годом*** [Ш: 545-546].

Геортонимы, которые обозначают праздники, возникшие в результате изменения общественного строя, в письмах обычно не именуются полными официальными названиями. При употреблении рассматриваемых единиц авторы либо сокращают количество слов, либо указывают дату, связанную с празднованием: *Со всеми вас праздниками, дорогие наши, и прежде всего с* ***Пасхой*** *и* ***Первомаем****…* [А: 696]; *… заранее поздравляю тебя с* ***женским днем*** *и желаю всего, чего желают хорошим людям* [А: 314].

При употреблении геортонимов этой группы в роли хрононимов обычно указывается дата празднования: *… после* ***восьмого марта*** *приду в больницу* [А: 694]. Подобные примеры в нашем материале отмечены только в письмах В.П. Астафьева.

Среди персональных праздников, отражающих наиболее значимые события в жизни того или иного лица, наиболее популярными являются день рождения и именины / день ангела. Традиции празднования этих событий изменяются с течением времени, и ее эволюция находит отражение в использовании данных геортонимов в письмах. Так, в XIX в. именины считались более значимым праздником, чем день рождения, с которым было принято поздравлять только близких людей, ср.: *Вас же жду к себе и прошу вместе с женой к ее* ***именинам****, то есть приехать 15 и пробыть у нас, по крайней мере, дня три* [Т1: 681] – *Жены* ***рожденье*** *22-го, и все наши ей готовят подарки…* [Т2: 67]. В XX в., напротив, день ангела перестали отмечать, эту дату полностью заменил день рождения, поздравить с которым адресата, даже малознакомого, особенно если виновник торжества отмечает юбилей, стало правилом хорошего тона.

Единицы, обозначающие памятные даты, не связанные с деятельностью индивида, т.е. неперсонализированные геортонимы, довольно редко употребляются в эпистолярном тексте. В частных письмах XIX в. встречаются лишь единичные случаи их употребления, однако

в письмах, относящихся к XX в., количество употреблений указанных единиц возрастает. Данные геортонимы обычно используются при поздравлении автором адресата или при сообщении о прошедшем / наступающем праздновании: *«Молодой гвардии» в день ее **пятидесятилетия** сердечный привет и добрые пожелания на грядущие пятьдесят лет* [Ш: 595]; *Знаешь ли ты, что нынче **юбилей** нашего незабвенного города детства? Да, 29 июня Игарке отмечается ее **пятидесятилетие**. Многие старые игарчане собираются туда. Собираюсь и я* [А: 285].

Персональным и неперсонализированным геортонимам не свойственно употребление в функции хрононимов.

Таким образом, в русских письмах геортонимы используются при поздравлении пишущим адресата, при описании действий, связанных с проведением того или иного праздника или памятной даты. Часть геортонимов, в основном православные, используются для указания на время, когда отмечается праздник или проводится мероприятие, или на временной отрезок, в течение которого автор или адресат планирует определенные действия. Модификации в употреблении этих лексем связаны с их адаптацией к разговорному стилю, используемому в письмах. Эволюция в использовании геортонимов в письмах отражает изменения в жизни общества: переход на рубеже XIX-XX вв. от коллективного мировосприятия к индивидуализированному, а также отказ от православных традиций в начале прошлого века и постепенное возвращение к ним в конце столетия.

3.1.4. Топонимы

Топонимы – имена собственные, называющие природные объекты на Земле, а также объекты, созданные человеком на Земле, которые четко зафиксированы в данном регионе, в т.ч. «гидроним, ойконим, ороним,

спелеоним, хороним, урбаноним, дромоним, агрооним, дримоним, инсулоним, некроним» [Подольская 1988: 127].

В эпистолярном тексте могут быть использованы топонимы, относящиеся к любой из перечисленных групп, однако, по нашим наблюдениям, наиболее частотными являются астионимы – разновидность ойконимов, собственные имена городов [Там же: 41], а также хоронимы – «названия больших областей (географических, экономических, исторических)» [Суперанская 2009: 187].

В последние годы топонимы активно рассматриваются в качестве репрезентативных единиц концепта. В зависимости от материала, на базе которого проводится анализ средств и способов вербализации концептов, можно выделить несколько их разновидностей: 1) так или иначе зафиксированные в языке [Ши Ся 2008; Юрьева 2008]; 2) используемые в текстах определенной стилистической / жанровой разновидности [Гришина 2004; Куданкина 2005; Орлова 2005; Пименова 2007] и / или относящиеся к определенному временному отрезку [Зиновьева 2009]; 3) представленные в речевых произведениях одного автора [Войлова 2008].

Топонимические концепты представляют собой ценностно ориентированные единицы, поэтому изучение способов их вербализации позволяет осуществить реконструкцию фрагментов русской языковой картины мира. Анализ употребления топонимов, в частности выявление и описание коннотативного компонента значения этих лексем, а также способов и средств его актуализации в письмах разных авторов, позволит определить возможности эпистолярного текста в характеристике языковой картины мира как общей, свойственной любому носителю русского языка, так и индивидуальной, присущей тому или иному автору писем.

В анализируемом материале наиболее частотными являются астионимы, вербализующие концепты «Москва» (*Москва* – всего 1380 с/у), «Петербург» (*(Санкт-)Петербург* – всего 754 с/у, *Питер* – всего 213 с/у,

Ленинград – всего 60 с/у) и хоронимы, вербализующие концепт «Россия» (*Россия* – всего 405 с/у, *Русь* – всего 121 с/у).

В трудах по ономастике отмечается, что на синтаксическом уровне топонимы выполняют преимущественно функцию обстоятельства места (см.: [Суперанская 2009: 269]). Это наблюдение подтверждается и результатами количественного анализа употребления анализируемых астионимов и хоронимов в писательском эпистолярии: наиболее частотными являются словоформы, стоящие в родительном (с предлогом *из*), винительном (с предлогом *в*) и предложном (также с предлогом *в*) падежах (полный перечень количественных подсчетов анализируемых астионимов и хоронимов см. в таблице 1 приложения 3).

Для других топонимов, употребляемых в частных письмах, также характерна функция обстоятельства места, что объясняется тем, что любое событие, о котором повествует автор письма, имеет «привязку» к местности (подробнее об этом см.: [Акимова 2011а]).

Большая значимость понятий, обозначаемых перечисленными выше астионимами и хоронимами, для русского национального сознания позволяет рассматривать указанные единицы как реализации концептов «Москва», «Петербург» и «Россия» (Данные концепты в последние годы активно исследуются и на другом материале, см., например: [Авдонина 2009; Кириченко 2005; Корчевская 2002; Орлова 2005; Юрьева 2008].).

Ниже дано описание особенностей вербализации этих концептов в эпистолярном наследии русских писателей XIX-XX вв. Особое внимание уделяется средствам представления коннотативной оценки данных единиц.

3.1.4.1. Особенности вербализации концепта «Россия»

При употреблении хоронимов *Россия, Русь* авторы применяют различные стилистические приемы, а именно:

1) метонимический перенос «Россия → русское общество, русский народ»: *Но прилично ли мне, Александру Пушкину, являясь перед* ***Россией***

с «Борисом Годуновым», заговорить об Фаддее Булгарине? [П2: 260]; *Пишу я тебе редко не по небрежности, не по недостатку интереса к твоей жизни, а по загруженности работой и вследствие все более расширяющейся переписки с* ***Россией****, – с молодыми писателями главным образом* [Г2: 478]; *К этакой литературе во все времена все привыкали очень быстро; настоящего слова, по справедливому и потому уже осужденному в «Огоньке» замечанию Гранина,* ***Россия*** *всегда боялась* [А: 144];

2) метафорический перенос «Россия → живое существо / человек», т.е. олицетворение, осуществляемое с помощью атрибутивных и предикативных единиц (в нижеприведенных примерах они подчеркнуты); при этом каждый автор последовательно, ярко и образно воплощает в письмах свое видение перспектив жизни страны, ср.: *Так верится, что они* [художники. – Т.А.] *внесут в жизнь <u>хмурой</u>* ***России*** *много солнца, света, много высокой красоты искусства* [Г2: 319]; *Да,* ***Россия*** *<u>просыпается</u>, – вот факт, значение которого сейчас нельзя учесть ни одному пророку* [Г1: 392] *– А о том, что своим мученичеством <u>растерзанная</u> и <u>издыхающая</u>* ***Россия*** *<u>спасла</u> христианскую цивилизацию, я тоже робко размышлял...* [А: 470]; … *непрофессиональность <u>сгубила</u> и нас, и* ***Россию*** *нашу <u>разлюбезную</u>* [А: 532]; *<u>Погибает</u>* ***Россия****, стремительно идет на убыль народ, растут злоба и смута в душах людей, несчастья отовсюду сваливаются…* [А: 674];

3) метафорические переносы, эксплицирующие пессимизм автора по отношению к будущему страны (отмечены только в письмах В.П. Астафьева; лексемы, с помощью которых осуществляются метафорический перенос, также подчеркнуты):

а) «Россия → пространство, территория»: ***Россия*** *<u>опустела</u>, огромная страна взялась бурьяном, и в этом бурьяне догнивают изувеченные, надсаженные войной мужики* [А: 327];

б) «Россия → средство передвижения»: *Желаю, чтобы он* [Новый год. – Т.А.]*, последний в этом веке и тысячелетии, был бы милостив ко*

всем людям на земле и чтобы ***Россию*** *нашу не* <u>*катило*</u> *так круто с горки, словом, чтоб он был хоть чуть-чуть полегше нонешнего.* [А: 673].

В одном из писем В.П. Астафьева также используется сравнение «Россия – кладбище»: *А у нас что же, у нас вся* ***Россия*** *–* <u>*погост*</u>*, вся нация растоптана…* [А: 557].

При использовании метонимического переноса коннотация обычно не актуализируется; метафорические переносы, напротив, часто обусловливают актуализацию коннотативного компонента значения топонима.

Контекстуальный анализ лексем, вербализующих концепт «Россия», в анализируемом материале позволил выявить и другие способы реализации их коннотативного значения в эпистолярном тексте. В частности, было установлено, что коннотации данных единиц эксплицируются в высказываниях, которые содержат описание определенных сценариев, а именно следующих:

1) «жить в стране хорошо / плохо», и поэтому:

а) автор письма сообщает, что ему / другим людям нравится / не нравится жить в стране: *В столицу хочется мне для вас, друзья мои, – хочется с вами еще перед смертию поврать; но, конечно, благоразумнее бы отправиться за море. Что мне в* ***России*** *делать?* [П1: 574]; *Святая* ***Русь*** *мне становится невтерпеж* [П1: 210]; *Стыдно жить в* ***России****, стыдно и тяжело…* [Г1: 281]; *Жизнь у нас в* ***России*** *идет трудно, в каких-то судорогах, экономических и нравственных* [А: 546]; *Тяжкие времена на* ***Руси****. Душа болит, и порой уж начинаешь завидовать мертвым* [А: 682];

б) автор письма советует адресату жить в стране / за ее пределами: *Ты, который не на привязи, как можешь ты оставаться в* ***России****?* [П1: 618]; *Нужно лечиться, нужно поехать куда-нибудь вон из* ***России****, где невозможно отдохнуть. Пожалуйста – уезжай!* [Г1: 378]; *Дорогой Александр Валентинович – все-таки скажу Вам, что* ***Россия*** *– хорошая сторона, и Вам бы тоже сюда? Серьезно?* [Г2: 370];

2) «в стране происходят определенные события, оцениваемые автором как положительные / отрицательные», и эти события:

а) происходят давно и регулярно: *Я не очень понимаю, какое условие мог ты заключить с Рахмановым; страховать жизнь еще* ***на Руси*** *в обыкновение не введено, но войдет же когда-нибудь; покамест мы не застрахованы, а застращены* [П2: 518]; *Любят* ***на Руси*** *похоронить человека, – не оттого ли так мало у нас живых-то людей?* [Г2: 296]; *Вам известно, что* ***на Руси*** *спят много и охотно, просыпаются же медленно и лениво* [Г2: 381]; *... очень у нас в* ***России*** *умеют и любят отнимать время, а главная работа – дело жизни – становится как бы и неглавной, да и ненужной* [А: 638]; *Мало что меняется* ***на Руси:*** «*Отняли копеечку, обидели юродивого, не надо молиться за преступного царя Бориса». Это когда написано-то? А вон какая ария! Злободневная и поныне...* [А: 592];

б) начали происходить недавно, т.к. связаны с изменениями в обществе: *Сколько бесстыдников развелось* ***на Руси*** *– жуть берет!* [Г2: 360); ***Русь*** *наша быстро умнеет и талантливо растет* [Г2: 478]; *Ни морали, ни стыда, ни чести, ни достоинства нет у населения нынешней* ***России*** [А: 548-549]; ***Россия*** *успешно борется со своими талантами, и вот результат: на Урале за двадцать лет ни одного таланта яркого* [А: 365].

Анализ представленности вышеприведенных ситуаций в эпистолярии каждого из рассматриваемых авторов, употребление того или иного топонима в определенной ситуации, а также знак коннотативной оценки, актуализируемой в данных высказываниях, дает возможность реконструировать фрагмент языковой картины мира писателей, связанный с восприятием жизни общества и страны, ее прошлого, настоящего и будущего (подробнее об этом см.: [Акимова 2011б]). Так, в высказываниях из писем А.С. Пушкина и В.П. Астафьева представлено только негативное отношение к российской действительности, в письмах М. Горького – как отрицательное, так и положительное. В письмах А.С. Пушкина причиной отрицательного отношения к стране послужили особенности жизни и

деятельности самого автора; М. Горький и В.П. Астафьев в письмах затрагивают сложные философские вопросы, связанные с прошлым, настоящим и будущим страны. При этом, упоминая традиционные черты российского менталитета, данные писатели характеризуют их только негативно и при этом используют только топоним *Русь*; говоря об изменениях в стране, М. Горький употребляет преимущественно слово *Русь*, а В.П. Астафьев – *Россия*.

Основным средством актуализации коннотативной оценки лексем *Россия* и *Русь* в письмах выступают прилагательные и причастия (а также местоимение *наша*) в функции согласованного определения. Так, сравнение определений, использованных разными авторами вместе со словами *Русь* и *Россия*, дает возможность сделать выводы о том, что каждый из писателей вкладывает в вербализуемыми данными лексемами концепты свое содержание, касающееся оценки данных понятий и отнесения их к определенным временным планам. В частности, в письмах А.С. Пушкина наблюдается противопоставление по принципу «прогрессивное» (Россия) – «косное» (Русь), ср. используемые автором определения: *святая, проклятая* (Русь) – *Европейская, наша* (Россия). В письмах М. Горького посредством определений эксплицирована иная, обратная оппозиция: «косное, старорежимное» (Россия) – «новое, изменяющееся» (Русь), ср.: *многомиллионная, огромная, отмирающая, провинциальная, разноречивая, разноязычная, уездная, хмурая, царская* (Россия) – *«отсталая», наша, святая, смешная, славная, юная* (Русь). В письмах В.П. Астафьева представлен вариант соотнесения понятий, отличный от рассмотренных выше: «прошлое и настоящее, исчезающее, уничтоженное» (Россия) – «исконное, вневременное» (Русь), ср.: *бедная, безграмотная, большая, заживо похороненная, затурканная, издыхающая, нынешняя, обескровленная, растерзанная, смертельно больная, царская* (Россия) – *великая, добрая, древняя, исконная, наша, родная, святая* (Русь).

Помимо прилагательных и причастий, в роли средств, актуализирующих коннотативный компонент значения лексемы *Россия*, также могут выступать глаголы в функции сказуемого:

а) при слове *Россия* в роли подлежащего: *просыпается* (М. Горький), *будет пропадать*, *доживает (свой срок)*, *опустела, погибает* (В.П. Астафьев);

б) при слове *Россия* в функции дополнения – *(враг) унижал и уничтожал, (непрофессиональность) сгубила, (коммунисты) опустошили* (В.П. Астафьев).

Посредством вышеприведенных единиц каждый автор последовательно, ярко и образно воплощает в письмах свое отношение к происходящему в России, к прошлому страны, а также свое видение перспектив существования Российского государства.

Общими для писем всех рассматриваемых авторов являются два определения: а) *наша*, актуализирующее положительную коннотацию топонима (у А.С. Пушкина оно связано с лексемой *Россия*, у М. Горького и В.П. Астафьева – со словом *Русь*); б) *святая*, имеющее неоднозначную коннотацию: у А.С. Пушкина и М. Горького данное определение используется для придания высказыванию иронического оттенка, у В.П. Астафьева, напротив, – для героико-патетического, ср. (здесь и далее анализируемые определения к лексемам *Россия* и *Русь* подчеркнуты): *Надобно, чтоб наш журнал издавался и на следующий год. Он, конечно, буде сказано между нами, первый, единственный журнал на <u>святой</u>* ***Руси*** [П2: 96]; *Конечно, очень рад буду видеть Вас, потому что люблю; полагаю, что и Вам здесь было бы лучше, чем в ином месте. Спокойней, чем на <u>святой</u>* ***Руси****, теплее и красивей, не так ли?* [Г2: 290] – *Время показало – … ни к какой свободе мы не готовы и употребим ее себе во зло, как это не раз уже на* ***Руси*** *<u>святой</u> бывало* [А: 497].

Отнесение топонимов к временному плану прошлого эксплицировано в текстах писем М. Горького и В.П. Астафьева с помощью прилагательного

царская, сопровождающего топоним Россия: *Но вот возвратился в Москву, увидел, что сделано за 6 лет пролетариатом-диктатором в бывшей царской* ***России*** [Г3: 383]; *В сущности, при всеобщем-то образовании, порой и высшем, но без Бога в сердце и без царя в голове, народ наш остался еще более невежественным, чем это было в царской безграмотной* ***России*** [А: 621]. В письмах В.П. Астафьева также используется определение *старый*: *Это я к тому, чтоб Вы жалели «свою Марью», а слово «жалеть» в старой* ***России*** *означало еще и любить* [А: 688].

Соотнесению топонимов с временными планами прошлого и настоящего также служат местоименные наречия (в примерах, данных ниже, они подчеркнуты), поскольку сами топонимы не обнаруживают четкой соотнесенности с определенным временным планом: *… то, что Вы сказали миру по поводу событий, происходящих ныне в* ***России****, побуждает меня возразить Вам* [Г1: 365]; *Очень характерно, что теперь на* ***Руси*** *многих тянет делать большие книги, добрый признак!* [Г2: 465]; *Сейчас на* ***Руси*** *три больших художника, и все трое по-новому необыкновенны* [Г2: 549]; *А плохая, хорошо прежде говорилось на* ***Руси*** *– дурная – погода и одиночество, думается мне, и были главной причиной создания великой русской литературы…* [А: 532].

Коннотативные компоненты значения лексемы *Россия* в письмах также могут быть актуализированы при употреблении в одном контексте с другими топонимами.

Так, в письмах А.П. Чехова и М. Горького используются хоронимы (в примерах, данных ниже, они подчеркнуты) для актуализации коннотативного значения ‘Россия подобна другим странам’: *Побывав в Индии и Китае, я не видел большой разницы между заграницей и* ***Россией*** [Ч1: 594]; *Пруссия похожа на* ***Россию*** *не только по созвучию, но и еще кое-чем* [Г1: 420]. В эпистолярном наследии А.П. Чехова встречается, однако, и другое мнение о стране: ***Россия*** *не Англия и не Франция. Газеты у нас не богаты и в своем распоряжении имеют очень немного людей* [Ч1: 543].

В письмах А.П. Чехова и В.П. Астафьева посредством астионимов (в примерах, данных ниже, они подчеркнуты) авторы эксплицируют собственные представления о том, какие географические объекты составляют Россию. Так, в картине мира А.П. Чехова Россия противопоставляется ее столицам: *Насколько, я мог его понять, понятия о себе он очень скромного и не знает точно, каким успехом у нас в Москве да и в* ***России*** *пользуются его письма из Берлина* [Ч2: 595]; *Ведь «Новостей» в* ***России*** *не читают, это петербургская газета, и все, что в ней печатается, не делает авторам славы, так как не идет дальше Петербурга* [Ч2: 177]. В эпистолярии В.П. Астафьева зафиксировано иное противопоставление: *Больше ценить начинаешь нашу бедную, затурканную* ***Россию****, когда побываешь на такой вот жирной, плоской и избалованной земле* [на Кубани. – Т.А.] [А: 236].

В письмах всех рассматриваемых авторов встречается словосочетание *вся Россия*, которое реализует в письмах следующие значения:

1) ‘везде’: *Стихи мои ищут тебя по всей* ***России*** *– я ждал тебя осенью в Одессу и к тебе бы приехал – да мне все идет наперекор* [П1: 144]; *У нас все благополучно и очень тихо. По письмам вижу, что и у вас так же, и во всей* ***России*** *и Европе так же* [Т2: 118]; *Писать для сцены и иметь успех во всей* ***России*** *может только тот, кто бывает в Питере только гостем и наблюдает жизнь не с Тучкова моста* [Ч1: 234]; *На бумаги наши никто не отозвался, денег в казне нету; дела в крае идут все тяжелее и тяжелее, как и во всей* ***России*** [А: 633];

2) ‘все’: *Аракчеев также умер. Об этом во всей* ***России*** *жалею я один – не удалось мне с ним свидеться и наговориться* [П3: 236]; *Мужественная, благородная и человеколюбивая деятельность ваша 4-го марта перед Казанским известна всей* ***России*** [Т3, 20: 484]; *Понимаете ли вы, что терпение россиян иссякает, вы и вся* ***Россия*** *могут пожать бурю народного гнева?* [А: 650];

3) ‘всё’: *Они* [самолюбцы-проектеры. – Т.А.] *хотят или ничего не делать, или делать по-своему и* <u>*всю*</u> ***Россию*** *повернуть по своему прилаженному, узенькому деспотическому проектцу* [Т1: 500]; *За десять лет я обошел и объехал почти* <u>*всю*</u> ***Россию***… [Г1: 87].

Таким образом, топонимический концепт «Россия» имеет специфические для эпистолярного текста способы вербализации. Выполняя в предложении функцию обстоятельства места, слово актуализирует коннотативные компоненты значения в случае, когда употребляется при описании определенных типовых ситуаций; находясь в роли подлежащего или дополнения – в основном при осуществлении метонимического переноса. Основным средством выражения коннотативных компонентов значения являются прилагательные, выступающие в функции согласованных определений; кроме того, в этой роли могут быть использованы глаголы и наречия. Существуют индивидуально-авторские особенности вербальной репрезентации данного концепта, связанные с использованием определенного топонима в зависимости от знака коннотативной оценки или связи топонима с определенным временным планом, а также с выбором контекстуального окружения топонима и определенных стилистических приемов. Эти особенности можно рассматривать в качестве средств реконструкции фрагментов языковой картины мира автора письма.

3.1.4.2. Особенности вербализации концепта «Москва»

Общепринятые для русской языковой личности коннотации слова *Москва* представлены в высказываниях, которые содержат описание частотных типовых ситуаций, отмеченных в письмах разных авторов. При этом в высказываниях авторы писем реализуют определенные речевые интенции. В ряде случаев коннотативный компонент значения эксплицирован с помощью определения, стоящего перед или (реже) после астионима (в приводимых ниже примерах данные определения

подчеркнуты). Оценочный компонент коннотации астионима может как присутствовать, так и отсутствовать. «Озвучить» коннотацию можно посредством сценариев, начинающихся со слов «Москва – город, в котором…» (в скобках перечислены частотные речевые интенции, представленные в высказываниях, которые реализуют данные сценарии; кроме того, указана коннотативная оценка астионима или ее отсутствие).

I. «… люди часто общаются друг с другом, и / но там…»:

1) «… можно встретить старых друзей и знакомых» (интенции сообщения, просьбы, обещания; положительная оценка): *Был я в **Москве** и думал: авось, бог милостив, увижу где-нибудь чинно сидящего моего черного друга или в креслах театральных, или в ресторации за бутылкой* [П1: 683]; *Если будете в **Москве**, не забудьте меня, чтоб повидаться…* [Т2:129]; *Во второй половине мая мы – если хотите – встретимся в **Москве** и побеседуем более подробно об этом деле* [Г3: 441]; *Думаю, что увидимся в **Москве**, у меня есть к тебе дело* [Ш: 353];

2) «… надежда на встречу с друзьями или знакомыми может не оправдаться» (интенции сообщения, жалобы; оценочный компонент отсутствует): *Как досадно, что вы не застали меня в **Москве**…* [П2: 302]; *Страшно жалко, что я не знал о Вашем пребывании в **Москве**, будучи там* [Ш: 331]; *Да, я знаю, что мы* [с тобой. – Т.А.] *в **Москве** разъехались*… [А: 360];

3) «… невозможно выбрать время для визита к друзьям и знакомым» (интенция извинения; оценочный компонент отсутствует): *Уезжаю из **Москвы** с искренним сожалением, что не имел случая возобновить нашего заочного знакомства* [П1: 653]; *Повинную голову ни секут, ни рубят! А я уж так чувствую свою голову повинною перед вами, как только можно. Но, право, я в **Москве** нахожусь в условиях невменяемости. Нервы расстроены, часы превращаются в минуты, и, как нарочно, являются те самые люди, которые мне не нужны, чтобы помешать видеть того, кого нужно* [Т1: 793]; *Я так и не успел зайти к Вам в **Москве**, каюсь и извиняюсь, но мне*

было так некогда, столько разных поручений лежало на мне в этот приезд, что, право, я не имел ни куска свободного времени [Г1: 298]; *В последний приезд мой в **Москву** не зашел к Вам потому, что замотался окончательно* [Ш: 243]; *Все двадцать дней собирался поехать к Вам, но **Москва** так умеет отнимать время и деньги, что у меня никак не получилось свободного куска хотя бы дня в три* [А: 68];

4) «… люди любят / имеют возможность узнавать новую информацию» (интенции сообщения, просьбы; оценочный компонент отсутствует): *Чтоб чем-нибудь полакомить **Москву**, которая ждет от меня, как от приезжего, свежих вестей, я рассказываю, что Александр Карамзин (сын историографа) хотел застрелиться из любви к красавице брюнетке, но что по счастью пуля вышибла только передний зуб* [П3: 440]; *Приедешь в **Москву**, думаешь, отстал – Катков, Лонгинов, Чичерин вам все расскажут новое; а они знают одни новости и тупы так же, как и год и два тому назад, многие тупеют, а Фет сидит, пашет и живет и загнет такую штуку, что прелесть* [Т1: 577]; *И что в **Москве** книжно-литературной новостей?* [Ш: 235]; *Что с нами будет? Вам в **Москве** небось уже известно, так хоть нам скажите и ободрите нас* [А: 501];

5) «… люди ведут праздную жизнь, ведут долгие беседы, мешающие работе» (интенции сообщения, упрека; отрицательная оценка): ***Москва** и ее суета мешают мне работать столько и с такой свежей головой, как в деревне* [Т2: 274]; *Уезжая – вчера, 7-го –* [Шаляпин. – Т.А.] *заплакал даже и сказал: «Я у тебя – приобщаюсь какой-то особенной жизни, переживаю настроения, очищающие душу… а теперь вот опять **Москва**… купцы, карты, скука…»* [Г1: 286]; *Эта Ваша **Москва**… Как Вы в ней и живете? Я едва вырвался, отдыхиваюсь – рукава ведь отрывают – всем чего-то надо, каких-то слов, бесед, будто и без меня трепотни мало!..* [А 570].

II. «… некомфортно жить, потому что там …».

1) «… живет много людей» (интенция сообщения; оценочный компонент отсутствует): *Позвольте напомнить Вам, что, переведя*

некоторые учреждения из Москвы в Петроград, Вы освободите здесь множество квартир; квартирный кризис ***Москвы*** *принимает с наступлением холода трагический характер* [Г2: 394]; *Было появился росток в Оренбурге – Ваня Уханов и Петя Краснов, так графоманы матерые, злые с помощью местных властей выжили обоих с родной земли, оба мыкаются в перенаселенной* ***Москве****, а в них нужда на Урале…* [А: 365];

2) «… плохая погода (холод / дождь) по сравнению с другими регионами» (интенции сообщения, жалобы; отрицательная оценка): *Не худо было бы, если б Вы скорее уехали в Крым, а то, наверное, и в* ***Москве*** *у Вас погода столь же гадка, как здесь* [Г1: 74]; *У вас там, наверное, уж весна, а в* ***Москве*** *сухо, пыльно, но холодно* [Ш: 25]; *Сидим мы тоже в деревушке Сибле залиты по уши водою <…> сейчас вот второй день живем без дождя, а в* ***Москве*** *и того нет, там шпарит бесперерывно* [А: 275-276];

3) «… плохая экология» (интенции совета, соболезнования; отрицательная оценка): *Нехорошее это занятие для человека с Вашими легкими сидеть в затхлом городе* ***Москве****, имея возможность гулять по морским берегам* [Г1: 83]; *Ах, как жалко, что ты не приехал! <…> Погода, погода стояла до сего дня неслыханная. <…>* [*Я* (т.е. В.П. Астафьев). – Т.А.] *одну ночь провел в лесу… <…> А ты в это время в* ***Москве*** *был, в душной, пробензиненной, и с больным брюхом* [А: 124];

4) «… часто бывают эпидемии гриппа» (интенции извинения, жалобы; отрицательная оценка): *Извинить меня можно только потому, что я, вернувшись из* ***Москвы****, куда я и поехал не совсем здоровый, заболел и только нынче, в день рожества, опомнился и почувствовал себя лучше* [Т1: 851]; *Но в* ***Москве*** *я схватил грипп, приехал полубольным, в сопровождении доктора…* [Г3: 228]; *Был в* ***Москве****, болел 5 дней, а потом как связался с делами, с театром, так и провертелся добрую неделю до тех пор, пока не вытребовали меня т-мой* [Ш: 264]; *Сам я попал в проруху, в заразной* ***Москве*** *на съезде подцепил грипп, с дикой температурой сутки лежал до дому и здесь с ходу в больницу* [А: 457].

III. «… решаются проблемы, связанные с карьерой, потому что там…»:

1) «… существует много возможностей для карьерного роста» (интенции сообщения, совета; положительная оценка): *Хлопочи о переводе в **Москву**, хлопочи серьезно, во всю мочь. <…> Я тебе не токмо советую переводиться в **Москву** – прошу о том. В ней ты заживешь шире и работать будешь больше, – уж это несомненно* [Г1: 284-285]; *И ей богу же для меня все шляхи и тройки не в Рим ведут (и не в Италию), а в **Москву*** [Ш: 124]; *Наверное, со временем тебе надо перебраться в **Москву** и устроиться на службу, то есть устроиться на службу и с помощью ее перебраться в **Москву**, получив за службу квартиру* [А: 270];

2) «… находится высшее руководство, к которому можно обратиться с ходатайством или просьбой» (интенция сообщения, обещания; оценочный компонент отсутствует): *В **Москве** я тоже говорил о том, чтоб Вас не трогали, и тоже был успокоен обещанием не делать этого* [Г3: 110]; *Нужно со всей лютостью, со всей беспощадностью бороться за то, чтобы снять с себя это незаслуженное черное пятно. Об этом я буду говорить в **Москве** – ты знаешь с кем* [Ш: 176]; *Говорил в **Москве** о возвращении Вам ордена* [Ш: 350]; *Нет, не пробил я твою повесть в **Москве*** [А: 251]; *В **Москве** узнаю о твоих «Россыпях» и сразу напишу, что и как* [А: 260].

Во всех примерах, данных в последнем пункте, используется метонимия как средство эвфемизации, позволяющей «зашифровать» сведения о лице, к которому обращена просьба или ходатайство.

Как видим, ситуации, представленные в части I, отмечены в эпистолярии всех анализируемых авторов; ситуации, помещенные в части II (за исключением пункта 4) и III, представлены только в письмах, относящихся преимущественно к XX в.

В письмах В.П. Астафьева отмечены примеры контаминации типовых ситуаций, связанных с астионимом *Москва*: *В **Москве** наш брат периферийщик, как сорвавшийся с цепи кобель – бегает задравши хвост,*

полупьяный и ошалевший от новостей, встреч и разговоров [А: 83] – сценарии, представленные в пунктах 1, 4, 5 части I; *Полмесяца я жил в **Москве**, каждый день собирался Вас навестить, но задергали, затискали делами, точнее, видимостью дел, до хвори, погода плохая, сыро везде, а у меня – хроническая пневмония…* [А: 243] – сценарии, включенные в пункт 3 части I, а также пункты 2, 4 части II. Данный факт можно объяснить, во-первых, окончательно сложившимися стереотипами восприятия Москвы во второй половине XX в., а во-вторых, индивидуально-авторской спецификой отношения к данному городу.

Наряду с общепринятыми коннотациями, в высказываниях, содержащих лексему *Москва*, могут быть представлены индивидуально-авторские коннотации, связанные с желанием / нежеланием автора находиться в Москве, ср. высказывания, представляющие положительное и отрицательное отношение писателей к этому городу (в качестве дополнительных средств экспликации коннотаций данного астионима выступают оценочные слова, глаголы, в значении которых содержится оценочная сема, а также прилагательные в роли эпитетов; в нижеприведенных примерах данные слова подчеркнуты): *Я могу вас уверить, что я в **Москве**, больше никуда не могу желать ехать, и что в **Москве** очень <u>хорошо</u>* [Т1: 824]; *Мне даже жаль, что я живу не в **Москве**, – так бы все и ходил в этот чудесный театр* [Г1: 118] – ***Москва** мне слишком <u>надоела</u>* [П2: 469]; *Женка, женка! я езжу по большим дорогам, живу по три месяца в степной глуши, останавливаюсь в <u>пакостной</u> **Москве**, которую <u>ненавижу</u>, – для чего? – Для тебя, женка…* [П3: 189]; *В **Москву** на выставку я не только не думаю ехать, но вчера я вернулся из **Москвы**, где я заболел, с таким отвращением ко всей этой праздности, роскоши, к нечестно приобретенным и мужчинами и женщинами средствам, к этому разврату, проникшему во все слои общества, к этой нетвердости общественных правил, что решился никогда не ездить в **Москву*** [Т1: 703]; *Хорошо побывать в **Мос[кве]**, но быть в ней неделю – утомительно* [Г1:

133]; *В **Москве** надоело мне до жути. Тянет домой невероятно* [Ш: 72]; *Но в **Москве** я и вовсе жить бы не смог – меня разодрала бы суета и склочность литературной жизни* [А: 133]; *Но еще ужасней **Москва** с ее мрачными нравами и очередями* [А: 471]; *На пленум я не останусь и вообще постараюсь **в Москве** не задерживаться – что-то она, **Москва** наша милая, совсем одурела* [А: 473].

Таким образом, индивидуально-авторские коннотации астионима *Москва*, в отличие от общепринятых, всегда содержат в себе оценочный компонент. При этом автор может выражать однозначное отношение к этому городу (в письмах А.С. Пушкина, М.А. Шолохова, В.П. Астафьева – только отрицательное), а также поменять свое мнение о нем в связи с изменением своих убеждений (такие примеры отмечены в письмах Л.Н. Толстого) или обстоятельств (в письмах М. Горького).

3.1.4.3. Особенности вербализации концепта «Петербург»

Общепринятые для русской языковой личности коннотативные компоненты значения слов, обозначающих Северную столицу, в нашем материале представлены в высказываниях, которые содержат описание определенных типовых ситуаций. Коннотации анализируемых астионимов всегда связаны с определенной оценкой, и представить их коннотацию можно посредством сценариев, начинающихся со слов «Петербург / Питер / Ленинград – город, в котором…».

I. «… комфортно жить, потому что там…»:

1) «… много возможностей для карьерного роста, в том числе в творческих профессиях»: *Я такого мнения, что **Петербург** был бы для тебя пристанью и ковчегом спасения* [П3: 88]; *Ежели же кто хочет жить и молод, то в России нет другого места, как **Петербург**; какое бы направление кто ни имел, всему можно удовлетворить, все можно развить и легко, без всякого труда* [Т1: 309]; *Два слова о Вашем пианисте: если он в **Питере** займется делом, то из него выйдет большой толк* [Ч1: 295]; ...

*литератору нельзя безнаказанно проживать в провинции. <…> Не боритесь же с естеством, покоритесь раз навсегда и переезжайте в **Петербург** или Москву* [Ч2: 334];

2) «… живут умные, интеллигентные люди»: *Вообще в **Питере** столько умных дам и дев, что я был очень рад отсутствию возле меня Вашего наблюдающего ока* [Ч1: 215]; *… читатель в **Ленинграде** строгой формации – умный, тонкий и чуткий* [А: 257];

3) «… можно общаться с близкими по духу людьми» (обычно автор имеет в виду адресата): *Для малого числа избранных желаю еще увидеть **Петербург**. Ты, конечно, в этом числе…* [П1: 106]; *В **Петербург** мне очень хочется, и вы знаете, что видеть вас для меня большая заманка…* [Т1: 760]; *Весной или в начале лета мечтаю побывать в **Петербурге*** [Ч1: 76]; *... с народом, с тобой и другими артельщиками и бурлаками повидаться хочется, да **Питер** еще посмотреть душе и голове не повредит* [А: 609].

II. «… некомфортно жить, потому что там…»:

1) «… сырая, дождливая погода»: *Погода обыкновенно бывает чудесной, летней, сегодня же лупит дождь и Ницца похожа на **Петербург** в конце августа* [Ч2: 190]; *Сейчас к тому же неуютно на Дону: разлив, погода холодная, серые дни. Всего этого вам хватит и в **Ленинграде*** [Ш: 509]; *По сводкам, погоды в **Петербурге** мокрые, а у нас уже была зима – минус 10-15, изредка за минус 20, много солнца, сухо…* [А: 549];

2) «… живут эгоистичные, бездушные, непорядочные люди»: *Охота тебе думать о помещении сестер во дворец. Во-первых, вероятно откажут; а во-вторых, коли и возьмут, то подумай, что за скверные толки пойдут по свинскому **Петербургу*** [П3: 265]; *Убедительно прошу Вас (если Вы доверяете мне не меньше, чем сплетникам), не верьте всему тому дурному, что говорят о людях у вас в **Петербурге*** [Ч1: 562]; *Говорят, что в **Питере** живут люди сердцем черствые, к нуждам ближнего глухие – Вы не питерец, должно быть?* [Г2: 21]; *Его* [Поссе. – Т.А.] *ужасно не любят в **Питере** – верный знак, что человек хороший* [Г1: 122]; *Как, наверное, тебя*

не ели, а медленно сжевывали в ***Питере*** *и сладострастно облизывались* [А: 703];

3) «… проживание дороже, чем в других регионах России»: *Обращаюсь к Вам с просьбою и с домашними объяснениями: до сих пор главные наши хлопоты состоят в том, что не можем сладить с поварами, которые в* ***Петербурге*** *избалованы и дороги непомерно* [П3: 364]; ***Петербург*** *деньги любить* [Ч1: 119];

4) «… люди испытывают депрессию»: ***Петербург*** *ужасно скучен* [П3: 272]; *В* ***Петербурге*** *тоска, тоска…* [П2: 173]; *Судя по вашим письмам, у вас на душе очень хорошо. И это удивительно для меня – в* ***Петербурге****. <…>* ***Петербург*** *для меня что-то страшное и гадкое, не по мыслям, но чувству прямо противно* [Т1: 876]; ***Петербург*** *– противный город. В нем, по-моему, ужасно легко сделаться мизантропом. Мерзкое место* [Г1: 98].

III. «… некомфортно жить, поэтому там…»:

1) «… не хочет находиться / жить автор, поскольку ему не нравится погода и / или поведение местных жителей»: *Как бы то ни было, не желаю быть в* ***Петербурге****, и, верно, нога моя дома уж не будет* [П1: 308]; *Ты разве думаешь, что свинский* ***Петербург*** *не гадок мне? что мне весело в нем жить между пасквилями и доносами?* [П3: 257]; *В* ***Петербурге*** *я не был и не хочется* [Т1: 503]; *… с удовольствием помышляю о своем решении никогда не бывать в* ***Петербурге*** [Ч1: 563]; *… в* ***Питер*** *ехать не хочется. Хоть Вы и хвалите его, но я все-таки скверно о нем думаю. Небо там страдает водянкой, люди – самомнением, а литераторы и тем и другим вместе* [Г1: 85]; *Разумеется, ни о каком переезде в* ***Ленинград****, даже под конвоем, речи быть не может. Я приехал домой помирать, и здесь мне, после гнилого северо-запада хорошо, хотя бы с точки климата, суше, покойней, народу меньше, хотя, конечно, совсем от него не спрячешься* [А: 351];

2) «… автор не рекомендует находиться / жить адресату, поскольку считает, что пребывание в этом городе ухудшает физическое / душевное

здоровье адресата или его финансовое положение»: *Ты умно делаешь, что сидишь смирно в своей норе и носу не показываешь в проклятом некогда мною* ***Петербурге*** [П2: 597]; *Как жаль, что вы не приедете летом. И для меня жаль и за вас очень жаль. Сидеть в* ***Петербурге*** *летом, должно быть, ужасно* [Т1: 893]; *По-моему, лучше отложить поездку в* ***Петербург*** *до зимы, когда здесь будет не так уныло* [Ч2: 109]; *В Москве скучно, но если 2-3 дня Вы не будете видеть* ***Петербурга****, то уж и это хорошо – в гигиеническом отношении. Хорошо и для тела, и для души* [Ч2: 133]; *Отъезд твой мне тем более не по нутру, что я уверен, что* ***Питер*** *тебе ничего не даст, кроме новых долгов...* [Ч1: 92]; *Жить летом в* ***Петербурге****, безвыездно, да еще так работать, как Вы, – это занятие едва ли безвредное и даже, пожалуй, похожее на медленное самоубийство* [Г1: 271].

Как видим, типовых ситуаций, реализующих отрицательный аксиологический потенциал концепта «Петербург», значительно больше, чем ситуаций, представляющих его положительные коннотации. Отметим также, что подавляющее большинство эпитетов, употребленных с лексемами *Петербург* и *Питер*, эксплицируют отрицательную оценку астионима. В частности, слово *Петербург* в письмах А.С. Пушкина используется с эпитетами *пакостный*, *проклятый*, *свинский*, в письме Л.Н. Толстого – *гадкий*, М. Горького – *дурацкий*; астионим *Питер* в письмах М. Горького употребляется с эпитетами *проклятый*, *гнилой*, *сырой*. При этом в эпистолярии А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого в контекстах с данными эпитетами эксплицированы ситуации, связанные с отрицательной характеристикой жителей Петербурга, а в письмах М. Горького эпитеты связаны с описанием погоды, характерной для Северной столицы. И только в письме А.П. Чехова находим единственный эпитет, реализующий положительную оценку астионима *Питер – милейший*.

Помимо эпитетов, к дополнительным средствам экспликации оценочного потенциала концепта Петербург можно отнести

метонимический перенос «Петербург → жители Петербурга», который в ряде примеров может быть интерпретирован и как олицетворение (отметим, что грамматическим маркером использования данных тропов является использование астионима в предложении в функции именительного, винительного или родительного падежа с отрицанием): *Как ваш **Петербург** поглупел! а побывать там бы нужно* [П1: 123]; *Очень уж чист, и самоуверен, и подл, и гадок ваш **Петербург*** [Т2: 254]; *Что Вы будете играть в Петербурге, я очень жалею, так как не люблю **Петербурга** и не высоко ставлю его вкусы* [Ч2: 442]; *Видел Короленко вчера – сильно испортил его **Петербург!*** [Г1: 93]. Отметим, что в нашем материале подобным образом реализуется исключительно отрицательно-оценочный потенциал концепта *Петербург.*

Кроме того, на уровне синтагматики можно выделить весьма частотное употребление лексем, обозначающих город на Неве, в одном контексте с астионимом *Москва* (в примерах, данных ниже, его словоформы подчеркнуты). При этом наблюдается два типа взаимодействия данных единиц – сходство и противопоставление по одному из компонентов содержания одноименных концептов. В основе взаимодействия по сходству обычно лежат компоненты ‘большой город’, ‘столица’: *Погода в Ялте летняя. Я выхожу по вечерам, выхожу и в дождливые холодные дни – это для того, чтобы приучить себя к суровой погоде и будущей зимой жить в Москве и в **Петербурге*** [Ч2: 281-282]; *Я хочу жить со всеми в мире и любви – ибо такая хорошая погода здесь, так много солнца, так хочется удрать отсюда в **Питер** или Москву!* [Г1: 371]; *... житье близ Москвы и **Ленинграда**, с одной стороны, дает определенные преимущества, а с другой, их, эти преимущества, пожирает сторицей* [А: 271].

При противопоставлении двух столиц в одном контексте возможно сравнение как в пользу Петербурга, так и в пользу Москвы, ср.: *Калуга немного гаже Москвы, которая гораздо гаже **Петербурга*** [П3: 264]; *В Москве мне разговаривать не с кем, и я рад, что в **Петербурге** у меня есть*

хорошие люди, которым нескучно переписываться со мной [Ч1: 273]; *Был я недавно в* ***Питере****. Хороший, деловой город. Москва спит и киснет.* [Ч1: 224] – *Вышли у меня две роскошно изданные книги в Москве и* ***Питере****. В Москве – роман, в* ***Питере*** *«Солдат» и рассказы. Так ведь пока не написал и раз, и два, и три, ни авторские, ни деньги не присылали. Из Москвы, из издательства «Терра», хоть позвонили, извинились, а* ***Питер****, как в старину говорили, «о нас ноги повытер»* [А: 693].

Как видим, употребление астионимов *Петербург*, *Питер*, *Ленинград* в эпистолярном тексте, при условии реализации в высказывании определенных типовых ситуаций, сопровождается актуализацией оценочных коннотаций, включенных в структуру анализируемого концепта. В роли дополнительных средств, которые эксплицируют аксиологический потенциал данных единиц, выступают эпитеты и оценочные слова, метонимическое употребление лексем, вербализующих концепт «Петербург», а также их употребление в одном контексте с астионимом *Москва*.

Таким образом, топонимические концепты «Россия», «Москва» и «Петербург» имеют специфические для эпистолярного текста способы вербализации, связанные с использованием определенных грамматических форм и выбором контекстуального окружения рассматриваемых топонимов. В роли дополнительных языковых средств, эксплицирующих коннотацию, выступают эпитеты и оценочные слова (последние используются только при актуализации индивидуально-авторского отношения к местности, обозначенной хоронимом или астионимом).

Анализ использования хоронима *Россия* и астионимов *Москва* и *Петербург / Питер / Ленинград* в русском эпистолярном тексте, в частности выявление и описание элементов, составляющих их коннотативный компонент значения, а также способов и средств его актуализации в письмах разных авторов позволяет утверждать, что в эпистолярном тексте находит

отражение языковая картина мира, причем не только свойственная большинству носителей русского языка, но и индивидуальная, присущая конкретному автору писем.

3.1.5. Этнонимы

Этнонимы – единицы, «используемые для обозначения любого этноса (этнической группы, народа, народности, племени и т.п.)» [Подольская 1988: 167]. По мнению исследователей, этнонимы являются языковым средством репрезентации этнической идентичности [Апанасенко 2009: 4], этнических стереотипов [Абильдинова 2011: 9], т.е. обобщенных представлений о типичных чертах, характеризующих какой-либо народ.

Как и следовало ожидать, самый частотный этноним в анализируемом материале – *русский*, используемый как в функции номинатива, так и в адъективной функции (преимущественно в сочетании со словами *народ*, *человек*). Так, в письмах А.С. Пушкина отмечено 8 с/у данного этнонима, в письмах Л.Н. Толстого – 51 с/у, А.П. Чехова – 14 с/у, М. Горького – 93 с/у, М.А. Шолохова – 9 с/у, В.П. Астафьева – 95 с/у (см. диаграмму 1 приложения 3). Для сравнения приведем количественные данные употребления в исследуемом материале некоторых других славянских этнонимов: *украинец* (включая синонимы *малоросс*, *хохол*) (соответственно 0, 1, 20, 3, 4, 8 с/у); *поляк* (соответственно 1, 4, 5, 2, 1, 2 с/у). Остальные славянские этнонимы представлены единичным количеством употреблений в письмах отдельных авторов. Как видим, данные этнонимы мало используются в писательском эпистолярии, хотя в творчестве отдельных авторов славянская тема проступает рельефнее.

Содержательный анализ высказываний с этнонимом *русский* в письмах классиков русской литературы позволил выявить связанные с данным этносом этнические стереотипы – «исторически сложившиеся правила поведения и оценки того или иного этноса, представляющие собой фрагменты этнической картины мира» [Буряковская 2000: 4].

Многие этнические стереотипы, отраженные в письмах классиков русской литературы, представляют собой отрицательные характеристики личности и поведения человека.

При этом некоторые из них отмечены несколькими авторами, в частности:

1) инертность, отсутствие воли к жизни, депрессия: *Вы спрашиваете в последнем письме: «Что должен желать теперь* ***русский*** *человек?» Вот мой ответ – желать. Ему нужны прежде всего желания, темперамент. Надоело кисляйство* [Ч2: 61]; [Блок. – Т.А.] *– как видно из его «Дневника» – уже в 1918 г. страдал «бездонной тоской», болезнью многих* ***русских****, ее можно назвать «атрофией воли к жизни»* [Г3: 83]; *Я так всегда и полагал, что трагедия Лермонтова гораздо проще и оттого страшнее, чем говорили нам в школе. Эта трагедия прежде всего* ***русского*** *человека и* ***русского*** *поэта, столь же гениального, сколь и бесшабашно-безалаберного. Такая жалость и такая тоска, и боль, и светлая печаль, и сожаление о себе самом и еще об ком-то...* [А: 321].

2) терпеливость, покорность судьбе: *Особенно поразительно и жалко для того, кто умеет понимать эту терпеливость и скромность страдания* ***русского*** *человека – спокойствие, покорность. Нет хорошей пищи, так и нечего жаловаться. Умрет – воля божия. Точно не овцы, но добрые, сильные волы выпахивают свою борозду. Упадут – их оттащут, другие потянут* [Т1: 738-739]; *... века народ* ***русский*** *поет и плачет о Доле, века тщится одолеть Судьбу и подчиняется ей, побежденный…* [Г2: 289]; *Мы,* ***русские****, все слишком спокойны, и это нам вредно, это губит нас* [Г2: 195]; *Разрушив основу основ, они* [большевики. – Т.А.] *и себя тут же приговорили к гибели, и только стоит удивляться, что и они, и мы еще живы, но это уже за счет сверхвыносливости и сверхтерпения* ***русского*** *народа...* [А: 484].

Положительная сторона терпеливости – стойкость – отмечена в письмах М.А. Шолохова и В.П. Астафьева: *Со времен татарского ига*

русский *народ никогда не был побежденным, и в этой отечественной войне он непременно выйдет победителем...* [Ш: 322]; *Очевидно, во всех заблуждениях и надеждах* ***русского*** *человека и содержится главное его достоинство – великая стойкость. <…> Я абсолютно уверен, что то, что мы,* ***русские****, перенесли, перетерпели и выдюжили, – никому более не по силам* [А: 490].

Другие «штрихи» к этническому автопортрету представлены только в эпистолярии одного из рассматриваемых авторов. Так, в письме А.С. Пушкина отмечается, что русскому человеку свойственна лень: *Но история долга, жизнь коротка, а пуще всего человеческая природа ленива (****русская*** *природа в особенности)* [П3: 479].

А.П. Чехов в письмах несколько раз отмечает такую характерную особенность русских людей, как бедность: *Что касается пароходов и кораблей, бухты и пристаней, то прежде всего бросается в глаза бедность* ***русского*** *человека* [Ч1: 245]; ***Русскому*** *человеку, бедному и приниженному, здесь* [в Венеции. – Т.А.] *в мире красоты, богатства и свободы не трудно сойти с ума* [Ч1: 505].

М. Горький неоднократно пишет о такой типичной для русских черте, как ложная скромность: *... ты нелепый* ***русский*** *человек и – много раз я говорил тебе это! – не знаешь своей настоящей цены, великой цены* [Г2: 216]; *Изумительно, до какой степени мало и плохо ценит себя этот* ***русский*** *человек, даже и в том случае, если он стоит у дела и если все дело на нем воздвигается. Вот очевидный и неоспоримый признак нашей малокультурности* [Г1: 42]; *Это ужасно трагично, что все* ***русские*** *люди ценят себя ниже действительной стоимости. Вы тоже, кажется, очень повинны в этом* [Г1: 121]; *Сегодня отъехал от меня Цейтлин Натан; наездник храбрый, но – в боевом деле – не весьма хитер. Главная его сила вся в убеждении, что – коли* ***русский*** *– стало быть, мямля, ленив думать и цены себе не ведает* [Г2: 192].

Писатель также полагает, что русским людям присуще многословие: *...Да, к сожалению,* ***русский*** *человек действительно «не в меру философствует», что доказывает вся наша жизнь: наши секты, наши партии, наша литература…* [Г2: 220].

Через эпистолярное творчество В.П. Астафьева красной нитью проходит убеждение, что русским людям свойственно причинение вреда самим себе. Приведем несколько примеров: *Сам человек творит себя и в какой-то мере свою судьбу, иное дело, что судьба* ***русского*** *человека завертывает иной раз такие кренделя... Но все же чаще всего кренделя сам* ***русский*** *человек горазд выделывать и стряпать* [А: 590]; *Никто, как* ***русские****, сам себя не губит* [А: 343]; *Один «молодой» член* [Союза писателей. – Т.А.], *62 лет, жил в деревне, поехал домой, сошел с поезда и, не дойдя до деревни, свалился в снег, уснул, замерз, четыре дня никто не хватился, потом жена нашла. Ах, как у нас, у* ***русских****, все это бывает до нелепости просто!* [А: 271].

Приведем другие наблюдения автора о специфике поведения представителей русского народа: *Так уж водится среди* ***русских*** *людей: на большой своей Родине они выделяют и любят больше всего свою маленькую родину и, как тому кулику из русской пословицы, – «свое болото всего дороже!»* [А: 157]; *Ах, как мы,* ***русские****, любим шумиху там, где должно быть тихо. Даже милосердие превратили в телешоу…* [А: 483]; *... без повода* ***русские*** *люди ничего не умеют, даже прогуляться на двор, и то им надо, чтоб попутно в нужник завернуть* [А: 165].

В анализируемом материале отмечены случаи употребления зоометафоры, т.е. метафорического переноса зоонима для обозначения человека. В частности, в письмах А.С. Пушкина и А.П. Чехова для представления фрагментов этнической картины мира используется слово *свинья*: ***Русский*** *человек в дороге не переодевается и, доехав до места свинья свиньею, идет в баню, которая наша вторая мать* [П3: 84]. Ср.: ***Русский*** *человек большая свинья. Если спросить, почему он не ест мяса и*

рыбы, то он оправдывается отсутствием привоза, путей сообщения и т.п. А между тем водка есть даже в самых глухих деревнях и в количестве, каком угодно. А между тем, казалось бы, достать мясо и рыбу гораздо легче, чем водку, которая и дороже и везти ее труднее. Нет, должно быть, пить водку гораздо интереснее, чем трудиться ловить рыбу в Байкале или разводить скот [Ч1: 471]. В первом примере наблюдаем сходство между человеком и свиньей по признаку ‘грязь’, а во втором – по признакам ‘ложь’, ‘лень’. При этом оба метафорических значения отмечены в словаре: «2. *Разг.* О грязном, неопрятном человеке с низменными привычками. 3. *Разг.* О человеке, поступающем низко, подло, грубо» [БТС: 1160].

В эпистолярии В.П. Астафьева отмечена развернутая метафора, в которой лексема *свинья* не используется, однако слова из ассоциативного ряда (*корыто, корм, объедки*) позволяют предположить, что речь идет именно о метафорическом переносе «человек → свинья»: *Но открылось не только мне, всему миру открылось – коммунисты потрудились в России здорово, народа* ***русского*** *уже нет, а есть население, готовое бежать к любому* <u>*корыту*</u>*, наполненному* <u>*кормом*</u> *и* <u>*объедками*</u> *большевистского стола* [А: 548]. В вышеприведенном примере реализуется метафорическое значение, не отраженное в словаре, а именно ‘зависимость от власть имущих, безволие’.

Данное значение в словаре отражено у зоонима *теленок*: «2. *Разг.* О безвольном, безответном или слишком простодушном, глуповатом человеке» [БТС: 1311]. И это значение лексемы *теленок* также представлено в одном из писем В.П. Астафьева с помощью развернутой метафоры: … *вся эта демократия* ***русскому*** *народу, что корове скаковое жеребячье седло. Он и сам, народ-то, словно телок, всю зиму, от самого рождения в хлеву проживавший на гнилой соломе, попав на весеннюю поляну, не может понять, что это такое, солнцем ослепленный, простором напуганный, не знает, то ль ему брыкаться и бодаться начинать, то ль спокойно пастись, щипать травку. Лежал всю зиму под теплым брюхом мамы-коровы, тянул*

ее усохшие сосцы аж до крови, и уютно ему в хлеву было, и безопасно, и тепло. А тут эвон чё, на волю выгнали со слабыми-то ногами, без практики и желания жить на воле и самому кормиться... [А: 623-624].

По мнению писателей, негативно оцениваемое со стороны поведение, нередко присущее представителям русского народа, может быть объяснено и отчасти оправдано следующими факторами:

1) трагической историей страны: ***Русские*** *люди – люди мучительно тяжелой истории, и судить их надобно, не забывая пережитого ими в веках* [Г2: 330]; *Свободой пользоваться* ***русский*** *народ не научен – века в кабале, сотни лет в крепостной зависимости* [А: 546];

2) порочным влиянием со стороны власть имущих: *Одно могу сказать от себя, что явление это – доведение* ***русских*** *людей: городовых, казаков и солдат, до такого зверского состояния, в котором они совершают дела, противные и их характеру, и их религиозным верованиям, очень важно, и нельзя [не] достаточно серьезно отнестись к нему, стараться исследовать, оглашать и понять его причины* [Т3: 489]; *Особенно* ***русский*** *человек нуждается в поддержке, которого вроде бы уж и с весов сбросили и приговорили к вымиранию как пьяницу или дистрофика* [А: 266]; … [большевики. – Т.А.] *поставили* ***русский*** *народ на колени, а отсюда до четверенек уж совсем близко* [А: 509].

Эксплицированные в писательском эпистолярии позитивные этнические стереотипы, характеризующие русскую нацию, можно разделить на следующие подгруппы:

1) соблюдение этических норм, принятых в цивилизованном обществе: *Вы, верно, слышали про страшную историю повешения в Пензе двух крестьян из 7, приговоренных к этому за то, что они убили управляющего, убившего одного из них. Это <…> возбуждает страшное негодование и отвращение, особенно в нас,* ***русских****, воспитанных в сознании того, что смертная казнь не существует в нашем законодательстве* [Т2: 198-199]; *Он* [Е.И. Носов. – Т.А.] *подло отнесся*

к твоему роману, он с точки зрения функционера рассуждал о книге, которая ранит, не может не ранить всякого порядочного человека, если он истинно ***русский*** [А: 267];

2) соблюдение норм вежливости, принятых в межличностном общении: *Утешительно для всякого* ***русского*** *видеть живость Вашей деятельности и внимательности: по физиологическим примечаниям, это порука в долголетии и здравии* [ПЗ: 31]; *Но, как* ***русский*** *человек, я почтительно и благодарно склоняю голову пред Вами и пред всеми работниками науки…* [ГЗ: 39].

Отдельно отметим представленную в анализируемом материале типовую ситуацию, в которой реализуется исключительно положительная коннотация этнонима (в качестве дополнительных средств выражения положительной оценки используются преимущественно прилагательные; в нижеприведенных примерах они подчеркнуты). Можно выделить следующие разновидности данной ситуации, в которых констатируется принадлежность к русской нации:

1) автора письма и адресата: *Сергей Николаевич, дорогой, – очень мы,* ***русские****, <u>хороший</u> народ: чем больше живу, тем крепче убеждаюсь в этом* [ГЗ: 32-ЗЗ]; *Как видите, мы,* ***русские****, еще не потеряли памяти, и мы все еще народ <u>большой</u>…* [А: 398];

б) адресата (такие высказывания в большинстве случаев представляют собой комплимент, цель которого – обеспечить взаимопонимание эпистолярных коммуникантов или удовлетворение просьбы автора письма): *<u>Талантливейший</u> человек Вы, дорогая Ольга Дмитриевна! И – умница. Такая – настоящая,* ***русская*** *умница* [ГЗ: 140]; *Почему бы Вам, Геннадий Иванович, не послать в Старочеркасск авторитетную Госкомиссию историков, которая установила бы, какие объекты и ценности нуждаются в реставрации и сохранности. <…> Очень прошу Вас лично обратить внимание на донскую частицу РСФСР. Ведь Вы же не только Председатель Совмина, но еще и* ***русский*** *человек* [Ш: 582]; *Вы же* ***русский***

человек, и в Достоевском вся наша боль, все наши муки, все наши слабости и наше величие, и потому он до боли близок всем нам… [А: 54];

в) третьего лица: *… я писал предисловие к книге Максимова «Крылатые слова», и мне понадобились какие-то сведения об этом замечательном* ***русском*** *человеке и писателе…* [А: 618].

В результате анализа структуры высказываний с этнонимом *русский*, который, как было сказано выше, представляет собой лексическое средство, с помощью которого эксплицируются этнические стереотипы, также удалось выявить дополнительные морфологические и синтаксические средства, используемые при создании этнического автопортрета в письмах.

Сопоставительный анализ эпистолярных высказываний, в которых эксплицированы негативные и позитивные этнические стереотипы, позволил выявить некоторые различия в употреблении морфологических средств в каждой из групп.

В частности, в высказываниях, которые относятся к группе, эксплицирующей позитивные этнические стереотипы, отмечено присутствие личных и определительных местоимений. Иными словами, здесь писатели часто прибегают к обобщениям или к указанию на принадлежность к русскому этносу конкретных людей – самого автора, адресата или других лиц, известных автору. Напротив, при экспликации негативных этнических стереотипов авторы предпочитают ограничиться простой констатацией факта, без указания на конкретное лицо. В анализируемом материале отмечены лишь единичные случаи употребления личных и определительных местоимений при реализации типовых ситуаций, эксплицирующих присущие русской нации черты, которые оцениваются как негативные.

Таким образом, анализ высказываний с этнонимом *русский* позволил дать описание этнических стереотипов, отраженных в письмах классиков русской литературы XIX-XX вв. Помимо этого, выявлены дополнительные морфологические средства, характерные для высказываний с этнонимом

русский в эпистолярном тексте, а также установлены особенности употребления данного этнонима в высказываниях, реализующих позитивные и негативные этнические стереотипы.

3.1.6. Колоронимы

Изучение особенностей употребления слов цветообозначения является неотъемлемой частью исследований языковой картины мира (см., например: [Светличная 2003]); представлено оно и в данной работе.

Анализ употребления колоративной лексики в письмах классиков русской литературы позволяет не только установить закономерности их использования, связанные с особенностями эпистолярного текста в целом и обусловленные спецификой эпистолярного идиостиля конкретных авторов в частности, но и выявить коннотации слов цветообозначения, характерные для носителей русского языка.

Зарубежные исследователи в результате анализа 80 языков мира пришли к выводу, что система основных цветообозначений включает в себя 11 названий цветов: *белый*, *черный*, *красный*, *зеленый*, *желтый*, *синий*, *коричневый*, *фиолетовый*, *розовый*, *оранжевый*, *серый* (см.: [Berlin, Kay 1969: 22]).

Количественный анализ вышеперечисленных колоронимов в письмах русских писателей позволил установить, что наиболее частотными в них являются слова *белый* (95 с/у), *серый* (86 с/у; лексема не отмечена в письмах А.С. Пушкина) и *черный* (85 с/у), ниже на шкале частотности располагаются единицы *красный* (69 с/у), *зеленый* (49 с/у), *желтый* (25 с/у), *голубой* (25 с/у), *синий* (24 с/у), *розовый* (15 с/у; лексема не используется в письмах А.С. Пушкина), *коричневый* (5 с/у; лексема не представлена в письмах А.С. Пушкина, А.П. Чехова, М. Горького) (см. диаграмму 2 приложения 3). Слово *оранжевый* в анализируемом материале отсутствует, слово *фиолетовый* представлено единичным употреблением в письме В.П. Астафьева.

В результате анализа лексической сочетаемости колоронимов в письмах было установлено, что авторы могут использовать их:

I. В буквальном значении:

1. При описании цвета различных предметов обихода (здесь и далее приводятся только контексты, отмеченные в письмах нескольких авторов):

1) предметов одежды, принадлежащих:

а) автору письма: *Как только я вхожу в сношения с вами, я надеваю* ***белые*** *перчатки и фрак (право, нравственный фрак)…* [Т1: 608]; *Писанье, кроме дерганья, ничего не дает мне. 100 руб., которые я получаю в месяц, уходят в утробу, и нет сил переменить свой* ***серенький*** *неприличный сюртук на что-либо менее ветхое* [Ч1: 27]; *Отдай в чистку мой* ***черный*** *пиджак* [Ч1: 378]; *И вот еще что: возьми мое* ***коричневое*** *пальто и* ***серый*** *пиджак, зашей и отправь в Игарку, Анатолию Петровичу Астафьеву* [А: 26];

б) третьим лицам: [Я (т.е. А.С. Пушкин) путешествовал. – Т.А.] *с пятью немецкими актрисами, в* ***желтых*** *кацавейках и в* ***черных*** *вуалях* [П3: 69]; *Например, известного рода наряды, как* ***голубая*** *шляпка с* ***белыми*** *цветами – прекрасна; но она годится для барыни, ездящей на рысаках в аглицкой упряжке и входящей на свою лестницу с зеркалами и камелиями…* [Т1: 438]; *В крайнем окне второго этажа станции сидит барышня (или дама, черт ее знает) в* ***белой*** *кофточке, томная и красивая* [Ч1: 131]; *В* ***синей*** *поддевке на сборах, в* ***серой*** *мерлушковой шапке, с седыми, висящими усами, большой и тучный, Гиляровский любил к нам захаживать и рассказывать о своих приключениях* [Ш: 7];

2) обложек или, реже, страниц книг, написанных:

а) автором письма: *Обложка у меня будет* ***белая,*** *а на ней пятном сядет собака* [Ч1: 308]; *Будьте добры, – раз это возможно, – переплести в хорошие* ***черные*** *переплеты 4 мои книжки и выслать их в Ялту Антону Павловичу* [Г1: 127]; *А этот* ***серенький****, теплый цвет шмуцов, словно нежный рассвет... Как-то бы сохранить его при печатании книги* [А: 635];

б) адресатом: *Четыре **синеньких** томика заняли свое место рядом с «пухлыми» томами первого издания «Тихого Дона» <…> Спасибо, дружок, за память и ласку...* [Ш: 388];

в) третьими лицами: *Кстати: пришли мне, если можно, Essays de M. Montagne – 4 **синих** книги, на длинных моих полках* [П3: 379]; *Туда же* [на стол. – Т.А.] *положи брошюру Э. Золя в **желтой** обложке* [Ч2: 200];

3) карандаша / чернил: *Ты думал, что твоя статья о партизанской войне пройдет сквозь цензуру цела и невредима. Ты ошибся: она не избежала **красных** чернил* [П3: 475]; *Поправки сделаны **черными** чернилами Хрулевым, левой рукой, потому что правая ранена* [Т1: 386]; *Четвертый акт с того места, где отчеркнуто **красным** карандашом, много изменен* [Т2: 125]; *С своей стороны я подчеркнул **зеленым** карандашом то, что можно зачеркнуть и что, если стать на точку зрения цензора, наиболее зловредно* [Ч2: 105].

2. При описании внешности человека, в том числе:

1) цвета лица как показателя состояния здоровья, в частности используя лексемы, обозначающие:

а) «здоровые» цвета – *белый*, *розовый*, *красный* (Традиция использования слов *красный*, *белый* для эстетической оценки внешности человека, в частности для выражения ее соответствия эстетическому идеалу, берет свое начало в древнерусском тексте, см.: [Пименова 2007: 215, 263].): *Илья 3-й* [ребенок. – Т.А.]. *Никогда не был болен. Ширококост, **бел**, румян, сияющ* [Т1: 717]; *Каждый полдень я вижу в окно, как он* [Сережа. – Т.А.] *в длинном пальто и с товарным вагоном на спине, улыбающийся и **розовый**, идет из гимназии* [Ч1: 296]; *… Анюта – у нас, они с М. П.* [женой Шолохова. – Т.А.] *выпили, сидят две, **красные**, румяные, молодые* [Ш: 361];

б) «нездоровые» цвета – *желтый*, *зеленый*, *синий*, *серый*: *Видел я Смирнову; она начинает оправляться, но все еще плоха и **желта*** [П3: 300]; *Я взглянул в лицо, курносое, **серое**, старое, дикое лицо* [Т2: 32]; *Он* [Григорович. – Т.А.] *поразил меня своим мертвенным видом. Лицо **желто-***

зеленого *цвета, как у раковых больных…* [Ч2: 118]; *Несколько раз он* [Станюкович. – Т.А.] *присылал ко мне за деньгами человека с таким больным сердцем, что тот, восходя по лестнице шаг за шагом, вставал предо мною с лицом совершенно* ***синим*** *и минуты 3-5 не мог выговорить ни слова от одышки* [Г2: 522];

2) цвета волос – *белый*, *черный* (обычно для характеристики внешности женщин): *Я воображаю ее* [г-жу Храповицкую. – Т.А.] *в виде маленького провиденья для крестьян, как она в каком-нибудь попелиновом платье с своей* ***черной*** *головкой будет ходить к ним в избы и каждый день ворочаться с сознанием, что она сделала доброе дело...* [Т1: 434]; *Сестра Смагиных – чудное, когда-то красивое, в высшей степени доброе и кроткое создание с роскошной* ***черной*** *косой…* [Ч1: 242]; *Ты, наверное, все такая же красивая, статная, с пышными* ***белыми*** *волосами?!* [А: 648];

3) цвета глаз (преимущественно для характеристики внешности мужчин): *Снится ли Вам Левитан с* ***черными*** *глазами, полными африканской страсти?* [Ч1: 582]; *Он* [Фофанов. – Т.А.] *был невыносимо, до страшного жалок, всегда пьяный, оборванный и осмеиваемый, но, как бы ни был он сильно пьян, его* ***небесно-голубые*** *глаза сияли именно так, как это изобразил Репин* [Г2: 522]; *Длинные глаза, а в углах резко острые и чистые. Когда взглядывал, от глаз шел* ***синевато-серый*** *свет* [Ш: 45].

3. При описании природных явлений и объектов:

1) водоемов и воды в них, в частности отмечается:

а) голубой цвет медленно текущей речной или морской воды: *Поклон Вам от холмов Михайловского, от сеней Тригорского, от волн* ***голубой*** *Сороти…* [П3: 432]; *... теперь тепло,* ***голубой*** *Леман и ущелья беспрестанно в глазах, простодушные, добрейшие люди Пущины, с которыми мы друг друга очень любим, и занятия* [Т1: 477]; *Почему-то я все думаю, что Вы, Москвин, Леонидов, Румянцевы весною приедете сюда: будем купаться в* ***голубом*** *море, ловить акул, пить белое и красное Capri и*

вообще – жить [Г2: 275]; *Корабль наш, т/х «Тарас Шевченко», стоит уже в порту Пирей, где вода по-прежнему чистая и* ***голубая****…* [А: 542];

б) синий цвет моря: *Очень хорошо шоссе в камнях, – оливки, виноградники, миндальные и море* ***синее, синее*** [Т2: 58]; *Море чудесное,* ***синее*** *и нежное, как волосы невинной девушки* [Ч1: 247];

в) белый цвет воды во время бури: *В лужицах была буря. Болота волновались* ***белыми*** *волнами* [П3: 134]; *Мутная вода с* ***белыми*** *гребнями хлещет по нем и со злобой отскакивает назад…* [Ч1: 453]; *Но вот на той стороне вскипел* ***белый*** *бурун, донесся шум, треск, что-то ахнуло, сломалось, и я увидел, что вся льдина двинулась, пошла почти незаметно глазу!* [А: 210];

2) снега и льда: *Снег у нас* ***белый****, как снег, и в воздухе кислороду и озону пропасть* [Т3: 43]; *... снег сегодня выпал* ***белый****, и морозец малый* [А: 561]; *У Вас в Москве, наверно, еще зима, а на Дону – лед* ***синий****, пахнет весной, дорога почернела и уже появились первые грачи* [Ш: 226]; *Скоро* ***серая*** *льдина ушла за поворот, и голая, темная вода вдруг выдохнула скопившийся подо льдом прозрачный пар, до зябкости ощущаемый кожей* [А: 210];

3) неба, туч: *Утром была все та же возмутительная, вологодская погода; во всю жизнь не забыть мне ни грязной дороги, ни* ***серого*** *неба, ни слез на деревьях* [Ч1: 375]; *Как степной житель, я буду рад, если И. Абэ будет вспоминать нашу поездку на охоту, целинную степь и чудесных белых стрепетов на фоне* ***голубого*** *сентябрьского неба* [Ш: 260]; *На пути от Ярославля к Москве я был встречен* ***черными*** *дождевыми тучами* [Ч2: 103];

4) растений: *Был сухой сук – вдруг в листьях. Бог знает откуда-то снизу, из-под земли, лезут* ***зеленые*** *штуки –* ***желтые, синие*** [Т1: 512]; *Сад уж совсем* ***зеленый****, даже дубы распустились* [Ч1: 357]; *У нас две лилии: одна против твоих окон, другая около* ***белой*** *розы, по дороге к нарциссам…* [Ч2: 225]; *Я получил стипендию и купил, что бы ты думала?! – купил*

подснежников, ***фиолетовых****, у которых в чашечки будто угольки положены!* [А: 68];

5) окраса животных – кошек, собак, лошадей: *... из старых моих приятельниц нашел я одну* ***белую*** *кобылу, на которой и съездил в Малинники…* [П3: 137]; *Гончие ваши, Иван Петрович, живы и здоровы, равно Прокофий и* ***серый*** *мерин* [Т1: 534]; *Водовоз где-то украл сибирского котенка с длинной* ***белой*** *шерстью и с черными глазами и привез к нам* [Ч1: 302]; *Количество живых существ в доме увеличилось: откуда-то явилась* ***серая*** *кошка…* [Г2: 255]; *Нового будто бы нет, за исключением того, что купил себе сеттера* ***огненно-красного****…* [Ш: 70].

4. При характеристике продуктов питания (нередко в составе устойчивых словосочетаний): *Скажи Сашке, что у меня здесь* ***белые*** *сливы…* [П3: 387]; *Есть нечего, кроме дурного* ***черного*** *хлеба…* [Т1: 738]; *У нас за столом редиска* ***розовая, желтое*** *масло…* [Т1: с. 629]; *Когда будете возвращаться домой, привезите мне стручкового перцу, который так хорош в Феодосии. Привезите* ***зеленого*** *и* ***красного*** [Ч1: 526]; *Здесь прекрасное вино 35-40 к. за бутылку, чудесный* ***белый*** *хлеб и* ***белый*** *овечий сыр. По вечерам хорошо есть* ***белый*** *сыр и запивать* ***красным*** *вином* [Ч2: 352]; *Сейчас завтракал: икра, масло, дивное цимлянское и сочные котлеты с* ***зеленым*** *луком* [Ч1: 141]; *У Вас есть прекрасное* ***черное*** *пиво Калинкина* [Г1: 63]; *Превосходнейшей икры,* ***серой****, благоухающей, крупной, какой не пробовали и в Кремле, изготовили кг 3-3,5 и только вчера прикончили ее…* [Ш: 645]; *Был в сентябре на Сыме, совершенно сказочной реке, брали* ***белые*** *грибы…* [А: 541].

II. В переносном значении:

1. *Черный* в следующих значениях:

1) ‘плохой’: *У него* [отца. – Т.А.] *хандра и* ***черные*** *мысли* [П3: 265]; *Не прибавляй к своей незавидной славе еще один* ***черный*** *штришок!* [Ш: 464];

2) ‘характеризующийся высокой интенсивностью проявления отрицательного признака’: *Порою – на часок, на два – я даже превращаюсь*

в ***черного****, как трубочист, пессимиста* [Г1: 243]; *Желаю, чтобы ты задохнулся от* ***черной*** *зависти или же от зависти сел бы за стол и написал пьесу, которую написать не трудно* [Ч1: 342].

2. *Серый* в следующих значениях:

1) ‘сырой, пасмурный, дождливый’ (о погоде и времени года, для которого характерна такая погода): *Погода здесь – сырая,* ***серая****, и все время вздыхает эдакий ядовитый ветерок* [Г3: 323]; *Сейчас к тому же неуютно на Дону: разлив, погода холодная,* ***серые*** *дни* [Ш: 509]; *Я и вообще-то декабрь не люблю, а наш* ***серо****-промозглый корежит меня до самых кишок* [А: 600];

2) ‘скучный, однообразный, унылый, ничем не отличающийся от других подобных’:

а) о жизни: *Живется* ***серо****. Сам я плох, да и кругом себя не вижу счастливых* [Ч1: 106]; *Здесь –* ***серо*** *и скучно, но настроение – хорошее* [Г2: 390];

б) о людях: *Преснову не давайте изданий. Это один из самых непопулярных и* ***серых*** *книгопродавцев* [Ч1: 169]; *Если б Вы могли себе представить, какой это скучный,* ***серый*** *и невежественный народ* [американцы. – Т.А.]*!* [Г1: 444]; *... его* [Борисова. – Т.А.] *так мутузили «внутри» писательской организации, что приучили писать так же безлико, как и они, чтоб знал край и не лез за него, не выделялся, а был тоже* ***сереньким*** *и безропотным* [А: 52];

в) о творчестве, в том числе литературном: *Однако ж не скрою, что меня смущает и однообразие тем и общий* ***серовато****-унылый тон рассказов* [Г2: 511]; *И еще: очень* ***сера*** *у Вас разговорная речь. Все говорят одним языком; почти отсутствует меткое, острое слово, запоминающийся образ* [Ш: 421]; *Из двухсот фильмов, выходящих за год, запоминается два-три – это очень мало, даже в литературе, переживающей сложные времена, нет такого многопроцентного* ***серого*** *потока продукции…* [А: 491];

г) об окружающей обстановке: *«Камеры» – так бы я назвал комнаты в доме творчества – запущены, полы давно не натирались, мебель обнажившаяся, старая – все убого, уныло,* ***серо*** [А: 283].

3. *Зеленый* в значении ‘недостаточно зрелый, молодой’: *... однако поэмы мои скоро выйдут. И они мне надоели; Руслан молокосос, Пленник* ***зелен****...* [П1: 561]; *Общий взгляд нехорош, молод,* ***зелен****, но* [в книге. – Т.А.] *много очень умного и хорошего* [Т2: 28]; *На мой взгляд – Вы правы, издаваться ему* [Маевскому. – Т.А.] *рано. Хотя можно с уверенностью сказать, что писать он может. Только очень уж* ***зелено*** *все* [Г2: 257]; *Горжусь тем, что смел их* [отважные фразы. – Т.А.] *произносить и будучи еще* ***зеленым****, молодым, а не тогда, когда стал лауреатом и от этого храбрым, как иные витии полагают* [А: 306].

4. *Розовый* в значении ‘приятный’: *Публика должна видеть журналистов не в карикатуре и не в томительно умной Давыдовской оболочке, а в* ***розовом****, приятном для глаза свете* [Ч1: 337]; *Вообще здесь – беснование. Все преисполнены красных и* ***розовых*** *надежд. Оптимизм – совершенно детский* [Г1: 335]; *Когда читаешь в газетах короткие и* ***розовые*** *сообщения о том, что беднота и середнячество нажимают на кулака и тот хлеб везет – невольно приходит на ум не очень лестное сопоставление!* [Ш: 86]; *А с детства мы ведь мало в чем меняемся, только взрослеть начнешь, как тут тебе 50 лет и снова начинается детство, только уже не* ***розовое*** [А: 184].

Анализ различий в употреблении колоронимов разными авторами позволил сделать некоторые выводы, связанные с функционированием данных единиц в диахроническом аспекте. В частности, прослеживаются изменения в характеристике предметов обихода. Так, указывая на цвет одежды, автор XIX в. тем самым может дать исчерпывающую характеристику социального положения описываемого лица, в то время как для представителя XX в. выбор цвета одежды – это лишь повод для демонстрации личных предпочтений ее обладателя. Напротив, дизайн

обложки произведения становится важным для его автора только на рубеже веков, ранее цвет переплета не представлял интерес для создателя произведения. В то же время в этот период теряет актуальность цветовая дифференциация пометок, сделанных на полях при редактировании рукописи.

Цветовая характеристика остальных предметов и явлений, представленных в данной работе, не претерпевает каких-либо значимых изменений на протяжении рассматриваемого периода. Можно отметить только увеличение в письмах количества употреблений слов цветообозначения в переносных значениях начиная с конца XIX в., связанное с закреплением данных значений в языке в этот период.

3.2. Онимы эпистолярного текста в аспекте прецедентности

Феномен прецедентного имени в последние годы подвергается всестороннему изучению. Особенности функционирования прецедентных имен рассматриваются на материале произведений художественной литературы [Захаренко 1997; Красных 1997; Гудков 1999 и др.], публицистики и СМИ [Смулаковская 2004; Нахимова 2007; Зырянова 2010 и др.], рекламных текстов [Пикулева 2003]. Однако специфика употребления прецедентных имен в эпистолярном тексте до настоящего времени не изучалась, что обусловливает актуальность настоящего исследования.

Существует широкое и узкое понимание прецедентного имени. Так, Е.А. Нахимова включает в рассматриваемые единицы широко известные имена собственные, используемые в тексте не только для обозначения конкретных субъектов или объектов, но и как своего рода культурные знаки, символы определенных качеств, событий, судеб и т.п.: «различия между двумя рассматриваемыми типами значения связаны с тем, что в первом случае слово связано с традиционным денотатом (референтом), а во втором – с совершенно иным денотатом (референтом)» [Нахимова 2007: 50].

Другие авторы рассматривают прецедентное имя как «индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным (например, *Печорин, Теркин*), или с прецедентной ситуацией (например, *Иван Сусанин*); это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не собственно к денотату, а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени» [Захаренко 1997: 83]. Следовательно, онимы, использованные в первичном значении, т.е. связанные с традиционным денотатом, при данном подходе к прецедентным именам не относятся.

Рассматривая прецедентные онимы в соответствии с последней концепцией, представляющей узкое понимание прецедентного имени, обратимся к выявлению специфики употребления ономастических единиц в контекстах, реализующих переносное, метафорическое значение онима.

Прецедентные имена имеют разную частотность в эпистолярии анализируемых авторов. Так, в 628 письмах А.С. Пушкина отмечено 60 с/у прецедентных имен, в 627 письмах В.П. Астафьева – 58 с/у, в 895 письмах А.П. Чехова – 47 с/у, в 1076 письмах Л.Н. Толстого – 27 с/у, в 1195 письмах М. Горького – 18 с/у, в 499 письмах М.А. Шолохова – 8 с/у. Как видим, в письмах А.С. Пушкина, А.П. Чехова и В.П. Астафьева прецедентные онимы используются более активно, чем у остальных писателей (см. диаграмму 3 приложения 3). Предполагаем, что частотность прецедентных имен представляет собой одну из характеристик эпистолярного идиостиля автора.

Среди прецедентных имен, отмеченных в анализируемом материале, встречаются антропонимы, поэтонимы, мифонимы, топонимы. Кроме того, в письме М. Горького отмечен прецедентный библионим – *«Все в прошлом»* (название картины), а в письме В.П. Астафьева – прецедентный эргоним *«Спартак»* (название футбольной команды).

Из прецедентных антропонимов активно используются фамилии (в ряде случаев вместе с именами и отчествами) писателей, среди которых представлены как современники автора, имеющие разную известность (например, у А.С. Пушкина – *Бомарше, Хвостов*, у Л.Н. Толстого – *Щедрин, Соллогуб*, у А.П. Чехова – *Островский*, *Пальмин*, у В.П. Астафьева – *Вампилов*, *Мерзликин*), так и авторы классических произведений художественной литературы, относящиеся к другим временных периодам (например, у А.С. Пушкина и В.П. Астафьева – *Петрарка*, у Л.Н. Толстого – *Жуковский*, у М. Горького и В.П. Астафьева – *Шекспир*, у В.П. Астафьева – *Гоголь, Лермонтов, Пушкин*). Также встречаются фамилии или (при их отсутствии) имена известных исторических деятелей прошедших веков или современников автора (например, у А.С. Пушкина – *Брут*, *Суворов*, у В.П. Астафьева – *Наполеон, Жуков*). В письмах В.П. Астафьева отмечено употребление в роли прецедентных онимов фамилий современных артистов отечественной эстрады (*Жванецкий*, *Никулин*), а также фамилии советского спортсмена, олимпийского чемпиона по боксу 1964 г. (*Попенченко*).

Среди прецедентных поэтонимов, используемых в письмах русских писателей, встречаются имена персонажей отечественных произведений разной степени известности (например, у А.С. Пушкина – *Алеко*, *Варюшка*, у А.П. Чехова – *Мижуев*, *Плюшкин*) и широко известных произведений зарубежной литературы (например, у А.С. Пушкина – *Ловелас*, *Jourdain*, у А.П. Чехова – *Гамлет*, *Горацио*, у М.А. Шолохова – *Санчо Панса*; у М. Горького и В.П. Астафьева случаи употребления поэтонимов иностранного происхождения не отмечены). В письмах М. Горького обнаружены имена персонажей русского фольклора (*Василиса Премудрая*, *Соловей Будимирович*), а у А.П. Чехова – восточного (*Наср-Эддин*). В эпистолярии В.П. Астафьева представлены имена героев художественных и документальных фильмов (*Марья-большевичка*, *Яшка-артиллерист*, *отец Сергий*).

Мифонимы, в числе которых встречаются преимущественно имена героев античной мифологии (например, у А.С. Пушкина – *Минерва, Улисс*, у Л.Н. Толстого – *Феб*, у А.П. Чехова – *Ахилл, Гектор*, у М. Горького – *Геркулес*) и библейских персонажей (например, у А.С. Пушкина – *Голиаф, Лот*, у Л.Н. Толстого – *Магдалина*, у А.П. Чехова – *Авраам, Давид*, у М. Горького – *Исайя*), в анализируемом материале отмечены у всех авторов, кроме М.А. Шолохова и В.П. Астафьева.

В отличие от текстов, функционирующих в средствах массовой коммуникации, где используются только прецедентные имена, известность которых имеет общенациональный характер (см.: [Нахимова 2007: 54]), автор письма может включать в текст не только общеизвестные имена и названия. Как уже было отмечено выше, в качестве прецедентного имени в анализируемом материале нередко используются фамилии (в некоторых случаях – с именами) малоизвестных отечественных писателей – современников авторов писем. Кроме того, в писательском эпистолярии в роли прецедентных могут использоваться имена и фамилии близких или знакомых автору людей. Главным критерием возможности употребления антропонима как прецедентного имени является известность лица, обозначенного именем собственным, не только автору, но и адресату.

Подобная особенность обнаруживается и при использовании топонимов: среди них встречаются как знакомые каждому жителю России топонимы, называющие страны (у В.П. Астафьева – *Израиль*, *Голландия*), регионы (у А.П. Чехова – *Монте-Карло*, у М. Горького – *Крым, Кавказ*), города (у М.А. Шолохова – *Москва*, у В.П. Астафьева – *Ленинград*, *Париж*), реки (у А.П. Чехова – *Волга*, у В.П. Астафьева – *Енисей*), так и известные далеко не всем астионимы (у А.П. Чехова – *Василесурск, Шклов*, у В.П. Астафьева – *Бийск, Шарыпово*), гидронимы (у А.П. Чехова – *Фонтанка*, у В.П. Астафьева – *Сибла*), а также иные географические названия (у Л.Н. Толстого – *Ясная* [поляна. – Т.А.], у А.П. Чехова – *Сокольники*).

Частотность той или иной группы прецедентных имен в эпистолярном наследии русских писателей позволяет выявить предпочтения каждого автора в употреблении прецедентных онимов (см. таблицу 2 приложения 3). Так, А.С. Пушкин в письмах активно использует антропонимы (28 с/у), реже – поэтонимы (17 с/у) и мифонимы (15 с/у), а прецедентные топонимы в его письмах не отмечены. Л.Н. Толстой употребляет прецедентные антропонимы (19 с/у) и мифонимы (7 с/у), почти не использует топонимы (1 с/у) и вовсе не употребляет поэтонимы. В письмах А.П. Чехова представлено почти одинаковое количество антропонимов и мифонимов (13 и 14 с/у), а также равное число поэтонимов и топонимов (по 10 с/у). М. Горький чаще использует антропонимы (8 с/у), чем поэтонимы (4 с/у), мифонимы (3 с/у) и топонимы (2 с/у). Подобное соотношение отмечено в письмах М.А. Шолохова: антропонимов больше (5 с/у), чем поэтонимов (2 с/у) и топонимов (1 с/у). В письмах В.П. Астафьева антропонимы используются значительно чаще (40 с/у), чем топонимы (14 с/у) и поэтонимы (3 с/у). В эпистолярии М.А. Шолохова и В.П. Астафьева не встречаются прецедентные мифонимы, что, на наш взгляд, обусловлено изменениями в языковой картине мира представителей советского общества. Остальные различия в употреблении прецедентных имен, вероятно, могут характеризовать особенности эпистолярного идиостиля каждого автора.

Рассмотрим подробнее наиболее характерные для писательского эпистолярия приемы актуализации переносного значения собственных имен в высказываниях, в результате использования которых онимы приобретают статус прецедентных имен.

Высказывания, включающие прецедентные имена, могут содержать языковые средства, способствующие реализации переносного значения онимов. Анализ материала показал, что в контексте непрямое значение рассматриваемых единиц актуализируется, как правило, с помощью таких грамматических средств, как включение имен собственных в сравнительные

конструкции в качестве объекта сравнения и использование онимов в форме множественного числа.

Анализ особенностей употребления прецедентных имен в составе сравнительных конструкций позволил выделить две группы сравнений: сопоставления и противопоставления. Дальнейшая дифференциация внутри каждой группы производится с учетом того, кто / что является субъектом и объектом сравнения. Автор может сопоставлять с лицом, обозначенным прецедентным именем,

1) самого себя: *Ей-богу, душа моя, не я с ними* [актрисами. – Т.А.] *кокетничал, они со мною амурились в надежде на лишний билет. Но я отговаривался незнанием немецкого языка и, как маленький* ***Иосиф****, вышел чист от искушения* [П3: 69]; *Ездил экзаменовать мальчишек, приехал и чувствую себя разбитым, как* ***Геркулес*** *после одного из своих самых пикантных подвигов* [Ч2: 173]; *Я долгонько ждал от Вас ответа по поводу того, отослана ли 6 ч. «Тихого Дона» в Англию и получили ли Вы машинку из Германии. <…> Пожалуйста, сообщите! Вопросы эти меня столь же интересуют, как примерно – т.* ***Литвакову*** *ход моей работы над 3 кн[игой] «Тих[ого] Дона» и «Поднятой целиной»* [Ш: 153];

2) адресата: *Но, отдохнув после «Илиады», что предпримете вы в полном цвете гения, возмужав во храме Гомеровом, как* ***Ахилл*** *в вертепе Кентавра?* [П1: 370]; *Ты в русском искусстве музыки первый, как в искусстве слова первый –* ***Толстой*** [Г2: 302]; *Знаю, каким трудом и мужеством тебе дается каждая строка. Таким же стилистом, равным тебе, был на Руси* ***Гоша Семенов****…* [А: 543];

3) лицо / группу лиц, о котором идет речь в письме: *Теперь он* [Броневский. – Т.А.] *под судом – и, подобно* ***Старику*** *Виргилия, разводит сад на берегу моря, недалеко от города* [П1: 46]; *Познакомился я с одним попом. Хороший, редкий поп! Нечто вроде арзамасского* ***Моисея****, ибо тоже занимается водопроводным делом. Только Моисей мог сразу – ударом палки, по камню – добыть воды, а мой поп двадцать лет бьет по башкам*

местных купцов и – все еще пока без результата [Г1: 270]; *Я написал Жене письмо, в котором сравнил его с боксером* ***Попенченко****. Уж он если поймает мысль какую, або идею, пока ее к канатам не прижмет, не добьет до нокаута – не отпустит* [А: 197].

Автор может противопоставлять лицу, обозначенному прецедентным именем,

1) самого себя: *В отношении его* [Глинки. – Т.А.] *я не* ***Фемистокл****; мы с ним приятели и еще не ссорились за мальчика* [П1: 139]; *Если бы Вы не прислали мне марок, то от этого не пострадали бы ни я, ни литература. Что за рыцарство? Точно я* ***Плюшкин*** *или беден, как* ***Диоген*** [Ч1: 401]; *Я, к сожалению, не умею защищать свои тексты и вещи словесно (видимо, надо быть* ***Ф. Абрамовым****, чтобы брать Вас за горло), ибо полагал и все еще, возможно, наивно полагаю, что дело автора говорить на бумаге* [А: 280];

2) лицо / группу лиц, о которых идет речь в письме: *Ты, кажется, любишь Казимира, а я так нет. Конечно, он поэт, но все не* ***Вольтер****, не* ***Гете****... далеко кулику до орла!* [П1: 446]; *У Ноя было три сына: Сим, Хам и, кажется, Афет. Хам заметил только, что отец его пьяница, и совершенно упустил из виду, что Ной гениален, что он построил ковчег и спас мир. Пишущие не должны подражать* ***Хаму*** [Ч1: 529]; *В почетном карауле отбывали повинность все больше инженеры человеческих душ вместе и во главе с Юрой-болтушкой, этим законнорожденным советским строем и соцреализмом мыслителем и вождем, умудрившимся столько вреда русской современной литературе нанести, сколько самому графу* ***Бенкендорфу*** *в свое время не удалось* [А: 563].

Как видим, автохарактеристика осуществляется при сравнении автора письма с лицом, обозначенным прецедентным именем, часто используется для выражения иронического отношения к самому себе, подобно тому, как это осуществляется при использовании прецедентного онима в функции шутливых прозвищ. Напротив, характеристика адресата или субъекта, не

принимающего участия в коммуникации, посредством сопоставления его с лицом, которое обозначено прецедентным именем, позволяет автору выразить положительное отношение к субъекту сравнения; при противопоставлении субъекта, который не принимает участия в эпистолярном общении, лицу, обозначенному прецедентным онимом, автор обычно выражает негативное отношение к субъекту сравнения. Поскольку отрицательного оценивания адресата адресант обычно избегает, сохраняя возможность дальнейшей эпистолярной коммуникации, примеры противопоставления адресата лицу, обозначенному прецедентным именем, в письмах не представлены.

Прецедентные топонимы в высказываниях, включающих сравнительные конструкции, используются значительно реже прецедентных имен, включенных в другие группы рассматриваемых онимов. Обычно при описании местности, особенности климата или природы которой адресат знает меньше, чем адресант, автор письма сравнивает ее с территорией, известным обоим участникам коммуникации. Среди таких высказываний отмечены как сопоставления, так и противопоставления, ср.: *...я прошел походить по Девичьему полю. Не жарко и тихо так, как в* ***Ясной*** [Т2: 14]; *В Ялте чудесная погода, но скучно, как в* ***Шклове*** [Ч2: 299]; *…пока наслаждаюсь покоем и прохладой, а в воздухе запах и смог, как у нас в* ***Красноярске*** [А: 473] – *Красиво здесь; не так олеографично, как в* ***Крыму****, не так сурово, как на* ***Кавказе****, т.е. в* ***Черноморье****, а как-то иначе и – неописуемо* [Г3: 12]; *Сад великолепный. Пахнет дамами, а не самоварным дымом, как в* ***Сокольниках*** [Ч1: 138].

Употребление онимов в форме множественного числа позволяет актуализировать переносное значение имени собственного и способствует формированию прецедентности: *Вчера я прочел повесть Потапенко в «Северном вестнике». <…> Вся наша беллетристика всех этих* ***Потапенок*** *положительно вредна* [Т2: 256]; *...клянусь честью, не узнавал тебя, когда ты жил у нас 2 месяца тому назад. Неужели это ты, живший*

когда-то в чистенькой комнате? Дисциплинируй, брат, ***Катек!*** [Ч1: 37]; *Получил последний номер «Очарованного странника» и с удивлением увидел хвастливое, самоздравное интервью с общественным деятелем Есиным… <…> Вы хотя бы из чувства брезгливости не пускали на чистые полосы своей пока еще не загрязненной газеты* ***Есиных****-то* [А: 636].

В анализируемом материале большинство прецедентных имен, употребленных в форме множественного числа, являются антропонимами. Топонимы отмечены только в эпистолярии В.П. Астафьева: *Да, мы достойны, за малым исключением, того, чтоб Иванова-Белинская-Рыбакова Наталья витийствовала в журналах и представляла нашу литературу аж в* ***Голландиях****…* [А: 437]. В ряде примеров онимы, используемые в функции прецедентных, пишутся автором со строчной буквы: *Долгое житье в* ***парижах*** *вредно – уж очень несовершенной начинает казаться наша жизнь и страна…* [А: 429].

Актуализация прецедентности происходит и в тех случаях, когда антропонимы, употребляемые в форме множественного числа, концентрируются в одном высказывании, выступая в роли однородных членов: *из старых моих приятельниц нашел я одну белую кобылу, на которой и съездил в Малинники; но и та уж подо мною не пляшет, не бесится, а в Малинниках вместо всех* ***Анет****,* ***Евпраксий****,* ***Саш****,* ***Маш*** *etc. живет управитель Парасковии Александровны, Рейхман…* [П3: 137]; *Ужасно то, что все эти пишущие, и* ***Потапенки****, и* ***Чеховы****,* ***Зола*** *и* ***Мопасаны****, даже не знают, что хорошо, что дурно…* [Т2: 267]; *Слишком стремительно разлагается человек вообще и наше общество в частности, <…> и звереет, и подлеет человек еще больше, и это при наличии* ***Толстых****,* ***Пушкиных*** *и прочих* ***Шекспиров*** *и* ***Петрарок*** [А: 302].

В целом для эпистолярия характерно использование антропонимов, объединенных по тематическому признаку, в рамках одного высказывания: *Жизнь русского, торгового человека цельнее, полезнее, умнее и типичнее, чем жизни нытиков и пыжиков, которых рисует* ***Альбов****,* ***Баранцевич****,*

Муравлин *и проч.* [Ч1: 229]; *Жуть меня берет, как подумаю, что скоро помрут* ***Паустовский***, ***Леонов***, ***Никулин***, ***Шкловский****, а что взамен идет?* [А: 135]. Как видим, писатели – современники автора – в первом примере характеризуются отрицательно, а во втором – положительно, т.е. посредством перечисления антропонимов, используемых в первичном значении, реализуются переносные значения: ‘плохие писатели’, ‘хорошие писатели’. Реализация, наряду с первичным, и переносного значения позволяет рассматривать онимы, использованные в функции однородных членов, как пограничный случай прецедентности.

Примеры такого использования в большей степени характерны для антропонимов. Однако в исследуемом материале представлено и перечисление топонимов, при котором актуализируются значения, изначально не присущие имени собственному: *Виновато же в моей недеятельности то, что я выбит из колеи, утерял право оседлой жизни, точно фельдъегерь старого времени, которого гоняли то в* ***Крым****, то в* ***Варшаву****, то в* ***Царское Село****, то за* ***Урал*** [Ч2: 331]; *А я ведь назвал только часть безобразий и позора нашего. Есть еще* ***Тула***, ***Воронеж***, ***Ростов*** *и много-много других городов, битв и операций, о которых не хочется рассказывать, стыдно и позорно рассказывать* [А: 421].

Отметим, что в анализируемом материале также встречаются высказывания, в которых не представлены приемы актуализации переносного значения имени собственного. Тем не менее, онимы в таких высказываниях используются в качестве прецедентных, т.е. обозначают прецедентные ситуации, которые могут быть развернуты благодаря фоновым знаниям адресата или информации, сообщенной автором письма: *Но по натуре моей мне* ***Исайя*** *ближе* ***Иеремии****…* [Г1: 225]; *А на пути в вампиловский дом пробовал меня утопить погубитель Саши, Глеб Пакулов <…>. Это мы на лодчонке вышли на волнорез, и Пакулов запаниковал, ожидал, что на выходе волна меньше. <…> Когда подвалили*

к берегу, он был бледен и мокр не только от брызг, но и от напряженности, я ему внятно сказал: «Тебе что, твою мать, ***Вампилова*** *мало?!»* [А: 691].

В анализируемых письмах (кроме писем В.П. Астафьева) нередки случаи использования прецедентных онимов для автохарактеристики, а также для именования адресата или лиц, о которых ведется речь в письме. При таком употреблении прецедентные имена придают эпистолярному общению шутливую или ироническую тональность. Так, в эпистолярии А.С. Пушкина в данной функции используются антропонимы, мифонимы и поэтонимы: *Прощай, мой милый* ***Walter!*** [П1: 207]; *Тверской* ***Ловелас*** *С.-Петербургскому* ***Вальмону*** *здравия и успехов желает* [П2: 123]; *Нет, душа моя* ***Асмодей****, отложим попечение, далеко кулику до Петрова дня – а еще дале бабушке до Юрьева дня* [П1: 248]; *… припиши к «Бахчисараю» предисловие или послесловие, если не ради меня, то ради твоей похотливой* ***Минервы****, Софьи Киселевой…* [П1: 183]; *Поповна (ваша* ***Кларисса****) в Твери* [П2: 164]. В письмах нет объяснения предыстории появления данных шутливых прозвищ, из чего можно сделать предположение о том, что они использовались и в устном общении автора с друзьями.

В письмах других авторов для шутливой или иронической характеристики адресата или третьих лиц используются антропонимы и поэтонимы: *Господин* ***Шекспир****! Так как ты создал «Платона Андреича» и, очевидно, желаешь вкусить всю сладость авторского чувства, то перед тем, как публика воздаст тебе должное, считаю нелишним преподать тебе нижеследующее…* [Ч2: 204]; *…ко времени твоего приезда постараюсь испросить у начальства разрешение побывать в Нижнем и послушать тебя,* ***Соловей Будимирович*** [Г1: 264]; *Я хожу королем, а мать сзади с сумкой. Я убиваю куропатку и, не оглядываясь на своего толстого* ***Санчо Панса*** *в юбке, властно говорю: «Подбери!»* [Ш: 674].

Яркой чертой эпистолярного идиостиля А.С. Пушкина является именование адресата или третьих лиц посредством прецедентного онима в сочетании с реальной фамилией носителя прозвища: *Она* [молодая жена. –

Т.А.] *меня любит, но посмотри,* ***Алеко*** *Плетнев, как гуляет вольная луна, etc.* [П2: 320]; *Вы спрашиваете, кто секретарь у нас в академии? Кажется, еще не решено.* ***Улисс*** *Лобанов и* ***Аякс*** *Федоров спорят об оружии Ахиллеса* [П3: 342].

В эпистолярии А.П. Чехова в качестве шутливых прозвищ автора и адресата используются прецедентные антропонимы, и автор мотивирует свой выбор того или иного прецедентного имени. Так, подпись *Твой* ***Цынцынатус*** [Ч2: 564] обусловлена тем, что ранее в письме этому же адресату Чехов писал: «*Денно и нощно мечтаю о хуторе. Я не* ***Потемкин****, а* ***Цинциннат****. Лежанье на сене и пойманный на удочку окунь удовлетворяют мое чувство гораздо осязательнее, чем рецензии и аплодирующая галерея*» [Ч1: 340]. Используя прецедентное имя для обращения к адресату, А.П. Чехов объясняет ему, в чем он видит сходство адресата с носителем прецедентного антропонима: *Милый* ***Альба****! Называю Вас так, потому что Ваш трагический почерк – последнее слово инквизиции. Он, пока я прочел Ваше письмо, вывихнул мне глаза* [Ч1: 176]. Такая экспликация причины появления шутливого прозвища сближает высказывания с прецедентным именем со сравнительными конструкциями.

Использование прецедентных онимов для называния участников эпистолярного общения, на наш взгляд, можно считать проявлением креативности создателей писем. О.П. Фесенко отмечает, что «креативность как свойство письма – признак постоянный (в том смысле, что он присущ эпистолярию вне зависимости от того, кем создан эпистолярный текст). Новые традиции формируются исключительно в дискурсе как универсальной форме общения. Формой проявления креативности является языковая игра» [Фесенко 2009: 10]. Как видим, языковая игра в письмах является одним из способов придания эпистолярному общению шутливой или иронической тональности.

Реализация языковой игры в письмах связана с появлением окказиональных словообразовательных дериватов прецедентных имен: *Что*

из этого следует? Что ты безалаберный. Что ты ***ольдекопничаешь*** *и* ***воейковствуешь****, перепечатывая нас, образцовых великих людей – Мерзлякова, двух Пушкиных, Великопольского, Подолинского, Полевого и проч.* [П2: 62]; *Ты, кажется, несешь свое* ***Лирство*** *(Король Лир) мужественно. Помогай тебе бог* [Т2: 452].

Помимо имен существительных и глаголов, от антропонимов и поэтонимов могут быть образованы и имена прилагательные, которые используются авторами писем в качестве эпитетов: *Но, ради бога, обработайте их* [песни. – Т.А.] *и пользуйтесь ими в* ***моцарто-гайденовском*** *роде, а не* ***бетховено-шумано-берлиозо****-искусственном, ищущем неожиданного, роде* [Т1: 792]; *Я чувствую какой-то зуд и* ***ноздревский*** *задор, когда знаю, что у меня в столе лежат деньги* [Ч1: 388]; *…тут* [в провинции. – Т.А.] <...> *по-прежнему царит непробудное пьянство, уремная тьма и трусость, желание хапнуть и не попасться,* ***фамусовская*** *угодливость,* ***ноздревская*** *бойкая хамовитость и наглость да неукротимая тупость Собакевича* [А: 591].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в частных письмах в качестве прецедентных преимущественно используются антропонимы, мифонимы, поэтонимы и топонимы; в основном прецедентные антропонимы представлены фамилиями писателей и известных исторических личностей, прецедентные мифонимы – именами героев древнегреческой и библейской мифологии.

Помимо общеизвестных онимов, в качестве прецедентных имен в эпистолярном тексте могут использоваться имена и фамилии близких или знакомых автору и адресату людей, а также малоизвестные географические названия, знакомые автору и адресату.

Различная частотность прецедентных онимов в целом, а также предпочтение онимов, относящихся к определенным тематическим группам, являются средствами характеристики эпистолярного идиостиля автора письма. Отсутствие мифонимов в письмах М.А. Шолохова и

В.П. Астафьева может быть обусловлено изменениями в языковой картине мира представителей советского общества.

Прецедентные имена в эпистолярном тексте нередко употребляются в сравнительных конструкциях в качестве объекта сравнения. Весьма характерна для них форма множественного числа. Кроме того, антропонимы и топонимы могут использоваться в качестве однородных членов предложения.

Употребление прецедентных антропонимов, мифонимов и поэтонимов для автохарактеристики, а также для именования адресата или лиц, о которых ведется речь в письме, позволяет придать эпистолярной коммуникации шутливую или ироническую тональность. Одним из способов реализации данной функции является языковая игра, состоящая в использовании окказиональных словообразовательных дериватов прецедентного имени, среди которых встречаются существительные, глаголы, а также прилагательные, используемые в качестве эпитетов.

Выводы по главе 3

Выявленные особенности употребления анализируемых единиц в частных письмах классиков русской литературы позволили определить некоторые общие черты и различия в использовании лексем, относящихся к разным группам эпистолярного ономастикона.

В частности, сходство в употреблении онимов в письмах состоит в том, что авторы часто подвергают их усечению и сокращению: вместо нескольких слов используют одно (такое использование характерно для геортонимов и библионимов), вместо целого слова – сокращенное до нескольких букв (антропонимы и, реже, библионимы) или аббревиатуры (антропонимы, особенно часто в подписи, но иногда и при именовании адресата или лиц, о которых идет речь в письме). Первая тенденция, вероятно, обусловлена адаптацией онимов к разговорному стилю,

используемому в частных письмах, а последние две связаны со стремлением автора экономить усилия в процессе написания письма.

Для большинства групп рассмотренных онимов характерно использование в высказываниях, реализующих определенные типовые ситуации, в ряде случаев соотносимые с РА. Так, выявлены иллокуции, типичные для высказываний, в состав которых включаются антропонимы, геортонимы, топонимы, этнонимы и колоронимы.

Наблюдается сходство в контекстуальном окружении антропонимов и топонимов: они довольно часто употребляются с именами прилагательными и причастиями (это является отличительным признаком эпистолярного текста по сравнению с текстами иной жанровой принадлежности). Однако формальное сходство не означает сходства функционального, поскольку с помощью распространителей антропонимов автор выражает положительное отношение к адресату, эксплицирует включение его в свою личную сферу, в то время как эпитеты, относящиеся к топонимам, могут эксплицировать положительную или отрицательную коннотативную оценку анализируемой единицы. Кроме того, антропонимы, в отличие от других разновидностей собственных имен, значительно чаще используются в составе эпистолярных формул.

Установлено также, что антропонимы и библионимы в писательском эпистолярии нередко включаются в языковую игру. При этом приемы ее создания для единиц, принадлежащих к разным группам, в анализируемом материале различаются. Антропонимы подвергаются модификации, состоящей в употреблении иноязычного варианта имени или образовании окказиональных вариантов имен по распространенным словообразовательным моделям. Кроме того, автор письма может использовать вымышленные шутливые (постоянные или ситуативные) имена в подписи или при именовании адресата. Языковая игра, связанная с употреблением библионимов, обусловлена в большинстве случаев

функционированием лексических единиц, чаще глаголов, в метафорическом, значении.

Специфика употребления геортонимов в письмах во многом объясняется влиянием экстралингвистических факторов на частотность конкретных единиц, относящихся к данной группе. В частности, в анализируемом материале отмечено резкое сокращение православных геортонимов в первой половине XX века с последующим увеличением их числа к концу столетия.

В результате анализа высказываний с этнонимом *русский* в эпистолярном тексте определены этнические стереотипы, отраженные в письмах классиков русской литературы XIX-XX вв. Кроме того, выявлены дополнительные морфологические и синтаксические средства, характерные для высказываний с этнонимом *русский*.

Анализ различий в употреблении колоронимов разными авторами позволил проследить изменения в характеристике предметов обихода посредством данных единиц, обусловленные экстралингвистическими факторами. Выявлено также увеличение количества употреблений слов цветообозначения в переносных значениях с конца XIX в., вероятно обусловленное тем, что данные значения получают закрепление в языке.

Рассмотрение прецедентных имен, используемых в эпистолярном тексте, показало, что в качестве прецедентных обычно используются антропонимы, мифонимы, поэтонимы и топонимы. Кроме общеизвестных онимов, в качестве прецедентных имен в эпистолярном тексте могут использоваться имена и фамилии близких или знакомых автору и адресату людей, а также малоизвестные географические названия, знакомые автору и адресату. Прецедентные антропонимы, мифонимы и поэтонимы обычно используются для автохарактеристики, а также для именования адресата или лиц, о которых ведется речь в письме, что позволяет придать эпистолярной коммуникации шутливую или ироническую окраску.

Кроме того, установлено, что выявление индивидуально-авторских особенностей употребления топонимов и этнонимов позволяет осуществить характеристику языковой личности автора писем, а установление специфики использования антропонимов, библионимов и прецедентных онимов может быть использовано для описания его эпистолярного идиостиля.

Глава 4.
Коммуникативно-прагматический анализ эпистолярных высказываний в русле лингвокультурологии

В последние годы письмо рассматривается лингвистами как тип дискурса [Троицкий 1999; Сыщиков 2000; Курьянович 2001, 2013а,в; Кабанова 2004; Сапожникова 2005; Гусева 2006; Кыштымова 2008; Фесенко 2009; Чаркин 2012; Каленова 2016 и др.].

В современной науке термин «дискурс» является одним из самых употребительных и в то же время одним из самых многозначных, поскольку данный феномен подвергается анализу с различных точек зрения. В частности, в прагмалингвистике дискурс рассматривается как взаимодействие участников общения с целью обмена информацией, оказания воздействия друг на друга с использованием различных коммуникативных стратегий, реализуемых вербальными и невербальными средствами, т.е., иными словами, как процесс коммуникации. Минимальной единицей дискурса является РА, или, в иной терминологии, речевой жанр (см.: [Шмелева 1997]).

Дискурс соотносится с понятиями «текст», «высказывание», «стиль». Под дискурсом понимается сложное явление, представляющее собой совокупность акта создания речевого произведения и экстралингвистических факторов – знаний о мире, намерений, установок и конкретных целей говорящего субъекта. Дискурс рассматривается как вид деятельности, в котором отражено все богатство реальной ситуации, в том числе личности коммуникантов, их мотивы, интенции, социальные статусы и т.п.

Вслед за О.П. Фесенко, мы понимаем под эпистолярным дискурсом «речевое произведение, созданное и функционирующее с учетом определенной национально-временной эпистолярной традиции, имеющее

письменную форму и реализующееся во всем многообразии его когнитивно-коммуникативных функций» [Фесенко 2008: 140]. Анализ эпистолярного текста как дискурса дает возможность исследователю представить письмо «как сложное коммуникативное явление, связанное не только с актом его создания, но и со значительным количеством экстралингвистических факторов – знаний о мире, намерений, установок и конкретных целей говорящего, который является создателем дискурсивного текста» [Рогалева, 2005: 6].

Специфика частных писем состоит в том, что они, с одной стороны, приближены к устной речи, поскольку автор в них выступает как говорящий субъект, который строит монолог, обращенный к определенному адресату; с другой стороны, удаленность адресата в пространстве и времени обусловливает необходимость максимально точной передачи коммуникативных намерений автора письма. Следовательно, эпистолярный текст представляет собой многомерное и разноплановое образование, сочетающее свойства устной и письменной речи.

Анализ частных писем с позиции теории речевых актов (см.: [Остин 1986; Серль 1986]) позволяет выявить наиболее частотные коммуникативные установки, реализуемые пишущим субъектом: сообщение информации, значимой для него и / или адресата, вопросы к адресату или его коммуникативному окружению, интенции, связанные с соблюдением речевого этикета – приветствие, поздравление, пожелание, благодарность, извинение, прощание и нек. др. (подробнее об этом см. в работах: [Виноградова 1991; Кулинич 2007 и др.]).

У истоков традиции, в соответствии с которой письмо рассматривается как жанр речи, находится концепция М.М. Бахтина. Автор полагает, что речь в типичных ситуациях реализуется посредством уже готовых форм – речевых жанров; каждый из них характеризуется единством тематического содержания, стиля и композиции. Подчеркивая

многообразие и разнородность речевых жанров, ученый включает в их состав и письмо (см.: [Бахтин 1996: 159-160]).

Идеи М.М. Бахтина в области классификации речевых жанров определили место письма в рассматриваемой «системе координат». В частности, в его работах речевые жанры делятся на первичные (простые) и вторичные (сложные) [Там же: 161].

В дальнейшем исследователи сходятся в определении письма как вторичного речевого жанра. Так, по мнению Ст. Гайды, письмо представляет собой сложный речевой жанр, под которым понимается типизированная последовательность речевых актов и структура которого имеет относительно конвенциональный характер (см.: [Гайда 1999: 104]).

О.П. Фесенко, анализируя текст дружеского письма через призму понятия «дискурс», приходит к выводу, что эпистолярий – не что иное, как гипержанр. Автор отмечает, что «набор речевых жанров, составляющих структуру эпистолярного дискурса, будет зависеть от экстралингвистических факторов (личностей автора и адресата, их коммуникативных установок и ситуации общения)» [Фесенко 2008: 174].

Подобной концепции придерживается и А.В. Курьянович: «Эпистолярий представляет разновидность открытой (незамкнутой) интерактивной коммуникации, специфика которой состоит в предписывающем (обязательном) характере межличностного диалога (прямой и обратной связи между конкретными участниками общения). Коммуникативная стратегия эпистолярного текста разворачивается в соответствии с законом эпистолярного бинома: “письмо-стимул” – “письмо-ответ” при необходимом условии смены ролей “адресант – адресат”. В этом случае чрезвычайно важным оказывается пресуппозиционный фон, помещающий взаимодействие в рамки ретро- и проспективного контекста» [Курьянович 2013б: 87].

Используя известную классификацию речевых жанров, созданную Т.В. Шмелевой, где главным критерием разграничения жанров является

коммуникативная цель [Шмелева 1997], А.В. Курьянович представила типологию первичных речевых жанров, составляющих письмо [Курьянович 2002: 114].

Специалисты в области лингвокультуроведения отмечают, что РА, или, в иной терминологии, речевые жанры, «выделенные данным языком, являются <…> одним из лучших ключей к культуре данного общества» [Вежбицка 1997: 111]. Прежде всего, это проявляется в том, что «жанровое своеобразие каждой культуры определяется <…> набором жанров и содержательными характеристиками, которыми наделяется каждый жанр в данной культуре» [Дементьев 2007: 6]. Следовательно, речевой жанр может рассматриваться как лингвокультурный концепт (см. об этом в работе: [Кусов 2004]). Кроме того, частотность использования того или иного РА может служить средством характеристики конкретной языковой личности, т.е. представлять специфику эпистолярного идиостиля автора (подробнее об этом см.: [Акимова 2009а]).

По мнению ученых, особенно ярко выражена национально-культурная специфика речевой коммуникации в жанрах фатического общения: «фреймы речевой фатики в значительной степени определяются традициями той или иной культуры <…>. Потому здесь большую роль играют социально-культурные стереотипы речевого поведения носителей языка» [Седов 2007: 25].

Следовательно, при рассмотрении РА, включенных в русское частное письмо, с точки зрения их оформления и содержания, можно выявить национально-культурную специфику русскоязычной эпистолярной коммуникации.

4.1. Формальные и содержательные характеристики речевых актов, включенных в русские частные письма XIX-XX вв.

В работе рассмотрены следующие РА, имеющие наибольшую частотность в анализируемом материале: приветствие и прощание,

благодарность, извинение, поздравление, пожелание, приглашение, просьба, упрек.

4.1.1. РА приветствия и прощания

Эпистолярный текст, как известно, состоит из зачина, основной (содержательной) части и концовки. Зачин и концовка образуют этикетную рамку письма, языковыми средствами выражения которой являются этикетные эпистолярные формулы, прежде всего – формулы приветствия и прощания.

Отбор эпистолярных формул, производимый автором эпистолярного текста, обусловлен в первую очередь характером письма. На основе данного критерия традиционно выделяются следующие виды писем: деловые и официальные письма, этикетные письма (поздравления, приглашения, соболезнования и т.п.), рекомендательные письма, бытовые или обиходные письма (письма к родным, дружеские письма), интимные письма (письма-дневники, письма-исповеди), литературные письма (в том числе и открытки), эпистолярная литература (см.: [Балакай 2002: 7]). Кроме того, выбор формул обусловлен особенностями эпистолярного идиостиля автора письма, а также его интенциями.

Бытовое, или, в иной терминологии, частное письмо представляет собой письменную фиксацию устного диалога, участники которого, будучи разделены во времени и пространстве, руководствуются принципом «пишу как беседую». Поэтому употребление эпистолярных формул здесь менее жестко регламентировано по сравнению с другими видами письма. И тем не менее определенные закономерности употребления клишированных выражений существуют и в частных письмах. Так, можно выявить тенденции использования типизированных выражений приветствия и прощания, характерные как для эпистолярия одного автора, так и для эпистолярного дискурса в целом.

Приветствие в дружеских письмах обычно оформляется в виде обращения, которое обычно состоит из имени адресата и может сопровождаться прилагательными *дорогой, милый* и нек. др., а также существительными, указывающими на родственные или дружеские отношения пишущего с адресатом: ***Милый*** *Бестужев* [П1: 159]; ***Милый, милый****, тысячу раз* ***дорогой друг*** *мой Машенька* [Т1: 605]; *Дорогой* ***брат*** *Миша!* [Ч1: 10]; ***Дружище*** *Вы мой* ***хороший!*** [Г1: 48]; ***Дорогой*** *Островский!* [Ш: 258]; ***Дорогой*** *Валентин!* [А: 219].

В письмах XIX в., обращаясь к близким родственникам, автор может использовать вместо стандартного определения его окказиональный аналог, связанный обычно с известными автору событиями недавнего прошлого, имевшими место в жизни адресата: ***Благоразумный*** *Левинька!* [П1: 139]; ***Доброкачественный*** *брат мой, Александр Павлович!* [Ч1: 13], ***Карантинно-таможенный*** *Саша!* [Ч1: 71].

В письмах к членам семьи (чаще – к женам) обращения могут сопровождаться этикетными словами со значением приветствия: ***Здравствуй****, женка, мой ангел* [П2: 658], ***Здравствуй****, милая моя Олюша, как поживаешь?* [Ч2: 481]; *Моя славная и родная,* ***здравствуй!*** [Ш: 29]; *Маня и ребята,* ***здравствуйте!*** [А: 49]. В письмах В.П. Астафьева этикетные слова со значением приветствия часто предшествуют обращению и в письмах к друзьям: ***Привет****, Володя!* [А: 19]; ***Здравствуй****, Иван!* [А: 27].

В частных письмах XIX – начала XX в. инициальные обращения нередко отсутствуют (особенно четко данная тенденция прослеживается в письмах Л.Н. Толстого), этикетные слова приветствия отмечены только в письмах к членам семьи. Противоположная закономерность прослеживается в эпистолярии XX в.: дружеские письма М.А. Шолохова всегда начинаются высказыванием с обращением, а в письмах к жене обращение сопровождается этикетными словами приветствия; в письмах В.П. Астафьева практически всегда присутствуют начальные обращения, в большинстве случаев сопровождаемые словами приветствия.

В письмах XIX – начала XX в. функцию приветствия может выполнять высказывание с интенцией поздравления: ***Поздравляю*** *тебя со днем твоего ангела, мой ангел, целую тебя заочно в очи …* [П3: 140]; ***С праздником****, милый друг Маша!* [Т1: 400]; ***Христос воскрес****, милейший Николай Александрович!* [Ч1: 128]; ***С Новым годом!*** [Г1: 52]. Подобные высказывания отмечены в нашем материале и в финале письма, однако они не берут на себя роль, характерную для эпистолярных формул прощания.

Прощание в бытовых письмах, как правило, включает в себя несколько эпистолярных формул, некоторые из которых дублируют друг друга. В частности, используются следующие эпистолярные формулы: а) этикетные слова, употребляемые при завершении общения: *прощай, до свидания* и нек. др.; б) перформативы, т.е. слова, обозначающие действия, производимые в момент речи (в данном случае – при прощании): *жму руку, целую, обнимаю, кланяюсь* и т.п.; в) высказывания с интенцией пожелания, из которых наиболее частотным является пожелание здоровья: *будь(те) здоров(ы)* и нек. др.

Отбор эпистолярных формул обусловлен несколькими факторами: нормами речевого этикета, принятыми в ту или иную эпоху; индивидуальными предпочтениями автора письма; отношениями пишущего с адресатом. Рассмотрим конкретные примеры использования формул прощания в неофициальных письмах.

Так, в финале писем А.С. Пушкина к друзьям используется ограниченных набор формул прощания: *прощай,* обычно с обращением: ***Прощай****, душа моя! <…>* ***Прощай*** *еще раз* [П1: 140]; ***Прощай****, моя радость* [П1: 144]; ***Прощай****, поэт* [П1: 343]; *обнимаю*: ***Обнимаю*** *тебя…* [П1: 191]; ***Обнимаю*** *тебя, моя радость,* ***обнимаю*** *и крошку Всеволодчика* [П1: 293]. Обе формулы прощания могут использоваться одновременно: ***Прощай****, Эсхил,* ***обнимаю*** *тебя, как поэта и друга...* [П1: 106].

В письмах Л.Н. Толстого к друзьям и родственникам наиболее частотной формулой прощания также является *прощай,* используемая как

отдельно, так и в сочетании с другими эпистолярными формулами, обозначающими прощание: ***Прощай**, душа моя, пиши мне, целуй Валерьяна и детей. <…> Еще раз **прощай**, милый друг…* [Т1: 399]; *Затем **прощайте**, очень кланяйтесь всем вашим…* [Т1: 509]. ***Прощайте**, голубчик, милейшая барышня, жму вашу милую руку, Христос с вами* [Т1: 440]; *Затем **прощайте**, от души жму вам руку и желаю всего лучшего* [Т1: 507].

Данные формулы отмечены в письмах Л.Н. Толстого и без слова *прощай*: *От души целую ваши и бабушки Лизы руки, славному Ребиндеру желаю успеху, твердости духа и дружески жму руку* [Т1: 487]; *Тетеньке целую ручки* [Т1: 426].

В письмах А.П. Чехова к близким, напротив, слово *прощай* практически всегда используется в сочетании с другими эпистолярными формулами прощания: ***Прощай**, желаю тебе всего лучшего. Поклон Лизе и Грише и твоим товарищам* [Ч1: 7]; ***Прощай**… Жму тебе руку и желаю тебе купно с твоей семьей всех благ* [Ч1: 50]. Однако в письмах А.П. Чехова, относящихся к рубежу XIX-XX вв., данная формула сменяется формулой *будь здоров и благополучен / богом храним / весел*, и тем самым она может быть охарактеризована как составляющая эпистолярного идиостиля писателя (Отметим, однако, что формула *будь здоров и весел* активно использовалась на рубеже веков в письмах владимирского купечества (см.: [Фалина 2008: 264]).): ***Будь здоров и богом храним*** [Ч2: 153]; ***Будь здоров и весел*** [Ч2: 205]. Данная формула также может использоваться в сочетании с другими, более традиционными для эпистолярия: ***Будь здоров и благополучен**. Жму руку* [Ч2: 152]; *А пока **будь здоров и благополучен**… Обнимаю тебя и крепко жму руку. Передай поклон Екатерине Николаевне* [Ч2: 499].

В дружеских письмах М. Горького наиболее частотной является эпистолярная формула *жму руку*, которая обычно используется в сочетании с формулами пожелания и может сопровождаться пожеланиями или распространяться: *Крепко **жму** Вам **руку**, здоровья Вам! здоровья и*

бодрости духа и желании работать больше [Г1: 57]; *Желаю же Вам здоровья, бодрости духа, веры в себя, и – да здравствует жизнь!.. Крепко* ***жму руку*** *Вашу, талантливую Вашу руку* [Г1: 54].

В неофициальных письмах М.А. Шолохова используются разнообразные формулы прощания, как одиночные, так и составные: *Ну,* ***будь здоров****, дорогой!* [Ш: 137]; ***Обнимаю*** *всех вас!* [Ш: 146]; *С* ***приветом*** [Ш: 50]; *Крепко* ***жму руку****. <…> Привет Игорю, Маргарите, дедушке, ежели он в Москве. Желаю Вам всего, всего хорошего* [Ш: 89]; ***Обнимаю*** *всех вас, крепчайше жму руки. <…> Желаю Вам в течение ближайших пятилеток ни в коем разе не болеть. Лучше уж я за Вас поболею. Ну,* ***будьте здоровы****…* [Ш: 93]; *Ото всех наших* ***привет****. Я почтительно* ***кланяюсь*** *Игорю Константиновичу и его жене, Вале –* ***привет****. Вам крепко* ***жму руку*** [Ш: 154].

Разнообразие формул прощания характерно и для эпистолярия В.П. Астафьева: ***Обнимаю*** [А: 102]; ***С приветом*** [А: 15]; ***Привет*** *семье* [А: 124]; *Ну,* ***будь здоров****.* ***Жму руку*** [А: 10]; *Ну,* ***будь здоров****.* ***Обнимаю*** *тебя* [А: 27]; *Ну,* ***будь здоров****.* ***Привет*** *семье.* ***Обнимаю*** [А: 43].

Как видим, наиболее употребительная формула прощания в XIX в. – *прощай* – в XX в. сменяется формулами *будь здоров* и *жму руку*. В дружеских письмах М. Горького и В.П. Астафьева находим примеры трансформации второй формулы: ***Жму лапку*** [Г1: 48]; *До свидания!* ***Жму*** *Вам* ***лапу****, да поможет Вам море и воздух, и пусть не трогает Вас исправник* [Г1: 36]; ***Жму лапу*** [А: 31]; ***Жму*** *крепко ваши* ***лапы*** [А: 19]; ***Жму*** *крепко* ***лапу*** [А: 39]; ***Жму*** *Вашу* ***трудовую*** [А: 86]. Употребление слова *лапа* вместо слова *рука*, а также незамещенная позиция существительного в последнем примере призваны придать прощанию ироническую окраску, а письму в целом – более непринужденный тон.

Среди эпистолярных формул прощания в семейных письмах, т.е. в письмах к жене и детям, наиболее частотным является слово *целую*. Нередко эта формула используется как единственная при прощании: ***Целую***

тебя, женка, мой ангел [П2: 659]; ***Целую*** *тебя, душенька, и детей; будь спокойна и не волнуйся. Андрюшу особенно* ***целую*** [Т1: 828]; *Итак, я тебя* ***целую*** [Ч2: 441]; *Ну,* ***целую, целую*** *всех, тебя и Светика в особенности* [Ш: 71]; ***Целую*** *вас* [А: 62].

Слово *целую* может быть использовано и в сочетании с другими формулами прощания: ***Кланяюсь*** *и* ***целую*** *ручку с ермоловской нежностию Катерине Ивановне. Тебя* ***целую*** *крепко и всех вас* ***благословляю****: тебя, Машку и Сашку. Кланяйся Вяземскому…* [П3: 134]; ***Прощай****, душенька,* ***целую*** *тебя и детей* [Т1: 668]; *Ну, дуся, славная моя актрисочка,* ***до свиданья****!* ***Целую*** *тебя крепко* [Ч2: 449]; ***До свидания****!* ***Целую*** [Г1: 283]; ***Целую*** *мою милую дочурку крепко-раскрепко! Тебя* ***целую*** *еще крепче! Ну,* ***до свиданья****, милая!* [Ш: 32].

В целом можно отметить тенденцию, отмеченную ранее при анализе формул прощания в письмах к друзьям и родным, а именно смену ведущей формулы *прощай* на формулу *будь(те) здоров(а,ы)*. Ср.: в письмах А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого: ***Прощай****, душа. <…> Целую и благословляю всех вас. Кланяюсь и от сердца благодарю тетку Катерину Ивановну за ее милые хлопоты. Прощай* [П3: 176]; ***Прощай****, душенька, до свиданья* [Т1: 677] – в письмах А.П. Чехова, М. Горького, М.А. Шолохова: ***Будь здорова****, немочка моя добрая, славная, тихая моя. <…> Обнимаю и горячо целую,* ***будь здорова*** *и весела* [Ч2: 463]; *Жду писем твоих и крепко жму руку. От всей души* ***желаю*** *тебе, друг мой,* ***здоровья****, хорошего настроения. До свидания* [Г1: 319]; ***Будьте здоровы****, мои дорогие! Крепко вас обоих целую, желаю бодрости, не скучайте!* [Ш: 80].

Письма, в которых автор выражает негативное отношение к поведению адресата (их можно для краткости назвать сердитыми), составляют весьма небольшой процент от всего числа писем к друзьям и родственникам. И тем не менее можно выявить некоторые закономерности в употреблении эпистолярных формул приветствия и прощания в письмах с интенцией упрека. В частности, в сердитых письмах А.С. Пушкина и

Л.Н. Толстого формулы приветствия и прощания отсутствуют (исключение составляет обращение, которое, однако, подчеркивает раздражение автора: ***Безалаберный*** [П1: 75]). Одно из сердитых писем М. Горького также иллюстрирует данную закономерность (ниже приводятся цитаты начала и конца письма, разделенные знаками «<…>»): *Положим, что я – «**многоуважаемый**», а Вы, надо думать, – неумный. <…> Неужели, черт, в этом Вашем дурацком Петербурге так-таки уж и некому заменить Вас?* [Г1: 42-43]. Однако в другом письме, реализующем негативное отношение автора к адресату, М. Горький использует формулы приветствия и прощания: ***Уважаемый*** *Владимир Феофилович! <…>* ***Всего доброго!*** [Г1: 130]. Обращает на себя внимание их стандартизованность, клишированность и одиночное употребление формулы прощания. Данная закономерность четко прослеживается в сердитых письмах М.А. Шолохова и В.П. Астафьева: ***Дорогой*** *тов. Рахилло! <…>* ***С приветом*** [Ш: 493]; ***Дорогой*** *Иван! <…>* ***Будь здоров*** [А: 57].

Таким образом, анализ употребления формул приветствия и прощания в бытовых письмах классиков русской литературы XIX-XX вв. позволяет сделать следующие выводы: 1) использование / отсутствие тех или иных формул обусловлено в первую очередь характером взаимоотношений с пишущего с адресатом, а именно степенью близости отношений и эмоциями, который говорящий испытывает к адресату; 2) в финале письма обычно употребляется не одна, а несколько формул прощания, дублирующих или дополняющих друг друга; 3) возможна трансформация формул, которую можно рассматривать как черту эпистолярного идиостиля автора; 4) на рубеже веков происходит изменение закономерностей употребления рассматриваемых формул: их использование становится обязательным даже в письмах с ведующей интенцией упрека, а типичная для XIX в. формула прощания *прощай* заменяется формулой *будь(те) здоров(а,ы)*.

4.1.2. РА благодарности

В целом количественный анализ высказываний, представляющих РА благодарности, показал, что они весьма частотны в русских неофициальных письмах. Так, в 628 письмах А.С. Пушкина содержится 112 анализируемых единиц, в 1076 письмах Л.Н. Толстого – 422 единицы, в 895 письмах А.П. Чехова – 286, в 1195 письмах М. Горького – 377, в 499 письмах М.А. Шолохова – 57, в 627 письмах В.П. Астафьева – 188. Следовательно, РА благодарности содержится приблизительно в каждом третьем письме Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, М. Горького и В.П. Астафьева, в каждом шестом письме А.С. Пушкина и в каждом девятом – М.А. Шолохова (см. диаграмму 1 приложения 4).

По мнению ученых, в роли маркеров РА благодарности выступают слова *спасибо, благодарю, благодарность, признательность, благодарен, признателен* (см.: [Бердникова 2005: 7]). Действительно, кроме перформатива *благодарю*, к частотным средствам выражения РА благодарности в русском языке относятся следующие высказывания: *(Большое / огромное) спасибо; Я вам (тебе) так благодарен / благодарна; Я вам (тебе) (очень / крайне) признателен (признательна); У меня нет слов для благодарности* (см.: [Ларина 2009: 268]).

Исследователи отмечают, что в русском языке используется гораздо меньше формул выражения благодарности, чем в английском, для которого также характерно усиление благодарности посредством различных интенсификаторов [Там же: 268]. Более того, «анализ контекстов современной художественной литературы и публицистики указывает на стремительное сокращение словаря благодарности и тенденцию к унифицированию способов выражения чувства благодарности: наиболее часто для выражения благодарности, независимо от стилевой принадлежности текста, выступает лексема *спасибо*» [Бердникова 2005: 7].

Данные наблюдения находят подтверждение и в исследуемом материале (см. диаграмму 2 приложения 4). В частности, в письмах,

написанных в XIX в. и на рубеже XIX-XX вв., наряду с привычными единицами *благодарю*, *спасибо*, *благодарен*, встречаются следующие этикетные формулы благодарности: *приношу / позвольте принести / спешу выразить благодарность*; *примите* / *прошу принять благодарность*; *не знаю, как благодарить*; *не могу / не нахожу слов, чтобы выразить благодарность* и нек. др. Напротив, в письмах М.А. Шолохова и В.П. Астафьева подавляющее количество высказываний, реализующих РА благодарности, включает слова *спасибо* и *благодарю*. При этом с течением времени частотность слова *благодарю* уменьшается, а у *спасибо*, напротив, увеличивается (ср.: в письмах А.С. Пушкина отмечено 79 с/у лексемы *благодарю* и 3 – *спасибо*, в письмах Л.Н. Толстого – 172 и 65 с/у соответственно, в письмах А.П. Чехова – 88 и 181 с/у, М. Горького – 73 и 233 с/у, М.А. Шолохова – 18 и 47 с/у, В.П. Астафьева – 40 и 124 с/у).

Кроме того, интенсификаторы, используемые в формулах выражения благодарности, в анализируемом материале не отличаются разнообразием. В частности, отмечены следующие лексемы: *искренно, сердечно, очень / очень-очень, от (всего) сердца (благодарю, благодарен)*; *большое, горячее, сердечное (спасибо)*; *(примите) искреннюю, сердечную (благодарность)*. При этом в письмах, относящихся к XX в., большинство высказываний, реализующих коммуникативное намерение благодарности, не содержит вышеперечисленных единиц.

Высказывания, реализующие РА благодарности в русском эпистолярном тексте, с точки зрения содержания можно классифицировать следующим образом (ниже представлены только группы, в которых общее количество с/у анализируемых единиц составляет более 10; см. таблицу 1 приложения 4):

1) благодарность за письмо:

а) в целом, как знак внимания и хорошего расположения адресата к автору (всего 163 с/у, из них в письмах А.С. Пушкина – 25, Л.Н. Толстого – 41, А.П. Чехова – 38, М. Горького – 36, М.А. Шолохова –

10, В.П. Астафьева – 13): *Сейчас получил письмо твое – **благодарю**, душа моя* [П2: 260]; ***Спасибо** вам за ваше письмо, дорогой Николай Николаевич* [Т2: 245]; ***Спасибо** Вам за письмо, добрейший Александр Семенович* [Ч1: 192]; *Милый друг мой, получил твое письмо из Берлина – **спасибо** тебе!* [Г2: 347]; *Дорогие Раиса Александровна и Василий Петрович! Письмо ваше получили. **Спасибо*** [Ш: 586]; *Дорогие Таня! Анна Тимофеевна! Незабвенная и дорогая тетя Уля! Кланяюсь вам и всем вашим близким, **благодарю** за письмо, которое так долго искало меня и нашло!* [А: 328];

б) за выражение эмоционального отношения адресата к сообщаемому или автору письма (всего 80 с/у; из них 7, 18, 19, 21, 4, 11 с/у соответственно отмечены в эпистолярии вышеназванных авторов): *Очень вас **благодарю** за ваше откровенное и решительное письмо. Оно очень мило, потому что носит верный отпечаток вашего пылкого и нетерпеливого характера* [П3: 465]; *Очень, очень **благодарен** вам, Некрасов, за искренность вашего письма* [Т1: 498]; ***Спасибо** Вам, дорогой Василий Иванович, за Ваше милое письмо, очень оно тронуло меня, напомнив хорошие дни* [Г2: 275]; *Дорогие друзья, военные моряки! Большое **спасибо** за теплое письмо и за внимание к моему творчеству* [Ш: 445]; ***Благодарю** Вас за письмо, за поддержку, столь мне сейчас необходимую…* [А: 525];

в) за сообщение новой для автора информации (46; 11, 10, 11, 13, 1, 0 с/у): ***Благодарю** тебя, мой Ангел, за добрую весть о зубке Машином* [П3: 257]; ***Спасибо**, милый друг Поша, за ваше подробное письмо о своей семейной жизни* [Т3: 555]; ***Благодарю** Вас, Алексей Сергеевич, за Савину, т.е. за весть о ней* [Ч1: 304]; *Дорогой мой друг – сердечное, горячее **спасибо** Вам за добрую весть о здоровье Маруси!* [Г1: 359]; *Дорогой тов. Посвянский! **Спасибо** за уведомление* [Ш: 25];

2) благодарность за присылку:

а) какого-либо предмета, обещанного адресатом ранее или попрошенного автором у адресата (297; 20, 80, 84, 87, 9, 17 с/у): *Сердечно **благодарен** за статью, которую я так долго ожидал* [П3: 487]; ***Спасибо**,*

любезный Леонид Осипович, за присланные рисунки [Т3: 576]; *Гонорар получил,* ***спасибо*** [Ч1: 346]; *Получил Вашу книжку. Сердечное* ***спасибо!*** [Г1: 68]; *Рыбу получил.* ***Спасибо*** [Ш: 310]; *... Деньги от вас вчера получил и еще бандероль.* ***Спасибо*** *за то и за другое, особенно за деньги* [А: 44];

б) подарка (28; 3, 4, 6, 10, 1, 4 с/у): *Милостивая государыня матушка Наталия Ивановна, искренно* ***благодарю*** *Вас за подарок, который изволили Вы пожаловать моему новорожденному и который пришел очень кстати* [П3: 364]; ***Благодарю*** *вас, милая Софья Александровна, за подарок. Очень рад буду, если удастся написать вашим карандашом что-нибудь такое, что понравилось бы и мне и вам* [Т3: 702]; *За подарок сердечно* ***благодарю*** [Ч1: 555]; *Книги Ваши пришли, сердечно* ***благодарю*** *Вас за этот подарок, очень дорогой мне* [Г2: 284]; *Сердечное* ***спасибо*** *виноградарям и виноделам Грузии, работникам «Самтреста», тебе, дорогой друг, за добрый подарок. Ваше вино впитало в себя из многих чудесных качеств грузинского народа три отличных качества: крепость, нежность, стойкость* [Ш: 529]; ***Спасибо*** *за подарок, очень и очень хороший, хотя и не очень полный томик* [А: 305];

в) письма и какого-либо другого предмета (90; 4, 19, 18, 17, 18, 14 с/у): ***Позвольте принести*** *Вам глубочайшую мою* ***благодарность*** *за письмо, драгоценный знак Вашей благосклонности, и за снимок с печати Самозванца, который я тотчас и отдал гравировать* [П3: 244]; *Получил ваши оба письма и* ***благодарю*** *вас за них, за статьи и портреты* [Т2: 223]; *Письмо, корректуру и лист моей книги получил и шлю* ***спасибо*** *за хлопоты* [Ч1: 75]; ***Спасибо****, брат, за присланную книгу и за интересное письмо* [Г1: 204]; ***Спасибо*** *за рыбку, за письмо, за добрые слова* [А: 616];

3) благодарность за помощь:

а) автору (59; 9, 27, 8, 7, 1, 7 с/у): *Милый Алексей Николаевич, чувствительно* ***благодарю*** *вас за дружеское исполнение моих препоручений и проч.* [П1: 548]; *Очень* ***благодарю*** *вас за старание защитить «Ночь весною» от цензуры...* [Т1: 396]; ***Спасибо****, что помещаете мои статейки*

[Ч1: 293]; *Сердечно* ***благодарен*** *за хлопоты и заботы о нуждишках моих книжных...* [Г2: 289]; *...* ***прошу*** *еще раз* ***принять*** *мое сердечное* ***спасибо*** *за внимание ко мне и заботу* [Ш: 328]; *Надо ли говорить, как я тебе* ***благодарен*** *за приют и помощь. Бог тебе воздаст за доброту и пошлет счастья и хороших друзей твоим ребятишкам* [А: 453];

б) третьему лицу, состоящему с автором в близких отношениях (63; 0, 25, 18, 12, 0, 8 с/у): ***Благодарю*** *вас за то, что обласкали Ивана Ивановича* [Т1: 678]; ***Спасибо*** *и за хлопоты насчет нашего попечительства о приезжих* [Ч2: 385]; *А за распоряжение ваше относительно молока для Н.В. Грушко и ее ребенка – сердечно вас* ***благодарю!*** [Г2: 444]; ***Спасибо*** *тебе за «Енисей» – главное тут то, что Валя Курбатов получит хоть немного денег, бедствует парень, и все потому, что умен, сотворен нестандартно* [А: 257];

4) благодарность за создание произведения искусства, которое высоко оценил автор (22; 0, 0, 3, 3, 0, 16 с/у): *Очень много* ***благодарен*** *вам за столь любопытное и прекрасное исследование о Сильвестре* [Т1: 768]; *… Вы написали превосходную книгу, и я* ***благодарю*** *Вас от всего моего сердца* [Г2: 428]; *Хороша повесть! Чистая и горькая, как и вся жизнь наших несчастных и добрых людей, особливо женщин. Всю ты свою тихую душу, всю сосредоточенно-умную печаль вложил в эту вещь.* ***Спасибо*** *тебе, особенно за язык – так он меня порадовал своей земной первозданностью, своей обыденной красотой и благозвучностью* [А: 150].

Уменьшение количества высказываний, реализующих этикетную благодарность (см. пп. (1а), (1в)), в письмах М.А. Шолохова и В.П. Астафьева может свидетельствовать о факультативности этикетной благодарности в письмах начиная с середины XX в. Большое количество РА благодарности, включенных в п. (4), в письмах В.П. Астафьева можно рассматривать как проявление одной из черт эпистолярного идиостиля данного автора.

По замечанию исследователей, при выражении благодарности английские коммуниканты являются более многословными, чем русские. Они реже ограничиваются одной репликой и, как правило, добавляют к ней повторную реплику-благодарность; также это может быть комплимент, похвала или оценочная реплика (см.: [Ларина 2009: 270]).

В анализируемом нами материале данное наблюдение находит лишь частичное подтверждение. Действительно, при выражении этикетной благодарности автор письма, как правило, ограничивается одной репликой (см. вышеприведенные примеры из пп. (1а), (1в)). Однако, выражая искреннюю благодарность, адресант нередко добавляет к высказыванию оценочную реплику (см., в частности, примеры из пп. (1б), (2б), (4)).

Кроме того, для выражения искренней благодарности в письмах XIX – начала XX в. может быть использован повтор благодарности, преимущественно в конце письма: *Душа моя,* ***спасибо*** *за «Стихотворения Александра Пушкина», издание очень мило; кое-где ошибки, это в фальшь не ставится.* ***Еще раз благодарю*** *сердечно и обнимаю дружески* [П1: 578]; *Очень* ***благодарен*** *вам, Павел Елисеевич, за присланное прекрасное издание о Грибоедове и за обещание (если я верно понял) прислать «Русскую правду» Рылеева. <…>* ***Еще раз благодарю*** *вас за ваш подарок, остаюсь уважающий и помнящий вас Лев Толстой* [Т3: 642-643]; *Дорогая Вера Федоровна, большое Вам* ***спасибо*** *за письмо. Не спасибо, а* ***спасибище*** *– вот как! <…> Еще раз большое Вам* ***спасибо*** *за письмо* [Ч2: 521]; ***Спасибо*** *Вам, дорогой Василий Иванович, за Ваше милое письмо, очень оно тронуло меня, напомнив хорошие дни. <…> А Вам* ***еще раз спасибо*** *и крепко жму руку* [Г2: 227-228]; *Светлана!* ***Спасибо*** *тебе за книги и за помощь с рукописью <…> Ну ладно,* ***еще раз спасибо!*** [А: 495-496].

Таким образом, в РА благодарности, используемых в русских частных письмах, находит отражение национально-культурная специфика русскоязычного общения, в котором отчетливо представлен приоритет искренности над формальной вежливостью. Данная специфика

коммуникации проявляется в эпистолярном тексте как на содержательном уровне (благодарность всегда имеет объект, при этом с течением времени этикетная благодарность становится необязательной), так и на формальном (используется сравнительно небольшое количество формул благодарности, авторы стремятся к унификации средств выражения благодарности). Кроме того, оформление пожеланий отражает эволюцию менталитета носителей русского языка, обусловленную изменением жизненного уклада людей.

4.1.3. РА извинения

Количественный анализ высказываний, представляющих РА извинения, показал, что они весьма частотны в русских неофициальных письмах. Так, в 628 письмах А.С. Пушкина содержится 83 с/у таких высказываний, в 1076 письмах Л.Н. Толстого – 251 с/у, в 895 письмах А.П. Чехова – 198 с/у, в 1195 письмах М. Горького – 220 с/у, в 499 письмах М.А. Шолохова – 36 с/у, в 627 письмах В.П. Астафьева – 94 с/у. Следовательно, РА извинения содержатся приблизительно в одном из четырех писем Л.Н. Толстого, в одном из пяти писем А.П. Чехова и М. Горького, в одном из семи писем В.П. Астафьева, в одном из восьми – А.С. Пушкина и в одном из двенадцати писем М.А. Шолохова (см. диаграмму 3 приложения 4). Как видим, количество высказываний с интенцией извинения в письмах обусловлено не столько их временной принадлежностью, сколько индивидуально-авторскими предпочтениями.

Исследователи отмечают, что «в русском языке основной формулой извинения является *Извини(те)*, реже употребляется *Прости(те)*. <…> Данные формулы представляют собой скрытую просьбу, что подтверждает часто добавляемое слово *пожалуйста* <…>, а также наличие такой формулы извинения, как *Прошу прощения*, употребляемое людьми старшего возраста. Побуждение, содержащееся в формулах *Извините / Простите* может быть усилено при помощи интенсификаторов *ради Бога! / ради Христа!*: *Простите ради Бога!*» [Ларина 2009: 91].

В исследуемом материале, напротив, первое место по частотности занимают высказывания, в которых в роли предикативного центра выступает глагол *простить* в форме повелительного наклонения. Глагол *извинить* в составе высказывания, реализующего РА извинения, в эпистолярном тексте используется реже. Так, словоформа *Прости(те)* используется в пять раз чаще словоформы *Извини(те)* в письмах Л.Н. Толстого (112 и 23 с/у соответственно) и А.П. Чехова (123 и 27 с/у), в эпистолярии М.А. Шолохова – в три раза чаще (12 и 4 с/у). Менее значимы различия в количестве употреблений данных слов в письмах М. Горького (80 и 66 с/у) и В.П. Астафьева (44 и 28 с/у). И только в эпистолярии А.С. Пушкина наблюдается обратное соотношение количества рассматриваемых единиц (17 и 24 с/у).

В письмах XIX – начала XX в. также активно используются словоформы *Виноват* (в письмах А.С. Пушкина – 23 с/у, Л.Н. Толстого – 30 с/у, А.П. Чехова – 8 с/у, М. Горького – 9 с/у) и *Не серди(те)сь* (13, 39, 26, 28 с/у соответственно), в письмах М.А. Шолохова и В.П. Астафьева данные единицы практически не представлены. Формула *Прошу простить* часто употребляется в письмах Л.Н. Толстого (17 с/у); формула *Не обижай(ся/тесь)* – в письмах М. Горького (20 с/у) и В.П. Астафьева (10 с/у) (см. диаграмму 4 приложения 4).

Как видим, частотность той или иной эпистолярной формулы извинения может быть использована для характеристики эпистолярного идиостиля того или иного автора.

Частотность интенсификаторов, используемых в формулах выражения извинения в эпистолярном тексте, также является средством, позволяющим выявить особенности эпистолярного идиостиля. Так, слово *пожалуйста* в рамках РА извинения активно употребляется в письмах Л.Н. Толстого (45 с/у), значительно реже – в эпистолярии других авторов (у А.П. Чехова и В.П. Астафьева – по 6 с/у), М. Горького – 4 с/у,

А.С. Пушкина – 2 с/у. В письмах М.А. Шолохова данный интенсификатор РА извинения не отмечен.

Интенсификатор *ради Бога / ради Христа* (в письмах А.П. Чехова также отмечен вариант *ради создателя*) представлены в эпистоляриях Л.Н. Толстого (6 с/у), А.П. Чехова (8 с/у) и В.П. Астафьева (6 с/у) (см. диаграмму 5 приложения 4). Можно предположить, что колебания в частотности употребления данного интенсификатора связаны как с изменением общественного устройства и обусловленной им установкой на избавление от религиозных традиций, так и с сознательным выбором автором письма атеизма или религиозности как способа мировосприятия.

Исследователи отмечают, что основное прагматическое значение рассматриваемого РА – «заверить адресата в том, что его заметили, его уважают и хотят поддерживать с ним бесконфликтные отношения, то есть это – знак внимания и доброжелательности» [Ларина 2009: 272]. Наряду с РА благодарности, РА извинения служат сохранению социального равновесия, «поскольку их отсутствие резко нарушает благоприятный характер общения и отношений» [Формановская 1998: 262]. Посредством извинения «говорящий стремится в личном общении исправить или даже предотвратить ситуацию, в которой его авторитету может быть нанесен ущерб неким несовпадением с ожиданиями партнера, например несоответствующим поведением. Человек, просящий извинения, тем самым просит партнера игнорировать в дальнейших отношениях возможное негативное последствие своих действий <…>, т.е. извинения произносятся в соответствии с социальной целью сохранения гармонии между участниками взаимодействия» [Ратмайр 2003: 13-14].

Следовательно, сообщения о нарушениях правил, каковыми и являются извинения, позволяют представить и описать реально существующие в тот или иной временной период правила эпистолярного общения и некоторые нормы поведения в обществе.

Высказывания, реализующие РА извинения в русском эпистолярном тексте, с точки зрения содержания можно классифицировать следующим образом (ниже перечислены только типовые ситуации, реализованные высказываниями, общее количество с/у которых составляет 10 и более; см. таблицу 2 приложения 4):

1) извинение за нарушение норм эпистолярного общения, в частности:

а) за большой интервал между получением письма и ответом на него (всего 120 с/у, из них в письмах А.С. Пушкина – 7, Л. Н. Толстого – 43, А.П. Чехова – 21, М. Горького – 11, М.А. Шолохова – 20, В.П. Астафьева – 18): ***Извините**, что до сих пор я не мог отвечать вам; разные обстоятельства, печальные и хлопотливые, мне помешали* [П1: 653]; ***Виноват**, что дня три не отвечал на ваше письмо. Я ужасно был занят все это время* [Т1: 446]; *Прежде всего **каюсь** и **извиняюсь**: не писал долго по причинам, от редакции не зависящим. То некогда было, то лень...* [Ч1: 25]; *Великодушно **извините** мне невежливость мою – до сего дня не собрался ответить на Ваши письма, посылку книг, открыток и на все лестное внимание Ваше, кое искренно ценю и за которое сердечно благодарен* [Г2: 141]; ***Простите** за мое невольное (был в отсутствии) молчание* [Ш: 251]; ***Извините**, что я не сразу ответил на Ваше письмо. Катался по Вашим родным местам на пароходе – от Перми до Астрахани и вот только прибыл домой со своим семейством* [А: 31];

б) за то, что объем письма:

а1) меньше предписываемого (35; 5, 7, 7, 8, 1, 7 с/у): ***Извините**, ежели старинный приятель пишет вам только две строчки с половиной – в будущую почту напишет он две страницы 1/2* [П1: 20]; ***Простите**, пожалуйста, что пишу два слова, лошади оседланы, погода прелестная, и я после болезни в первый раз выезжаю в поле* [Т1: 415]; *Писать больше, **извините**, не могу* [Ч2: 173]; ***Простите**, что пишу кратко, – не работает голова, и руки трясутся, – ночью был адский припадок астмы* [Г3: 22]; ***Прости** за короткое письмо, нет времени* [Ш: 232]; *Вадим, **прости**, что*

коротко. За это время почты скопилось, а мне хотелось скорее послать тебе книгу [А: 293];

б2) больше предписываемого (33; 0, 6, 14, 9, 1, 3 с/у): *Боюсь, что я вам говорю то, что вы сами лучше меня знаете, и потому* ***извините*** *меня, что я заболтался. Я так люблю это дело, и письмо ваше так расшевелило во мне старые дрожжи* [Т2: 19]; ***Простите*** *за длинноту письма и примите искренние пожелания всего хорошего от преданного А. Чехова* [Ч1: 124]; *Ну, Вы* ***простите*** *меня за это, может быть, неясное и, во всяком случае, очень длинное письмо* [Г1: 104]; ***Простите*** *за многословность письма* [Ш: 190]; ***Извините****, Владимир Матвеевич, за длинное письмо и за некоторую сумбурность* [А: 36];

в) за то, что письмо недостаточно информативно, изложение мыслей в нем недостаточно четко и связно (24; 1, 11, 4, 5, 2, 1 с/у): *Письмо мое скучно, потому что с тех пор, как я сделался историческим лицом для сплетниц Санкт-Петербурга, я глупею и старею не неделями, а часами.* ***Прости*** [П1: 38]; ***Извините*** *за бестолковость и краткость письма* [Т1: 798]; ***Простите****, что письмо похоже на винегрет. Нескладно. Ну, да что делать? Сидя в номере, лучше не напишешь* [Ч1: 457]; *Перечитав письмо, вижу, что написано оно изумляюще скверно, запутано, шероховато и вообще – пакостно! <…> Вы* ***простите*** *за всю эту болтовню* [Г1: 232]; *… сейчас 12, сижу, и перо падает из рук. Ночи короткие, и я хронически недосыпаю.* ***Простите*** *за бессвязь* [Ш: 93]; *Я сегодня уже «отстоял» смену, рука устала, поэтому* ***прости*** *за сумбур в письме* [А: 523];

2) извинение за то, что автор озвучивает свою просьбу к адресату (63; 4, 24, 16, 16, 0, 3 с/у): ***Извините****, любезный наш Аристарх, если опять беспокою вас письмами и просьбами; сделайте одолжение – доставьте письмо, здесь прилагаемое, брату моему…* [П1: 84]; *Если она* [книга. – Т.А.] *есть в продаже, то (****простите****, ради бога), когда будете у Соловьева, возьмите у него на мой счет и пришлите мне, пожалуйста* [Т1: 721]; *Еще просьба, на сей раз коммерческая: нельзя ли взять у кого-нибудь в Москве*

тысячу рублей взаймы до декабря? <…> ***Прости****, голубчик, что я беспокою тебя этой неприятной просьбой* [Ч2: 346]; ***Прости****, я должен обратиться к тебе с просьбой. Писательница Вербицкая просит меня уговорить тебя, Шаляпина, дать концерт в пользу московских учащихся женщин* [Г1: 177]; *И вот я прошу Вас помочь моему фронтовому другу купить эту самую машинёшку. Право слово, и писать об этом, и просить неловко, но Петро сейчас лежит в военном госпитале в Барнауле и Христом Богом молит меня ему помочь, а я вот Вас молю и беспокою.* ***Извините*** [А: 479];

3) извинение за то, что автор нарушил деловое обещание, данное адресату (53; 14, 7, 22, 4, 5, 1 с/у): ***Виноват****, Ваше сиятельство! кругом виноват. Приехав в деревню, думал распишусь. Не тут-то было. Головная боль, хозяйственные хлопоты, лень – барская, помещичья лень – так одолели меня, что не приведи боже* [П3: 187]; *Пожалуйста, вы на меня* ***не сердитесь*** *за то, что я опять задержал статью об искусстве* [Т2: 174]; *И на сей раз не шлю Вам рассказа. 16-го декабря и 20-го у меня экзамены. Боюсь писать.* ***Не сердитесь*** [Ч1: 38]; *Ваша «Наука и жизнь» все еще не сдана в набор, – Вы* ***извините*** *это, – невозможно сдать, некуда!* [Г2: 438]; ***Прошу прощения*** *за то, что так непозволительно долго задержал ответ и отсылку рукописи. Так сложились обстоятельства* [Ш: 358]; ***Прости****, что с большой задержкой отправляю тебе предисловие к «Последнему поклону». Худой я стал работник, учусь заново писать, каждая строка дается с большим напряжением…* [А: 715].

Как видим, судя по количеству извинений за нарушение различных конвенциональных установок эпистолярного общения в письмах, относящихся к различным временным пластам, с течением времени эпистолярный этикет остается неизменным. Наиболее часто нарушаемое требование – не задерживать ответ на письмо – отражает, вероятно, такую особенность национального менталитета, как неумение организовать собственное время, стремление делать несколько дел сразу. Отмеченная

черта проявляется и при нарушении автором письма деловых обещаний, данных адресату.

Таким образом, в результате анализа лингвистического оформления РА извинения в русском эпистолярном тексте XIX-XX вв. были установлены тенденции, связанные с выбором тех или иных речевых формул в определенные временные периоды, а также различия в употреблении интенсификаторов, используемых при реализации данной иллокуции, выбор которых обусловлен индивидуально-авторскими предпочтениями. Классификация РА извинения с точки зрения содержания позволила выявить наиболее частотные ситуации, в которых автор письма приносит извинения адресату. Некоторые из них ярко характеризуют специфику русской языковой личности и русского менталитета.

4.1.4. РА поздравления

Во многих письмах, обычно в первых строках или в финале, представлены перформативные высказывания с интенцией поздравления, построенные по модели «*Я поздравляю (тебя / Вас / вас) со значимой датой / важным событием*» (иногда поздравления содержатся и в начале, и в конце письма). В 628 письмах А.С. Пушкина обнаружилось 29 с/у подобных высказываний, в 1076 письмах Л.Н. Толстого – 28 с/у, в 895 письмах А.П. Чехова – 94 с/у, в 1195 письмах М. Горького – 50 с/у, в 499 письмах М.А. Шолохова – 19 с/у, в 627 письмах В.П. Астафьева – 89 с/у.

Следовательно, РА поздравления содержатся приблизительно в одном из семи писем В.П. Астафьева, в одном из десяти писем А.П. Чехова, в одном из двадцати четырех писем М. Горького, в одном из двадцати шести писем М.А. Шолохова, в одном из двадцати семи – А.С. Пушкина, в одном из тридцати восьми писем Л.Н. Толстого (см. диаграмму 6 приложения 4). Можно предположить, что в XIX в. создатели писем реже поздравляли своих адресатов, однако возможно, что количество высказываний

с интенцией поздравления в письмах обусловлено не столько их временной принадлежностью, сколько индивидуально-авторскими предпочтениями.

Анализ лексического наполнения таких высказываний позволяет выявить специфику реализации РА поздравления в русском эпистолярном тексте (см. таблицу 3 приложения 4).

Наиболее частотными являются поздравления с календарными праздниками:

1) общегосударственными, среди которых Новый год (в письмах Л.Н. Толстого – 12 с/у, А.П. Чехова – 43 с/у, М. Горького – 16 с/у, М.А. Шолохова – 5 с/у, В.П. Астафьева – 36 с/у), День Победы, 9 мая (в письмах В.П. Астафьева – 9 с/у), День Международной солидарности трудящихся, 1 мая (в письмах Шолохова – 1 с/у, В.П. Астафьев – 2 с/у), Международный женский день, 8 марта (в письмах В.П. Астафьева – 1 с/у), День Великой Октябрьской социалистической революции, 7 ноября (в письмах В.П. Астафьева – 1 с/у);

2) религиозными, в частности с Рождеством (в письмах А.С. Пушкина – 2 с/у, Л.Н. Толстого – 1 с/у, А.П. Чехова – 1 с/у, В.П. Астафьева – 3 с/у) и Пасхой (в письмах Л.Н. Толстого – 3 с/у, А.П. Чехова – 12 с/у, В.П. Астафьева – 2 с/у);

3) сезонными: с наступлением зимы (в письмах М.А. Шолохова – 1 с/у, В.П. Астафьева – 1 с/у), весны (в письмах Л.Н. Толстого – 1 с/у, В.П. Астафьева – 7 с/у);

4) личными: с днем рождения (в письмах А.С. Пушкина – 4 с/у, Л.Н. Толстого – 4 с/у, А.П. Чехова – 7 с/у, М.А. Шолохов – 5 с/у, В.П. Астафьева – 2 с/у), юбилеем (в письмах Л.Н. Толстого – 1 с/у, М. Горького – 2 с/у, М.А. Шолохова – 1 с/у, В.П. Астафьева – 3 с/у), именинами (в письмах А.С. Пушкина – 1 с/у, А.П. Чехова – 4 с/у), юбилеем трудовой деятельности (в письмах Л.Н. Толстого – 1 с/у, М. Горького – 7 с/у, М.А. Шолохова – 3 с/у);

5) профессиональными: с Днем науки (в письмах М. Горького – 1 с/у), 10-летием Красной Армии (в письмах М. Горького – 1 с/у), 40-летием Вооруженных сил СССР (в письмах М.А. Шолохова – 1 с/у).

При поздравлении с Новым годом перформативный глагол может быть опущен (в письмах Л.Н. Толстого – 1 с/у, А.П. Чехова – 1 с/у, М. Горького – 7 с/у, В.П. Астафьева – 15 с/у). Встречаются поздравления с Новым годом (в письмах А.П. Чехова, М. Горького, В.П. Астафьева), Пасхой (в письмах А.П. Чехова), 1 мая и 7 ноября (в письмах В.П. Астафьева), реализованные посредством высказывания *С праздником / праздниками!*, которое представляет собой максимально сокращенный вариант РА поздравления. Экспликация события, с которым пишущий поздравляет адресата, здесь возможна только с помощью даты, указанной в начале / конце письма. Если поздравление с праздником осуществляется позже знаменательной даты, то пишущий сопровождает его высказыванием с интенцией извинения.

Реже встречаются поздравления, связанные с признанием профессиональных успехов адресата:

1) автором письма, к которым относятся удачный литературный / театральный дебют, художественное произведение, создание новой газеты / журнала, открытие театра (в письмах А.С. Пушкина – 6 с/у, Л.Н. Толстого – 2 с/у, А.П. Чехова – 3 с/у, М. Горького – 18 с/у, М.А. Шолохова – 1 с/у, В.П. Астафьева – 4 с/у);

2) обществом, в том числе повышение по службе / новое назначение, присвоение звания, получение награды (в письмах А.П. Чехова – 1 с/у, М.А. Шолохова – 2 с/у, В.П. Астафьева – 6 с/у).

Наименее частотны поздравления, связанные с событиями в личной жизни адресата письма: с женитьбой (в письмах А.С. Пушкина – 3 с/у, Л.Н. Толстого – 2 с/у, А.П. Чехова – 4 с/у) / выходом замуж (в письме М. Горького – 1 с/у), рождением ребенка (в письмах А.С. Пушкина – 2 с/у, А.П. Чехова – 3 с/у; у Л.Н. Толстого, М.А. Шолохова, В.П. Астафьева – по

1 с/у), новосельем (в письмах А.П. Чехова – 3 с/у, А.С. Пушкина, М. Горького, В.П. Астафьева – по 1 с/у), прибытием в пункт назначения (в письмах А.С. Пушкина – 2 с/у, А.П. Чехова – 1 с/у).

Иногда пишущий может поздравлять адресата сразу с несколькими событиями (в нижеприведенных примерах слова, обозначающие данные события, подчеркнуты): ***Поздравляю*** *тебя с прошедшими и будущими призами, с праздником, с новым годом, с сыном (хотя и […], но все-таки сын) и с будущей женитьбой* [Т1: 340]; *Со всеми вас праздниками, дорогие наши, и прежде всего с Пасхой и Первомаем, да и с горьким Днем Победы тоже* [А: 696].

Отдельные поздравления выходят за рамки предложенной классификации, что свидетельствует об оригинальности мышления автора и высоком уровне его коммуникативной компетенции, умении включать в текст элементы языковой игры: *Радуюсь успехам Каратыгина и* ***поздравляю*** *его с твоим ободрением* [П1: 569]; ***Поздравляю*** *Вас с новым образом жизни* [П3: 359]; *Вместе со своим рассказом посылаю рассказ Филиппова <…>. Быть может, будет приложен рассказ и Ежова.* ***Поздравляю*** *Вас и желаю, чтоб и впредь Вы получали такие большие тюки* [Ч1: 425]; *Некую особу* ***поздравляю*** *с кофейной гущей* [Ч2: 146]; *Итак – началась русская революция, мой друг, с чем тебя искренно и серьезно* ***поздравляю*** [Г1: 357]; *Вот ты уж и пенсионер.* ***Поздравляю****, паря!* [А: 692].

В письмах встречаются и высказывания, построенные как формулы поздравления, однако реализующие иные интенции, в частности ироническое отношение к предмету обсуждения: ***Поздравляю*** *и с новыми газетами. Мне прислали первый № «Руси». Да, бездарно и снаружи и внутри* [Ч2: 138]; *Здесь Трепов, командированный из Питера «для изучения парламентской формы правления».* ***Поздравляю****! Хорошенький парламент ожидает нас!!* [Г1: 420].

Не все поздравления, включенные в письма, могут быть оформлены в виде поздравительной открытки. Это в первую очередь касается

поздравлений с оригинальным содержанием, а также поздравлений, связанных с признанием автором письма творческих успехов адресата. Кроме того, нами обнаружено различие в оформлении формул поздравления в текстах открытки и письма: в открытках «степенные определители (*сердечно*, *горячо* и др.) используются примерно в 50% текстов» [Маринин 1996: 16], а в анализируемых письмах – не более чем в 2% поздравлений.

Низкая частотность поздравлений со знаменательными событиями в общественной и личной жизни адресата по сравнению с поздравлениями с календарными датами, наступление которых не связано с деятельностью человека, может рассматриваться в качестве одной из характеристик русской языковой личности. В отличие от русских людей, для которых характерна пассивность, носителей английского языка, по мнению исследователей, отличает деятельностный подход к жизни, который проявляется в языке в том, что адресата принято поздравлять «только в случае личных достижений, с тем, что зависело от самого человека, его усилий, воли, трудолюбия, настойчивости и т.д.» [Ларина 2009: 60].

Сравнительно большое количество поздравлений, связанных с деятельностью адресата, в эпистолярном наследии конкретного автора может служить свидетельством его стремления к европейскому образу жизни, ср. соотношение поздравлений с календарными событиями и поздравлений с событиями, реализованными благодаря участию адресата (см. диаграмму 7 приложения 4): А.С. Пушкин (7 и 22 с/у), М. Горький (20 и 30 с/у) – Л.Н. Толстой (24 и 4 с/у), А.П. Чехов (77 и 16 с/у), М.А. Шолохов (15 и 4 с/у), В.П. Астафьев (77 и 12 с/у).

Таким образом, количественный анализ поздравлений позволил не только выявить единицы, характерные для русских писем в целом и для эпистолярия того или иного писателя в частности, но и разграничить поздравления, встречающиеся в текстах как XIX, так и XX в. (с днем рождения, рождением ребенка, новосельем, творческими успехами) и

поздравления, характерные только для определенного временного отрезка / отрезков (все остальные).

4.1.5. РА пожелания

РА пожелания в письмах обычно сопровождают РА поздравления и прощания. Высказывания с интенцией пожелания используются со следующими целями: «1) соблюдение правил этикета; 2) выполнение просьбы о высказывании пожелания (каузированные высказывания пожелания); 3) демонстрация своей осведомленности о событиях в жизни собеседника; 4) экспликация внимания и симпатии к нему» [Ранних 1994: 138].

Рассматриваемые РА могут реализоваться как с помощью перформативов (*желаю здоровья, счастья, успехов* и т.п.), так и посредством побудительных высказываний (*будь(те) здоров(ы), счастлив(ы)* и т.п.). С учетом различий в частотности употребления пожелания в письмах можно разделить на две группы: 1) стандартные, т.е. клишированные (примеры представлены выше), представленные в анализируемом материале большим количеством с/у; 2) индивидуализированные, т.е. связанные с деятельностью адресата, происходящей или планируемой им на ближайшее время, о которой знает пишущий, отмеченные гораздо реже.

Исследователи отмечают, что выбор языковых средств для реализации РА пожелания зависит прежде всего от социальной дистанции участников коммуникации. «В русском языке близкая и нейтральная дистанции маркируются наличием индивидуализированных, чаще всего эксплицитно-перформативных и модифицированных пожеланий; отсутствием пожеланий характеризуются нулевые отношения» [Коморова 2005: 9].

Количественный анализ высказываний, представляющих РА пожелания, показал, что они весьма характерны для русских частных писем.

Наименьшее количество пожеланий в нашем материале отмечено в эпистолярии А.С. Пушкина (70 с/у в 628 письмах, т.е. в каждом девятом письме), а наибольшее – в письмах А.П. Чехова (602 с/у в 895 письмах, почти в каждом письме). Анализируемые единицы содержатся приблизительно в каждом втором письме М. Горького (496 с/у – в 1195 письмах) и В.П. Астафьева (283 с/у – в 627 письмах). Примерно в два раза реже встречаются высказывания с интенцией пожелания в эпистолярии Л.Н. Толстого (228 с/у – в 1076 письмах) и М.А. Шолохова (131 с/у – в 499 письмах) (см. диаграмму 8 приложения 4).

Индивидуализированные пожелания авторы писем используют преимущественно для того, чтобы подчеркнуть свое теплое отношение к адресату, осведомленность о его текущей деятельности. Как правило, социальный статус адресата таких пожеланий выше, чем у автора. Так, приведенные ниже примеры извлечены из писем А.П. Чехову и Н.С. Хрущеву: *Крепко жму руку и* ***желаю написать драму*** [Г1: 122]; *Крепко Вас обнимаю и* ***желаю*** *доброго здоровья и* ***успеха в работе над докладом*** [Ш: 457].

В остальных случаях наиболее вероятны стандартные пожелания, которые могут быть краткими и развернутыми, включающими ряды однородных членов, ср.: ***Желаю*** *Вам* ***успеха*** [Ч1: 216] – *Искренно, от всей души* ***желаю*** *Вам* ***здоровья, бодрости и успехов****, а в семейной жизни –* ***счастья, успехов*** [Ч2: 240-241]. При этом у каждого автора есть предпочтения в выборе одной или нескольких единиц из знакомого каждому носителю языка списка, включающего следующие группы:

1) пожелания добра в целом: *желаю/ем всего (самого / наи)лучшего* (наиболее частотны они в письмах Л.Н. Толстого – 20 употреблений), *всего (самого) доброго*, *всего хорошего*, причем последние два клише могут использоваться как с глаголом *желаю/ем*, так и без него, в результате чего РА пожелания трансформируются в РА прощания (первое из них активно

используется в письмах М. Горького: 87+168 с/у, второе – в письмах А.П. Чехова: 145+8 с/у);

2) пожелание здоровья: *желаю/ем (доброго / крепкого) здоровья* (в эпистолярии В.П. Астафьева – 70 с/у, М. Горького – 44 с/у, А.П. Чехова – 37 с/у, М.А. Шолохова – 29 с/у), *будь(те) здоров(а/ы)* (в письмах А.П. Чехова – 307 с/у, М. Горького – 65 с/у, В.П. Астафьева – 58 с/у);

3) пожелание счастья: *желаю/ем счастья, будь(те) счастлив(а/ы)* (наиболее частотны данные формулы в письмах А.П. Чехова – 24 и 52 с/у);

4) пожелание успеха: *желаю/ем успеха / (всяческих) успехов* (формула отмечена только в эпистолярии XX в.; наиболее часто она употребляется в письмах М. Горького – 32 с/у).

Сравнительно низкая частотность вышеперечисленных пожеланий в письмах А.С. Пушкина (в основном – единичные употребления, лишь высказывание *будь(те) здоровы* отмечено в 19 с/у) и Л.Н. Толстого (аналогично, кроме *желаю всего (самого / наи)лучшего* – 20 с/у, *желаю всего хорошего* – 16 с/у), по сравнению с письмами А.П. Чехова и М. Горького, позволяет предположить, что именно к концу XIX в. завершается процесс перехода стандартных эпистолярных пожеланий в разряд клишированных выражений, которые обязательно должны быть использованы в письме. Об этом же свидетельствует и тот факт, что в письмах А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого не отмечены перформативные высказывания с интенцией пожелания без глагола *желаю*. Однако начиная с середины XX в. возникает и обратная тенденция: в письмах к родственникам и друзьям авторы пытаются избежать использования эпистолярных клише и оформляют стандартное пожелание посредством нарочито разговорных конструкций, а также грубо-просторечной или диалектной лексики (в представленных ниже примерах данные единицы подчеркнуты): ***Желаю*** *Вам в течение ближайших пятилеток* <u>*ни в коем разе*</u> *не болеть* [Ш: 93]; *А пока обнимаю тебя братски и* ***желаю*** *не* <u>*хворать*</u> [А: 683]; *Обнимаю и* ***желаю*** *процветания даже на этой* <u>*паскудной*</u> *работе* [Ш:

234]; ***Желаю*** *тебе доброго здоровья, и дров и картошек побольше, да похрущее* [А: 652].

Исследователи отмечают, что русские пожелания вызывают нескрываемое удивление носителей английского языка, потому что в таких пожеланиях присутствует вера в то, что приятное событие в жизни человека может как-то само по себе произойти и пожелания других людей помогут этому (см.: [Ларина 2009: 39]). Полагаем, что все-таки речь здесь идет несколько о другом: автор использует пожелание как некий ритуал, призванный помочь адресату в достижении желаемого события или состояния, которое может и не реализоваться. Того, что есть или обязательно произойдет, желать не имеет смысла: ***Желаю*** *Вам счастливого пути, здоровья, успехов в поездке, а бодрости Вам – не занимать в соседях!* [Ш: 465]; ***Желаю*** *тебе здоровья. А в успешное разрешение твоего пенс. дела я верю!* [Ш: 396]. На наш взгляд, в данной ситуации можно говорить не о предполагаемом бездействии адресата в ожидании свершения значимых событий, а о фатализме автора, который не уверен, что усилия адресата приведут к нужному результату без помощи высших сил.

Отметим, что РА пожелания в русских частных письмах могут оформляться не только посредством перформативных и собственно императивных высказываний, но и с помощью формулы *дай Бог / Боже тебе / вам*: ***Дай бог Вам*** *здоровия, осторожности, благоденственного и мирного жития!* [П1: 673]; *Будьте здоровы, не грустите, и* ***дай бог вам*** *всего лучшего* [Т1: 547]; *Будьте здоровы,* ***дай Вам бог*** *счастья* [Ч2: 321]; *Ну,* ***дай Вам боже*** *всего доброго* [Г1: 142-143]; *…* ***дай тебе Бог*** *здоровья и мужества* [А: 543]. Подобные высказывания довольно частотны в эпистоляриях А.С. Пушкина (24 с/у) и Л.Н. Толстого (26 с/у). Однако уже на рубеже веков они используются гораздо реже: в письмах А.П. Чехова находим 16 с/у, М. Горького – 6 с/у. В эпистолярии М.А. Шолохова данная формула не употребляется, а в письмах В.П. Астафьева снова отмечено 6 с/у (см. диаграмму 9 приложения 4). Колебания в частотности употребления

данной формулы связаны как с изменением общественного устройства и обусловленной им установкой на избавление от религиозных традиций с последующим их возвращением, так и с сознательным выбором автором письма атеизма или религиозности как способа мировосприятия.

Напротив, соотношение перформативных и императивных высказываний с интенцией пожелания в эпистолярии русских писателей зависит не от эпохи, к которой принадлежит автор письма, а от его индивидуальных предпочтений. Так, императивные пожелания используются чаще перформативных в письмах А.С. Пушкина (47 и 11 с/у) и А.П. Чехова (362 и 238 с/у), реже перформативных – в письмах В.П. Астафьева (98 и 134 с/у), М. Горького (82 и 192 с/у), Л.Н. Толстого (33 и 95 с/у) и М.А. Шолохова (20 и 101 с/у).

Общая закономерность употребления в письмах императивных пожеланий состоит в том, что они нередко находятся в одном микротексте с РА просьбы или совета, также представленными побудительными высказываниями (в нижеприведенных примерах подчеркнуты глаголы в форме повелительного наклонения и перформатив): *...**будьте живы и здоровы**, и доезжайте скорее до Москвы* [П3: 231]; ***Будь здоров и хорош** и целуй за нас Дору и Павлушу* [Т3: 41]; *Очень прошу тебя: относись к себе серьезно, лечись упорно и **будь здорова*** [Г1: 322-323]; *Ну, **будьте здоровы**, не задержите ответ* [Ш: 93]; ***Будьте здоровы**, **будьте сердиты**, но не злы, и работайте больше, успевайте, пока молоды* [А: 389].

Таким образом, в РА пожелания, используемых в русском эпистолярном тексте, находит отражение национально-культурная специфика русскоязычного общения. По мнению исследователей, она состоит в выборе тактики вербального давления на адресата и в то же время в некоторой социальной пассивности. В РА пожелания эта специфика коммуникации проявляется как на содержательном уровне – в пожелании того, что не может произойти без усилий со стороны адресата, так и на формальном уровне – в активном употреблении побудительных

высказываний, реализующих РА пожелания. Кроме того, оформление пожеланий отражает эволюцию менталитета носителей русского языка, обусловленную изменением общественного строя и жизненного уклада людей (подробнее об отражении национально-культурных особенностей коммуникации в этикетных РА частных писем см.: [Акимова 2012а]).

4.1.6. РА приглашения

Количественный анализ высказываний с интенцией приглашения показал, что они весьма частотны в русских частных письмах. Так, в 628 письмах А.С. Пушкина отмечено 19 с/у таких высказываний, среди 1076 писем Л.Н. Толстого – 37 с/у, в 895 письмах А.П. Чехова – 64 с/у, в эпистолярном наследии М. Горького, составляющем 1195 писем, – 70 с/у таких высказываний, в эпистолярии М.А. Шолохова (499 писем) – 27 с/у, а в эпистолярии В.П. Астафьева (627 писем) – 39 с/у.

Следовательно, РА приглашения содержатся примерно в одном из 41 писем А.С. Пушкина, в одном из 29 писем Л.Н. Толстого, а начиная с рубежа веков их количество увеличивается почти в два раза: высказывания с интенцией приглашения можно встретить приблизительно в одном из 14 писем А.П. Чехова, в одном из 17 писем М. Горького, в одном из 18 писем М.А. Шолохова, в одном из 16 писем В.П. Астафьева (см. диаграмму 10 приложения 4). Можно предположить, что сравнительно небольшое число РА приглашения в письмах А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого обусловлено тем, что в XIX в. принято было отправлять приглашение отдельной корреспонденцией, в то время как в XX в. данная традиция была утрачена.

Анализируя приглашения, представленные в англоязычных письмах, Н.Ю. Бусоргина отмечает: «Если приглашение написано в форме обычного письма, не всегда возможно выделить какие-либо типичные клише, свойственные именно этому виду писем. Однако, в соответствии со стратегией вежливости (дающей адресату возможность отклонить приглашение), можно отметить употребление модальных глаголов и

модальных фраз, призванных смягчить категоричность формулировок» [Бусоргина 2006: 163-164].

Для русских неофициальных писем нехарактерно использование эпистолярных клише для реализации РА приглашения (о других различиях в реализации данного РА в русско- и англоязычных письмах см.: [Акимова 2011в]). Однако можно выделить наиболее частотные группы высказываний с интенцией приглашения. Так, для писем анализируемых авторов наиболее характерны побудительные конструкции, в частности высказывания со словом *приезжай(те)*: в письмах А.С. Пушкина отмечено 11 с/у, Л.Н. Толстого – 22 с/у, А.П. Чехова – 45 с/у, М. Горького – 35 с/у, М.А. Шолохова – 15 с/у, В.П. Астафьева – 19 с/у (см. диаграмму 11 приложения 4). Значительно реже (примерно в 3-4 раза) используются повествовательные (*Жду / ждем Вас / Вашего приезда*; *Приглашаю / приглашаем Вас…*; *(Милости) прошу / просим приехать*; *Если приедете, буду рад / будем рады* и под.) и вопросительные конструкции (*(Не) хотите / сможете / соберетесь / надумаете ли приехать?* (*Не) приедете ли?*).

Анализируя высказывания с интенцией приглашения в письмах англоязычных авторов, исследователи разграничивают явные (unambiguous invitations) и неявные приглашения (ambiguous invitations) (см.: [Wolfson et al. 1983: 117; цит. по: Ларина 2009: 182]). В явных приглашениях речевая формула, как правило, содержит просьбу дать ответ на вопрос; неявные либо сопровождаются дальнейшими переговорами о возможности адресата принять приглашение, о месте и времени встречи, либо приглашениями не являются. В последнем случае на уровне прагматики подобные высказывания представляют собой не приглашения, а всего лишь выражения добрых намерений и не более того, то есть это – стратегические приглашения, прагматическая функция которых заключается в демонстрации симпатии говорящего по отношению к собеседнику.

В русском эпистолярном тексте также отмечены подобные «стратегические приглашения», реализуемые посредством высказываний, которые можно разделить на следующие группы:

1) перформативные: *В мае мы переедем к Киселевым на дачу, куда я Вас* ***приглашаю****, а позднее летом я приеду к Вам* [Ч1: 95]; *Ответно* ***приглашаю*** *всех вас (и не для проформы, а всерьез), когда совсем вас закрутит, хоть маленько отдохнуть от жары на нашей умеренной и грустной русской земле –* ***милости прошу*** [А: 217];

1) побудительные: *Если будешь в Крыму, то* ***приезжай*** *ко мне, как когда-то приезжал на Псел* [Ч2: 273]; *Если будешь в Кумылге – непременно* ***заезжай*** *проведать* [Ш: 263];

2) вопросительные: *Что если б ты* ***заехал*** *к нам на Юг нынче весною?* [П1: 204]; ***Не надумаете ли*** *в Конституцию* ***приехать*** *к нам?* [А: 16].

В анализируемом материале отмечены случаи использования нескольких высказываний, реализующих интенцию приглашения, в одном микротексте, в том числе и их повтор: *Здравствуй, Вульф, приятель мой!* ***Приезжай*** *сюда зимой <…> В самом деле, милый,* ***жду*** *тебя с отверстыми объятиями и с откупоренными бутылками* [П1: 280]; ***Приезжай****, пожалуйста. <…> Брось все и* ***приезжай*** *сюда с Машей и Гришей непременно* [Т1: 551]; *Ты пишешь: «Я до репетиции приеду к тебе переговорить». Так вот* ***приезжай****, пожалуйста!* ***Приезжай****, сделай милость! <…> Итак,* ***приезжай*** [Ч2: 217]; *Потом, Ант. Павлович, –* ***не вздумаете ли Вы приехать*** *в Нижний? Как здесь красиво теперь, как мощно разлилась река!* ***Приезжайте****! <…>* ***Приезжайте****, мы встретим Вас – как родного. Я буду надеяться* [Г1: 77-78].

В результате анализа коммуникативно значимых параметров ситуаций эпистолярного общения, в которых РА приглашения осуществляется посредством нескольких высказываний, было установлено следующее: в письмах, относящихся к XIX в., повтор приглашения используется в случае, когда автора письма и адресата связывают

неформальные дружеские или родственные отношения; в письмах рубежа XIX-XX вв., а также XX в. социальный статус адресата в таких письмах обычно выше, чем статус автора письма. Так, последний из вышеприведенных примеров представляет собой цитату из письма М. Горького А.П. Чехову. В качестве еще одного примера приведем отрывки из письма М.А. Шолохова, адресованного Н.С. Хрущеву: *Дорогой Никита Сергеевич, дорогие наши Нина Петровна и Юлия Никитична! Вы хоть откликнетесь двумя словами, –* ***сможете ли вы побывать у нас*** *хотя бы накоротке? Мы с Марией Петровной любим всех вас, всю вашу милую и родную для нас семью, с той же душевностью и преданностью вам, и* ***ждем вас****, всегда готовые оказать вам наше сердечное гостеприимство. <…>* ***Приезжайте*** *со всеми, кого Вы почтете возможным пригласить с собой, а мы – стареющие Шолоховы –* ***будем*** *всем* ***вам*** *безгранично* ***рады****! Отзовитесь!* [Ш: 475].

От характера взаимоотношений автора письма с его адресатом, а именно от соотношения их социальных ролей, также во многом зависит выбор той или иной конструкции для реализации интенции приглашения в русском частном письме. Например, в письмах М. Горького к А.П. Чехову РА приглашения часто реализуются с помощью вопросительных высказываний, а в письмах М.А. Шолохова к Н.С. Хрущеву и Л.И. Брежневу – посредством повествовательных: *Если б я раньше знал, что Вы в Москве! Я попросил бы Вас,* ***не можете ли Вы приехать*** *сюда, на денек? Ужасно хочется видеть Вас, и к тому же драму я кончил, хотелось бы, чтоб Вы послушали ее. В пятницу ко мне хотел приехать Немирович, если б и Вы могли! <…> Питаю надежду, что скоро увидимся в Ялте.* ***Если б Вы заглянули сюда****! И зову Вас, и – боюсь звать. Ибо, во-первых – дорога утомит Вас, пожалуй, а во-вторых – противное впечатление должна произвести на Вас обстановка, в которой я живу. Шумно, бестолково. А все-таки,* ***может, приедете*** *с Немировичем? Обрадовали бы – страшно!* [Г1: 182]; *В этом году Вы поедете отдыхать на юг, и* ***мы были бы безмерно***

рады, если бы Вы заехали к нам *на столько, сколько сочтете для себя возможным* [Ш: 458-459]; *Леонид Ильич, дорогой! В октябре этого года исполнится 28 лет нашей дружбы, и* ***это дает мне право пригласить тебя в гости****, тем более, что ты во время последней встречи сам изъявил желание побывать в Вешенской* [Ш: 567].

Впрочем, тот факт, что социальный статус адресата выше, чем у автора письма, не мешает пишущему активно использовать при реализации РА приглашения глаголы в форме повелительного наклонения, о чем свидетельствуют приведенные выше отрывки из писем, в которых для выражения интенции приглашения используются сразу несколько высказываний.

Однако если отношения между пишущим и адресатом характеризуются как строго официальные, возможно использование исключительно повествовательных конструкций: *Если вы сделаете мне милость ко мне пожаловать с г. Сахаровым, то очень меня обяжете.* ***Жду*** *вас с нетерпением* [П3: 413]; ***Приглашаем*** *Вас, Вашу супругу Памелу Хенсфорд Джонсон, членов Вашей семьи прибыть по возможности в мае этого года в Ростов-на-Дону для вручения Вам диплома почетного доктора филологических наук Ростовского-на-Дону государственного университета, одного из старейших университетов России* [Ш: 510].

Повествовательные и вопросительные конструкции наряду с побудительными также используются в письмах к адресатам, чьи отношения с автором характеризуются как неофициальные: *Ну* ***отчего бы Вам не приехать*** *ловить рыбу? Здесь карасей и раков видимо-невидимо* [Ч1: 512]; *Стало быть,* ***жду*** *Вас в мае, в июле и в августе... Будем ловить рыбу и раков* [Ч1: 227]; *Крепко обнимаю тебя и* ***жду*** *в Вешки* [Ш: 472]; *Во первых строках моего письма дозволь спросить, как ты живешь и* ***скоро ли освободишься и приедешь в Вешенскую****?* [Ш: 135-136]. Иногда повествовательные высказывания с интенцией приглашения используются для придания эпистолярному общению шутливой окраски: ***Есть у меня***

***к вам всем деловое предложение**: в августе – сентябре **приехать** в Вешки* [Ш: 148].

Маркером неформальных отношений пишущего и адресата и, возможно, более высокого социального статуса автора письма по сравнению со статусом адресата выступает побудительная конструкция «*надо* + глагол в форме инфинитива»: *Летом, Вася, готовься приехать к нам, вместе с художником **надо** вам здесь **побывать*** [А: 326]; *Тебе **надо** как-то **приехать** ко мне. <…> Тогда и о делах поговорим, хотя дела кругом, прямо сказать... но заработок на дорогу какой-нибудь изобретем тебе* [А: 366].

Помимо высказываний, реализующих интенцию приглашения, в состав анализируемого РА можно включить и его постоянное окружение. Здесь имеются в виду высказывания, содержащие, во-первых, временные и пространственные характеристики планируемой встречи / события, во-вторых, – упоминание автором того факта, что адресату необходимо сообщить о принятии / непринятии им приглашения, а в-третьих, – указание причин, по которым адресату следует принять приглашение.

В неофициальных письмах обычно указывается только время планируемой встречи, иногда весьма приблизительное: *Однако я **жду** вас, любезный филистер, и надеюсь обнять в начале следующего месяца* [П1: 612]; *Пожалуйста, если вам возможно, **приезжайте** на святки* [Т1: 788]; *В конце октября **ждем** Вас* [Ч1: 108]; ***Буду рад видеть Вас**. Если можно – **приезжайте** к часу, к завтраку* [Г2: 392]; ***Приезжай** в любой день, но лучше на вечер, чтобы застать нас дома* [Ш: 584]; *Ты уж ничего не намечай на август-то. **Приезжай** в начале и поживешь тихонько* [А: 116].

Посылая приглашение, автор нередко призывает адресата откликнуться на приглашение, предварительно предупредив об этом письменно: *Знаете что, **приезжайте** сюда, дорогой друг, после первого курса. <…> Я буду ждать вашего ответа* [Т1: 483]; *Итак, **жду** Вас к себе. Если приедете после 1-го июля, то черкните об этом, я вышлю лошадей и*

постараюсь после 1-го быть дома [Ч2: 180]; *А может,* ***Вы приедете*** *на драму? Предупредите тогда телеграммой* [Г1: 180]; *Если желание побывать в Вешенской еще не отпало у Ваших рыбаков, то* ***милости прошу приехать*** *в феврале, в любое время. В марте я снова уеду, о Вашем решении известите меня письмом* [Ш: 593]; *Может,* ***вам*** *с Тоней* ***приехать****? <…> Словом, черкни мне, что и как* [А: 492].

Исследователи отмечают, что мотивировки приглашения в русской и английской речевых культурах заметно различаются: «если английские коммуниканты, приглашая, <…>, делают акцент на его желания и интересы, показывают, что выбор за ним, то русские коммуниканты, напротив, оказывают прямое давление на адресата, приглашают настойчиво, не предоставляют выбора, демонстрируют свою заинтересованность в принятии приглашения, делают акцент на свои желания», «русское приглашение является прямым, субъектно-ориентированным, категоричным, импозитивным; английское – косвенным, объектно-ориентированным, неимпозитивным» [Ларина 2009: 192].

В качестве доказательства данного положения приведем примеры мотивировок приглашения, отмеченных в анализируемом материале. Их можно разделить на две группы:

1) представляющие описание планируемых в процессе посещения автора адресатом видов деятельности, которые, по мнению автора, должны обязательно понравиться адресату: *Обеда не дождусь, а будет у нас завтрак вроде en petit couragé. Постараемся напиться не en grand cordonnier, как сапожники – а так, чтоб быть en petit couragé, под куражем.* ***Приезжай****, мой ангел* [П2: 140]; ***Приезжайте****, душенька, пожалуйста. Мы проведем время отлично, и, может, можно будет вас увезти к нам на недельку, то есть ко мне, к сестре и к Тургеневу* [Т1: 402]; *Жду Вас в конце июля или в августе и надеюсь, что Вы не откажете мне съездить со мной на Сорочинскую ярмарку* [Ч1: 230]; *Вот –* ***не хотите ли сюда приехать****? Нам дают в полное распоряжение целый дом в горах, и*

жили бы мы тут, яко у Христа за пазухой [Г1: 430-431]; ***Я буду тебя ждать***. *Тепло будет, так и на лодке на Ману сплаваем, сетчонку закинем* [А: 555];

2) представляющие информацию о том, что автору письма необходима встреча с адресатом: *Пожалуйста* ***приезжай*** *ко мне, к обеду: мне с тобою непременно надо поговорить* [П3: 303]; *Мне так хочется, нужно вас видеть, что я бы приехал к вам, ежели бы было возможно. Благодетель, голубчик,* ***приезжайте*** *ко мне на денек* [Т1: 666]; *А если* ***бы*** *и* ***ты могла*** *взять отпуск и* ***приехать*** *хоть на неделю, то для меня это была бы большая радость* [Ч2: 247]; *А что, Вы не имеете возможности вырваться на денек из Питера?* ***Приехали бы сюда****?! Так хочется повидать Вас* [Г1: 51]; *Очень хочу тебя видеть, хочу обнять тебя и расцеловать за долгое время разлуки. <…>* ***Жду тебя*** *и всех Турковых в Вешки!* [Ш: 638]; *Если соберешься ко мне в деревню,* ***буду очень рад****…* [А: 712].

Таким образом, в русских частных письмах для реализации РА приглашения используются синтаксические конструкции разных типов, причем преобладают побудительные высказывания. При этом, приглашая адресата, авторы писем при мотивировке оснований того, что адресату следует принять приглашение, в первую очередь делают акцент не на желаниях адресата, а на собственных интересах.

4.1.7. РА просьбы

Особое место в ряду эпистолярных интенций занимают коммуникативные установки, связанные с выражением просьбы. В отличие от вышеперечисленных РА, в которых основным действующим лицом является субъект речи, изменяющий окружающую действительность сообщением определенных данных или попыткой их получения, а также совершающий этикетные действия, главным героем РА просьбы является адресат, и именно он призван изменить мир своими действиями, к которым его побуждает пишущий. Восприятие адресатом «непрошеного вторжения»

автора письма в сферу своих интересов и последующее исполнение просьбы во многом зависит от того, насколько корректно пишущий ее сформулировал.

Исследователи отмечают, что в русскоязычной коммуникации средства представления РА просьбы весьма разнообразны (см., например: [Егорова 1995; Формановская 1998]). К ним прежде всего относятся императивные, перформативные, вопросительные, а также повествовательные, так называемые развернутые, высказывания, причем основным способом выражения просьбы являются императивы. Н.И. Формановская отмечает, что императивное высказывание, ядром которого является повелительное наклонение глагола – *Сделай(те) это, пожалуйста*, – наиболее частотное воплощение просьбы [Формановская 1998: 204].

Результаты количественных подсчетов высказываний, реализующих РА просьбы в частных письмах, подтверждают данное наблюдение. Так, в 628 письмах А.С. Пушкина отмечен лишь 51 с/у перформатива *прошу*, в 1076 письмах Л.Н. Толстого – 152 с/у, в 895 письмах А.П. Чехова – 56 с/у, в 1195 письмах М. Горького – 284 с/у, в 499 письмах М.А. Шолохова – 79 с/у, в 627 письмах В.П. Астафьева – 31 с/у, в то время как РА просьбы содержатся практически в каждом письме. В качестве семантических аналогов перформативов могут быть рассмотрены также речевые формулы *осмеливаюсь просить* (в письмах А.С. Пушкина – 10 с/у), *я просил бы* (в письмах А.С. Пушкина, М.А. Шолохова, В.П. Астафьева – по 1 с/у, в эпистолярии Л.Н. Толстого – 9 с/у, М. Горького – 29 с/у).

Реже перформативов для реализации РА просьбы в анализируемом материале используются вопросительные высказывания типа *(Не) можешь / можете ли ты / Вы…?* (в письмах А.С. Пушкина – 5 с/у, Л.Н. Толстого – 19 с/у, А.П. Чехова – 4 с/у, М. Горького – 12 с/у, М.А. Шолохова и В.П. Астафьева – по 1 с/у) и повествовательные, так называемые развернутые – *Жду*… (соответственно 10, 26, 21, 18, 20, 1 с/у);

Буду благодарен… (в письмах Л.Н. Толстого – 8 с/у, А.П. Чехова – 5 с/у, М. Горького – 22 с/у, М.А. Шолохова – 3 с/у, В.П. Астафьева – 4 с/у); *Хочется*… (соответственно 9, 10, 16, 15, 8 с/у) (см. таблицу 4 приложения 4).

Наиболее частотным способом представления РА просьбы в русском эпистолярном тексте являются императивы (см. диаграмму 12 приложения 4). Тематическая классификация глаголов, употребленных в письмах в форме повелительного наклонения, позволяет представить содержательные и формальные характеристики РА просьбы, представленных в писательском эпистолярии. Итак, данные РА используются авторами для того, чтобы попросить адресата (в скобках указаны наиболее частотные глаголы, организующие высказывания с интенцией просьбы; см. таблицу 5 приложения 4):

1) о сообщении какой-либо информации автору или третьим лицам (*скажи(те)* – в письмах А.С. Пушкина – 78 с/у, Л.Н. Толстого – 88 с/у, А.П. Чехова – 73 с/у, М. Горького – 66 с/у, М.А. Шолохова – 10 с/у, В.П. Астафьева – 18 с/у; *пиши(те)* – соответственно 147, 113, 125, 44, 42, 29 с/у; *напиши(те)* – соответственно 38, 148, 152, 53, 48, 31 с/у; *отвечай(те)* – 15, 20, 4, 10, 1, 0 с/у; *ответь(те)* – 0, 15, 5, 14, 1, 1 с/у, *сообщи(те)* – 0, 8, 15, 62, 11, 1 с/у): ***Отвечай*** *мне по extra-почте!* [П1: 165]; ***Пишите, пишите,*** *как прежде, только о ваших занятиях поподробнее, что вы читаете и как и что нравится?* [Т1: 440]; ***Напишите****: до какого числа Вы будете жить в Феодосии?* [Ч1: 520]; *А что – в цензуре пьеса была? Сообщите* [Г1: 224]; ***Скажи****, ведь недавно ходили с тобою мы за Чиром, ломали пушистый камыш и воздух возле воды был свеж и морозен (...)?* [Ш: 11]; *Пожалуйста,* ***сообщите*** *о моем письме тт. Лагутину, Сидорову и Решетову* [Ш: 423]; *Пока* ***ответь*** *мне на один вопрос: где находится кладбище в Салехарде и как оно выглядит (осенью или весной)?* [А: 268]; *Саше Щербакову* ***скажи****, что стихи его отослал лично Викулову и на пленуме узнаю, что и как* [А: 548];

2) о передаче автору или третьим лицам какого-либо предмета (*пришли(те)* – соответственно 44, 60, 100, 79, 17, 14 с/у; *пошли(те)* – 5, 8, 15, 43, 4, 3 с/у; *перешли(те)* –18, 3, 0, 2, 3, 0 с/у; *передай(те)* – 3, 24, 14, 15, 1, 3 с/у): ***Пришли*** *мне эпиграмму Грибоедова* [П1: 247]; ***Пришлите*** *мне только, пожалуйста, рукопись или корректуры, чтобы, пока свежо еще, исправить что нужно и спрятать все подальше* [Т1: 499]; *Пьесу* ***пошлите*** *Немировичу-Данченко, но не раньше декабря* [Ч2: 468]; ***Передайте*** *прилагаемую записочку Кондурушкину* [Г2: 113]; *В том случае, если книжка вышла,* ***перешлите*** *полагающиеся авторские экземпляры и остальные 30% гонорара* [Ш: 46]; *Посылаю Вам письмо,* ***передайте*** *его в «Литературную газету», но в надежные руки, если сами не заинтересуетесь им* [А: 309];

3) об извинении / прощении, т.е. извинение (*прости(те)* – соответственно 65, 53, 30, 115, 4, 12 с/у; *извини(те)* – 27, 11, 25, 76, 1, 15 с/у; *не серди(те)сь* – 10, 42, 23, 19, 0, 5 с/у; *не обижайся / обижайтесь* – 0, 1, 2, 20, 2, 0 с/у): ***Простите*** *мне долгое мое молчание, любезный Михаило Петрович…* [П2: 96]; *Я переделал очень, очень много и хорошо, но многое еще остается, и потому ты, душенька,* ***не сердись*** *за то, что мы отлагаем приезд до вторника* [Т1: 866]; ***Извините****, что пишу вам только о еде* [Ч1: 440]; *На сердитое письмо –* ***не обижайтесь*** [Г2: 365]; *Вы меня* ***простите****, дорогой «шеф», за мое молчание* [Ш: 86]; ***Извини****, Александр Михайлович, что пишу редко, да таким вот почерком* [А: 347];

4) о приезде адресата к автору, т.е. приглашение (*приезжай(те)* – соответственно 16, 26, 45, 43, 8, 19 с/у): *Пожалуйста* ***приезжай*** *ко мне, к обеду: мне с тобою непременно надо поговорить* [П3: 303]; *Благодетель, голубчик,* ***приезжайте*** *ко мне на денек* [Т1: 665]; ***Приезжайте*** *ко мне, Жан, вместе с Сувориным* [Ч1: 559; *Приезжайте, мы встретим Вас – как родного* [Г1: 78]; *Берите летом жену и Алешу и* ***приезжайте*** *на тихий Дон рыбачить* [Ш: 441]; *Если некогда, на ответ время не тратьте, а лучше* ***приезжайте*** *в Кемерово!* [А: 74];

5) о передаче привета третьим лицам при прощании с адресатом (*поцелуй(те)* – 11, 19, 1, 11, 2, 8 с/у; *обними(те)* – 18, 1, 0, 0, 2, 2 с/у; *кланяйся* / *кланяйтесь* – 29, 21, 35, 10, 0, 0 с/у; *поклони(те)сь* – 0, 4, 73, 12, 0, 9 с/у; *передай(те) (привет, поклон)* – 0, 29, 26, 10, 13, 11 с/у): *Прощай,* ***кланяйся*** *княгине – и детей* ***поцелуй*** [П1: 348]; ***Поклонитесь*** *от меня вашей матушке и вашим друзьям* [Т2: 115]; ***Кланяйтесь*** *Вашей жене и Максимке, душевный им привет* [Ч2: 429]; ***Передайте привет*** *мой колонистам Дзержинского* [Г3: 113]; ***Передай*** *мой низкий* ***поклон*** *Родионову, его супруге* [Ш: 377]; *Обними и поцелуй маму –* ***скажи****: чусовляне велели* [А: 633];

6) о том, чтобы адресат заботился прежде всего о себе или о лицах из своего окружения, т.е. выражение по отношению к адресату утешения, заботы (*береги* (*себя, здоровье, детей*) – 8, 1, 1, 23, 4, 5 с/у; *не беспокойся / беспокойтесь* (*за меня / обо мне*) – 1, 1, 5, 17, 0, 6 с/у): ***Береги*** *себя и, сделай милость, не простудись* [П3: 239]; *Ради бога, гуляйте и не сидите вечером долго,* ***берегите*** *свое здоровье* [Т1: 432]; *Обо мне* ***не беспокойся****, я здоров и сыт* [Ч2: 429]; *Вы, Павел Хрисанфович,* ***не беспокойтесь*** *обо мне, я еще долго проживу!* [Г2: 245]; *Будь здорова, мой милый Марусенок,* ***береги*** *Светланку!* [Ш: 20]; ***Не беспокойся*** *за меня особо, я держусь!* [А: 140].

Некоторые типовые ситуации, представленные в данной классификации, могут быть также реализованы посредством перформативов, вопросительных или развернутых высказываний.

В частности, перформативные высказывания могут реализовать следующие типы эпистолярных просьб:

1) сообщить информацию автору или третьим лицам: *Обнимаю тебя так, что ребрышки все захрустят, целую в обе щеки, в шею, в спину и* ***прошу писать*** *мужу* [Ч2: 521]; *... очень* ***прошу*** *Вас, дорогой, поскорее* ***ответить*** *мне* [Г1: 14]; *Убедительно* ***прошу сообщить****, вышла ли из печати моя книжка (по универсальной библиотеке) «О Колчаке, крапиве и прочем»?* [Ш: 46];

2) передать автору или третьим лицам какой-либо предмет: *Корректуры я* ***прошу прислать*** *мне* [Т1: 600]; *Так как она* [пьеса. – Т.А.] *не читалась еще в Театрально-литературном комитете, то* ***прошу*** *Вас* ***взять на себя труд послать*** *в комитет два экземпляра и попросить прочесть* [Ч2: 305]; *Дорогой мой друг – посылаю выписку книг для ссыльных Архангельска <…>. Очень* ***прошу послать*** *им скорее* [Г1: 304]; *Очень* ***прошу переслать*** *мне гонорар целиком за 1 книгу* [Ш: 51]; *Так что я Вас очень* ***прошу привезти*** *мне книжку* [А: 54];

3) извинить автора: *Очень, очень благодарю тебя за письмо твое, воображаю твои хлопоты, и* ***прошу прощения*** *у тебя за себя и книгопродавцев* [П3: 444]; *И теперь от души* ***прошу*** *у вас* ***извинения*** *и то же сделаю с Лонгиновым, как только его увижу* [Т1: 408]; *Жду Вашего ответа и* ***прошу прощения*** *за непрошенное вмешательство* [Ч1: 203]; *...* ***прошу не сердиться****, если я не часто пишу, – есть некогда, не токмо писать!* [Г1: 338]; ***Прошу извинить*** *меня за то, что подвел Вас невольно* [Ш: 143]; *Я очень* ***прошу*** *Вас* ***простить*** *меня за то, что так долго не подавал никаких вестей о себе* [А: 491].

С помощью вопросительных и развернутых высказываний могут быть реализованы следующие типы эпистолярных просьб (ниже в п. (а) представлены примеры вопросительных высказываний, в п. (б) – развернутых):

1) сообщить информацию автору или третьим лицам:

а) ***Пишешь*** *ли ты, мой собрат –* ***напишешь*** *ли мне, мой холосенький* [П1: 33]; ***Не сообщите ли*** *Вы мне его* [Пальмина. – Т.А.] *семиэтажного адреса?* [Ч1: 405]; ***Не скажете ли*** *чего-либо по поводу статей Михайловского, особенно по поводу второй?* [Г1: 44]; ***Не напишете ли*** *Вы ему* [Политову. – Т.А.] *письмо <…>, не спросите ли для ознакомления рукопись* [А: 183];

б) ***Жду письма*** *от тебя с нетерпением…* [П3: 441]; ***Надеюсь****, что письмо это застанет вас здоровым и что вы скоро* ***ответите*** *мне* [Т1:

728]; ***Жду ответа*** *насчет Вашего приезда* [Ч2: 415]; *Если* ***напишете*** *мне – в свободный час о литераторах, о их тревогах, надеждах, работах,* ***буду*** *очень* ***благодарен*** [Г2: 534]; *Заранее шлю тебе горячее спасибо и* ***надеюсь,*** *что* ***напишешь!*** [Ш: 5]; ***Я*** *и* ***подумал****: может, ты* ***напишешь*** *в «Неву», и если они оттудова официально попросят рукопись, я и пошлю <…> – если ты им* ***черкнешь****, будет хорошо* [А: 277];

2) передать автору или третьим лицам какой-либо предмет:

а) *Брат, ты мне* ***пришлешь*** *немецкую критику «Кавказского пленника»?* [П1: 307]; *Когда же* ***пришлете*** *посылку?* [Ч2: 107]; *Быть может, в личной Вашей библиотеке есть дубликат –* ***не пошлете ли*** *его мне?* [Г2: 140];

б) *Брат привезет тебе мои стихи,* ***жду твоих****, как утешения* [П1: 285]; *Очень* ***обяжете*** *меня, если* ***пришлете*** *нумера «Архива», где записки Даля о Хивинском походе* [Т1: 815]; *Если Вы в самом деле* ***пришлете*** *мне книжки, каких у меня еще нет, то* ***скажу*** *Вам большое спасибо* [Ч2: 535]; ***Буду*** *очень* ***благодарен,*** *если Вы* ***пришлете*** *Ваш перевод пьесы Чапека…* [Г2: 479];

3) приехать к автору письма, т.е. приглашение:

а) *… да* ***можешь ли*** *ты* ***обедать*** *завтра у меня?* [П3: 39]; *Отчего бы вам* ***не приехать*** *сюда?* [Т3: 727]; *Послушайте,* ***отчего бы*** *Вам* ***не приехать****?* [Ч1: 227]; ***Не надумаете ли приехать*** *сюда, а? Вот бы славно было!* [Г2: 189]; ***Не надумаете ли*** *в Конституцию* ***приехать*** *к нам? Было бы хорошо* [А: 7];

б) *Очень* ***рады будем*** *с женой, если, как мы поняли, вы с Марьей Петровной* ***хотите заехать*** *к нам и подарить нас деньком* [Т1: 766]; *Итак,* ***жду*** *Вас к* ***себе*** [Ч2: 180]; *Здесь – весна.* ***Хочется****, чтоб Вы приехали* [Г2: 102].

Исходя из приведенных выше примеров, можно предположить, что перформативы и вопросительные высказывания чаще используются в письмах к адресатам, удаленным от автора письма на социально-

психологической (горизонтальной) и статусной (вертикальной) дистанциях, при этом сама просьба, по мнению автора, характеризуется достаточно высокой сложностью исполнения. Напротив, просьба в форме развернутого высказывания предполагает социальное равенство, близость пишущего к адресату и / или невысокую «цену просьбы».

Еще одна выявленная нами закономерность в оформлении просьб, характерных для эпистолярия, состоит в том, что они могут реализоваться посредством нескольких высказываний, разных по оформлению, но одинаковых по иллокутивной цели. Приведем примеры подобной реализации РА просьбы в частных письмах:

1) просьба сообщить информацию автору или третьим лицам: *Между тем **обращаюсь** к Вам, к брату Вашему и к Языкову **с** сердечной **просьбою**. <…> **Напишите** мне несколько слов (не опасаясь тем повредить моей политической репутации) касательно предполагаемой газеты* [П3: 53]; *Да **пишите** же мне ради бога. **Отчего вы не пишете**?* [Т1: 428]; *Вы правы, письма доставляют здесь не малую радость – и потому, **прошу** Вас, **пишите** мне побольше* [Ч2: 185]; ***Ответьте** поскорее, очень **прошу*** [Г1: 94]; ***Прошу** тебя, **скажи** кому следует, что такое отношение немыслимо* [Ш: 49];

2) просьба передать автору или третьим лицам какой-либо предмет: *Очень **просил бы прислать** и Ваши работы по мифологии; если это Вас не затруднит – **пришлите** пожалуйста!* [Г2: 262];

3) просьба простить автора письма, т.е. принесение извинения: *Еще раз **прошу**, **простите*** [Ч2: 461]; *А пока что дружески жму руку и **прошу**: **не сердитесь** на меня за многословие, в коем я же сам Вас упрекнул* [Г2: 130];

4) просьба к адресату приехать к автору письма, т.е. приглашение: ***Не будете ли** Вы к нам? Эй, **приезжайте*** [П3: 59]; ***Не можешь ли приехать**? **Прошу*** [Г1: 385];

5) просьба передать привет третьим лицам при прощании: ... ***прошу, поклонитесь*** *Розановым, Штангееву и всяким знакомым* [Г1: 37];

6) просьба к адресату заботиться о себе и о лицах из своего окружения: ***Береги Максима****, повторяю, и* ***береги себя, прошу*** [Г1: 358].

Как видим, выражение просьбы посредством нескольких высказываний наиболее характерно для эпистолярия М. Горького.

Исследователи отмечают, что «удвоенная просьба (использование двойного императива!) не уменьшает, а напротив, увеличивает степень вежливости» [Ларина 2009: 171]. Но в то же время данные актуализаторы вежливости усиливают давление на адресата, делают просьбу более интенсивной.

К числу средств актуализации вежливости, используемых в русском эпистолярном тексте, можно отнести следующие единицы (в нижеприведенных примерах они подчеркнуты): *пожалуйста* (в письмах А.С. Пушкина – 43 с/у, Л.Н. Толстого – 361 с/у, А.П. Чехова – 106 с/у, М. Горького – 136 с/у, М.А. Шолохова – 24 с/у, В.П. Астафьева – 37 с/у); *сделай(те) милость* (соответственно 39, 3, 5, 0, 0, 0 с/у), *сделай(те) одолжение* (в письмах А.С. Пушкина – 31 с/у), *будьте добры* (0, 1, 5, 48, 1, 1 с/у), *будьте любезны* (в письмах М. Горького – 14 с/у, В.П. Астафьева – 1 с/у), *очень* (+*прошу*) (0, 16, 0, 79, 12, 4 с/у) (см. таблицу 6 приложения 4): *Пожалуйста, **не принимайте** этого письма за отказ* [П3: 511]; ***Пишите** мне, пожалуйста, в Ясную* [Т1: 595]; *Так вот **приезжай**, пожалуйста! **Приезжай**, сделай милость!* [Ч2: 228]; *Дорогой друг – пожалуйста, **передайте** прилагаемое письмо к Толстому в «Сын отечества»…* [Г1: 370]; ***Напомни** пожалуйста руководству МПО, чтобы они решили это дело хотя бы на третий год* [Ш: 613]; ***Пошлите** мне, пожалуйста, опись последнего нашего отправления к вам* [А: 523]; ***Примите**, сделайте милость, мое оправдание* [П2: 316]; *Сделайте одолжение **объяснить**, на каком основании не пропускаете вы мною доставленное замечание в «Московский телеграф»?* [П2: 151]; *Форму участия Вашего, как и*

вознаграждение за труд, <u>будьте любезны</u> ***определить*** *сами* [Г1: 212]; *Теперь просьба. <u>Будьте добры</u>* ***послать*** *прилагаемую при сем накладную Д.В. Григоровичу* [Ч1: 609]; *<u>Будьте добры</u>,* ***напишите*** [Г1: 167]; *... <u>очень</u>* ***прошу*** *вас прислать мне эти бумаги* [Т1: 829]; *<u>Очень</u>* ***прошу*** *уведомить меня т-мой, когда будет коррект. книжки* [Ш: 159]; *Так что я Вас <u>очень</u>* ***прошу*** *привезти мне книжку* [А: 524].

Вышеперечисленные единицы А.Г. Балакай характеризует следующим образом: *сделайте милость, сделайте одолжение, очень* – интенсификаторы вежливости и экспрессивности (см.: [Балакай 2007: 279, 344, 359]); *будьте добры*, *будьте любезны*, *пожалуйста* – интенсификаторы вежливости [Там же: 158, 259, 379]. Однако в письмах А.С. Пушкина и М. Горького отмечены случаи использования интенсификаторов вежливости и в экспрессивной функции: *Да, ангел мой, <u>пожалуйста</u>* ***не кокетничай*** [П3: 184]; *... кстати* ***прошу*** *–* ***не давай*** *никому моих книг. <u>Пожалуйста</u>,* ***береги*** *их* [Г1: 27]; *<u>Будь добр</u>,* ***ответь*** *определенно, когда именно ты можешь дать денег? Положение – критическое, деньги нужны дозарезу.* ***Ответь!*** [Г1: 397].

На наш взгляд, критерием отграничения использования интенсификаторов в экспрессивной функции от употребления в функции вежливости может служить употребление интенсификаторов в «ты-высказываниях», содержащих не-этикетную просьбу: ***Скажи*** *мне, <u>сделай одолжение</u>, жив ли ты? что ты намерен делать? что наши?* [П2: 543]; *<u>Сделай милость</u>,* ***напиши*** *мне обстоятельнее о тяжбе своей с цензурою* [П1: 148]; *Во-вторых, я забыл взять с собою твои «Записки»;* ***перешли*** *их, <u>сделай милость</u>, поскорее* [П3: 452].

Для повышения интенсивности просьбы, исполнение которой важно для пишущего, используются интенсификаторы экспрессивности (в примерах, данных ниже, они подчеркнуты), в частности *ради бога*+ форма императива глагола, обозначающего действие, об исполнении которого автор просит адресата (в письмах А.С. Пушкина – 55 с/у,

Л.Н. Толстого – 47 с/у, А.П. Чехова – 8 с/у, М. Горького – 1 с/у, М.А. Шолохова – 2 с/у, В.П. Астафьева – 8 с/у), а также частица *же*, стоящая после глагола в форме императива (в письмах А.С. Пушкина – 17 с/у, Л.Н. Толстого – 10 с/у, А.П. Чехова и М. Горького – по 15 с/у) (см. диаграмму 13 приложения 4): *Не написал ли ты чего нового?* ***пришли***, *ради бога…* [П1: 148]; *Ради бога* ***простите*** *меня, многоуважаемый Петр Александрович, что еще не отвечал вам* [Т1: 580]; ***Простите*** *ради бога, что я, будучи знаком с Вами только наполовину, беру на себя смелость беспокоить Вас просьбой и поручениями* [Ч1: 223]; ***Не беспокойся***, *ради бога* [Г1: 159]; *Да, ради бога* ***не беспокойтесь*** *насчет какого-то сувенира – ничего не надо* [А: 155]; *Да* ***пришлите*** *же мне «Старину» и «Талию», господи помилуй, не допросишься* [П1: 373]; ***Приезжайте*** *же ко мне* [Т1: 627]; ***Напишите*** *же мне толком, основательно: приедет труппа весной в Ялту или нет?* [Ч2: 378]; ***Пришлите*** *же мне книги, взятые В[иктором] Михайловичем]!* ***Надо*** *же мне!* [Г2: 278].

В отличие от интенсификаторов вежливости, интенсификаторы экспрессивности выполняют только одну функцию – указывают на то, что исполнение просьбы важно для адресата. Кроме того, они обычно используются в письмах к адресату, чьи отношения с автором характеризуются как неформальные.

Предпочтение пищущим определенных средств реализации РА просьбы (например, «удвоенные просьбы» в письмах М. Горького), а также интенсификаторов вежливости и экпрессивности (например, *будьте добры* – в письмах М. Горького, *ради бога* – в письмах А.С. Пушкина) может быть обусловлено правилами эпистолярного этикета, свойственными периоду написания писем, или же представлять собой одну из характеристик эпистолярного идиостиля автора (подробнее об особенностях выражения интенции просьбы в письмах Л.Н. Толстого см.: [Акимова 2009б]). Чтобы разрешить сомнения в том, чем вызвано предпочтение того или иного средства представления РА просьбы

пишущим, необходимо произвести сравнительный анализ частных писем современников рассматриваемого автора.

Таким образом, в результате распределения глаголов, реализующих РА просьбы в эпистолярии русских писателей, была установлена тематическая классификация наиболее частотных просьб в письмах, а также выявлены способы их оформления в эпистолярных текстах, принадлежащих разным временным пластам.

4.1.8. РА упрека

Общая коммуникативная цель эпистолярного текста, которая состоит в установлении, поддержании или возобновлении контакта автора текста с адресатом, отделенным от пишущего во времени и пространстве, ограничивает пишущего в выборе высказываний, выражающих отрицательную оценку адресата (Отметим, однако, что оценочные РА с противоположным знаком – РА похвалы и комплимента – используются в эпистолярном тексте значительно реже, чем РА упрека. Подробнее о реализации РА данного типа в письмах А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого см.: [Акимова 2009в].). Поскольку «для частной переписки характерно использование негативной оценки в первую очередь в целях улучшения и поддержания позитивных отношений с адресатом высказывания» [Полякова 2001: 6], в письмах отрицательно-оценочные РА представлены преимущественно высказываниями с интенцией упрека. Это можно объяснить следующими факторами: «то, в чем или за что упрекает говорящий, существует как бы на фоне его общего хорошего отношения к упрекаемому» [Булыгина, Шмелев 1997: 419]; «“упрекающий” оценивает какое-либо явление как обманывающее его ожидание и дает это понять адресату речи. <…> Типичная ситуация, когда высказываются упреки, – семейные сцены, выяснения отношений между близкими людьми; чаще всего они высказываются непосредственно тому, кого упрекают, и имеют

целью побудить адресата задуматься о своем поведении, пробудить угрызения совести» [Там же: 413].

Количественный анализ высказываний, представляющих РА упрека, показал, что их частотность в русских неофициальных письмах уменьшается с течением времени. Так, в 628 письмах А.С. Пушкина содержится 49 с/у анализируемых РА, в 1076 письмах Л.Н. Толстого – 48 с/у, в 895 письмах А.П. Чехова – 30 с/у, в 1195 письмах М. Горького – 20 с/у, в 499 письмах М.А. Шолохова – 18 с/у, в 627 письмах В.П. Астафьева – 13 с/у. Следовательно, РА упрека содержатся приблизительно в одном из тринадцати писем А.С. Пушкина, в одном из двадцати двух – Л.Н. Толстого, в одном из тридцати – А.П. Чехова, в одном из шестидесяти – М. Горького, в одном из двадцати восьми писем М.А. Шолохова и в одном из сорока восьми писем В.П. Астафьева. Как видим, с конца XIX в. количество высказываний с интенцией упрека в письмах уменьшается (см. диаграмму 14 приложения 4).

Основным средством реализации РА упрека в письмах являются высказывания, которые содержат описание действий адресата или пишущего, послуживших мотивом для упрека. Иногда используются перформативы или полуперформативы, эксплицирующие намерения пишущего, возможны также инвективные высказывания (если автор письма уверен, что оскорбление не приведет к прекращению контакта адресата с ним). В качестве дополнительных средств могут использоваться: 1) высказывания, содержащие информацию об ухудшении душевного состояния пишущего; 2) обращения – ласковые (для смягчения впечатления от упрека и гарантии того, что адресат продолжит общение с автором письма); 3) риторические вопросы – восклицания: *Как тебе не стыдно!* и под.; 5) высказывания с оценочными словами *нехорошо*, *жаль* и т.п.; 6) слова в значении, противоположном отмеченному в словаре, которые используются для выражения иронического отношения пишущего к адресату.

В анализируемом материале к наиболее частотным дополнительным средствам реализации интенции упрека относятся вопросительное слово *зачем* (в письмах А.С. Пушкина отмечено 13 с/у, Л.Н. Толстого – 8 с/у, А.П. Чехова – 17 с/у, М. Горького – 6 с/у) и оценочное слово *напрасно* (в письмах А.С. Пушкина – 3 с/у, Л.Н. Толстого – 13 с/у, А.П. Чехова – 6 с/у, М Горького – 6 с/у, М.А. Шолохова – 5 с/у, В.П. Астафьева – 5 с/у) (см. диаграмму 15 приложения 4). Как видим, слово *зачем* не используется в письмах М.А. Шолохова и В.П. Астафьева, что может свидетельствовать об исчезновении данного дополнительного средства реализации интенции упрека в частных письмах, относящихся к XX в.

Кроме того, в письмах того или иного автора активно используются другие дополнительные средства, что может быть учтено при характеристике его эпистолярного идиостиля. В частности, в письмах А.С. Пушкина отмечено по 6 с/у оценочных слов *стыдно* и *жалко*, в эпистолярии Л.Н. Толстого – 11 с/у слова *нехорошо*, в письмах М.А. Шолохова – 7 с/у слова *нельзя* (в нижеприведенных примерах дополнительные средства реализации РА упрека подчеркнуты).

Высказывания, реализующие интенцию упрека в эпистолярном наследии русских писателей, могут быть классифицированы с содержательной точки зрения, т.е. с учетом того, какие именно действия адресата, не соответствующие ожиданиям автора письма, послужили мотивом выражения его негативного отношения (ниже перечислены типовые ситуации, реализованные посредством высказываний, общее количество с/у которых в анализируемом материале составляет 10 и более; см. таблицу 7 приложения 4):

1) выражение адресатом негативного отношения к автору в последнем письме к нему (всего 24 с/у; из них в письмах А.С. Пушкина – 9 с/у, Л.Н. Толстого – 3 с/у, А.П. Чехова – 7 с/у, М. Горького – 1 с/у, М.А. Шолохова – 3 с/у, В.П. Астафьева – 1 с/у): *Сплю и вижу, чтоб из Петербурга убраться к тебе; а* ***ты*** *и* ***не веришь мне****, и* ***бранишь меня*** [П3:

292]; *За что* ***вы на меня сердитесь****? Взятое у вас я тогда же возвратил вам – записку Корфа, а потом биографию Ермолова* [Т1: 614]; *В Вашем последнем письме (от 18 окт.)* ***Вы*** *напрасно* ***сердитесь на мое молчание****. Рад бы писать, да почты нет* [Ч1: 142]; *В письме Вашем я чувствую обиду на меня – за что? Не понимаю! Но оно* ***холодно****, это* ***Ваше письмо*** [Г1: 33]; *И* ***Вы меня*** *напрасно* ***обижаете*** *тем, что я Вам, будто бы, только тогда и пишу, когда испытываю в чем-либо нужду. По-моему, это – поклеп* [Ш: 146]; *И потому уже я благодарен Вам и никак не могу «****охладеть****». Это уж Вы зря. Я так просто с людьми не расхожусь* [А: 65];

2) отсутствие ответа на предыдущее письмо автора со стороны адресата или опоздание с ответом (10; 3, 3, 1, 0, 3, 0 с/у соответственно): *Все-таки* ***Вы меня забыли****, хоть наконец и вспомнили. И* ***я позволяю*** *себе дружески* ***Вам*** *за то* ***попенять*** [П3: 503]; *Как тебе не совестно, Сережа,* ***не отвечать на письмо****, ответ на которое очень интересует меня?* [Т1: 350]; *Что же это значит? Где Вы?* ***Вы*** *так упорно* ***не шлете о себе вестей****, что мы совершенно теряемся в догадках и уже начинаем думать, что Вы забыли нас и вышли на Кавказе замуж* [Ч2: 333]; *Так что, с моей точки зрения и* ***ты*** *напрасно* ***изыскиваешь предлоги для обоснования своего 10-летнего молчания****. Надо просто и мужественно сказать о том, что не было желания писать* [Ш: 161];

3) проявление со стороны адресата негативного отношения к третьим лицам (10; 1, 3, 2, 2, 0, 2 с/у): *Но, милый, грех* ***тебе унижать*** *нашего* ***Крылова****. Твое мнение должно быть законом в нашей словесности, а ты по непростительному пристрастию судишь вопреки своей совести и покровительствуешь черт знает кому* [П1: 220]; *Но зачем* ***вы сердитесь на Тургенева****? Он играет в жизнь, и с ним надо играть* [Т1: 846]; *Зачем* ***Вы*** *так* ***суровы к Лессепсу и К^0****?* [Ч2: 9]; ***«Графоманами» Вы поименовали моих корреспондентов*** *– напрасно и обидно. Люди хотят учиться, а это – не плохо. Литераторами будут единицы, но десятки и сотни станут грамотнее* [Г3: 177]; *Всех чохом загребая,* ***Вы обижаете и тех, кто вынес***

***эту жизнь такой, какой она ему досталась**, и несли свой крест мои собратья, да и несут еще стоически, пусть и рабски, но никого не объедая и не ушибая. <…> Не надо **их обижать**, иначе Вас Бог обидит!* [А: 457];

4) нарушение со стороны адресата деловой договоренности с автором письма или совершение адресатом ошибки при выполнении своих профессиональных обязанностей (12; 7, 5, 4, 6, 2, 2 с/у): *Если бы ты просто написал мне, приехав в Москву, что ты не можешь прислать мне 2-ю главу, то я без хлопот ее бы перепечатал. Но ты все **обещал**, **обещал** – и благодаря тебя во всех книжных лавках продажа 1-й и 3-й глав остановилась. **Покорно благодарю*** [П2: 62]; *Нет, **вы сделали великую ошибку**, что упустили Дружинина из нашего союза. Тогда бы можно было надеяться на критику в «Современнике», а теперь срам с этим [...] господином* [Т1: 407]; *Только, душа моя, какой Вы дятел! **Вы** чуть ли не с самого октября **долбите во всех газетах ежедневно про мое «Предложение»**. Зачем это?* [Ч1: 353]; *Да, Виктор Сергеевич, мне очень неприятно было видеть роман Ропшина в первой же книжке, я считаю, что, сделав это, **Вы нарушили данное мне обещание*** [Г2: 289]; *Напрасно **вы меня «оказачили»**. Я никогда казаком не был. Хотя и родился на Дону, но по происхождению «иногородний»* [Ш: 220]; *Литература – вещь хорошая, молитва – тоже, но они всегда были и будут после хлеба насущного. <…> Не нужно **закормленных пряниками детей закармливать** еще и **словесной мякиной*** [А: 520-521];

5) серьезные недостатки в творческой деятельности адресата (14; 1, 0, 3, 6, 4, 0 с/у): *Покамест жалуюсь тебе об одном: как можно **в статье о русской словесности забыть Радищева**? кого же мы будем помнить? Это **умолчание** не простительно ни тебе, ни Гречу – а от тебя его не ожидал* [П1: 159]; *Место, где Иона возится с двумя десятинами, как паук с мухой, прекрасно, но зачем **Вы губите его прелесть описанием невозможной и маловероятной забавы с сохой**? Разве это необходимо?* [Ч1: 202]; ***В повести Вашей Вы являетесь декадентом** в самом печальном*

смысле этого слова, а ***быть декадентом*** *– стыдно, так же стыдно, как болеть сифилисом* [Г2: 126]; *Нельзя же в самом деле* ***писать: «Все улыбнулись по адресу брони»****. И чем эта фраза отличается от фразы мамы-одесситки, приглашающей своих чад к завтраку: «Детей! Детей! Идите кушать яйцев!»?* [Ш: 384];

б) совершение адресатом поступков, которые автор оценивает отрицательно, поскольку адресат:

а) нарушает этические нормы поведения (10; 0, 3, 4, 0, 1, 2 с/у): *Дело в том, что уж давно* ***твой образ жизни, твой тон, твои роскошные праздные привычки, твои отношения с женой, твои знакомства, твое невоздержание в вине*** *– все это очень нехорошо и все это идет хуже и хуже* [Т2: 494]; *Н[аталья] А[лександровна], кухарка и дети беззащитны и слабы. Они не имеют над тобой никаких прав, ты же каждую минуту имеешь право выбросить их за дверь и надсмеяться над их слабостью, как тебе угодно. Не надо* ***давать чувствовать это свое право*** [Ч1: 332]; *Неужели Вы всерьез думаете, что при Советской власти кто-то может иметь миллионы? А тем более я – коммунист? Нельзя* ***быть такой доверчивой обывательницей, какой Вы показали себя****. И перед тем, как ехать и просить не 200 р., а 20000, – Вам надо было посоветоваться не с дурами-соседками, а хотя бы с секретарем парторганизации вашей шахты, и тот безусловно разубедил бы Вас в нелепости Ваших предположений о моем многомиллионном состоянии...* [Ш: 455]; *Более всего меня в Вашем письме поразило скопище зла. Это* ***что же Вы****, старый человек,* ***в душе-то носите****?! Какой груз зла и ненависти клубится в вашем чреве?* [А 398];

б) невольно наносит своими действиями вред себе или автору письма (38; 8, 14, 3, 5, 2, 6 с/у): *Оно* [письмо. – Т.А.] *обрадовало меня, мой ангел, но я все-таки* ***тебя побраню****.* ***У тебя нарывы, а ты пишешь мне четыре страницы кругом****.* *Как тебе не совестно! Не могла ты мне сказать в четырех строчках о себе и о детях* [П3: 160] *– Зачем* ***ты показал Плетневу***

***письмо мое**? в дружеском обращении я предаюсь резким и необдуманным суждениям; они должны оставаться между нами...* [П1: 129]; *Нехорошо это, любезный Николай Алексеич, что **вы** так **себя распустили**. Нехорошо для тех, кто вас любит, нехорошо для дела и, главное, для самих вас* [Т1: 506] – ***Твое сближение с Танеевым** мне не то что неприятно, но страшно мучительно. Продолжая жить при этих условиях, я отравляю и сокращаю свою жизнь* [Т2: 398]; *Зачем **Вы** все **болеете**? Отчего **не полечитесь серьезно**? Ведь болезни, особенно женские, портят настроение, портят жизнь, мешают работать* [Ч2: 285] – *По-видимому, она* [Сазонова. – Т.А.] *хороший человек, но все-таки напрасно **Вы показали ей мое письмо**. Она для меня чужая, и мне теперь неловко* [Ч1: 608]; *И – **позвольте** дружески **упрекнуть** Вас: напрасно **Вы не хотите научить меня**, как и чем мог бы я Вам и колонии помочь* [Г3: 94]; *Плохо только то, что **ты получил повышение в чинах и бросил слесарное дело**. Ну, какой из тебя снабженец? Ты бы, сукин кот, хоть года два после председательствования в колхозе поработал бы физически! А то нарастишь себе пузо и уж тогда без пенснэ тебе шагу нельзя будет ступнуть* [Ш: 216]; *Ну, парень! Так **тебе в карман накладут и хлеб изо рта вынут**. Нельзя **так**! Надо немножко пожестче быть* [А: 175].

Среди упреков, включенных в данную подгруппу, особое место занимают упреки в ложной скромности или самоуничижении (по 3 с/у в письмах А.П. Чехова и М. Горького): *Ваше «Без коромысла и утюга» шло недавно в Одессе. Стало быть, напрасно **Вы отзываетесь презрительно о сией пьесе*** [Ч1: 374]; ***Вы** напрасно – шутливо или уничтожительно? – **называете себя «селькоришкой»**, – селькоры и рабкоры чрезвычайно важное явление в нашей жизни, и тот, кто вызвал его, – великий умница* [Г3: 17-18].

Помимо интенции упрека, в вышеприведенных высказываниях могут быть реализованы добавочные коммуникативные установки: если у адресата есть возможность исправления своего поведения или совершения

действий таким образом, как этого хочет автор письма, то реализуется интенция просьбы (когда от «правильного» поведения адресата зависит в первую очередь душевное равновесие автора письма) или совета (когда, по мнению автора, изменение поведения адресата улучшит его собственное душевное состояние).

Таким образом, в результате анализа лингвистического оформления РА упрека в русском эпистолярном тексте XIX-XX вв. были установлены индивидуально-авторские предпочтения в употреблении определенных речевых формул при реализации данной иллокуции. Классификация РА упрека с точки зрения содержания позволила выявить наиболее частотные ситуации, в которых автор письма высказывает упреки адресату. Некоторые из них ярко характеризуют специфику русской языковой личности и русского менталитета.

4.2. Отражение конвенций эпистолярного общения в русских частных письмах XIX-XX вв.: опыт коммуникативно-прагматического описания

В результате наблюдений за содержанием высказываний, реализующих в эпистолярном тексте определенные речевые интенции, было установлено, что в некоторых из данных высказываний находят отражение конвенциональные установки эпистолярного общения.

С точки зрения информации, содержащейся в анализируемых высказываниях, можно классифицировать их по следующим основаниям:

1) объем письма (длинное / короткое);

2) временной промежуток между получением письма и написанием ответа;

3) содержание письма;

4) особенности языка, стиля и оформления письма.

Типологию РА, реализуемых анализируемыми высказываниями, можно представить следующим образом:

1. Связанные с эпистолярной деятельностью автора: а) в прошлом – извинение, оправдание; б) в будущем – обещание.

2. Связанные с эпистолярной деятельностью адресата: а) в прошлом – благодарность, упрек; б) в будущем – просьба.

Учитывая тот факт, что большинство из реализуемых РА так или иначе обусловлено характеристикой предшествуемых им действий как позитивных или негативных, становится возможным установить, какие же характеристики эпистолярной деятельности являются поощряемыми или предосудительными в обществе в тот или иной временной период.

Так, с течением времени изменяются конвенциональные установки, связанные с величиной письма. В эпистолярных текстах XIX в. высказывания, реализующие РА извинения, оправдания и обещания, связаны исключительно с малым объемом письма, а РА обещания – с большим его объемом: ***Извините****, ежели старинный* ***приятель пишет вам*** *только* ***две строчки с половиной*** *– в будущую почту напишет он две страницы 1/2* [П1: 20]; *Прощай,* ***я бы писал больше, но очень устал****, а устал оттого, что не спал всю эту ночь* [Т1: 352-353].

На рубеже XIX-XX вв. ситуация изменяется, и извинения автора, напротив, чаще обусловлены излишним, по его мнению, объемом письма: ***Простите за длинноту письма*** *и примите искренние пожелания всего орошего от преданного А. Чехова* [Ч1: 124]; *Ну,* ***Вы простите меня за это****, может быть,* ***неясное*** *и, во всяком случае,* ***очень длинное письмо*** [Г1: 104]; *Ну,* ***я****, кажется,* ***расписался***. ***Закругляюсь*** [А1: 12].

Краткость письма в этот период обычно является причиной оправдания, но не извинения со стороны его автора: *Очень жарко и душно, а потому* ***придется писать недолго и коротко*** [Ч1: 244]; ***Пишу наскорях****, забежал на квартиру, сейчас на почту и вновь по «мытарствам»* [Ш: 37]; ***Пишу тебе коротко*** *– приболел опять, да дело срочное одно пристало* [А: 188].

Еще одно подтверждение изменения конвенциональных установок, связанных с величиной письма, заключается в том, что высказывания, реализующие РА благодарности, обусловленные большим объемом письма адресата, отмечены только в эпистолярии Л.Н. Толстого и М. Горького: ***Благодарствуйте за длинное*** *и славное* ***письмо*** *ваше, дорогой Василий Петрович* [Т1: 500]; *Мудрый дяденька, суровый писатель* ***длинных писем*** *прямыми буквами! Кланяюсь Вам и* ***благодарю*** *Вас искренно…* [Г1: 233].

Однако РА просьбы, касающейся написания адресатом длинного письма, встречаются в письмах, относящихся как к XIX, так и к XX в.: ***Пишите*** *же, ради бога, поскорее,* ***побольше*** *и как можно понескладнее и побезобразнее, поэтому искреннее* [Т1: 425]; ***Пишите*** *мне, голубчик, и* ***не скупитесь*** [Ч1: 236]; ***Напиши подробнее*** *о своей живухе, об охоте и пр.* [Ш: 232]. Данный факт можно объяснить влиянием сложившейся ранее эпистолярной традиции.

В отличие от конвенциональных установок, связанных с объемом письма, принятые в обществе правила эпистолярного этикета, касающиеся необходимости немедленного ответа на письмо, не претерпевают столь значимых изменений.

Данная традиция находит выражение прежде всего в высказываниях, реализующих одновременно интенции извинения и оправдания, обусловленные длительным отсутствием ответа на письмо со стороны автора: ***Извините****, что* ***до сих пор я не мог отвечать вам****; разные обстоятельства, печальные и хлопотливые, мне помешали* [П1: 653]; ***Виноват****, что* ***дня три не отвечал на ваше письмо****. Я ужасно был занят все это время* [Т1: 446]; *Прежде всего* ***каюсь и извиняюсь: не писал долго*** *по причинам, от редакции не зависящим. То некогда было, то лень...* [Ч1: 25]; ***Простите за мое невольное*** *(был в отсутствии)* ***молчание*** [Ш: 251]; ***Извините****, что* ***я не сразу ответил на Ваше письмо****. Катался по Вашим родным местам на пароходе – от Перми до Астрахани и вот только прибыл домой со своим семейством* [А: 31].

Отсутствие писем от адресата, состоящего в близких, чаще родственных, отношениях с автором, нередко приводит к появлению в эпистолярном тексте РА упрека: ***А ты ни строчкой не порадовал изгнанника*** [П1: 193]; ***Как тебе не совестно****, Сережа,* ***не отвечать на письмо****, ответ на которое очень интересует меня?* [Т1: 350]; ***Что же ты****, паршивка,* ***не пишешь****?* [Ш: 23]; ***Жаль, что ты не написала ни слова*** *– это уже ни к чему* [А: 125].

В письмах к знакомым автор избегает упреков за отсутствие ответа на свое письма, а вместо этого пытается найти оправдание молчанию адресата: *Или мои или ваши* ***письма*** *или те и другие –* ***не доходят*** *– иначе я не могу объяснить себе вашего 6-ти месячного молчания…* [Т1: 379-380]; *Вы не ответили на мое письмо –* ***получили ли Вы его? Вам очень некогда?*** [Г1: 9]. Отметим, что в нашем материале подобные высказывания отмечены только в письмах, написанных в XIX в.

В конце письма традиционно содержится просьба к адресату ответить на письмо автора в ближайшее время: ***Пиши*** *мне* [П1: 225]; *Пожалуйста,* ***отвечай немедленно*** [Т1: 401]; ***Пиши*** *мне* ***обязательно*** [Ч1: 119]; *Так* ***ответьте*** *же* ***поскорее*** *на это письмо!* [Г1: 10]; *Ну, будьте здоровы,* ***не задержите ответ*** [Ш: 93]; *Ты только* ***не затяни с письмом****. Маленько, но* ***сразу напиши*** [А: 246].

Традиционным также является выражение благодарности адресату за письмо. Высказывания, реализующие РА данного типа, обычно находятся в начале или конце эпистолярного текста: *Сердечно* ***благодарю вас за письмо****, приятный знак вашего ко мне благорасположения* [П1: 608]; ***Благодарствуй за твое письмо****, любезный друг Чичерин* [Т1: 534]; *Еще раз* ***благодарю Вас за письмо****, желаю всего хорошего и остаюсь искренно, душевно преданным А. Чехов* [Ч1: 183]; *Сердечное Вам* ***спасибо за отклик*** *на мое письмо и за обещание написать мне еще* [Г1: 45]; *Еще раз* ***спасибо Вам за письмо*** *и за теплые слова* [А: 48].

Автор часто выражает благодарность адресату и за содержание письма: *Очень, очень* ***благодарен вам****, Некрасов,* ***за искренность*** *вашего* ***письма*** [Т1: 498]; ***Спасибо*** *за то, что* ***оно*** [письмо. – Т.А.] ***не ругательное,*** *как я ожидал...* [Ч1: 99]; ***За дружеское, славное письмо*** *– примите мое сердечное, горячее* ***спасибо*** [Г1: 82]; *Крепко вас обнимаю и еще раз* ***благодарю за доброе****, большое* ***письмо*** [А: 84].

Традиционными являются и авторские обращения к адресату с просьбой сообщить конкретную информацию: *Сделай милость,* ***напиши*** *мне обстоятельнее* ***о тяжбе своей с цензурою*** [П1: 148]; *Прощайте, милая бабушка, – пожалуйста,* ***напишите мне про себя*** [Т1: 513]; ***Жду*** *самых* ***хороших известий о Вашем здоровье*** [Ч1: 209]; *Вы* ***изобразите*** *мне* ***письмом, кто это разорил Вас на такую длинную телеграмму*** [Г1: 45]; ***Пиши про мою дочурку*** *больше. Что и как она?* [Ш: 32]; ***Как ты живешь,*** *друже?* ***Чего нового*** *на ваших творческих и издательских горизонтах?* [А: 15].

Недостаточная, по мнению автора, информативность письма адресата обусловливает появление в ответном письме высказываний с интенцией упрека: ***… не благодарю тебя за письмо*** *твое, потому что* ***ты мне дельного ничего не говоришь*** *– я называю дельным все, что касается до тебя* [П1: 77]; ***О матери ни слова*** *–* ***почему?*** [Г1: 74]. РА упрека могут быть обусловлены также тем, что, по мнению автора, адресат неверно интерпретировал его предыдущее сообщение / отсутствие сообщения: ***Вы меня неверно поняли.*** *<…> А* ***Вы подозреваете меня в ехидстве по Вашему адресу.*** *Бросьте!* [Г1: 90]; ***Напрасно обижаешься****, что не высказался о твоей работе. Во-первых, в этих делах я ни черта не понимаю, во-вторых, как можно судить о чем-либо по фотографии?* [Ш: 227].

Если автор оценивает собственное письмо как недостаточно информативное или связное, то в конце письма он просит прощения и / или оправдывается перед адресатом (можно предположить, что таким образом реализуются отголоски византийской традиции самоуничижения автора):

Письмо мое скучно**, потому что с тех пор, как я сделался историческим лицом для сплетниц Санкт-Петербурга, я глупею и старею не неделями, а часами.* ***Прости [П1: 38]; ***Извините за бестолковость и краткость письма*** [Т1: 798]; ***Простите за кислое письмо**, ей-богу, – очень неладно на душе у меня* [Г1: 48]; *... сейчас 12, сижу, и перо падает из рук. Ночи короткие, и я хронически недосыпаю.* ***Простите за бессвязь*** [Ш: 93]; *Мозги у меня все еще нараскоряку, и поэтому* ***не могу** собрать мысли воедино и **толково написать все*** [А: 165].

Правила оформления письма состоят в том, что эпистолярный текст должен быть написан таким образом, чтобы адресат понял его без особых затруднений. Если автору кажется, что стилистическое оформление письма небезупречно, то он констатирует этот факт и пытается оправдаться / извиниться перед адресатом (в некоторых примерах, на наш взгляд, также представлены элементы самоуничижения автора): *Так как я дождался оказии, то и* ***буду писать тебе спустя рукава*** [П1: 210]; *Я чувствую себя нынче в скверном духе и* ***пишу дурно** и боюсь, что холодно, а мне всегда бы хотелось выражаться так, как я чувствую к вам, – всегда с осторожною уважительною нежностью* [Т1: 810]; *Прочел я это* ***письмо** и нахожу, что оно* ***написано очень не литературно*** [Ч1: 221]; ***Письмо вышло нескладное**. Не хотел я отвечать я, ответил как-то невольно. Жалею. Не надо бы* [Г1: 174]; ***Письмишко получилось плоховатое**... Я, кажется, разучился писать и толково излагать мысли.* ***Простите**, пожалуйста* [Ш: 201]; ***Извини**, что так* ***нервно и скоротечно отвечаю** – народ не переводится, устал жутко...* [А: 480].

Оправдание или извинение автора также могут быть обусловлены его плохим почерком или тем, что письмо испачкано: *Если найдете в этом письме каракули, то знайте, что* ***Яшенька помешала**, чтоб ей Мерлитон приснился!* [Ч1: 101]; ***Прошу извинения за испачканное письмо**. Очень* ***прошу*** [Г1: 33]. ***Извини за почерк**. По сравнению с твоим – его вообще нельзя назвать почерком* [А: 27].

Если автор письма считает неудачным выбор языковых единиц или неразборчивым – почерк адресата, то в ответном письме он сообщает об этом посредством высказываний с интенцией упрека: *Сперва хочу с тобою побраниться;* ***как тебе не стыдно****, мой милый,* ***писать полурусское, полуфранцузское письмо****, ты не московская кузина…* [П1: 92]; *Милый Альба! Называю Вас так, потому что* ***Ваш трагический почерк*** *– последнее слово инквизиции. Он, пока я прочел Ваше письмо,* ***вывихнул мне глаза*** [Ч1: 176].

Упреки адресату по поводу его плохого почерка отмечены в нашем материале только в письмах, относящихся к XIX в. Возможно, данный факт объясняется тем, что письма в XX в. реже пишутся от руки и напечатанное частное письмо в этот период уже не является редкостью. Ср. высказывание из письма В.П. Астафьева: *Почерк мой ужасный, поэтому Марья Семеновна* ***напечатает письмо на машинке*** [А: 404].

Как видим, конвенциональные установки эпистолярного общения изменяются с течением времени, но весьма незначительно. Эволюция эпистолярного этикета обусловлена прежде всего ускорением темпа жизни коммуникантов, а также появлением технических средств, позволяющих заменить рукописный вариант текста машинописным.

Выводы по главе 4

Частотные для эпистолярии РА реализуются посредством высказываний с интенциями приветствия и прощания, благодарности, извинения, поздравления, пожелания, приглашения, просьбы и упрека.

Установлено, что для каждого из перечисленных РА существуют специфические способы языкового оформления и наиболее частотные ситуации, в которых реализуется та или иная речевая интенция.

В частности, дано описание эпистолярных формул, которые реализуют рассматриваемые РА, тенденций изменения их употребления в письмах, относящихся к различным временным периодам, а также

предпочтений конкретного автора в выборе определенного средства реализации того или иного РА. Определены тенденции в выборе эпистолярных формул приветствия и прощания в зависимости от того, какое оценочное отношение выражает автор по отношению к адресату.

Помимо основных средств, реализующих анализируемые РА, выявлены дополнительные средства представления некоторых из них, в том числе интенсификаторы РА извинения, средства актуализации вежливости и экспрессивности в РА просьбы, а также лексемы, актуализирующие в высказываниях интенцию упрека. Представлена также тематическая классификация лексических единиц, номинирующих праздники в РА поздравления.

Дано описание типовых ситуаций, характерных для реализации РА благодарности, извинения, просьбы и упрека.

Выявлены формальные и содержательные особенности анализируемых РА, в которых эксплицированы черты русского менталитета. В частности, национально-культурная специфика русскоязычного общения находит отражение в РА благодарности (небольшое количество формул благодарности, необязательность этикетной благодарности), извинения (обусловленность наиболее частотных извинений тем, что автор письма несвоевременно отвечает на письмо адресата), поздравления (преобладание поздравлений с календарными событиями над поздравлениями с событиями, которые состоялись благодаря действиям адресата), пожелания (активное употребление побудительных высказываний, а также пожелание того, что не может произойти без усилий со стороны адресата), приглашения (преобладание побудительных высказываний над повествовательными и вопросительными; мотивировка приглашения, связанная прежде всего с интересами автора, а не с желаниями адресата) и просьбы (давление на адресата, оказываемое посредством актуализаторов вежливости и интенсификаторов экспрессивности).

В результате лингвокультурного анализа эпистолярных РА было установлено, что в ряде высказываний, реализующих РА извинения, обещания, благодарности, упрека и просьбы, находят отражение конвенциональные установки эпистолярного общения. В частности, анализ высказываний, в которых находит отражение информация об объеме письма, промежутке между получением письма и ответом на него, содержании письма, а также особенностях его оформления, позволяет сделать вывод о том, что с течением времени изменяются конвенциональные установки, связанные с объемом письма (в XX в. письмо становится короче, чем в XIX). В то же время остальные принятые в обществе правила эпистолярного этикета не претерпевают значимых изменений.

Таким образом, формальные и содержательные признаки РА частного письма могут быть использованы для характеристики русского менталитета в целом и конкретной эпистолярной языковой личности в частности. Эволюция содержания и оформления эпистолярных РА может свидетельствовать об изменении правил эпистолярного общения или характеризовать особенности эпистолярного идиостиля конкретного автора письма.

Заключение

Для выявления и описания лингвокультурологических характеристик русского эпистолярного текста плодотворным является анализ стилистических, концептуальных и коммуникативно-прагматических особенностей частного письма.

В результате рассмотрения специфических для частного письма языковых единиц определены фонетические, грамматические, словообразовательные и лексические особенности эпистолярного текста, направленные на имитацию непосредственного общения. Дано также описание стилистических приемов, позволяющих создать непринужденную атмосферу эпистолярного общения, к которым относится намеренное нарушение фонетических и грамматических норм, использование архаизмов и трансформация эпистолярных формул и стереотипов. Кроме того, представлены изобразительно-выразительные средства русского частного письма, характеризующие индивидуальную языковую личность пишущего: метафоры, отражающие представления писателей о литературном труде, а также фрагменты чужой речи, в том числе прецедентные тексты.

Анализ концептуального содержания эпистолярного текста осуществлялся посредством авторской методики, состоящей в определении контекстуального окружения (распространителей) ключевых слов, вербализующих тот или иной концепт, а также типовых ситуаций, реализованных посредством высказываний с ключевыми словами. Данная методика была использована при описании различных типов эпистолярных концептов: 1) эпистолярных констант, которые реализованы большим количеством употреблений имен концептов, не изменяющихся в письмах разных временных пластов; 2) эпистолярных «переменных», реализованных в письмах разных периодов посредством различных лексем, выбор которых обусловлен экстралингвистическими факторами; 3) собственно лингвокультурных концептов, вербализованных посредством ключевых

слов, имеющих особую «эпистолярную семантику», которая изменяется в письмах с течением времени. Анализ концептов по предложенной методике позволил определить закономерности использования анализируемых слов в эпистолярном тексте и на их основе представить описание смыслового потенциала того или иного концепта. Различия в контекстуальном окружении, в наборе типовых ситуаций, в частотности слов, вербализующих концепты в письмах, которые принадлежат разным временным пластам, могут свидетельствовать об эволюции содержания концепта или значения лексемы – ключевого слова, об отражении в эпистолярном тексте экстралингвистических факторов, обусловивших данные изменения, а также об элементах эволюции эпистолярного этикета в рассматриваемый период времени.

Кроме того, данная методика позволяет выявить специфику реализации того или иного концепта в письмах конкретного автора и тем самым охарактеризовать особенности его языковой личности и эпистолярного идиостиля.

Рассмотрение особенностей употребления ономастических единиц в русском частном письме позволил определить состав эпистолярного ономастикона, включающего антропонимы, библионимы, геортонимы, топонимы, этнонимы и колоронимы. Установлено, что антропонимы и библионимы в эпистолярном тексте часто подвергаются сокращению, вплоть до аббревиатур; антропонимы и библионимы также используются для создания языковой игры. Проведен анализ онимов эпистолярного текста с точки зрения их контекстуального окружения и реализации определенных типовых ситуаций посредством высказываний, включающих анализируемые единицы. Сделано предположение о том, что выявленные различия в употреблении геортонимов и колоронимов в письмах, относящихся к разным временным периодам, обусловлены экстралингвистическими факторами. В результате анализа высказываний с этнонимом *русский* были определены этнические стереотипы, отраженные

в письмах классиков русской литературы XIX-XX вв. Кроме того, анализу подверглись прецедентные онимы, используемые в частных письмах для придания эпистолярному общению шутливой или иронической тональности.

Результатом анализа коммуникативно-прагматических особенностей частного письма стало описание формальных и содержательных параметров наиболее частотных РА, включенных в эпистолярный текст: приветствия и прощания, благодарности, извинения, поздравления, пожелания, приглашения, просьбы и упрека. Доказано, что в РА, используемых в русском эпистолярном тексте, находит отражение национально-культурная специфика русскоязычной коммуникации, тенденции ее эволюции, а также особенности эпистолярного идиостиля.

Установлено, что формальные и содержательные признаки РА частного письма могут быть использованы для характеристики русского менталитета в целом и эпистолярной языковой личности в частности, а эволюция содержания и оформления эпистолярных РА может свидетельствовать об изменении правил эпистолярного общения или характеризовать особенности эпистолярного идиостиля. Кроме того, дана характеристика особенностей эпистолярного этикета, которые реализуются посредством РА, включенных в русское частное письмо, а также выявлены элементы эволюции эпистолярного этикета на протяжении двух веков.

Системный лингвокультурный анализ номинативных и коммуникативных единиц эпистолярного текста позволил выявить основные тенденции изменений в языковом оформлении эпистолярного текста на протяжении XIX-XX вв.

Так, при анализе стилистических особенностей частных писем установлено, что начиная с рубежа XIX-XX вв. в писательском эпистолярии увеличивается число солецизмов. При этом не только растет частотность отдельных лексем с «нелитературными» словоизменительными парадигмами, но и расширяется диапазон нелитературных форм,

использованных в качестве солецизмов. При рассмотрении прецедентных высказываний в писательском эпистолярии также выявлены различия в письмах XIX и XX вв., обусловленные, очевидно, экстралингвистическими факторами: в эпистолярии XIX в. авторы нередко используют цитаты на иностранных языках, а в письмах, относящихся к XX в., иностранные вкрапления отсутствуют.

Анализ концептуального содержания эпистолярия позволил также определить признаки эволюции в его языковом оформлении. Так, обнаруживает тенденции к изменению контекстуальное окружение лексем, вербализующих рассматриваемые в работе концепты: в XIX в. авторы используют, помимо общеупотребительных определений, также и индивидуально-авторские эпитеты к словам *письмо* и *погода*, в то время как в XX в. окказионализмов при данных лексемах не отмечено.

В результате анализа языковых единиц, реализующих концепт «Здоровье», установлено, что в XIX в. используются преимущественно стандартные пожелания здоровья, а в XX в. авторы писем употребляют не только стандартные пожелания, но и оригинальные.

Коммуникативно-прагматический анализ эпистолярных высказываний также позволил выявить множество тенденций, отражающих эволюцию языкового оформления письма. В частности, отмечено, что в XIX в. в письмах к близким родственникам автор может использовать вместо стандартного определения (*дорогой*, *уважаемый* и под.) к инициальному обращению его окказиональный аналог, выбор которого обычно связан с недавними событиями в жизни адресата, известными автору письма. В письмах, относящихся к XX в., подобное употребление определений к начальному обращению не отмечено.

В частных письмах XIX – начала XX в. инициальные обращения нередко отсутствуют (особенно четко данная тенденция прослеживается в письмах Л.Н. Толстого), этикетные слова приветствия отмечены только в письмах к членам семьи. Противоположная закономерность

прослеживается в эпистолярии XX в.: письма всегда начинаются с обращения или этикетных слов приветствия. Наиболее употребительная формула прощания в XIX в. – *прощай* – в XX в. сменяется формулами *будь здоров* и *жму руку*.

Четкая тенденция прослеживается в употреблении эпистолярных формул, реализующих РА благодарности: в письмах XIX в., наряду с привычными единицами *благодарю*, *спасибо*, *благодарен*, встречаются довольно много других, синонимичных формул. К середине XX в. их количество резко уменьшается и остаются только слова *спасибо* и *благодарю*. При этом с течением времени частотность лексемы *благодарю* уменьшается, а у *спасибо*, напротив, увеличивается.

Подобная закономерность обнаруживается и в использовании эпистолярных формул, реализующих РА извинения: в письмах XIX в., помимо слов *простите* и *извините*, отмечены эпистолярные формулы *виноват*, *прошу простить*, *не сердитесь*, которые практически исчезают к середине XX в.

Отмечена тенденция эволюции в оформлении письма, связанная с трансформацией эпистолярных формул пожелания: для эпистолярного текста XIX в. более характерны модификации содержания пожеланий при стилистической нейтральности сообщений, а для писем рубежа веков и XX в. – изменения в языковом оформлении пожеланий, содержание которых весьма традиционно.

Колебания в частотности употребления эпистолярной формулы *Дай тебе / Вам / вам Бог*, реализующей РА пожелания, могут быть связаны как с изменением общественного устройства и обусловленной им установкой на избавление от религиозных традиций с последующим их возвращением, так и сознательным выбором автором письма атеизма или религиозности как способа мировосприятия. Вероятно, та же самая причина лежит в основе изменений в частотности употребления интенсификатора РА извинения и просьбы *ради Бога / Христа* на протяжении XIX-XX вв.

В процессе лингвокультурного анализа писательского эпистолярия также были определены некоторые критерии описания эпистолярного идиостиля.

В частности, при анализе стилистических особенностей частных писем было установлено, что существуют индивидуально-авторские предпочтения в выборе определенных способов создания иллюзии устной речи, средств стилизации фонетических особенностей просторечия и диалектов, в использовании архаизмов для придания высказыванию той или иной экспрессивной окраски.

Широкие возможности для самовыражения предоставляет автору использование шутливых подписей в конце письма, а также модификация антропонимов, именующих адресата или лиц, не принимающих участия в общении. Использование прецедентных онимов для называния участников эпистолярного общения, на наш взгляд, также можно считать проявлением креативности создателей писем.

«Автороцентричность» эпистолярного текста находит свое воплощение не только в использовании тех или иных языковых единиц, но и в предпочтении определенных метафор, а также в употреблении высказываний, принадлежащих другим лицам: прецедентных текстов, в том числе пословиц, или не являющихся прецедентными фрагментов устной и письменной речи других лиц.

Выявляются также индивидуально-авторские особенности, связанные с вербальной репрезентации различных концептов. Наиболее ярко они проявляются при использовании топонимических единиц, вербализующих концепты «Москва», «Петербург» и «Россия». Выбор автором определенного контекстуального окружения топонима (в частности, эпитетов к нему) и использование топонима в определенной ситуации эксплицирует его коннотативно-оценочный потенциал и может рассматриваться в качестве одного из средств реконструкции фрагментов языковой картины мира автора письма. Кроме того, особенности языковой

картины мира автора могут быть эксплицированы при анализе особенностей употребления этнонимов в эпистолярии.

Анализ коммуникативно-прагматических особенностей РА частного письма также позволяет обнаружить множество «штрихов» к эпистолярному идиостилю того или иного автора. В качестве одного из примеров приведем соотношение перформативных и императивных высказываний с интенцией пожелания в эпистолярии каждого из рассматриваемых авторов. Так, императивные пожелания используются чаще перформативных в письмах А.С. Пушкина (47 и 11 с/у) и А.П. Чехова (362 и 238 с/у), реже перформативных – в письмах Л.Н. Толстого (33 и 95 с/у), М. Горького (82 и 192 с/у), М.А. Шолохова (20 и 101 с/у) и В.П. Астафьева (98 и 134 с/у). Другой пример: одной из характеристик эпистолярного идиостиля М. Горького является выражение РА просьбы посредством нескольких высказываний с указанной интенцией, которые включают различные эпистолярные формулы, реализующие данный РА.

Можно выделить несколько направлений дальнейшего изучения лингвокультурологических особенностей эпистолярного текста:

1) диахроническое: привлечение в качестве материала для анализа эпистолярия других писателей-классиков для разграничения индивидуально-авторских особенностей реализации анализируемых единиц в частных письмах и тенденций эволюции их употребления в эпистолярных текстах, созданных на протяжении XIX-XX вв.;

2) стилистическое: сравнение выявленных особенностей эпистолярного идиостиля рассматриваемых авторов с чертами идиостиля, которые находят отражение в художественных произведениях, принадлежащих перу каждого из них;

3) этнолингвистическое: сопоставительный анализ лингвокультурологических характеристик русского эпистолярного текста с особенностями частных писем, написанных на других языках.

Библиография

1. Абильдинова Ж.Б. Языковые средства экспликации этнических стереотипов русских, казахов и немцев (на материале русскоязычных анекдотов): автореф. дис … канд. филол. н. Тобольск, 2011. 31 с.

2. Авдонина Л.Н. Лексическая объективация концепта «Петербург» в художественной картине мира А. Блока: автореф. дис. … канд. филол. н. Воронеж, 2009. 22 с.

3. Азнаурова Э.С. Прагматика художественного слова. Ташкент: Фан, 1988. 126 с.

4. Адамокова Э.Б. Семантико-прагматические свойства и контексты функционирования средств выражения благодарности в немецком языке: дис. … канд. филол. н. Пятигорск, 2005. 172 с.

5. Акимова Т.П. Перформативы как средство характеристики языковой личности (на материале писем А.С. Пушкина) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. «Филологические науки». 2009а. № 5 (39). С. 70-74.

6. Акимова Т.П. Средства выражения интенции просьбы в письмах Л.Н. Толстого // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. «Филологические науки». 2009б. – № 7 (41). С. 72-76.

7. Акимова Т.П. Особенности реализации оценочных речевых жанров в эпистолярном тексте // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2009в. № 2 (10). С. 65-70.

8. Акимова Т.П. Приемы создания языковой игры в эпистолярном тексте (на материале писем классиков русской литературы XIX-XX вв.) // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». 2010а. № 3 (37). Ч. 2. С. 69-73.

9. Акимова Т.П. Языковая игра на фоне идиоматики в писательском эпистолярии: названия художественных произведений // Фразеология, познание и культура: сб. докл. 2-й Междунар. науч. конф.: в 2 т. Белгород:

Изд-во Белгород. гос. ун-та, 2010б. Т. 2. Дискурсивные и дидактические проблемы фразеологии. С. 165-169.

10. Акимова Т.П. Хронотоп эпистолярного текста (на материале писем А.С. Пушкина и М. Горького) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2011а. № 2 (14). С. 17-22.

11. Акимова Т.П. Особенности употребления топонимов «Россия» и «Русь» в писательском эпистолярии XIX-XX веков // Сб. науч. статей к юбилею проф. О. Винцелера: In honorem magistri Onufrie Vinţeler. Cluj-Napoca: Editura Napoca Star, 2011б (Румыния). P. 49-53.

12. Акимова Т.П. Приглашение (на материале русских частных писем XX века в сопоставлении с англоязычными письмами этого периода) // Славянская концептосфера в сопоставительном освещении: лексикон. Самара: Изд-во СГУ, 2011в. С. 319-325.

13. Акимова Т.П. Представление национально-культурных особенностей коммуникации в этикетных речевых жанрах русского эпистолярного текста // Ученые записки Орловского государственного университета: научный журнал. Сер. «Гуманитарные и социальные науки». 2012а. № 1 (45). С. 211-216.

14. Акимова Т.П. Особенности употребления аутографонимов в русском эпистолярном тексте XIX-XX вв. // Ономастика Поволжья: материалы XIII Междунар. науч. конф. Ярославль: Изд-во Ярославск. гос. пед. ун-та, 2012б. С. 121-125.

15. Акимова Т.П. Особенности употребления прецедентных текстов в письмах А.П. Чехова // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». № 1 (28). Январь 2014 г. Режим доступа: http://grani.vspu.ru/files/publics/1389777544.pdf

16. Акимова Т.П. Языковая личность писателя сквозь призму образно-тропеических средств представления литературного труда (на материале писем М.А. Шолохова и В.П. Астафьева) // Русское слово: сб.

науч. ст. Волгоград: Изд-во ЦДОД «Олимпия», 2015. Выпуск 4: К юбилею декана филол. фак-та ВГСПУ проф. Е.В. Брысиной. С. 93-102.

17. Акишина А.А. Письмо как один из видов текста // Русский язык за рубежом. 1982. № 2. С. 57-63.

18. Акишина А.А. Этикет русского письма / А.А. Акишина, Н.И. Формановская. М.: Русский язык, 1981. 199 с.

19. Алексеенко М.А. Текстовая реминисценция как единица интертекстуальности // Массовая культура на рубеже XX-XXI веков: человек и его дискурс: сб. науч. тр. М.: Азбуковник, 2003. С. 221-233.

20. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. Волгоград: Перемена, 1999. 274 с.

21. Алефиренко Н.Ф. Проблемы вербализации концепта: Теоретические исследования. Волгоград: Перемена, 2003. 95 с.

22. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке: учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2005. 416 с.

23. Амири Л.П. Языковая игра в российской и американской рекламе: автореф. дис. … канд. филол. н. Ростов н/Д, 2007. 26 с.

24. Андреева О.Н. Функционально-прагматическое описание эпистолярного текста (на материале писем в защиту): автореф. дис. … канд. филол. н. Новосибирск, 2015. 20 с.

25. Андреева О.С. Семантико-стилистические особенности функционирования геортонимов в современном русском языке: дис. … канд. филол. н. Волгоград, 2004. 214 с.

26. Анипкина Л.Н. Оценочные высказывания в прагматическом аспекте // Филологические науки. 2000. № 2. С. 58-66.

27. Антоненко С.В. Структура писем А.С. Пушкина: Лингвостилистика текста. Киев: Изд-во Украинск. пед. ун-та, 2000. 203 с.

28. Апанасенко Э.Г. Россия – Восток – Запад в зеркале русских этнонимов: автореф. дис … канд. филол. н. Владивосток, 2009. 21 с.

29. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 629-650.

30. Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I: Парадигматика. М.: Языки славянских культур, 2009. 568 с.

31. Арбузова В.Ю. Прецедентность в русском языке как лингвистический и культурный феномен (на материале научных и эпистолярных текстов): автореф. дис. … канд. филол. н. Липецк, 2007. 24 с.

32. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сб.ст. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. гос. ун-та, 1999. 443 с.

33. Арутюнова Н.Д. Истоки, проблемы и категории прагматики / Н. Д Арутюнова, Е. В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Т. 16. С. 3-42.

34. Арутюнова Н.Д. «Пропозиция», «факт», «событие» (опыт концептуального анализа) // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1987. Т. 46. № 6. С. 529–546.

35. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988. 388 с.

36. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136-137.

37. Арутюнова Н.Д. Речевой акт // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 412-413.

38. Арутюнова Н.Д. Прагматика // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 389-390.

39. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

40. Арутюнян Э.Б. Функционирование речевого этикета в королевском эпистолярном наследии (XV-XIX вв.): автореф. дис. … канд. филол. н. СПб., 2000. 18 с.

41. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М.: Academia, 1997. С. 267-279.

42. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. М.: Учпедгиз, 1957. 295 с.

43. Ахманова О.С. Основы компонентного анализа. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1969. 97 с.

44. Бабаева Е.В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира: автореф. дис. ... д-ра филол. н. Волгоград, 2004. 40 с.

45. Балакай А.Г. Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания. Новокузнецк: РИО Кузбасская гос. пед. академия, 2002. 228 с.

46. Баланчик И.С. Фразеология эпистолярного наследия А.П. Чехова: автореф. дис. … канд. филол. н. М., 1992. 16 с.

47. Баранов А.Н. Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры почти 20 лет спустя // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Editorial URSS, 2004. С. 3-20.

48. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста // Бахтин М.М. Собр. соч.: В 5 т. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1996. С. 159-206.

49. Башкова И.В. Языковая игра в повести В.П. Астафьева «Веселый солдат» // Игра как прием текстопорождения: кол. монография. Красноярск: Изд-во Сибир. федерал. ун-та, 2010. С. 134-139.

50. Белецкая А.Ю. Пословица как прецедентная единица в аргументативном дискурсе: автореф. дис. … канд. филол. н. Самара, 2002. 19 с.

51. Белова А.В. Лингвопрагматическая характеристика обратимой эпистолярной коммуникации (на материале переписки Ал. П. Чехова и А.П. Чехова): автореф. дис. … канд. филол. н. СПб., 2005. 23 с.

52. Белунова Н.И. Текст дружеского письма творческой интеллигенции конца XIX – первой четверти XX в. как объект лингвистического исследования: Коммуникативный аспект: автореф. дис. ... д-ра филол. н. СПб., 2000. 45 с.

53. Белунова Н.И. Элитарная речевая культура и ее основные особенности (на материале дружеских писем творческой интеллигенции конца XIX – первой четверти XX в.): учеб. пособие. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. гос. ун-та, 2009. 104 с.

54. Бердникова А.Г. Речевой жанр благодарности: Когнитивный и семантико-прагматический аспекты: дис. ... канд. филол. н. Новосибирск, 2005. 224 с.

55. Березович Е.Л. Русская ономастика на современном этапе: критические заметки // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2001. Т. 60. С. 34-46.

56. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Изд-во Московской патриархии, 2010. 1376 с.

57. Богданов В.В. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. 88 с.

58. Богданович Г.Ю. Антропоцентрическая парадигма в языке и проблемы этнолингвистики // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. 2015. № 18 (57). № 1. С. 181-188.

59. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис… д-ра филол. н. Л., 1984. 31 с.

60. Богуславская Н.Е. Этикет письма (на материале родственных и дружеских писем свердловских школьников) / Н.Е. Богуславская, Н.А. Купина // Функционирование литературного языка в уральском городе: сб. науч. тр. Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1990. С. 26-34.

61. Болдарева Е.Ф. Языковая игра как форма выражения эмоций: автореф. дис. …канд. филол. н. Волгоград, 2002. 18 с.

62. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 2001. 123 с.

63. Бондалетов В.Д. Русская ономастика. 2-е изд., доп. М.: Editorial URSS, 2012. 312 с.

64. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики. М.: Языки славянской культуры. 2002. 736 с.

65. Борисова И.И. Слово как ключевая единица в русской языковой картине мира: автореф. дис. … канд. филол. н. М., 2011. 20 с.

66. Бояркина А.В. Письма В.А. Моцарта в лингвостилистическом и текстуальном аспектах: автореф. дис. ... канд. филол. н. СПб., 2010. 24 с.

67. Брысина Е.В. Этнокультурная идиоматика донского казачества: монография. Волгоград: Перемена, 2003. 292 с.

68. Булатникова Е.Н. Концепты «Лошадь» и «Автомобиль» в русском языке: автореф. дис. … канд. филол. н. Екатеринбург, 2006. 22 с.

69. Булаховский Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX века: лексика и общие замечания о слоге. Киев: Изд-во Киев. гос. ун-та, 1957. 492 с.

70. Булыгина Т. В. Оценочные речевые акты извне и изнутри / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев // Логический анализ языка: Язык речевых действий. М.: Наука, 1994. С. 49-59.

71. Булыгина Т.В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. М.: Языки русской культуры, 1997. 576 с.

72. Буряковская В.А. Признак этничности в семантике языка (на материале русского и английского языков): автореф. дис … канд. филол. н. Волгоград, 2000. 23 с.

73. Бусоргина Н.Ю. Эпистолярный текст как составляющая ритуального и этикетного дискурса (на материале английского языка): дис. … канд. филол. н. Самара, 2006. 193 с.

74. Бушакова М.Н. Лексико-семантические и православно-культурные параметры концепта «грех» в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. н. Ставрополь, 2010. 27 с.

75. Васильев Л.М. Современная лингвистическая семантика. М.: Высшая школа, 1990. 176 с.

76. Васильева А.Н. Курс лекций по стилистике русского языка. Общие понятия стилистики. Обиходно-разговорный стиль. М.: Русский язык, 1976. 240 с.

77. Васильева Н.В. Собственное имя в мире текста. М.: Либроком, 2009. 224 с.

78. Вежбицка А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ. М.: Русские словари, 1996. 416 с.

79. Вежбицка А. Речевые жанры // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: Колледж, 1997. С. 99-111.

80. Вежбицка А. Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. М.: Языки русской культуры, 1999. 776 с.

81. Вежбицка А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. М.: Языки славянской культуры, 2001. 288 с.

82. Верещагин Е.М. Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. М.: Русский язык, 1980. 320 с.

83. Верещагин Е.М. Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. М.: Русский язык, 1990. 246 с.

84. Веселов В.П. Аксиомы делового письма: Культура делового общения и официальной переписки. 4-е изд., перераб. М.: Маркетинг, 1993. 79 с.

85. Виноградов В.В. О художественной прозе. М.; Л.: Наука, 1930. 180 с.

86. Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения (на материале русского языка) // Виноградов В.В. Избранные труды: Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 254-294.

87. Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. М.: Высшая школа, 1981. 320 с.

88. Виноградова Е.М. Эпистолярные речевые жанры: Прагматика и семантика текста: автореф. дис. ... канд. филол. н. М., 1991. 22 с.

89. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения. 4-е изд. М.: Либроком, 2009. 176 с.

90. Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. 2-е изд., испр. и доп. М.: Либроком, 2009. 240 с.

91. Власенко Н.И. Содержание, вкладываемое в термин «эпистолярный жанр», его соотношение с понятиями стиля и подстиля // Известия Курского государственного педагогического университета. Курск, 2002. № 1. С. 137-142.

92. Воейкова М.Д. Категориальные признаки перформативных высказываний в русском языке // Межкатегориальные связи в грамматике: сб. науч. тр. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 153-166.

93. Войлова К.А. Русь, Россия – культурологическая оппозиция в художественном пространстве А.С. Пушкина // Русский язык в системе славянских языков: история и современность: сб. науч. тр. М.: Изд-во Моск. гос. обл. ун-та, 2008. Вып. 2. С. 21-29.

94. Волков В.В. Концепт «здоровье»: лингвистические механизмы самовосприятия / В.В. Волков, Н.В. Волкова // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Филология». 2008. № 9. С. 93-98.

95. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Editorial URSS, 2002. 280 с.

96. Воркачев С.Г. Этносемантика паремии: сопоставительный анализ метафоризированных показателей безразличия в русском и

испанском языках // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. Волгоград – Архангельск: Перемена, 1996. С. 16-25.

97. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: строение антропоцентрической парадигмы в сознании // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 2001. № 1. С. 64-72.

98. Воркачев С.Г. Методологические основания лингвоконцептологии // Теоретическая и прикладная лингвистика: межвуз. сб. науч. тр. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. Вып. 3: Аспекты метакоммуникативной деятельности. С. 79-95.

99. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 236 с.

100. Воркачев С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2007. 296 с.

101. Воробьев В.В. Теоретические и прикладные аспекты лингвокультурологии: автореф. дис. ... д-ра. филол. н. М., 1996. 40 с.

102. Воробьев В.В. Лингвокультурология: (теория и методы). М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2008. 336 с.

103. Ворожбитова А.А. Теория текста: антропоцентрическое направление: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 2005. 367 с.

104. Воропаев Н.Н. Прецедентные имена как носители скрытых смыслов (на материале китайского языка) // Скрытые смыслы в языке и коммуникации: сб. науч. ст. М.: Изд-во Рос. гос. гуманит. ун-та, 2008. С. 58-71.

105. Воскресенский И.В. Стратегии имплицирования и разрешения неоднозначности в деловой переписке: автореф. дис. … канд. филол. н. Тверь, 2007. 19 с.

106. Гайда Ст. Жанры разговорных высказываний // Жанры речи: сб науч ст. Саратов: Колледж, 1999. Вып. 2. С. 103-112.

107. Гайнуллина Н.И. Эпистолярное наследие Петра Великого в истории русского литературного языка: автореф. дис. ... д-ра филол. н. Алматы, 1996. 52 с.

108. Гайнуллина Н.И. Языковая личность Петра Великого: опыт диахронического описания. Алматы: Изд-во Казакск. ун-та, 2002. 141 с.

109. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Языки русской культуры, 1998. 768 с.

110. Гак В.Г. Русская динамическая языковая картина мира // Русский язык сегодня: сб. науч. ст. М.: Азбуковник, 2000. С. 36-45.

111. Гальперин И.Р. Речевые стили и стилистические средства языка // Вопросы языкознания. 1954. № 4. С. 65-70.

112. Гальперин И.Р. Информативность единиц языка. М.: Высшая школа, 1974. 176 с.

113. Гарусина Т.Г. Частные письма И.С. Тургенева (когнитивно-коммуникативный и лингвокультурный аспекты): автореф. дис. … канд. филол. н. М., 2013. 22 с.

114. Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка: учеб. пособие. 3-е изд. М.: Просвещение, 1965. 408 с.

115. Гельб И.Е. Опыт изучения письма (основы грамматологии) / пер. с англ. Л.С. Горбовицкой, И.М. Дунаевской. 2-е изд. М.: Радуга, 1982. 366 с.

116. Гиндин С.И. Биография в структуре писем и эпистолярного поведения // Язык и личность: сб. науч. ст. М.: Наука, 1989. С. 63-77.

117. Глинкина Л.А. «Весь Ваш без церемоний» (речевой этикет в частных письмах XIX века) // Русская речь. 1985. № 1. С. 39-45.

118. Глинкина Л.А. Эпистолярное наследие как часть национальной культуры России (лингвистический аспект) // Русский язык как государственный: материалы Междунар. конф. Челябинск: Изд-во Челябинск. гос. ун-та, 1997. С. 121-124.

119. Глухих Н.В. Деловой эпистолярий конца XVIII начала XIX в. на Южном Урале: лингвистика текста: монография. Челябинск: Полиграф-Мастер, 2008. 149 с.

120. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М.: Айрис-Пресс, 2010. 448 с.

121. Гольдин В.Е. Этикет и речь. 3-е изд., доп. М.: Editorial URSS, 2009. 120 с.

122. Гольдин В.Е. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие / В.Е. Гольдин, О.Б. Сиротинина // Вопросы стилистики: межвуз. сб. науч. тр: Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1993. Вып. 25: Проблемы культуры речи. С. 151-160.

123. Гордиевский А.А. Интертекстуальность и интердискурсивность: к вопросу о разграничении понятий // Вестник Тюменского государственного университета. 2006. № 6. С. 228-233.

124. Горнфельд А.Г. Эпистолярная литература // Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Эфрон. СПб., 1904. С. 921-925.

125. Горохова Н.В. Проблема многозначности понятия «дискурс» // Омский научный вестник. 2014. №4 (131). С. 90-93.

126. Грехнев В.А. Дружеское послание пушкинской поры как жанр // Болдинские чтения: сб. науч. ст. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1978. С. 32-49.

127. Григорьева А.С. Статистическая структура русского эпистолярного текста (лексика частных писем): автореф. дис. ... канд. филол. н. Л., 1981. 19 с.

128. Григорьева В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагматический и когнитивный аспекты: монография. Тамбов: Изд-во Тамбовского гос. тех ун-та, 2007. 288 с.

129. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. пед. ун-та, 1996. 215 с.

130. Гришина О.А. Актуализация концепта Америка в современном русском языке (на материале публицистических текстов): автореф. дис. … канд. филол. н. Архангельск, 2004. 23 с.

131. Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 1999. 152 с.

132. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 288 с.

133. Гулякова И.Г. Об эпистолярном стиле В.П. Астафьева (на материале писем М.Н. Кураеву) // Мир русского слова. 2002. № 1. С. 64-72.

134. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 400 с.

135. Гусева С.В. Семантика интертекстем «сильных» нелитературных текстов как отражение лингвокультурного сознания языковой личности (на материале эпистолярных текстов А.П. Чехова) // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: труды и материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию Казанского университета. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2004. С.215-216.

136. Гусева С.В. Текстообразующие факторы и их функционирование в эпистолярном дискурсе А.П. Чехова: автореф. дис. … канд. филол. н. Н. Новгород, 2006. 22 с.

137. Данкер З.М. Функционально-семантическая организация текста частного письма: автореф. дис. … канд. филол. н. Спб., 1992. 24 с.

138. Дедюкова М.В. Языковая личность в публицистическом дискурсе (на материале немецких журнальных текстов): автореф. дис. … канд. филол. н. М., 2010. 26 с.

139. Дейк Т.А. ван. Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1978. Вып. VIII: Лингвистика текста. С. 24-27.

140. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ. М.: Прогресс, 1989. 312 с.

141. Дементьев В.В. Фатические речевые жанры // Вопросы языкознания. 1999. № 1. С. 37-55.

142. Дементьев В.В. Коммуникативные концепты: к вопросу о коммуникативном идеале русской культуры // Слово – Сознание – Культура. М.: Флинта; Наука, 2006. С. 41-57.

143. Дементьев В.В. Аспекты проблемы «жанр и культура» // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: Наука, 2007. Вып. 5: Жанр и культура. С. 5-20.

144. Демин А.С. Русские письмовники XV-XVII вв.: К вопросу о русской эпистолярной культуре: автореф. дис. … канд. филол. н. Л., 1964. 19 с.

145. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17-33.

146. Дзебисова Ж.В. Эпистолярий Л. Стерна: коммуникативно-прагматический и лингвокультурный аспекты: автореф. дис. … канд. филол. н. Ростов н/Д, 2013. 25 с.

147. Дмитриева Е.Е. Русские письмовники середины XVIII – первой трети XIX в. и эволюция русского эпистолярного этикета // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1986. Т. 45. № 6. С. 543-552.

148. Добсон Э. Как писать деловые письма: Практическое пособие для всех / пер. с англ. 3-е изд. Челябинск: Урал LTD, 2000. 292 с.

149. Долинин К.А. Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: Колледж, 1999. С. 7-13.

150. Дружинина В.В. Лингвориторическая парадигма идиостиля как выражение менталитета языковой личности ученого (А.Ф. Лосев) / В.В. Дружинина, А.А. Ворожбитова. Сочи: РИО Сочинского гос. ун-та туризма и курортного дела, 2005. 152 с.

151. Дубинина А.М. Русско-французский эпистолярий I половины XIX века: фразеология и иноязычные вкрапления: автореф. дис. ... канд. филол. н. Брянск, 2005. 17 с.

152. Думназева В.А. Особенности репрезентации национального дискурсивного пространства русским образным словом: автореф. дис. … канд филол. н. Астрахань, 2011. 23 с.

153. Дьячкова И.Г. Высказывания-похвалы и высказывания-порицания как речевые жанры в современном русском языке: автореф. дис. … канд. филол. н. Омск, 2000. 22 с.

154. Егорова М.А. Контрастивно-прагматический анализ способов реализации просьбы: сопоставление британской, американской и русской традиций: автореф. дис. … канд. филол. н. Воронеж, 1995. 23 с.

155. Елина Е.Г. Эпистолярные формы в творческом наследии М.Е. Салтыкова-Щедрина: автореф. дис. … канд. филол. н. Л., 1981. 16 с.

156. Еременко И.А. Фразеология писем Л.Н. Толстого: автореф. дис. … канд. филол. н. Л., 1988. 23 с.

157. Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: Колледж, 2005. Вып. 4: Жанр и концепт. 438 с.

158. Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: Наука, 2007. Вып. 5: Жанр и культура. 440 с.

159. Жигарева Р.А. Авторские новообразования и их функции в письмах А.П. Чехова: автореф. дис. … канд. филол. н. М., 1963. 16 с.

160. Журавлева Г.С. Эпистолярные контексты в «Истории о российском кавалере Александре» // Стилистика художественной литературы: сб. науч. ст. М.: Наука, 1982. С. 189-199.

161. Зализняк А.А. и др. Ключевые идеи русской языковой картины мира / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. М.: Языки славянской культуры, 2005. 540 с.

162. Захаренко И.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудков, Д.В. Багаева // Язык, сознание, коммуникация: сб. науч. ст. М.: Филология, 1997. С. 82-103.

163. Захарова В.Е. Метафора в письмах Чехова // Русская речь. 1976. № 3. С. 40-44.

164. Захарова В.Е. Сравнение в письмах А.П. Чехова как изобразительное средство // Творческий метод А.П. Чехова: межвуз. сб. науч. тр. Ростов н/Д, 1983. С. 130-135.

165. Захарова В.Е. О функциях и структуре начального обращения в частных письмах А.П. Чехова // Языковое мастерство А.П. Чехова: сб ст. Ростов н/Д, 1988. С. 110-115.

166. Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Русский язык, 1979. 240 с.

167. Земская Е.А. Категория вежливости в контексте речевых действий // Логический анализ языка: Язык речевых действий: сб. науч. ст. М.: Наука, 1994. С. 131-136.

168. Земская Е.А. Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения: учеб. пособие. 4-е изд., испр. М.: Флинта; Наука, 2006. 240 с.

169. Зиндер Л.Р. Очерк общей теории письма. Л.: Наука, 1987. 168 с.

170. Зиновьева Е.И. Лингвокультурология: теория и практика / Е.И. Зиновьева, Е.Е. Юрков. СПб.: МИРС, 2009. 291 с.

171. Зиновьева О.А. Концептуализация ключевых географических объектов в русской поэзии XIX – начала XX вв.: автореф. дис. … канд. филол. н. Воронеж, 2009. 24 с.

172. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Editorial URSS, 2010. 368 с.

173. Зорина Т.П. К проблеме эпистолярного жанра // Ученые записки Московского государственного педагогического уиверситета. 1970. Т. 55. С. 38-44.

174. Зубарева А.А. Структурно-семантическая вариативность формул русского речевого этикета (Тематическая группа «приветствие») //

Проблемы социо- и психолингвистики: сб ст. Пермь, 2007. Вып. 9: Анализ языковых единиц в социолингвистическом аспекте. С. 152-161.

175. Зырянова Е.Г. Частная записка как жанр естественной письменной русской речи: автореф. дис. … канд. филол. н. Кемерово, 2009. 23 с.

176. Зырянова И.П. Прецедентные феномены в заголовках российской и британской прессы (2005-2009 гг.): автореф. дис. … канд. филол. н. Екатеринбург, 2010. 22 с.

177. Иванова Е.Н. Языковая личность в условиях формирования норм русского литературного языка: первая половина XVIII века (на материале писем и распоряжений А.Н. Демидова): автореф. дис. ... канд. филол. н. Екатеринбург, 2008. 18 с.

178. Иванова С.В. Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц: автореф. дис. ... д-ра филол. н. Уфа, 2003. 41 с.

179. Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности: монография. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2002. 312 с.

180. Иванцова Е.В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 4 (12). С. 24-32.

181. Иванчук И.А. Становление семантико-стилистических норм русской разговорной речи и роль Пушкина в этом процессе (на материале лексики писем А.С. Пушкина и его современников): автореф. дис. … канд. филол. н. Саратов, 1982. 19 с.

182. Иванчук И.А. Риторический компонент в публичном дискурсе носителей элитарной речевой культуры: монография. СПб.: Изд-во Северо-Западной академии гос. службы; Саратов: Научная книга, 2005. 431 с.

183. Ильясова С.В. Словообразовательная игра как феномен языка современных СМИ. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского гос. ун-та, 2002. 360 с.

184. Ильясова С.В. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы / С.В. Ильясова, Л.П. Амири. М.: Флинта; Наука, 2009. 296 с.

185. Инфантова Г.Г. Сильная языковая личность и ее постоянные и переменные признаки // Речь. Речевая деятельность. Текст: межвуз. сб. науч. тр. Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ун-та, 2000. С. 63-69.

186. Инютина Т.С. Вариативность языковых средств в деловом письме Сибири XVII века: автореф. дис. … канд. филол. н. Томск, 209. 27 с.

187. Исмагилова А.В. Строй текста современного английского делового письма: автореф. дис. ... канд. филол. н. М., 2005. 18 с.

188. Иссерс О.С. Коммуникативный портрет языковой личности (на примере писем Сергея Довлатова) // Русистика сегодня. 2000. № 1. С. 63-75.

189. Иссерс О.И. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М.: ЛКИ, 2008. 288 с.

190. Исупова М.М. Когнитивное взаимодействие в деловом общении (на материале англоязычных и русских коммерческих писем): автореф. дис. … канд. филол. н. Тверь, 2003. 19 с.

191. Кабанова Т.Н. Эпистолярный текст частной переписки в аспекте теории речевого общения (на материале рукописных и опубликованных текстов XX века): автореф. дис. … канд. филол. н. Челябинск, 2004. 24 с.

192. Каирова Т.С. Интеграция содержательно-концептуальной информации в эпистолярных текстах (на материале эпистолярного наследия Франции XVIII века): автореф. дис. … канд. филол. н. М., 1989. 23 с.

193. Калашникова Л.В. Что такое метафора?: монография. Орел: Изд-во ОрелГАУ, 2005. 351 с.

194. Каленова Н.А. О проблемах и перспективах исследования частного письма в современной лингвистике // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2013. № 1. С. 80–87.

195. Каленова Н.А. Основные параметры частного письма как речевого произведения (на примере эпистолярия С.А. Есенина) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 10. С. 68-75.

196. Каленова Н.А. Когнитивно-прагматические механизмы фразеологической объективации эмоций в частном эпистолярном дискурсе: автореф. … дис. д-ра филол. н. Волгоград, 2016. 40 с.

197. Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. 330 с.

198. Карасик В.И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: сб. науч. тр. Волгоград – Саратов: Перемена, 1998. С. 185-197.

199. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. Волгоград – Архангельск: Перемена, 1996. 3-16.

200. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 390 с.

201. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла. М.: Гнозис, 2010. 351 с.

202. Карасик В.И. и др. Иная ментальность / В.И. Карасик, О.Г. Прохвачева, Я.В. Зубкова, Э.В. Грабарова. М.: Гнозис, 2007. 352 с.

203. Карасик В.И. Базовые характеристики лингвокультурных концептов / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Антология концептов / науч. ред. В.И. Карасик, И.А. Стернин. Т. 1. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 13-15.

204. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: КомКнига, 2006. 264 с.

205. Карижская Н.Н. Вербальная реализация концепта «Грех» в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. н. Ставрополь, 2010. 29 с.

206. Касьянова К. О русском национальном характере / К. Касьянова, В.Ф. Чеснокова. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. 560 с.

207. Катаржина С.Л. Этикетные формулы в письмах к друзьям русской творческой интеллигенции начала XX в.: автореф. дис. ... канд. филол. н. Орск 2001. 20 с.

208. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972. 213 с.

209. Квятковский А.П. Письмо // Поэтический словарь / науч. ред. И. Роднянская. М.: Советская энциклопедия, 1966а. С. 212-213.

210. Квятковский А.П. Эпистолярная форма // Поэтический словарь / науч. ред. И. Роднянская. М.: Советская энциклопедия, 1966б. С. 357.

211. Кецба Л.Н. Речевая реализация эпистолярного стиля в литературных письмах Т. Манна и Р.М. Рильке // Научные труды Московского государственного педагогического института иностранных языков им. М. Тореза. М., 1974. Вып. 77. С. 94-99.

212. Киклевич А.К. Динамическая лингвистика: между кодом и дискурсом. Харьков: Гуманитарный центр, 2014. 444 с.

213. Ким Д.С. Творческая личность писателя в эпистолярном наследии (на материале писем Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского и М.М. Зощенко). М.: Пушкинский дом, 2009. 176 с.

214. Кириченко О.К. Концепт «Петербург» в речевом обиходе города: автореф. дис. … канд. филол. н. СПб., 2005. 18 с.

215. Кирпичева О.А. Ономастикон рекламного текста: автореф. … дис. канд. филол. н. Волгоград, 2007. 21 с.

216. Кирьякова О.И. Лексико-семантическая репрезентация концепта «радость» в английском и русском языках (на материале переводов художественных текстов XIX века): автореф. дис. … канд. филол. н. М., 2009. 27 с.

217. Кирьянова А.П. Адресант эпистолярия в аспекте языковой оценки: автореф. дис. … канд. филол. н. Череповец, 2007. 22 с.

218. Киселева Л.В. Язык как средство воздействия (на материале эмоционально-оценочной лексики современного русского языка): лекции спецкурса. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1971. 60 с.

219. Киселева Л.А. Вопросы теории речевого воздействия. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1978. 160 с.

220. Китайгородская М.В. Языковое существование современного горожанина: на материале языка Москвы / М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова. М.: Языки славянских культур, 2010. 496 с.

221. Клаус Г. Сила слова. Гносеологический и прагматический анализ языка / пер. с англ. М.: Прогресс, 1967. 215 с.

222. Кобозева И.М. Теория речевых актов как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. XVII: Теория речевых актов. С. 3-21.

223. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: Editorial URSS, 2000. 352 с.

224. Ковалева Н.А. Авторское фразообразование и коммуникативная стратегия текста в письмах А.П. Чехова. Астрахань: Изд-во Астрахан. гос. ун-та, 2000. 247 с.

225. Ковалева Н.А. Русское частное письмо XIX века. Коммуникация. Жанр. Речевая структура: монография. М.: СпортАкадемПресс, 2001. 284 с.

226. Ковалева Н.А. Русское частное письмо XIX в.: Коммуникация, жанр, речевая структура: автореф. дис. ... д-ра филол. н. М., 2002. 48 с.

227. Ковшикова Е.В. Категория коммуникативной точности (на материале текстов деловых писем): автореф. дис. ... канд. филол. н. Волгоград, 1997. 20 с.

228. Кожин А.Н. и др. Функциональные типы русской речи / А.Н. Кожин, О.А. Крылова, В.В. Одинцов. М.: Высшая школа, 1982. 223 с.

229. Кожина М.Н. К основаниям функциональной стилистики. Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 1968. 251 с.

230. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М.: Просвещение, 1983. 224 с.

231. Козина Н.О. Лингвокультурологический анализ русского концепта «Грех» (на материале лексических, фразеологических и паремических единиц): автореф. дис. ... канд. филол. н. Иваново, 2003. 20 с.

232. Кокунина Е.В. Переписка как опосредованный диалог: лингвопрагматический аспект (на материале переписки И.С. Тургенева и его повести «Переписка»): автореф. дис. ... канд. филол. н. Череповец, 2005. 22 с.

233. Колесов В.В. Концепт культуры: образ – понятие – символ // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. Языкознание. Литературоведение. 1992. Вып. 3. С. 30-40.

234. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб: Петербургское Востоковедение, 2006. 624 с.

235. Колтунова М.В. Деловое письмо: что нужно знать составителю. 2-е изд. М.: Дело, 1999. 112 с.

236. Колчева И.В. Лексика писем и бумаг Петра Великого: к проблеме формирования общенациональных лексических норм: автореф. дис. … канд. филол. н. Смоленск, 2007. 23 с.

237. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1990. 103 с.

238. Комарова С.И. Функционирование перифразы в эпистолярном стиле второй половины XVIII века: автореферат дис. ... канд. филол. н. Днепропетровск, 1990. 17 с.

239. Коморова Д.Ф. Прагмалингвистические особенности пожелания в немецком и русском языках: дис. ... канд. филол. н. Томск, 2005. 167 с.

240. Конончук И.Я. Письма А.В. Суворова как источник изучения заимствованной лексики и процессов ее адаптации: автореф. дис. … канд. филол. н. Томск, 2007. 23 с.

241. Концепт греха в славянской и еврейской культурной традиции / отв. ред. О.В. Белова: сб. ст: история, культура, фольклор. М.: Пробел, 2000. 235 с.

242. Кормилицына М.А. Языковая личность В.В. Виноградова в его письмах к жене // Вопросы стилистики: межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Колледж, 1996. Вып. 26: Язык и человек. С. 63-71.

243. Кормилицына М.А. Категория вежливости в оценочных речевых актах / М.А. Кормилицына, Г.Р. Шамьенова // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: Колледж, 1999. Вып. 2. С. 257-266.

244. Корчевская Г.П. Концепт «Москва» в русской языковой картине мира и поэтическом идиолекте М.И. Цветаевой: автореф. дис. … канд. филол. н. Владивосток, 2002. 25 с.

245. Косивцова А.В. Речевой портрет адресанта: автореф. дис. … канд. филол. н. Тюмень, 2011. 23 с.

246. Костомаров В.Г. Наш язык в действии: очерки современной стилистики. М.: Гардарики, 2005. 289 с.

247. Котков С.И. Русская частная переписка XVII-XVIII вв. как лингвистический источник // Вопросы языкознания. 1963. № 6. С. 107-116.

248. Кохтев Н.Н. Эпистолярный стиль // Русский язык: энциклопедия / под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Дрофа, 1997. С. 640.

249. Кочеткова Т.В. Языковая личность носителя элитарной речевой культуры: автореф. дис. ... д-ра. филол. н. Саратов, 1999. 53 с.

250. Красавский Н. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. М.: Гнозис, 2008. 376 с.

251. Красильникова Е.В. Русская языковая личность и задачи ее изучения / Ю.Н. Караулов, Е.В. Красильникова // Язык и личность: сб ст. М.: Наука, 1989. С. 3-11.

252. Красных В.В. и др. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц в коммуникации / В.В. Красных, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, Д.В. Багаева // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1997. № 3. С. 62-75.

253. Красных В.В. Структура коммуникации в свете когнитивного подхода (коммуникативный акт, дискурс, текст): автореф. дис. … д-ра филол. н. М., 1999. 72 с.

254. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. 180 с.

255. Крейдлин Г.Е. Невербальные приветствия и прощания (семиотические акты и жесты) // Аспекты изучения звучащей речи: сб. науч. работ к юбилею Е.А. Брызгуновой. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2004. С. 323-334.

256. Крупчанов Л.М. Эпистолярная форма // Словарь литературоведческих терминов / под ред. Л.И. Тимофеева, С.В. Тураева. М.: Просвещение, 1974. С. 469.

257. Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М.: Наука, 1989. 188 с.

258. Крысин Л.П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 90-106.

259. Крысин Л.П. Речевой портрет интеллигента // Журналистика и культура русской речи. 2002. № 4. С. 26-31.

260. Крысин Л.П. Слово в современных текстах и словарях: очерки о русской лексике и лексикографии. М.: Знак, 2008. 320 с.

261. Крюков Д.В. Социолингвистические характеристики писем английской аристократии Викторианской эпохи: автореф. дис. … канд. филол. н. Волгоград, 2001. 20 с.

262. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике // Дискурс, речь и речевая деятельность:

функциональные и структурные аспекты: сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 7-25.

263. Кубрякова Е.С. Об исследовании дискурса в современной лингвистике // Филология и культура: материалы III Междунар. науч. конф., 16-18 мая 2001 г.: в 3 ч. Ч. 1. Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та им. Г.Р. Державина, 2001. С.8-11.

264. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004а. 560 с.

265. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2004б. Т. 64. № 3. С. 3-12.

266. Кувалина С.С. Становление языковых стереотипов вежливости в эпистолярном жанре второй половины XVII – первой четверти XVIII вв.: автореф. дис. ... канд. филол. н. Куйбышев, 1975. 24 с.

267. Куданкина О.А. Способы актуализации концепта Германия в российских СМИ: автореф. дис. … канд. филол. н. Кемерово, 2005. 18 с.

268. Кузнецов А.М. Когнитология, «антропоцентризм», «языковая картина мира» и проблемы исследования лексической семантики // Этнокультурная специфика речевой деятельности: сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 8-22.

269. Кукс А.В. Конструирование речевой маски в игровом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. н. Новосибирск, 2010. 22 с.

270. Кулинич М.А. Типология речевых жанров в письмовнике / М.А. Кулинич, Н.Ю. Бусоргина // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: Наука, 2007. Вып. 5: Жанр и культура. С. 284-292.

271. Купина Н.А. Лингвистический анализ художественного текста. М.: Просвещение, 1980. 78 с.

272. Курьянович А.В. Коммуникативные аспекты слова в эпистолярном дискурсе М.И. Цветаевой: автореф. дис. ... канд. филол. н. Томск, 2001. 17 с.

273. Курьянович А.В. Коммуникативные аспекты слова в эпистолярном дискурсе М.И. Цветаевой: дис. ... канд. филол. н. Томск, 2002. 227 с.

274. Курьянович А.В. Динамика жанрово-стилистических особенностей русского эпистолярного дискурса носителей элитарного типа речевой культуры: автореф. дис. … д-ра филол. н. Томск, 2013а. 39 с.

275. Курьянович А.В. Теоретические вопросы изучения эпистолярия в современной лингвистике. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2013б. 220 с.

276. Курьянович А.В. Жанрово-стилистические особенности русского эпистолярия первой трети XX века: узус и идеостиль (на материале писем М.В. Нестерова, Ф.И. Шаляпина, В.И. Вернадского, М.И. Цветаевой): монография. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2013в. 308 с.

277. Курьянович А.В. Элитарная языковая личность: опыт моделирования (на материале русского эпистолярия XX-XXI веков) // Вестник науки Сибири. 2014. № 3 (13) С. 100-110.

278. Курьянович А.В. Особенности синтаксического строя писем представителей русской творческой интеллигенции XX века в аспекте теории регулятивности // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 6 (159). С. 126-132.

279. Кусов Г.В. Оскорбление как иллокутивный лингвокультурный концепт: автореф. дис… канд. филол. н. Волгоград, 2004. 26 с.

280. Кыштымова Т.В. Языковые средства выражения комического в письмах А.П. Чехова: автореф. дис. … канд. филол. н. Челябинск, 2011. 25 с.

281. Кыштымова Т.В. Понятие «языковая личность» в современной лингвистике // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2014. № 6. С. 237-244.

282. Лагута О.Н. Метафорическое «мировидение» русскоговорящих (ассоциативно-когнитивный подход) // Мир человека и мир языка: кол. монография. Кемерово: Графика, 2003. С. 120-166.

283. Лакофф Дж. Когнитивная семантика // Язык и интеллект: сб. науч. ст. / пер. с англ. и нем. М.: Прогресс, 1995. С. 143-184.

284. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон; пер. с англ. М.: Editorial URSS, 2004. 256 с.

285. Ланге О.В. Эмоционально-оценочная лексика эпистолярного дискурса А.С. Пушкина: автореф. дис. … канд. филол. н. Смоленск, 2010. 20 с.

286. Ланская О.В. Концепт «Дом» в языковой картине мира (на материале повести Л. Н. Толстого «Детство» и рассказа «Утро помещика»): автореф. дис. ... канд. филол. н. Калининград, 2005. 23 с.

287. Лаптева О.А. Разговорная речь // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 407-408.

288. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки славянских культур, 2009. 512 с.

289. Лебедева Н.Б. и др. Жанры естественной письменной речи: студенческое граффити, маргинальные страницы тетрадей, частная записка / Н.Б. Лебедева, Е.Г. Зырянова, Н.Ю. Плаксина, Н.И. Тюкаева. М.: Editorial URSS, 2011. 256 с.

290. Левин В.Д. О некоторых вопросах стилистики // Вопросы языкознания. 1954. № 5. С. 74-83.

291. Леденева В.В. Состав и стилистические функции глагольной лексики в письмах 90-х годов XIX века Н.С. Лескова: монография. М.: Изд-во Московского гос. ун-та печати, 2009. 120 с.

292. Лекант П.А. Речевая реализация модального значения неодобрения // Тенденции в системе номинации и предикации русского языка: межвуз. сб. науч. тр. М.: Изд-во Моск. гос. пед. ун-та, 2002. С. 10-15.

293. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969. 214 с.

294. Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности: Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности. 3-е изд., стереотип. М.: Editorial URSS, 2006. 248 с.

295. Лешутина Т.А. Русская разговорная речь (лексика) в «почтовой прозе» первой трети XIX столетия. М., 2003. 126 с.

296. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 1993. Т. 52. № 1. С. 3-9.

297. Логический анализ языка. Культурные концепты: сб. науч. ст. / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. М.: Наука, 1991. 204 с.

298. Ломакина О.В. Прецедентные тексты в художественных произведениях, письмах и дневниках Л.Н. Толстого // Русский язык в системе славянских языков: история и современность. М.: Изд-во Моск. гос. обл. ун-та, 2008. Вып. 2. С. 110-115.

299. Лопатин В.В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. М.: Наука, 1973. 152 с.

300. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

301. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: Проблемы семантики. Новосибирск: Наука, Сиб., отд-ние, 1986. 230 с.

302. Лурия А.Р. Язык и сознание. Ростов н/Д: Феникс, 1998. 413 с.

303. Лутовинова О.И. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса: монография. Волгоград: Перемена, 2009. 477 с.

304. Лысакова И.П. Указательные местоимения в языке русской частной переписки XVII – начала XVIII века: дис. ... канд. филол. н. Л., 1971. 227 с.

305. Лютикова В.Д. Языковая личность: идиолект и диалект: автореф. дис. … канд. филол. н. Екатеринбург, 2000. 34 с.

306. Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. Научные труды Центроконцепта. Архангельск: Изд-во Поморского гос. ун-та, 1997. Вып. 1. С. 11-35.

307. Ляпон М.В. Языковая личность: поиск доминанты // Язык – система. Язык – текст. – Язык – способность: сб. науч. ст. М., 1995. С. 260-276.

308. Ляпунова Е.В. Частное письмо как жанр русского литературного языка (на материале писем А.П. Чехова) // Исследование языка художественных произведений: сб. науч. ст. Куйбышев, 1975. С. 33-37.

309. Маймин Е.А. Дружеская переписка Пушкина с точки зрения стилистики // Пушкинский сборник: сб. науч. ст. Псков, 1962. С. 77-87.

310. Макаркина Ю.В. Эпистолярное наследие Б. Пастернака: Композиционно-коммуникативные особенности и концептуальное содержание: автореф. дис. ... канд. филол. н. Орел, 2000. 19 с.

311. Макаров Л.М. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 276 с.

312. Малаховский В.А. Язык писем А.С. Пушкина // Известия АН СССР. Отд. общественных наук. 1937. № 2-3. С. 503-568.

313. Малаховский В.А. Лексика писем Пушкина // Ученые записки Куйбышевского пединститута. Куйбышев, 1938. Вып. 2. С. 4-35.

314. Мамаева С.В. Речевой портрет школьников-подростков (на материале языковой игры в сленговых выражениях) // Игра как прием текстопорождения: кол. монография. Красноярск: Изд-во Сибир. федерал. ун-та, 2010. С. 287-292.

315. Мамонова Ю.А. Концепт и способы его исследования // Язык – культура – сознание: междунар. сб. науч. тр. по лингвокультурологии. Самара: Изд-во Самарской гуманитарной академии, 2005. С. 13-17.

316. Маринин Ю.Н. Речекомплекс «поздравления» (на материале текста поздравительной открытки): автореф. дис. … канд. филол. н. Волгоград, 1996. 24 с.

317. Маркелова Т.В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке: автореф. дис. … д-ра филол. н. М., 1996. 47 с.

318. Маркова Л.Ф. Когнитивная идентификация речевого жанра: автореф. дис. ... канд. филол. н. Волгоград, 2003. 21 с.

319. Марьянчик В.А. Речевая маска в структуре образа автора публицистического текста // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология, журналистика. 2010. Т. 9. Вып. 6. С. 138-144.

320. Маслов Б.А. Проблемы лингвистического анализа связного текста. Таллин: Изд-во Таллин. пед. ин-та, 1975. 121 с.

321. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. М.: ТетраСистемс, 2008. 272 с.

322. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие. 4-е изд., стер. М.: Академия, 2010. 208 с.

323. Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1990. 172 с.

324. Медведева А.В. Концепт «Дом» в русской и английской концептосферах // Методологические проблемы современной лингвистики: сб. науч. ст. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. С. 102-106.

325. Мельчук И.А. Язык: от смысла к тексту. М.: Языки славянской культуры, 2012. 176 с.

326. Микешина Л.А. Философия познания: полемические главы. М.: Прогресс – Традиция, 2002. 624 с.

327. Миллер Т.А. Античные теории эпистолярного стиля // Античная эпистолография. М.: Наука, 1967. С. 5-26.

328. Миронова Н.Н. Дискурс-анализ оценочной семантики. М.: Тезаурус, 1997. 160 с.

329. Мокиенко В.М. Образы русской речи: монография М.: Флинта; Наука, 2011а. 464 с.

330. Мокиенко В.М. Динамические тенденции в современном русском языке // Записки Горного института. 2011б. Т. 193. С. 21-24.

331. Морозов Б.Н. Частное письмо начала XVII века // История русского языка. Памятники XI-XVIII вв.: сб. науч. ст. М.: Наука, 1982. С. 287-291.

332. Москвин В.П. Стилистика русского языка. Теоретический курс: учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. Волгоград: Перемена, 2005. 640 с.

333. Москвин В.П. Русская метафора: очерк семиотической теории. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Ленанд, 2006. 184 с.

334. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. 3-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д: Феникс, 2007. 940 с.

335. Москвин В.П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили. 2-е изд. М.: Либроком, 2011. 168 с.

336. Муравьев В.С. Эпистолярная литература // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 512.

337. Муратова Е.Ю. Лингвистические особенности эпистолярного наследия М. Цветаевой: учебно-метод. пособие. Витебск: Изд-во Витебского гос. ун-та, 1997. 48 с.

338. Намитокова Р.Ю. Авторские неологизмы: словообразовательный аспект. Ростов н/Д.: Изд-во Ростов. гос. ун-та, 1986. 156 с.

339. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2007. 207 с.

340. Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Сборник научных трудов Московского государственного лингвистического университета. Вып. № 426: Язык. Поэтика. Перевод. М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 1996. С. 112-116.

341. Нижникова Л.В. Письмо как тип текста: автореф. дис. … канд. филол. н. Одесса, 1991. 17 с.

342. Никитин О.В. Проблемы этнолингвистического изучения памятников деловой письменности: монография. М.: Флинта; Наука, 2000. 204 с.

343. Никитина О.В. Семантико-стилистический анализ писательского эпистолярия: автореф. дис. ... канд. филол. н. Саратов, 1999. 21 с.

344. Николина Н.А. Новые тенденции в современном русском словотворчестве // Русский язык сегодня: сб. науч. ст. М.: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2003. Вып. 2. С. 376-387.

345. Никульникова Я.С. Речевые отступления от литературных норм как источник комического и их эстетическая актуализация: автореф. дис. ... канд. филол. н. Ставрополь, 2003. 22 с.

346. Новиков Л.А. Семантика русского языка. М.: Высшая школа, 1982. 272 с.

347. Новикова М.Л. Структура и семантика метафоры как конструктивного компонента художественного текста: автореф. дис. ... канд. филол. н. М., 1983. 17 с.

348. Ножкина Э.М. Письма одного лица в разных ситуациях // Вопросы стилистики: межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Колледж, 1996а. Вып. 25: Проблемы культуры речи. С. 72-80.

349. Ножкина Э.М. Языковая личность в структуре письма // Вопросы стилистики: межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Колледж, 1996б. Вып. 26: Язык и человек. С. 53-63.

350. Норман Б.Ю. Игра на гранях языка. М.: Флинта; Наука, 2006. 344 с.

351. Оленев О.С. Динамическое моделирование русской языковой личности: автореф. дис. … канд. филол. н. Кемерово, 2006. 23 с.

352. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса: монография. Волгоград: Парадигма, 2004. 507 с.

353. Омельченко С.Р. Возможности антропологического подхода в языкознании: учеб. пособие по спецкурсу. Волгоград: Изд-во Волгоград. гос. ун-та, 2007. 198 с.

354. Омоле О.Й. Лингвокультурные компоненты современного английского делового письма: автореф. дис. … канд. филол. н. М., 2000. 28 с.

355. Орлова О.Г. Актуализация концепта «Russia» («Россия») в американской публицистике (на примере дискурса еженедельника «Newsweek»): автореф. дис. ... канд. филол. н. Волгоград, 2005. 22 с.

356. Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. XVII: Теория речевых актов. С. 22-150.

357. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений. М.: Наука, 1985. 271 с.

358. Панина Ж.А. Атрибутивные сочетания со словом «праздник» в архангельских говорах // Материалы XV Междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов – 2008». Секция «Филология». М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 2008. С. 201-203.

359. Панова Л.Г. Грех как религиозный концепт (на примере русского слова «грех» и итальянского «peccato») // Логический анализ языка. Языки этики: сб. науч. ст. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 167-178.

360. Паперно И.А. Переписка Пушкина как целостный текст (май-октябрь 1831 г.) // Ученые записки Тартуского университета. 1977. С. 71-82.

361. Папян Ю.М. Словесные ряды в письмах русских писателей XVIII в. (на материале писем Н.И. Муравьева, Д.И. Фонвизина,

С.Г. Домашнева, Н.А. Львова, Н.М. Карамзина, А.Н. Радищева): автореф. дис. ... канд. филол. н. Воронеж, 1992. 17 с.

362. Парсамова В.Я. Языковая личность ученого в эпистолярных текстах (на материале писем Ю. М. Лотмана): автореф. дис. ... канд. филол. н. Саратов, 2004. 23 с.

363. Перфильева Н.Ю. Специфика вербализации концепта «погода» средствами русского и английского языков: автореф. дис. … канд. филол. н. Тверь, 2008. 14 с.

364. Петкова-Калева С.Я. Русско-болгарские параллели в языковой интерпретации ‘пустоты’ (Семантическое пространство русской и болгарской лексем пустота) // Аспекты контрастивного описания русского и болгарского языков. Шумен: Унив. изд-во «Епископ Константин Преславски», 2006. Вып. 2. С. 80-93.

365. Пикулева Ю.Б. Прецедентный культурный знак в современной телевизионной рекламе: лингвокультурологический анализ: автореф. дис. … канд. филол. н. Екатеринбург, 2003. 22 с.

366. Пименова М.Вас. Красотою украси: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте: монография. СПб.; Филологический факультет СПБГУ; Владимир: Изд-во ВГПУ, 2007. 415 с.

367. Пименова М.Вас. К лингвистическому пониманию концепта // Образ мира в зеркале языка: сб. науч. ст. М.: Флинта; Наука, 2014. С. 166-173.

368. Пименова М.Влад. Методология концептуальных исследований // Антология концептов / науч. ред. В.И. Карасик, И.А. Стернин. Т.1. Волгоград: Перемена, 2005. С. 16-19.

369. Пименова М.Влад. Концепт «Украина» (на материале российских СМИ) // Политическая лингвистика. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2007. Вып. 2 (22). С. 52-60.

370. Пименова М.Влад. Типы концептов и этапы концептуального исследования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. Вып. 2 (54). Т. 2. С. 127-131.

371. Плешакова В.А. Традиционные русские благопожелания как аксиологические высказывания // Россия и славянский мир: история, язык, культура. М.: Три квадрата, 2008. С. 355-360.

372. Подъяпольская О.Ю. Типология адресованности в текстах эпистолярного жанра (на материале писем Ф. Кафки): автореф. дис. ... канд. филол. н. Челябинск, 2004. 22 с.

373. Полякова Е.В. Отрицательная оценка в русских письмах. автореф. дис. … канд. филол. н. Саратов, 2001. 19 с.

374. Помыкалова Т.Е. Цветообозначение в номинациях лексического и фразеологического признака: монография. Челябинск: Рекпол, 2007. 102 с.

375. Попова А.Н. Роль глаголов в организации эпистолярного текста (на материале писем А.П. Чехова): автореф. дис. ... канд. филол. н. Томск, 1992. 19 с.

376. Попова З.Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З.Д. Попова, И.А. Стернин. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. пед. ун-та, 1999. 30 с.

377. Попова З.Д. Язык и национальная картина мира / З.Д. Попова, И.А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2002. 61 с.

378. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. М.: Восток-Запад; АСТ, 2007. 320 с.

379. Попова О.В. Языковая личность Ивана Грозного (на материале деловых посланий): автореф. дис. ... канд. филол. н. Омск, 2004. 24 с.

380. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира: кол. монография. М.: Наука, 1988. С. 8-69.

381. Потапова Р.К. Речевая коммуникация: от звука к высказыванию / Р.К. Потапова, В.В. Потапов. М.: Языки славянских культур, 2012. 464 с.

382. Потебня А.А. Мысль и язык. Киев: Синто, 1993. 192 с.

383. Почепцов Г.Г. Теория и практика коммуникации. М.: Центр, 2006. 352 с.

384. Протопопова О.В. Эпистолярный жанр // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной. М.: Флинта; Наука, 2003а. С. 627-631.

385. Протопопова О.В. Эпистолярный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной. М.: Флинта; Наука, 2003б. С. 631-634.

386. Прохоров Е.И. Издание эпистолярного наследия // Принципы издания эпистолярных текстов: сб. науч. ст. М.: Наука, 1964. С. 6-72.

387. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс: учеб. пособие. 2-е изд., испр. М.: Флинта; Наука, 2006. 220 с.

388. Прохоров Ю.Е. В поисках концепта. М.: Флинта; Наука, 2008. 170 с.

389. Ражина В.А. Ономастические реалии: лингвокультурологический и прагматический аспекты: автореф. дис. … канд. филол. н. Краснодар, 2007. 24 с.

390. Разинкина Н.М. Некоторые общие проблемы изучения функционально-речевого стиля // Особенности стиля научного изложения: сб. науч. ст. М.: Наука, 1976. С. 83-103.

391. Ранних Н.А. Речевой акт пожелания и способы его выражения в русском языке: дис. ... канд. филол. н. М., 1994. 159 с.

392. Ратмайр Р. Прагматика извинения. Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры / пер. с нем. М.: Языки славянской культуры, 2003. 272 с.

393. Реммер С.А. Хрононимы как особый разряд собственных имен: дис... канд. филол. н. Донецк, 2005. 185 с.

394. Ремчукова Е.Н. Креативный потенциал русской грамматики. 2-е изд., испр. и доп. М.: Либроком, 2011. 224 с.

395. Реферовская Е.А. Лингвистические исследования структуры текста. Л.: Наука, 1983. 216 с.

396. Рогалева О.С. Брачное объявление как речевой жанр рекламного дискурса (коммуникативно-прагматический и когнитивный аспекты): автореф. дис. … канд. филол. н. Омск, 2005. 22 с.

397. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. М.: АСТ-ЛТД, 1998. 380 с.

398. Рудакова А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика. Воронеж, 2002. 69 с.

399. Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / под ред. Е.А. Земской. М.: Наука, 1983. 239 с.

400. Рушчак Ф.Основные вопросы эпистолярного стиля // Recueil linguistique de Bratislava. Br., 1985. Vol. 8. P. 178-184.

401. Сабитова З.К. Лингвокультурология: учебник. М.: Флинта; Наука, 2013. 528 с.

402. Саблина М.В. Цитата как средство языковой игры // Игра как прием текстопорождения: кол. монография. Красноярск: Изд-во Сибир. федерал. ун-та, 2010. С. 258-263.

403. Савенкова Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты: автореф. дис. … д-ра филол. н. Ростов н/Д, 2002. 48 с.

404. Самигулина А.С. Метафора в когнитивно-семиотическом освещении: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Уфа, 2008. 41 с.

405. Самигулина Ф.Г. Языковая семантика: реализация когнитивных и коммуникативных задач в дискурсе: монография. Ростов н/Д: Изд-во Южн. федерал. ун-та, 2008. 212 с.

406. Самойлова Н.Г. Устойчивые словосочетания в частной переписке XVII-XVIII веков: автореф. дис. ... канд. филол. н. М., 1969. 17 с.

407. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Языки славянской культуры, 2002. 552 с.

408. Сапожникова Н.В. Философско-антропологическая природа эпистолярного дискурса: автореф. дис. … д-ра филол. н. Екатеринбург, 2005. 46 с.

409. Светличная Т.Ю. Сравнительные лингвокультурные характеристики цветообозначения и цветовосприятия в английском и русском языках: автореф. … дис. канд. филол. н. Пятигорск, 2003. 17 с.

410. Седов К.Ф. Внутрижанровые стратегии речевого поведения: «ссора», «комплимент», «колкость» // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: Колледж, 1997. С. 188-195.

411. Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции: монография. М.: Лабиринт, 2004. 318 с.

412. Седов К.Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация: кол. монография. М.: Лабиринт, 2007. С. 7-38.

413. Седова О.Н. Эпистолярный стиль в системе функциональных стилей русского языка // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1985. № 6 (150). С. 57-62.

414. Седых А.П. Языковая личность и этнос (национально-культурные особенности коммуникативного поведения русских и французов): монография. М.: Компания Спутник+, 2004. 269 с.

415. Семухина Е.А. Концепт «грех» в национальных языковых картинах мира: автореф. дис. ... канд. филол. н. Саратов, 2008. 22 с.

416. Сентенберг И.И. Языковая личность в коммуникативно-деятельностном аспекте // Языковая личность: проблемы значения и смысла: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 1994. С. 14-25.

417. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / пер. с англ. М.: Прогресс, Универс, 1993. 654 с.

418. Серебренникова Е.Ф. К проблеме оснований лингвоперсонологии // Психосистематика в России и за рубежом:

материалы Междунар. науч. конф. СПб.: Изд-во Рос. гос. пед. ун-та, 2005. С. 17-29.

419. Серль Дж.Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. XVII: Теория речевых актов. С. 151-169.

420. Силаева Н.В. Лингвопрагматический анализ экспрессивности эпистолярного текста (на материале английской частной переписки XVIII-XIX вв.): автореф. дис. … канд. филол. н. Самара, 1999. 22 с.

421. Синица И.А. Языковая личность ученого-гуманитария XIX века. Киев: Издательский Дом Дмитрия Бураго, 2006. 352 с.

422. Сиротинина О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М.: Знание, 1974. 260 с.

423. Сиротинина О.Б. Что и зачем нужно знать учителю о русской разговорной речи: пособие для учителя. М.: Просвещение, 1996. 175 с.

424. Сиротинина О.Б. Русский язык в разных типах речевых культур // Русский язык сегодня: сб. науч. ст. М.: Азбуковник, 2000а. Вып. 1. С. 343-347.

425. Сиротинина О.Б. Хорошая речь: сдвиги в представлении об эталоне // Активные языковые процессы конца XX века: тез. Докл. Междунар. конф (IV Шмелевские чтения). М.: Азбуковник, 2000б. С. 519-526.

426. Сиротинина О.Б. Разговорный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 319-321.

427. Сиротинина О.Б. Речевая культура // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 343-347.

428. Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка: монография. СПб.: Наука, 1993. 150 с.

429. Сковородников А.П. О содержании понятия «национальный риторический идеал» применительно к современной российской действительности // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: науч.-метод. бюллетень. Красноярск – Ачинск: Изд-во Красноярского гос. ун-та, 1997. Вып. 5. С. 27-37.

430. Сковородников А.П. О понятии и термине «языковая игра» // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 2004. № 2. С. 79-87.

431. Сковородников А.П. Об определении понятия «языковая игра» // Игра как прием текстопорождения: кол. монография. Красноярск: Изд-во Сибир. федерал. ун-та, 2010. С. 50-62.

432. Скребнев Ю.М. Введение в коллоквиалистику. Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1985. 208 с.

433. Слепко Г.Е. Реализация одобрения (похвалы) в различных типах речевых актов // Исследования различных типов и жанров текста: межвуз. сб. науч. тр. Сургут: Изд-во Сургут. ун-та, 1999. С. 9-14.

434. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: монография. Волгоград: Перемена, 2004. 340 с.

435. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 128 с.

436. Слышкин Г.Г. Речевой жанр: перспективы концептологического анализа // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: Колледж, 2005. Вып. 4: Жанр и концепт. С. 34-50.

437. Сметанин В.А. Эпистолография. Свердловск: Изд-во Уральского гос. ун-та, 1970. 181 с.

438. Смулаковская Р.Л. Своеобразие использования прецедентных феноменов в газетном дискурсе // Лингвистика: бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2004. Т. 12. С. 111-120.

439. Снитко Т.Н. Предельные понятия в западных и восточных лингвокультурах. Пятигорск: Пятигорск. гос. лингвистич. ун-т, 1999. 158 с.

440. Степанов Н.Л. Дружеское письмо начала XIX века // Русская проза: сб. Л.: Academia, 1926. С. 74-101.

441. Степанов Ю.С. Между системой и текстом: выражения фактов // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность: сб. науч. ст. М.: Ин-т рус. яз. РАН, 1995. С. 111-119.

442. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2004. 991 с.

443. Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1979. 156 с.

444. Стернин И.А. Понятие коммуникативного поведения и проблемы его исследования // Русское и финское коммуникативное поведение. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. тех. ун-та, 2000. С. 4-20.

445. Столнейкер Р. С. Прагматика // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. XVI: Лингвистическая прагматика. С. 419-438.

446. Сулейманова М.А. Специфика элитарной языковой личности в эпистолярном диалоге: М. Цветаева и Б. Пастернак: автореф. дис. … канд. филол. н. Махачкала, 2009. 24 с.

447. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: ЛКИ, 2009. 370 с.

448. Суперанская А.В. и др. Теория и методика ономастических исследований / А.В. Суперанская, В.Э. Сталтмане, Н.В. Подольская, А.Х. Султанов. М.: Либроком, 2009. 258 с.

449. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: монография. Волгоград: Перемена, 2000. 172 с.

450. Супрун В.И. Подписи в письмах как объект ономастического анализа // Славянский мир: общность и многообразие: Материалы

Междунар. конф. Ч. 2: Языкознание. Коломна: Изд-во Коломенск. гос. пед. ин-та, 2007. С. 117-119.

451. Супрун В.И. Пушкинский аутографоним // Вопросы ономастики. Екатеринбург, 2008. № 6. С. 97-103.

452. Сухих С.А. Репрезентативная сущность личности в коммуникативном аспекте реализаций / С.А. Сухих, В.В. Зеленская. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та, 1997. 332 с.

453. Сухотерина Т.П. «Поздравление» как жанр естественной письменной русской речи в пространстве культуры // Концепт и культура: материалы III Междунар. науч. конф. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. С. 634-641.

454. Сыщиков О.С. Имплицитность в деловом дискурсе (на материале текстов коммерческих писем): автореф. дис. … канд. филол. н. Волгоград, 2000. 22 с.

455. Тарасенко Т.В. Этикетные жанры русской речи: благодарность, извинение, поздравление, соболезнование: автореф. дис. … канд. филол. н. Красноярск, 1999. 18 с.

456. Телия В.Н. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988а. 341 с.

457. Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте: сб. науч. ст. М.: Наука, 1988б. С. 26-51.

458. Телия В.Н. Экспрессивность как появление субъективного фактора в зыке и ее прагматическая ориентация // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности: кол. монография. М.: Наука, 1991. С. 5-35.

459. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.

460. Теория метафоры: сб. / пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журинской. М.: Прогресс, 1990. 512 с.

461. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / отв. ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1990. 263 с.

462. Терентьева Е.Ю. Названия русских и болгарских православных праздников: критерии классификации // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. III: Филология. 2001. Вып. 2 (24). С. 90-98.

463. Тимофеев Л.И. Эпистолярная литература // Энциклопедический словарь Гранат. 7-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1948. Т. 54. С. 417-418.

464. Тимошенко Л.О. Скалярно-антонимический комплекс концепта «здоровье» в русском и английском языках: автореф. дис. … канд. филол. н. Уфа, 2005. 23 с.

465. Тичер С.И др. Методы анализа текста и дискурса / С. Тичер, М. Мейер, Р. Водак, Е. Веттер / пер. с англ. М.: Гуманитарный центр, 2009. 356 с.

466. Тодд У.М. Дружеское письмо как литературный жанр в пушкинскую эпоху / пер. с англ. И.Ю. Куберского. СПб.: Академический проект, 1994. С. 244-262.

467. Токарев Г.В. Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентации концепта «труд» в русском языке): монография. Волгоград: Перемена, 2003. 213 с.

468. Токарев Г.В. Дискурсивные лики концепта: монография. Тула: Изд-во Тул. гос. ун-та, 2004. 108 с.

469. Токарев Г.В. Человек: стереотипы русской лингвокультуры: монография. Тула: С-Принт, 2013. 102 с.

470. Толстая С.М. Антропонимы в народной календарной терминологии // Известия Уральского государственного университета. 2001. Вып. 4. Гуманитарные науки. № 20. С. 87-89.

471. Толстой Н.И. Язык и культура: (Некоторые проблемы славянской этнолингвистики) // Русский язык и современность: проблемы и перспективы развития русистики: доклады Всесоюз. науч. конф. Ч. 1. М.: Ин-т рус. яз. АН СССР, 1991. С. 5-22.

472. Троицкий Ю.Л. Эпистолярный дискурс в России XIX века: пощечина, розыгрыш, дуэль // Традиция и литературный процесс: сб. науч. ст. Новосибирск: Изд-во СО РАН, филиал «Гео», 1999. С.460-469.

473. Трофимова Е.В. Сложноподчиненные предложения в письмах Л.Н. Толстого и А.П. Чехова: автореф. дис. … канд. филол. н. Ростов н/Д, 2002. 19 с.

474. Троянская Е.С. К общей концепции понимания функциональных стилей // Особенности стиля научного изложения: сб. науч. ст. М.: Наука, 1976. С. 24-27.

475. Туленинова Л.В. Концепты «здоровье» и «болезнь» в английской и русской лингвокультурах: автореф. дис. … канд. филол. н. Волгоград, 2008. 20 с.

476. Туркова-Зарайская М.О. Особое понимание библеизмов современными носителями языка: автореф. дис. … канд. филол. н. Тверь, 2002. 18 с.

477. Тхорик В.И. Языковая личность: Лингвокультурологический аспект: автореф. дис. ... д-ра филол. н. Краснодар, 2000. 43 с.

478. Урнов Д.М. Эпистолярная литература // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. / гл. ред. А.А. Сурков. Т. 8: Флобер – Яшпал. М.: Советская энциклопедия, 1975. С. 918-920.

479. Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М.: Языки славянской культуры, 2003. 224 с.

480. Усачева А.Н. Лингвистические параметры концепта «состояние здоровья» в современном английском языке: автореф. дис. … канд. филол. н. Волгоград, 2002. 17 с.

481. Успенский Б.А. Ego Loquens: язык и коммуникационное пространство. М.: Изд-во Рос. гос. гуманит. ун-та, 2012. 496 с.

482. Уфимцева А.А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира: кол. монография. М.: Наука, 1988. С. 108-140.

483. Уфимцева А.А. Лексическое значение: принцип семиологического описания лексики. 2-е изд., стер. М.: Editorial URSS, 2002. 240 с.

484. Уфимцева Н.В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование: сб. науч. ст. 2-е изд. М.: Изд-во РАН ИИЯ, 2000. С. 135-170.

485. Фалина В.А. Фразеология эпистолярного жанра (на материале частной переписки купеческого сословия Владимирской губернии середины XIX – начала XX века): автореф. дис. ... канд. филол. н. Иваново, 2000. 20 с.

486. Фалина В.А. Новые тенденции оформления концовки неофициального письма середины XIX – начала XX века // Вестник гуманитарного факультета Ивановского государственного химико-технологического университета. 2008. Вып. 3. С. 262-266.

487. Фархутдинова Ф.Ф. Взглянуть на мир сквозь призму слова… Опыт лингвокультурологического анализа русскости: монография. Иваново: Изд-во Ивановского гос. ун-та, 2000. 204 с.

488. Федосюк М.Ю. Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: Колледж, 1997. С. 66-88.

489. Федюрко С.Ю. Стилистические особенности русского делового письма как жанровой разновидности официально-делового стиля: автореф. дис. … канд. филол. н. Воронеж, 2002. 21 с.

490. Фесенко О.П. Фразеология эпистолярных текстов А. С. Пушкина в семантическом, стилистическом и функциональном аспектах: автореф. дис. … канд. филол. н. Омск, 2003. 23 с.

491. Фесенко О.П. Дружеское письмо как дискурсивный гипержанр // Вестник Ленинградского государственного университета. Сер. Филология. 2008. № 2 (12). С. 168-175.

492. Фесенко О.П. Эпистолярий: жанр, стиль, дискурс // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. «Филология. Искусствоведение». 2008. Вып. 24. № 23 (124). С. 132-143.

493. Фесенко О.П. Комплексное исследование фразеологии дружеского эпистолярного дискурса первой трети XIX века: автореф. дис. … д-ра филол. н. Томск, 2009. 37 с.

494. Фетисова С.А. Концептуализация имени цвета «красный»: автореф. дис. … канд. филол. н. Иркутск, 2005. 21 с.

495. Фещенко О.А. Концепт «Дом» в художественной картине мира М.И. Цветаевой (на материале прозаических текстов): автореф. дис. ... канд. филол. н. Томск, 2005. 30 с.

496. Филин Ф.П. О просторечном и разговорном в литературном языке // Филологические науки. 1979. № 2. С. 20-25.

497. Филлмор Ч.Д. Фреймы и семантика их понимания // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка. С. 52-92.

498. Фокина К.В. Аксиологическая модель языковой личности в дружеском эпистолярном дискурсе (на материале писем швейцарского писателя XX века Макса Фриша): автореф. дис. … канд. филол. н. Саратов, 2010. 22 с.

499. Фокина Ю.М. Особенности репрезентации художественного концепта «Дом» в концептосферах А.П. Чехова и Д. Джойса (на материале малой прозы) // Известия Саратовского государственного университета. 2009. № 9. Сер. Социология. Политология. Вып. 2. С. 45-48.

500. Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М.: Икар, 1998. 292 с.

501. Формановская Н.И. Речевое воздействие: коммуникация и прагматика. М.: Икар, 2007. 480 с.

502. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. 4-е изд. М.: ЛКИ, 2008. 157 с.

503. Фридрих И. История письма. М.: Наука, 1979. 463 с.

504. Фэн Хунмэй. Жанр делового письма и его субжанры: автореф. дис. … канд. филол. н. М., 2006. 24 с.

505. Харченко В.К. Функции метафоры: учеб. пособие. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1992. 88 с.

506. Харченко В.К. Современная повседневная речь. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЛКИ, 2010. 184 с.

507. Хорошая речь / под ред. М.Л. Кормилицыной и О.Б. Сиротининой. 3-е изд. М.: Либроком, 2009. 320 с.

508. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии: учеб. пособие. 5-е изд. М.: Флинта; Наука, 2009. 184 с.

509. Цыцарина О.Ф. О понятии «эпистолярный жанр» в современной лингвистической литературе // Функционально-семантические аспекты языковых явлений: сб. науч. ст. Куйбышев: Изд-во Куйбышевского гос. ун-та, 1989. С. 103-110.

510. Чаркин М.Ж. Стереотипное и творческое в эпистолярном дискурсе // Стереотипность и творчество: межвуз. сб. науч. тр. Пермь: Изд-во Пермского гос. ун-та, 2012. Вып. 16. С. 157-164.

511. Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности: кол. монография / отв. ред. В.Н. Телия. М.: Наука, 1991. 214 с.

512. Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис: кол. монография / отв. ред. В.Н. Телия. М.: Наука, 1992. 281 с.

513. Чернейко Л.О., Долинский В.А. Имя «судьба» как объект концептуального и ассоциативного анализа // Вестник Московского университета. Сер. 9. «Филология». 1996. № 6. С. 20-41.

514. Черникова Н.В. Лексико-семантическая актуализация как средство отражения изменений в русской концептосфере (1985-2008 гг.): монография. М.: Изд-во Московского гос. обл. ун-та; Мичуринск: Изд-во Мичуринского гос. пед. ин-та, 2008. 395 с.

515. Черняева А.Б. Функционирование обращения в дружеском письме творческой интеллигенции конца XIX – первой четверти XX века: автореф. дис. … канд. филол. н. СПб., 2008. 24 с.

516. Чигридова Н.Ю. Речевое поведение коммуниканта в жанре деловых эпистолярий (на материале немецкого языка): автореф. дис. … канд. филол. н. Волгоград, 2000. 24 с.

517. Чинова Л.Н. Просьба о прощении и принесение извинения // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: Колледж, 1999. Вып. 2. С. 278-281.

518. Чулкина Н.Л. Мир повседневности в языковом сознании русских: лингвокультурологическое описание: монография. М.: Editorial URSS, 2007. 256 с.

519. Шаклеин В.М. Лингвокультурология: традиции и инновации. М.: Флинта; Наука, 2012. 301 с.

520. Шаховский В.И. Нацио- и социокультурные аспекты языковой личности // Общество, язык и личность: материалы Всерос. науч. конф. М.: Пенза: Изд-во Пенз. гос. пед. ун-та, 1996. Вып. 1. С. 29-30.

521. Шацкая М.Ф. Взаимодействие лексической и синтаксической семантики в русском художественном тексте: межуровневые контакты

и механизмы аномальных трансформаций при порождении языковой игры: монография. Волгоград: Перемена, 2010. 200 с.

522. Шевченко О.Н. Языковая личность переводчика (на материале дискурса Б.В. Заходера): автореф. дис. ... канд. филол. н. Волгоград, 2005. 22 с.

523. Шестак Л.А. Русская языковая личность: коды образной вербализации тезауруса: монография. Волгоград: Перемена, 2003. 514 с.

524. Ши Ся. Концепт «Китай» в русском обыденном языковом сознании: автореф. дис. … канд. филол. н. М., 2008. 23 с.

525. Ширяева О.В. Прецедентные тексты как элемент языковой игры в рекламном дискурсе // Игра как прием текстопорождения: кол. монография. Красноярск: Изд-во Сибир. федерал. ун-та, 2010. С. 191-196.

526. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002. 224 с.

527. Шмелев Д.Н. Проблема семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Наука, 1973. 280 с.

528. Шмелева Т.В. Повседневная речь как лингвистический объект // Русистика сегодня. Функционирование языка: лексика и грамматика: сб. науч. ст. М.: Наука, 1992. С. 5-15.

529. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: Колледж, 1997. С. 88-98.

530. Щерба Л.В. Теория русского письма. Л.: Наука, 1983. 134 с.

531. Шпильман М.В. Коммуникативная стратегия «речевая маска» (на материале произведений А. и Б. Стругацких): автореф. дис. ... канд. филол. н. Новосибирск, 2006. 24 с.

532. Эйгес И.Р. Эпистолярная форма // Словарь литературных терминов / под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чешихина-Ветринского: в 2 т. Т. 2. М. – Л.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1925. С. 1117-1118.

533. Эфтор О.В. О подходах к изучению языковой личности // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 86: Филология. Искусствоведение. 2013. № 37 (328). С. 117-120.

534. Юнг А.В. Когнитивные основы текста делового письма на английском языке (на материале деловых писем-оферта): автореф. дис. … канд. филол. н. Владивосток, 2004. 22 с.

535. Юрьева И.А. Концепт «Россия» как фрагмент русской национальной картины мира периода XX – начала XIX вв.: автореф. дис. … канд. филол. н. Челябинск, 2008. 23 с.

536. Яковлева Е.С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова // Вопросы языкознания. 1998. № 3. С. 43-73.

537. Ярмаркина Г.М. Обыденная риторика: просьба, приказ, предложение, убеждение, уговоры и способы их выражения в русской разговорной речи: автореф. дис. … канд.филол. н. Саратов, 2001. 20 с.

538. Ahrens K. When Love is Not Digested: Underlying Reasons for Source to Target Domain Pairings in the Contemporary Theory of Metaphor // Proceedings of the First Cognitive Linguistics Conference. Hsiao: Cheng-Chi University, 2002. P. 273-302.

539. Berlin B. Basic Color Terms: their Universality and Evolution / B. Berlin, P. Kay. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1969. 178 p.

540. Black M. Models and Metaphors: Studies in Lang. a. Ithaca, 1962. 267 p.

541. Brünner G. Redewiedergabe in Gesprächen // Deutsche Sprache. 1991. Heft 19. S. 1-13.

542. Davidson D. What Metaphors Mean // Pragmatics. New York-Oxford; Oxford University Press, 1991. P. 495-506.

543. Fraser B. Hedged Performatives // Syntax and Semantics. New York etc.: Academic Press, 1975. Vol.3: Speech Acts. P. 187-210.

544. Gordon D., Lakoff G. Conversational postulates // Syntax and semantics. New York etc.: Academic Press, 1975. Vol. 3: Speech acts. P. 83-106.

545. Haard E. de. Verse Insertions and Prosimetrium in Pushkin's Works // Two Hundred Years of Pushkin. Vol. 3. Amsterdam – New York, NY, 2004. P. 73-88.

546. Haskell R.E. A Phenomenology of Metaphor: A Praxis Study into Metaphor. It's Cognitive Movement through Semantic Space // Cognition and Symbolic Structures / Ed. R.E. Haskell. Norwood, N. J.: Ablex Publishing, 1987. P. 257-292.

547. Haskell R.E. Jiambattista Vico and the discovery of metaphoric cognition // Cognition and simbolic structures / Ed. R.E. Haskell. Norwood (N.I.), 1987. P. 67-82.

548. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 202-251.

549. Leech G.N. Principles of Pragmatics. London; New York: Longman, 1983. XII. 250 p.

550. Leets L., Becker G. de, Giles H. Fans: Exploring Expressed Motivations for Contacting Celebrities // Journal of Language and Social Psychology. March, 1995. Vol. 14. № 1-2. P. 102-123.

551. Letter Writing / Ed. T. Nevalainen and S.-K. Tanskanen. Amsterdam, John Benjamins Publishing, 2007. 160 p.

552. Ritchie D. Metaphors in Conversational Context: Toward a Connectivity Theory of Metaphor Interpretation // Metaphor and Symbol. 2004. Vol. 19. № 4. P. 265-287.

553. Searle J.R., Vanderveken D. Foundations of Illocutionary Logs. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1985. 227 p.

554. Sindlerova H. Nespisovne jevy v soukrome korespondenci // Sb. praci Filoz. fak. Brnenske univ. R. jazykovedna. Brno, 2003. Roc. 52, c. 51. S. 241-248.

555. Stowers S.K. Letter Writing in Greco-Roman Antiquity. Philadelphia, Westminster Press, 1986. 188 p.

556. Wierzbicka A. Duša (~soul), toska (~yearning), sud'ba (~fate): three key concepts in Russian language and Russian culture // Metody formalne w opisie języków slowiańskich. Białystok: Dział Wydawnictw Filii UW, 1990. C. 13-32.

Словари, справочники и принятые сокращения

СЛТ – Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1969. 606 с.

КС – Ашукин М.Н., Ашукина М.Г. Крылатые слова. Литературные цитаты, образные выражения. Дополнения. 3-е изд. М.: Современник, 1996. 560 с.

СРРЭ – Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета: ок. 6000 этикетных слов и выражений. 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель; АСТ; Хранитель, 2007. 767 с.

СЛКС – Бабичев Н.Т., Боровский Я.М. Словарь латинских крылатых слов. М: Русский язык, 1988. 960 с.

БТС – Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 192 с.

Розенталь Д.Э. Справочник по русскому языку: Орфография. Пунктуация. Орфографический словарь. Прописная или строчная? М.: Оникс; Мир и образование, 2008. 1008 с.

МАС1 – Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. А-Й. 702 с.

ЭСКС – Серов В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: Локид-пресс, 2005. 880 с.

ФС1 – Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. / сост. А.И. Федоров. Т. 1: А-М. М.: Цитадель, 1997. 391 с.

ФС2 – Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 т. / сост. А.И. Федоров. Т. 2: Н-Я. М.: Цитадель, 1997. 396 с.

Христианство: Энциклопедический словарь: в 3 т. / под ред. С.С. Аверинцева и др. Т. 2. М.: Большая российская энциклопедия, 1993. 863 с.

Источники и принятые сокращения

А – Астафьев В.П. Нет мне ответа… Эпистолярный дневник 1952-2001 / сост., предисл. Г. Сапронова. 2-е изд., доп. Иркутск: Издатель Сапронов, 2009. 752 с.

Г1 – Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 28. Письма, телеграммы, надписи. 1889-1906 гг. М.: Художественная литература, 1954. 600 с.

Г2 – Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 29. Письма, телеграммы, надписи. 1907-1926 гг. М.: Художественная литература, 1955а. 671 с.

Г3 – Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 30. Письма, телеграммы, надписи. 1927-1936 гг. М.: Художественная литература, 1955б. 819 с.

П1 – Пушкин А.С. Письма: в 3 т. Т. I. 1815-1826. М.: Захаров, 2006а. 704 с.

П2 – Пушкин А.С. Письма: в 3 т. Т. II. 1827-1831. М.: Захаров, 2006б. 672 с.

П3 – Пушкин А.С. Письма: в 3 т. Т. III. 1832-1837. М.: Захаров, 2006в. 544 с.

Т1 – Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 22 томах. В 20 книгах. Том XVIII. Письма. 1842-1881 гг. М.: Художественная литература, 1984а. С. 305-912.

Т2 – Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 22 томах. В 20 книгах. Том XIX. Письма. 1882-1899 гг. М.: Художественная литература, 1984б. С. 3-459.

Т3 – Толстой, Л.Н. Собрание сочинений в 22 томах. В 20 книгах. Том XX. Письма. 1900-1910 гг. М.: Художественная литература, 1984в. С. 460-758.

Ч1 – Чехов А.П. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 11. Письма 1877-1892. М.: Гослитиздат, 1956. 711 с.

Ч2 – Чехов А.П. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 12. Письма 1893-1904. М.: Гослитиздат, 1957. 868 с.

Ш – Шолохов, М. А. Собрание сочинений в 10 т. Т. 10. Письма. 1924-1984 гг. М.: Советский писатель, 2005. 736 с.

Приложение 1

Диаграммы и таблицы с количественными подсчетами (к главе 1)

Диаграмма 1

Количество с/у прецедентных текстов в писательском эпистолярии (к п. 1.3.2.1.)

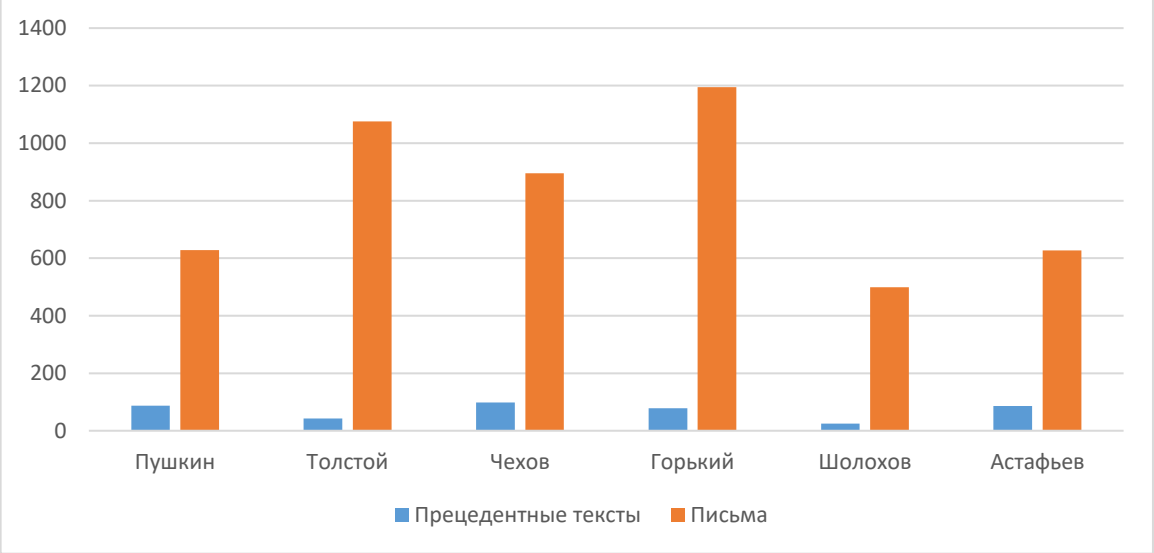


Таблица 1

Количество с/у источников прецедентных текстов в писательском эпистолярии (к п. 1.3.2.1.)

Авторы писем / Источники прецедентных текстов	Пушкин	Толстой	Чехов	Горький	Шолохов	Астафьев	**Всего**
- пословицы	25	12	39	31	7	32	**146**
- русская классическая литература (в том числе пушкинский текст)	24 (3)	3 (1)	7 (5)	13 (5)	8 (3)	27 (6)	**82 (23)**
- библейские тексты	7	7	39	15	4	6	**78**
- афоризмы	5	11	6	15	-	11	**48**
- иностранная художественная литература	15	10	1	2	3	-	**31**
- песенное творчество	1	-	5	2	7	5	**20**
- греческая мифология	10	-	1	-	-	-	**11**
- анекдоты	-	-	-	-	-	3	**3**
- фильмы	-	-	-	-	-	2	**2**
Всего с/у в письмах	**87**	**43**	**98**	**78**	**29**	**86**	**421**

Таблица 2

Количество с/у приемов включения прецедентных текстов в частные письма (к п. 1.3.2.1.)

Авторы писем / Приемы включения прецедентных текстов в частные письма	Пушкин	Толстой	Чехов	Горький	Шолохов	Астафьев	**Всего**
- цитирование (в том числе на иностранных языках)	10 (7)	14 (14)	5 (5)	15 (-)	7 (-)	28 (-)	**79 (26)**
- аппликация	39	19	67	54	17	49	**245**
- аллюзия	24	7	15	3	5	6	**60**
- парафраз	14	3	11	6	-	3	**37**
Всего с/у в письмах	**87**	**43**	**98**	**78**	**29**	**86**	**421**

Диаграмма 2

Количество с/у пословиц в писательском эпистолярии (к п. 1.3.2.2.)

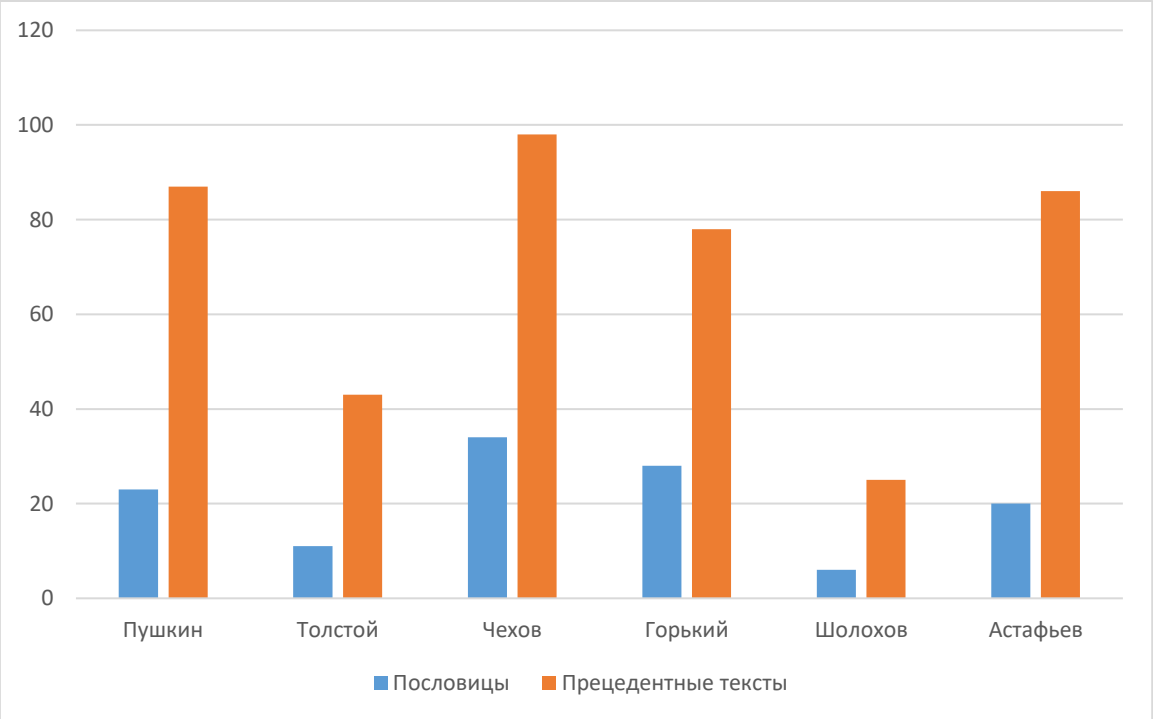


Таблица 3

Количество с/у приемов включения пословиц в частные письма (к п. 1.3.2.2.)

Авторы писем / **Приемы включения пословиц в частные письма**	Пушкин	Толстой	Чехов	Горький	Шолохов	Астафьев	**Всего**
- цитирование (в том числе на иностранных языках)	2	5 (2)	-	2	-	5	**14**
- аппликация (в том числе на иностранных языках)	19 (1)	6 (4)	32 (4)	24	4	13	**98**
- парафраз	2	-	2	2	2	2	**10**
Всего с/у в письмах	**23**	**11**	**34**	**28**	**6**	**20**	**122**

Приложение 2

Диаграммы и таблицы с количественными подсчетами (к главе 2)

Диаграмма 1

Количество с/у лексемы *письмо* в писательском эпистолярии (к п. 2.1.1.)

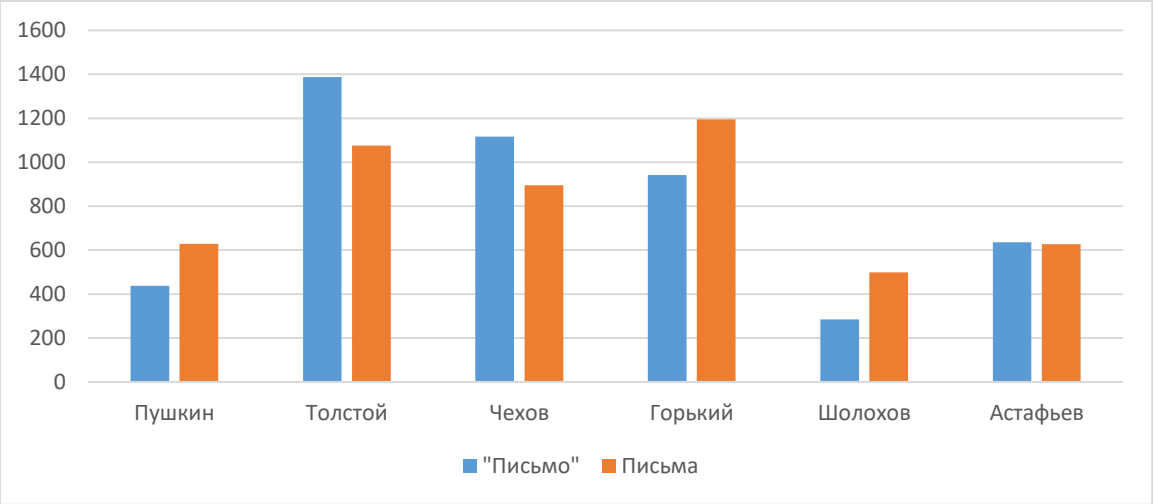


Таблица 1

Количество с/у высказываний со словом *письмо*, представляющих определенные типовые ситуации (к п. 2.1.1.)

Авторы писем / Типовые ситуации*	Пушкин	Толстой	Чехов	Горький	Шолохов	Астафьев	**Всего**
Отмеченные в письмах шести авторов							
Сообщение о получении автором письма третьего лица	25	15	51	54	14	41	**200**
Благодарность адресату за письмо (в целом)	46	35	31	33	23	26	**194**
Сообщение о получении автором письма адресата	23	25	45	24	10	55	**182**
Сообщение об обстоятельствах получения письма адресата автором	27	53	31	12	7	50	**180**
Сообщение об эмоциях, которые испытывает автор при прочтении письма адресата	14	92	24	18	12	16	**176**
Просьба к адресату об ответном письме	15	21	17	33	38	7	**131**

Извинение за опоздание с ответом на письмо адресата / обоснование задержки ответного письма	9	40	24	5	8	28	**114**
Сообщение об обстоятельствах написания письма адресату	10	36	29	7	12	19	**113**
Указание причин написания письма адресату	5	18	25	12	11	20	**91**
Сообщения об обстоятельствах отправки письма автора адресату	24	9	20	16	10	9	**88**
Сообщение адресату о содержании (пересказ / цитирование) письма, полученного автором от адресата	15	26	21	10	5	11	**88**
Сообщение о содержании (пересказ / цитирование) письма, полученного автором от третьего лица	12	19	12	12	6	26	**87**
Извинение за содержание письма адресату	10	28	10	16	5	8	**77**
Сообщение о написании автором письма третьему лицу	5	8	6	20	6	17	**62**
Благодарность за содержание письма	7	24	9	8	6	6	**60**
Сообщение о предполагаемых обстоятельствах получения адресатом письма автора	17	6	12	8	5	5	**53**
Сообщение о получении автором вместе с письмом адресата какого-либо другого предмета (денег, книг, писем третьих лиц и т.п.)	5	9	19	8	6	5	**52**
Пересказ / цитирование предыдущего письма автора адресату	5	23	8	5	5	6	**52**
Указание причин завершения письма	7	12	5	6	5	12	**47**
Выражение сожаления о том, что письмо не может заменить непосредственного общения	5	5	10	8	6	12	**46**
Критика адресата за содержание письма	5	11	5	6	5	10	**42**
Сообщение об отправке автором адресату вместе с письмом какого-либо другого предмета (денег, книг, писем третьих лиц и т.п.)	5	9	6	5	5	6	**36**
Отмеченные в письмах пяти авторов							
Просьба адресату передать письмо автора третьему лицу	10	6	-	26	5	5	**52**
Сообщение о том, что письмо автора не дошло до адресата	7	6	5	18	-	9	**45**
Сообщение об отправке автором письма третьему лицу	-	13	12	7	6	6	**44**
Извинение за объем письма адресату (недостаточный) / обоснование небольшого объема письма	-	11	6	5	6	6	**34**
Сообщение о том, что автор пишет письма подряд нескольким адресатам	-	6	5	6	5	10	**32**
Критика адресата за отсутствие ответа на предыдущее письмо автора (упрек)	6	5	6	6	5	-	**28**

Отмеченные в письмах четырех авторов							
Сообщение, что автор отправляет адресату письмо / копию письма третьего лица, адресованного автору	-	-	5	25	7	5	**42**
Вопрос, получил ли адресат предыдущее письмо автора	7	7	5	16	-	-	**35**
Извинение за объем письма адресату (избыточный)	-	-	14	5	5	6	**30**
Благодарность за объем письма (большое, подробное и т.п.)	5	10	6	-	-	7	**28**
Сообщение об ожидании письма от третьего лица	-	-	6	8	5	6	**25**
Сообщение о том, что письмо адресата не дошло до автора	5	6	5	-	-	8	**24**
Отмеченные в письмах трех авторов							
Обещание сообщить информацию адресату в следующем письме	-	25	8	-	5	-	**38**
Сообщение адреса, на который адресат должен послать ответ на письмо автора	6	-	19	7	-	-	**32**
Извинение за оформление письма (кляксы, плохой почерк)	-	-	5	6	-	13	**24**
Сообщение адресату о пересказе / цитировании письма автора третьему лицу	-	9	8	5	-	-	**22**
Сообщение о прочтении письма адресата	-	-	6	-	6	9	**21**
Отмеченные в письмах двух авторов							
Сообщение о предполагаемых эмоциях адресата, которые возникнут при прочтении письма автора	-	15	-	6	-	-	**21**
Сообщение о том, что автор читает / пересказывает письма адресата третьим лицам	6	-	5	-	-	-	**11**
Критика адресата за объем письма (небольшое)	5	6	-	-	-	-	**11**
Просьба адресату сообщить содержание письма автора широкой аудитории	-	-	-	6	-	5	**11**
Отмеченные в письмах одного автора							
Вопрос, получило ли третье лицо письмо от автора	5	-	-	-	-	-	**5**
Критика адресата за разглашение информации из письма автора	5	-	-	-	-	-	**5**
Разрешение адресату на сообщение содержания письма автора третьим лицам	-	5	-	-	-	-	**5**
Сообщение о получении третьим лицом письма адресата	-	-	5	-	-	-	**5**
Сообщение о прочтении автором письма третьего лица	-	-	5	-	-	-	**5**
Сообщение об отправке письма третьего лица третьему лицу	-	-	-	6	-	-	**6**
Сообщение об отправке третьим лицом копии письма другого третьего лица автору	-	-	-	5	-	-	**5**

Просьба к адресату не писать письма автору	-	-	-	-	10	-	**10**
Просьба к адресату совершить определенное действие после получения письма	-	-	-	-	5	-	**5**
Сообщение об отправке автором письма адресату	-	-	-	-	-	8	**8**
Извинение за то, что письмо напечатано на машинке	-	-	-	-	-	6	**6**
Другие, менее частотные ситуации	**74**	**734**	**560**	**452**	**5**	**131**	**1956**
Всего с/у в письмах	**437**	**1388**	**1116**	**941**	**285**	**635**	**4802**

* Перечислены только ситуации, общее количество с/у которых – 5 и более.

Диаграмма 2

Количество с/у лексем *здоровье, здоровый*

в писательском эпистолярии (к п. 2.1.2.)

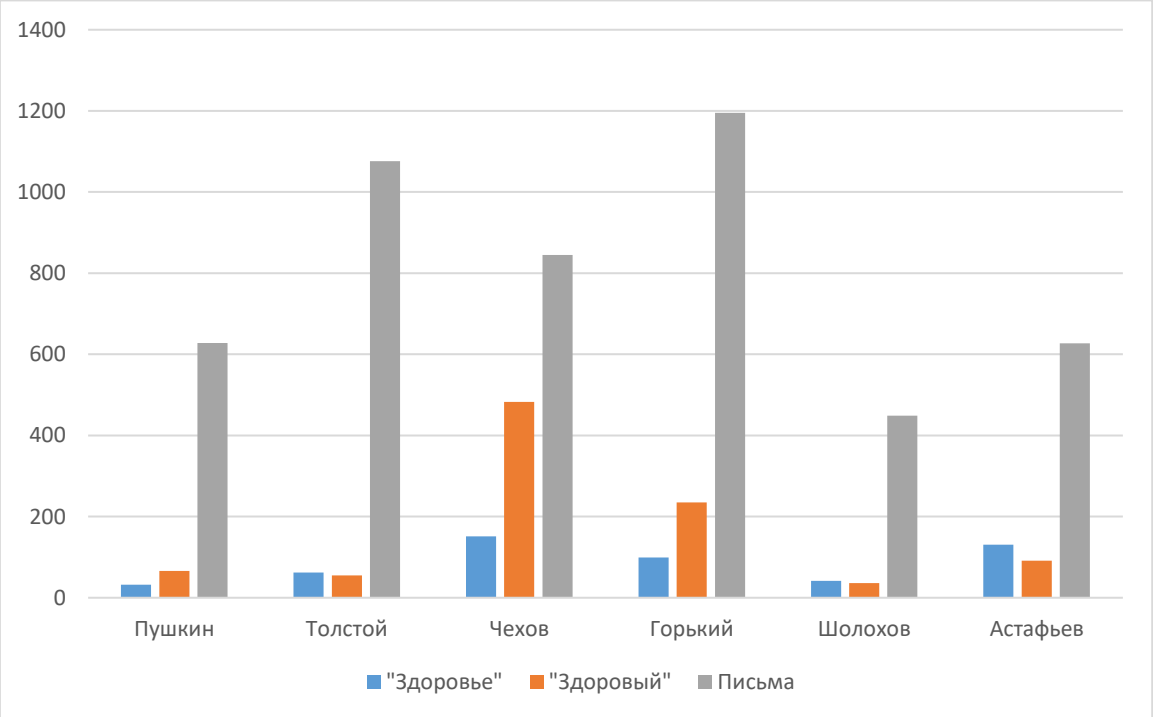


Диаграмма 3

Количество с/у лексемы *погода* в писательском эпистолярии (к п. 2.1.3.)

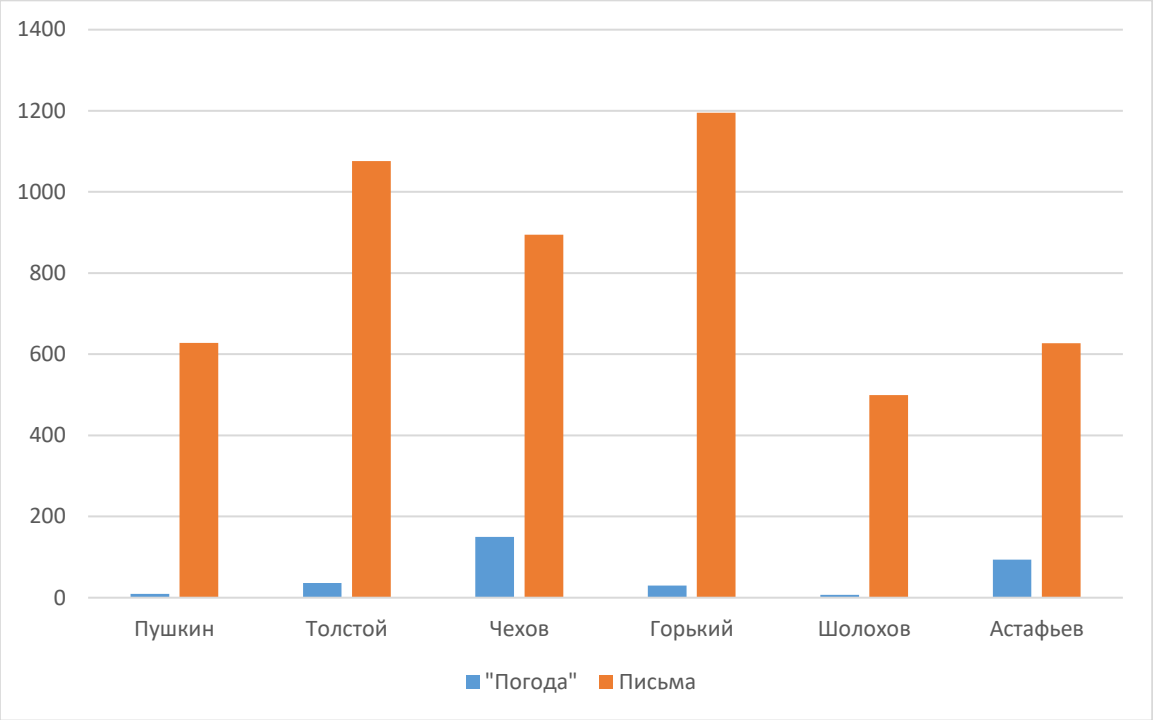


Диаграмма 4

Количество с/у лексемы *телеграмма* в писательском эпистолярии (к п. 2.2.1.)

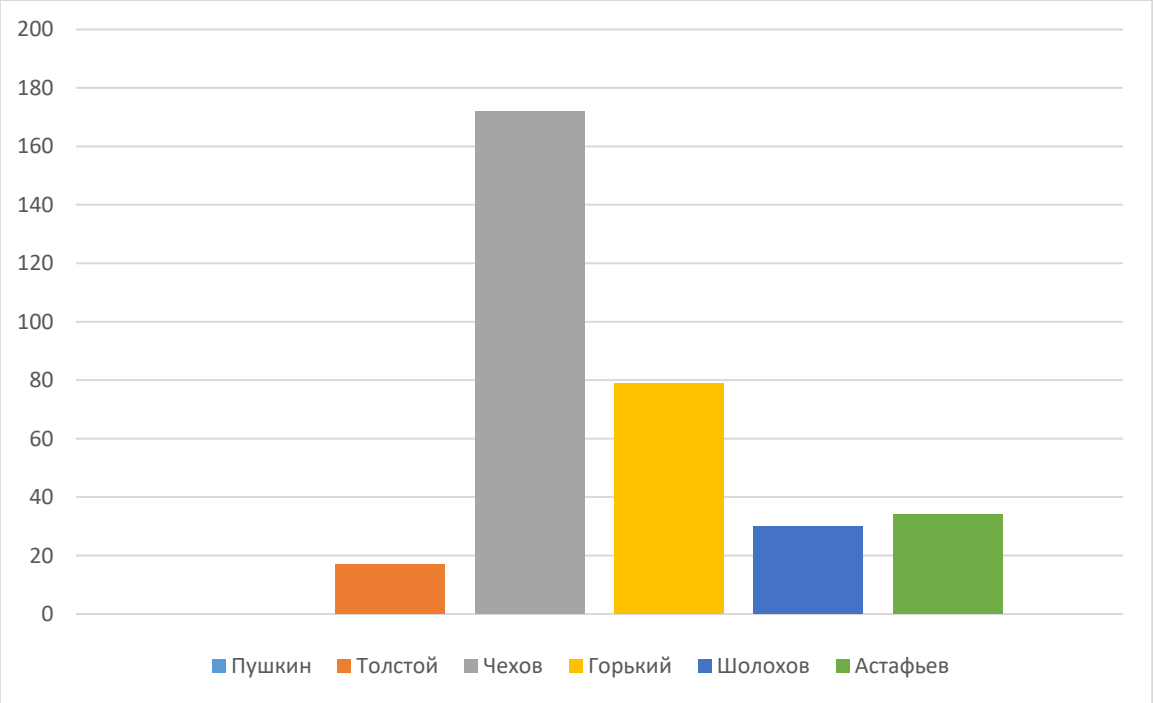


Таблица 2

Количество с/у высказываний со словом *телеграмма*, представляющих определенные типовые ситуации (к п. 2.2.1.)

Типовые ситуации* \ Авторы писем	Пушкин	Толстой	Чехов	Горький	Шолохов	Астафьев	**Всего**
Отмеченные в письмах пяти авторов							
Просьба к адресату прислать автору телеграмму с определенной информацией	-	2	4	8	8	7	**29**
Сообщение о получении автором телеграммы адресата	-	2	3	7	1	3	**16**
Отмеченные в письмах четырех авторов							
Благодарность адресату за телеграмму	-	-	8	3	2	2	**15**
Сообщение об отправке автором телеграммы адресату	-	2	5	2	1	-	**10**
Сообщение об отправке автором телеграммы третьему лицу	-	-	3	3	2	2	**10**
Отмеченные в письмах трех авторов							
Пересказ / цитирование телеграммы третьего лица, адресованной автору	-	-	14	10	-	5	**29**
Сообщение о получении автором телеграммы третьего лица	-	-	16	6	-	5	**27**
Сообщение об эмоциях, которые испытывает автор при прочтении телеграммы адресата	-	-	5	5	2	-	**12**
Обещание сообщить информацию адресату телеграммой	-	-	6	-	2	2	**10**
Извинение за то, что автор не отправил телеграмму адресату	-	2	3	-	-	4	**9**
Пересказ / цитирование телеграммы автора адресату	-	-	2	2	-	2	**6**
Отмеченные в письмах двух авторов							
Пересказ отправленной третьим лицом телеграммы, адресованной третьему лицу	-	-	-	3	4	-	**7**
Пересказ / цитирование телеграммы адресата автору	-	2	6	-	-	-	**8**
Сообщение об обстоятельствах получения автором телеграммы адресата	-	-	10	-	-	4	**14**
Сообщение об обстоятельствах получения телеграммы третьего лица автором	-	-	5	-	-	2	**7**
Критика адресата за присланную телеграмму / большой объем телеграммы (желание сократить расходы адресата на телеграмму)	-	-	2	3	-	-	**5**
Сообщение о том, что третье лицо передавало телеграмму, адресованную автору, по телефону	-	-	4	-	2	-	**6**
Указание адреса, на который адресат должен послать телеграмму	-	2	3	-	-	-	**5**

Сообщение о том, что на телеграммы автора нет ответа от третьих лиц	-	-	-	2	-	2	**4**
Отмеченные в письмах одного автора							
Сообщение об обстоятельствах получения телеграммы адресата автором	-	-	10	-	-	-	**10**
Указание, что должен написать адресат автору в телеграмме, чтобы автор получил интересующую его информацию (желание автора сократить расходы адресата на телеграмму)	-	-	5	-	-	-	**5**
Сообщения об обстоятельствах отправки телеграммы автора адресату	-	-	3	-	-	-	**3**
Сообщение о том, что телеграммы адресата не доходят до автора	-	-	-	3	-	-	**3**
Расшифровка телеграммы автора к адресату в письме, которое предшествует телеграмме (желание автора сократить расходы на телеграмму)	-	-	2	-	-	-	**2**
Критика адресата за телеграммы на два адреса (желание сократить расходы адресата на телеграмму)	-	-	-	2	-	-	**2**
Запрет адресату на отправку телеграммы	-	-	-	-	-	2	**2**
Сообщение о написании автором письма вместе телеграммы	-	-	-	-	-	2	**2**
Другие, менее частотные ситуации	-	**5**	**53**	**20**	**6**	-	**84**
Всего с/у в письмах	-	**17**	**172**	**79**	**30**	**44**	**342**

* Перечислены только ситуации, общее количество с/у которых – 2 и более.

Диаграмма 5

Количество с/у лексемы *телефон*

в писательском эпистолярии (к п. 2.2.1.)

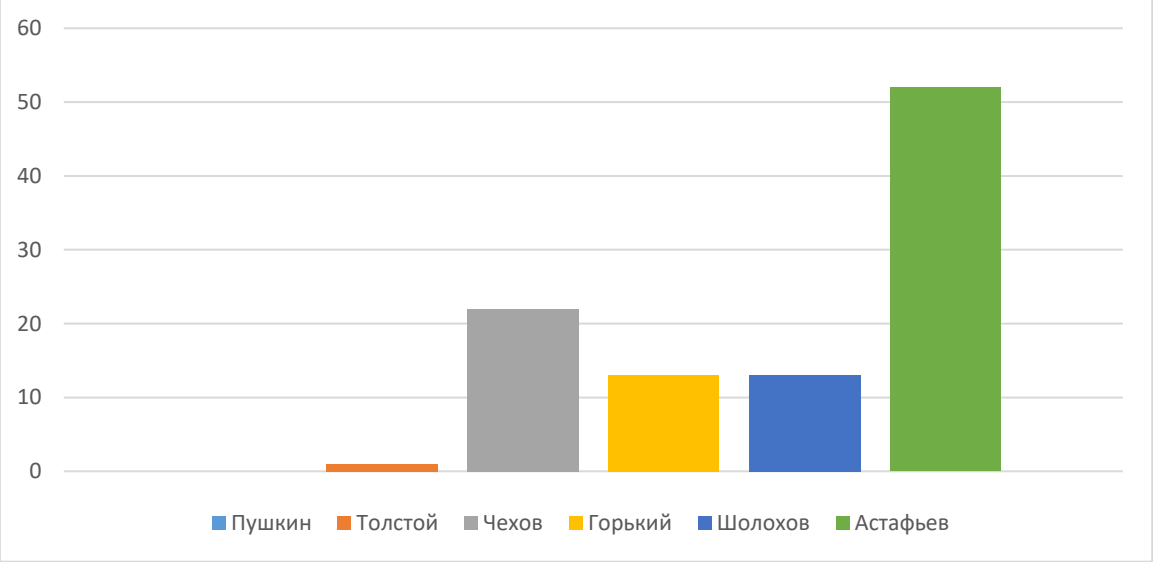


Таблица 3

Количество с/у высказываний со словом *телефон*, представляющих определенные типовые ситуации (к п. 2.2.1.)

Типовые ситуации \ Авторы писем	Пушкин	Толстой	Чехов	Горький	Шолохов	Астафьев	**Всего**
Отмеченные в письмах четырех авторов							
Просьба к адресату сообщить нужную автору информацию по телефону	-	-	2	2	3	2	**9**
Отмеченные в письмах трех авторов							
Указание номера телефона автора	-	-	-	2	1	4	**7**
Сообщение о том, что третье лицо передавало телеграмму, адресованную автору, по телефону	-	-	4	1	1	-	**6**
Отмеченные в письмах двух авторов							
Сообщение о том, что автору часто звонят по телефону третьи лица и отвлекают от работы	-	-	2	-	-	8	**10**
Сообщение о том, что кто-то звонил автору по телефону	-	-	-	-	1	4	**5**
Отмеченные в письмах одного автора							
Сообщение адресату информации, полученной по телефону от третьих лиц	-	-	4	-	-	-	**4**
Сообщение о том, что телефонный аппарат – признак роскоши интерьера	-	-	2	-	-	-	**2**
Просьба к адресату сообщить информацию третьему лицу от автора по телефону	-	-	2	-	-	-	**2**
Сообщение о том, что автор звонил по телефону третьему лицу	-	-	-	-	2	-	**2**
Сообщение о том, что телефон в квартире автора не работает / работает плохо	-	-	-	-	-	4	**4**
Сообщение о том, что адресат может получить нужную ему информацию от третьего лица по телефону	-	-	-	-	-	3	**3**
Сообщение о том, что при подготовке рукописи к изданию автор общается с редакторами по телефону	-	-	-	-	-	3	**3**
Сообщение о дороговизне междугородной связи	-	-	-	-	-	2	**2**
Сообщение о том, что автор не умеет вести эффективное деловое общение по телефону	-	-	-	-	-	2	**2**
Сообщение о том, что автор сменил номер телефона	-	-	-	-	-	2	**2**
Другие, менее частотные ситуации	**-**	**1**	**6**	**8**	**5**	**18**	**38**
Всего с/у в письмах	**-**	**1**	**22**	**13**	**13**	**52**	**101**

* Перечислены только ситуации, общее количество с/у которых – 2 и более.

Таблица 4

Количество с/у лексем, обозначающих материалы и инструменты для письма в писательском эпистолярии (к п. 2.2.2.)

Виды материалов и инструментов для письма / Авторы писем		Пушкин	Толстой	Чехов	Горький	Шолохов	Астафьев	**Всего**
Материалы для письма	бумага	32	64	48	34	22	104	**304**
	лист	26	21	21	20	10	20	**118**
	страница	7	23	34	48	9	64	**185**
	чернила	1	5	4	6	1	12	**29**
Инструменты для письма	перо	18	8	15	8	4	9	**62**
	карандаш	3	9	7	8	3	2	**32**
	ручка	-	-	-	-	-	15	**15**
	пишущая машина / машинка	-	-	1	9	3	59	**72**
Всего с/у в письмах		**87**	**130**	**130**	**133**	**52**	**285**	**817**

Таблица 5

Количество с/у лексем, обозначающих средства передвижения в писательском эпистолярии (к п. 2.2.3.)

Виды транспортных средств / Авторы писем		Пушкин	Толстой	Чехов	Горький	Шолохов	Астафьев	**Всего**
	Пешком	6	6	13	7	3	11	**46**
Наземные	верхом	15	14	3	4	2	1	**39**
	лошадь	15	45	61	18	1	10	**150**
	возок	-	-	4	1	-	-	**5**
	дилижанс	3	2	-	-	-	-	**5**
	карета	12	7	1	-	-	-	**20**
	коляска	12	2	9	-	-	-	**23**
	ландо	-	1	1	-	-	-	**2**
	тройка	2	3	4	-	-	-	**9**
	пироскаф	3	-	-	-	-	-	**3**
	повозка	-	-	6	-	-	-	**6**
	подвода	-	-	-	-	11	-	**11**
	сани / санки	2	9	6	3	2	1	**23**
	тарантас	-	3	8	-	-	-	**11**

	телега	-	2	4	1	-	6	**13**
	фургон	1	-	-	-	-	-	**1**
	экипаж	6	10	8	-	-	-	**24**
	вагон	-	7	19	12	1	6	**45**
	железная дорога	-	13	10	3	3	2	**31**
	поезд	-	8	30	9	7	19	**73**
	автомашина	-	-	-	-	2	-	**2**
	автомобиль	-	-	-	3	-	-	**3**
	грузовик / грузовая машина	-	-	-	-	2	-	**2**
	комбайн	-	-	-	3	-	1	**4**
	легковушка / легковая машина	-	-	-	-	-	2	**2**
	машина	-	-	-	-	18	32	**50**
	трактор	-	-	-	4	17	3	**24**
Водные	баржа	-	-	4	2	1	-	**7**
	гондола	-	-	10	-	-	-	**10**
	катер	-	-	-	-	-	11	**11**
	корабль	5	-	4	-	1	5	**15**
	лодка	1	-	20	4	4	6	**35**
	моторка	-	-	-	-	-	2	**2**
	паром	-	-	7	-	1	-	**8**
	пароход	-	5	97	13	6	15	**136**
	подводная лодка	-	-	-	1	-	2	**3**
Воздушн.	аэроплан	-	-	-	4	-	-	**4**
	вертолет	-	-	-	-	-	11	**11**
	дирижабль	-	-	-	1	-	-	**1**
	самолет	-	-	-	-	10	28	**38**
Всего с/у в письмах		**83**	**137**	**329**	**93**	**92**	**174**	**908**

Диаграмма 6

Количество с/у лексемы *грех* в писательском эпистолярии (к п. 2.3.1.)

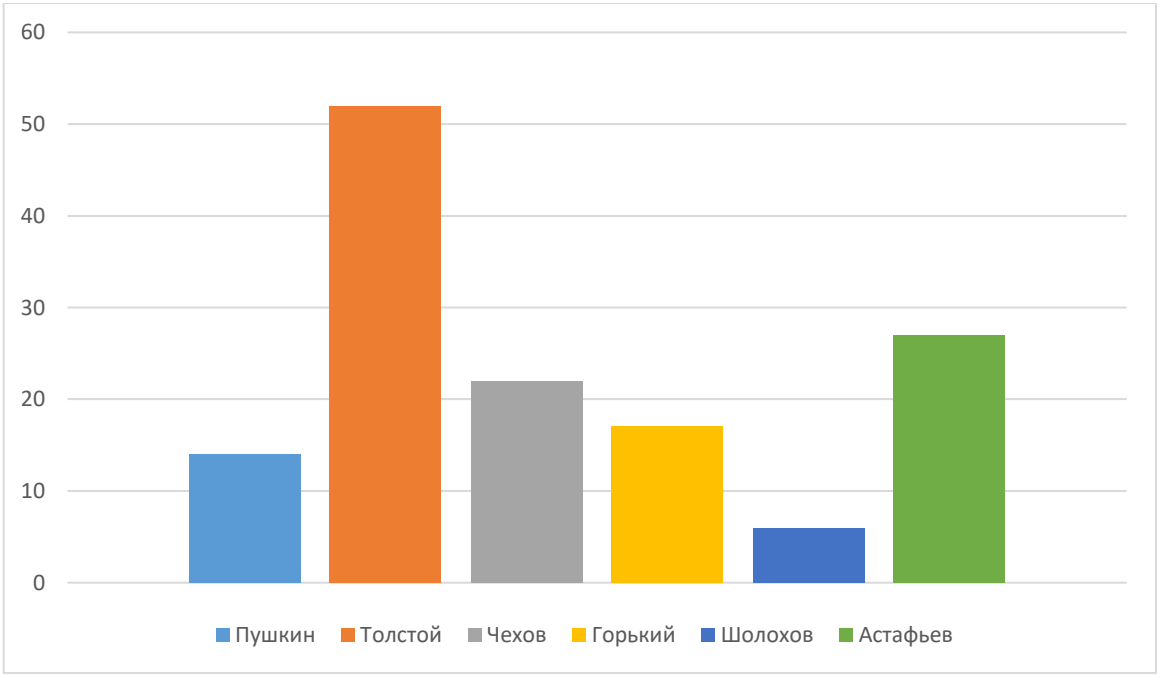


Диаграмма 7

Количество с/у лексем *дом, дома, домой*

в писательском эпистолярии (к п. 2.3.2.)

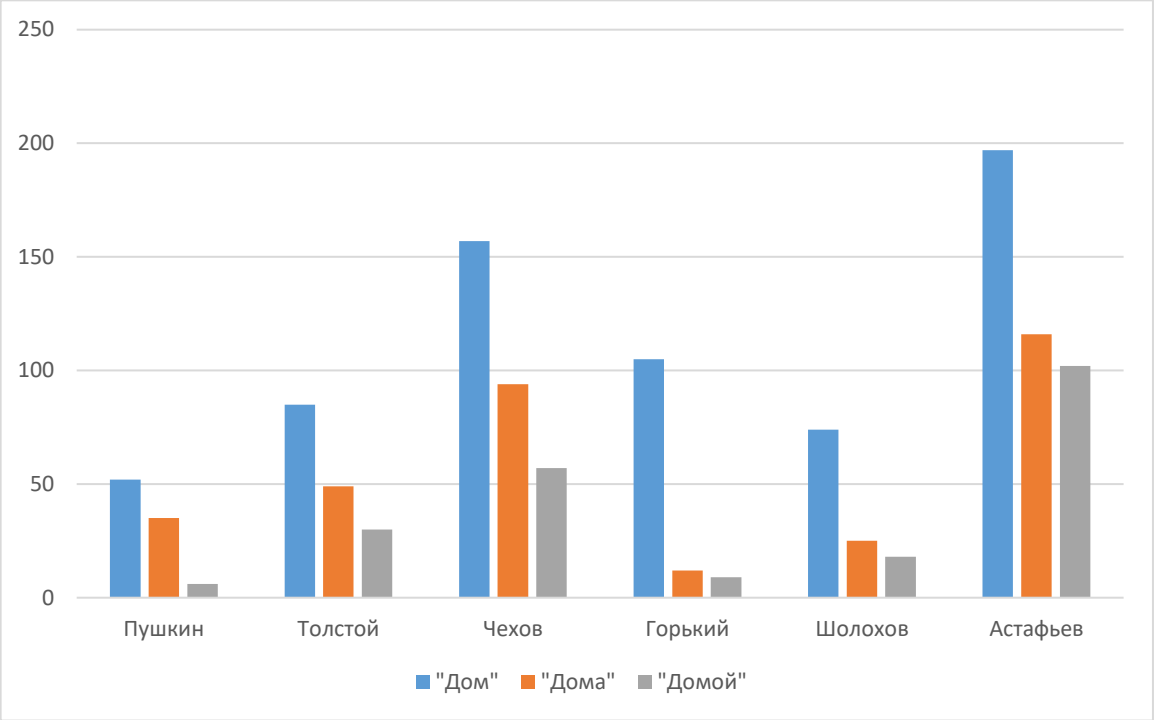
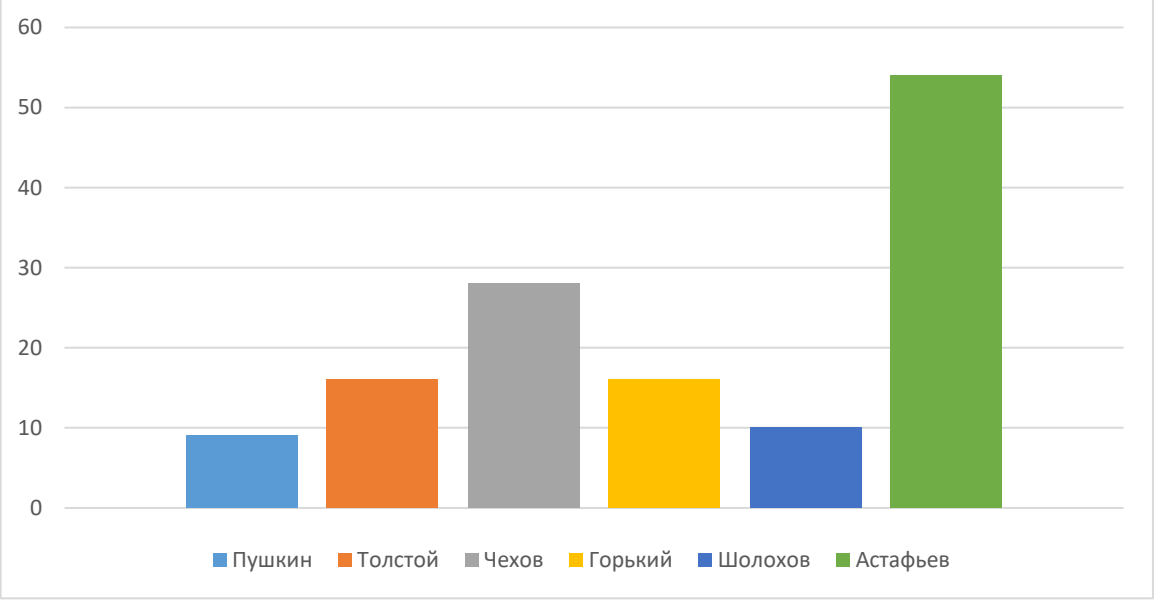


Диаграмма 8

Количество с/у лексемы *праздник*

в писательском эпистолярии (к п. 2.3.3.)



Приложение 3

Диаграммы и таблицы с количественными подсчетами (к главе 3)

Таблица 1

Количество с/у лексем *Россия, Русь, Москва, (Санкт-)Петербург, Ленинград* в писательском эпистолярии (к п. 3.1.5.)

Авторы / писем / Лексемы и словоформы	Пушкин	Толстой	Чехов	Горький	Шолохов	Астафьев	**Всего**
Москва, в том числе	158	251	377	261	149	184	**1380**
в Москве	(49)	(114)	(199)	(76)	(75)	(97)	**(610)**
в Москву	(46)	(76)	(133)	(57)	(45)	(66)	**(423)**
из Москвы	(27)	(37)	(45)	(10)	(17)	(18)	**(154)**
(Санкт-)Петербург, в том числе	144	157	189	45	-	19	**554**
в (Санкт-)Петербурге	(55)	(81)	(97)	(17)		(6)	**(256)**
в (Санкт-)Петербург	(50)	(62)	(70)	(9)		(7)	**(198)**
из Петербурга	(16)	(13)	(20)	(4)		(5)	**(58)**
Питер, в том числе	-	-	95	104	-	14	**213**
в Питере			(52)	(45)		(4)	**(101)**
в Питер			(33)	(32)		(3)	**(68)**
из Питера			(7)	(26)		(-)	**(33)**
Ленинград, в том числе	-	-	-	19	4	37	**60**
в Ленинграде				(10)	(2)	(17)	**(29)**
в Ленинград				(1)	(2)	(15)	**(18)**
Россия, в том числе	18	119	55	120	4	89	**405**
в России	(10)	(57)	(35)	(79)	(-)	(24)	**(205)**
в Россию	(-)	(14)	(18)	(22)	(3)	(-)	**(57)**
из России	(-)	(10)	(-)	(15)	(1)	(-)	**(26)**
Русь, в том числе	10	-	5	71	-	35	**121**
на Руси	(4)		(-)	(27)		(18)	**(49)**
Всего с/у в письмах	**330**	**527**	**721**	**620**	**157**	**378**	**2733**

Диаграмма 1

Количество с/у этнонима *русский*

в писательском эпистолярии (к п. 3.1.6.)

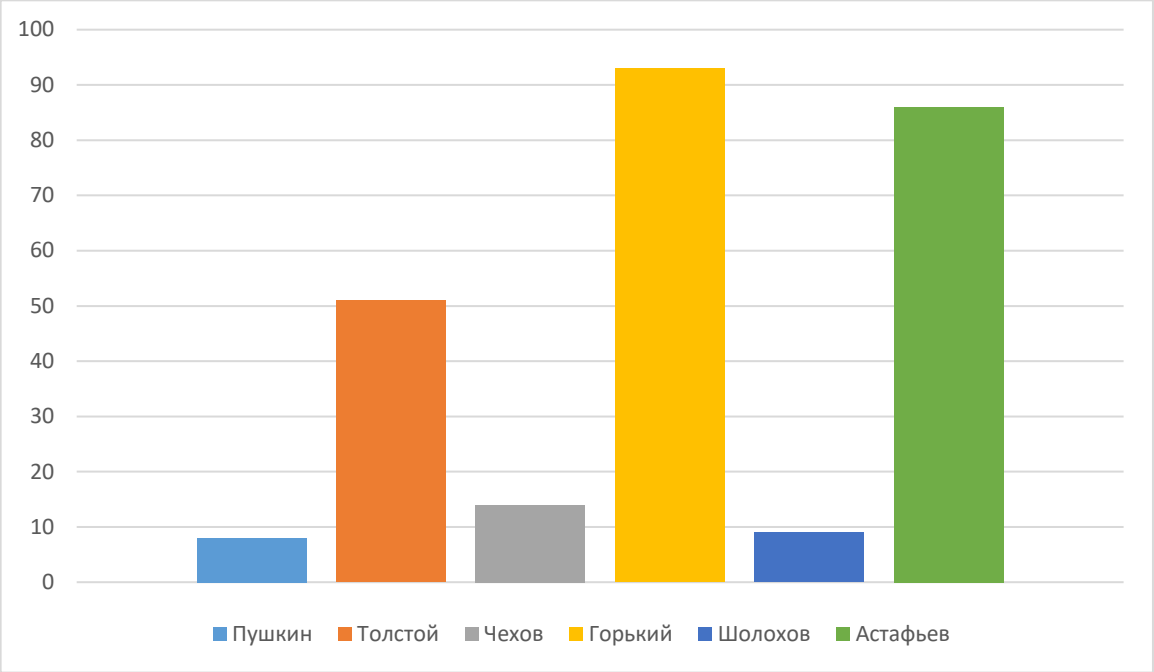


Диаграмма 2

Количество с/у колоронимов в писательском эпистолярии (к п. 3.1.4.)

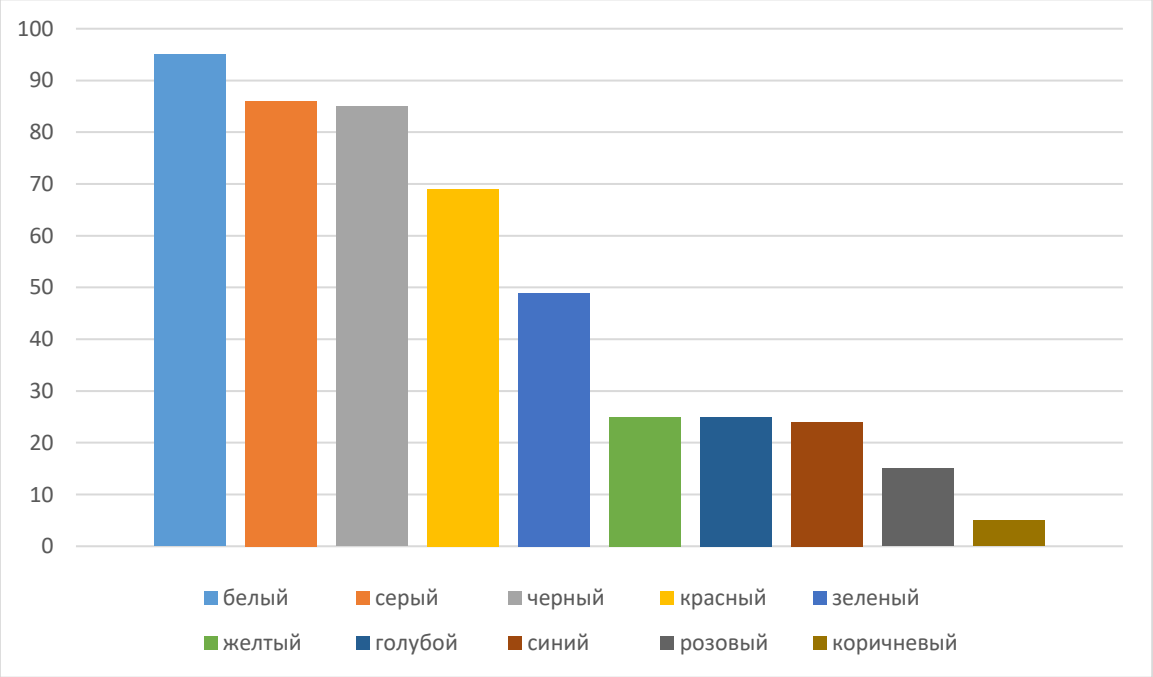


Диаграмма 3

Количество с/у прецедентных онимов

в писательском эпистолярии (к п. 3.2.)

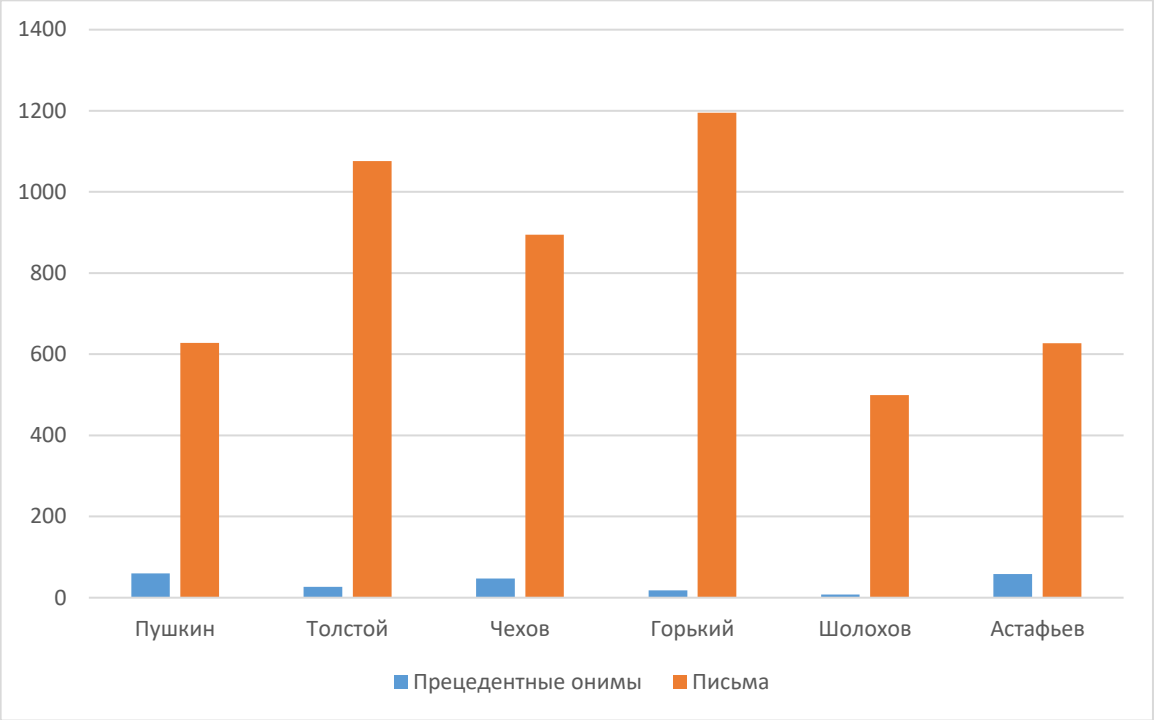


Таблица 2

Разновидности прецедентных онимов

в писательском эпистолярии (к п. 3.2.)

Авторы писем / Разновидности прецедентных онимов	Пушкин	Толстой	Чехов	Горький	Шолохов	Астафьев	**Всего**
антропонимы	28	19	13	8	5	40	**113**
мифонимы	15	7	14	3	-	-	**39**
поэтонимы	17	-	10	4	2	3	**36**
топонимы	-	1	10	2	1	14	**28**
библионим	-	-	-	1	-	-	**1**
эргоним	-	-	-	-	-	1	**1**
Всего с/у в письмах	**60**	**27**	**47**	**18**	**8**	**58**	**218**

Приложение 4

Диаграммы и таблицы с количественными подсчетами (к главе 4)

Диаграмма 1

Количество с/у РА благодарности

в писательском эпистолярии (к п. 4.1.2.)

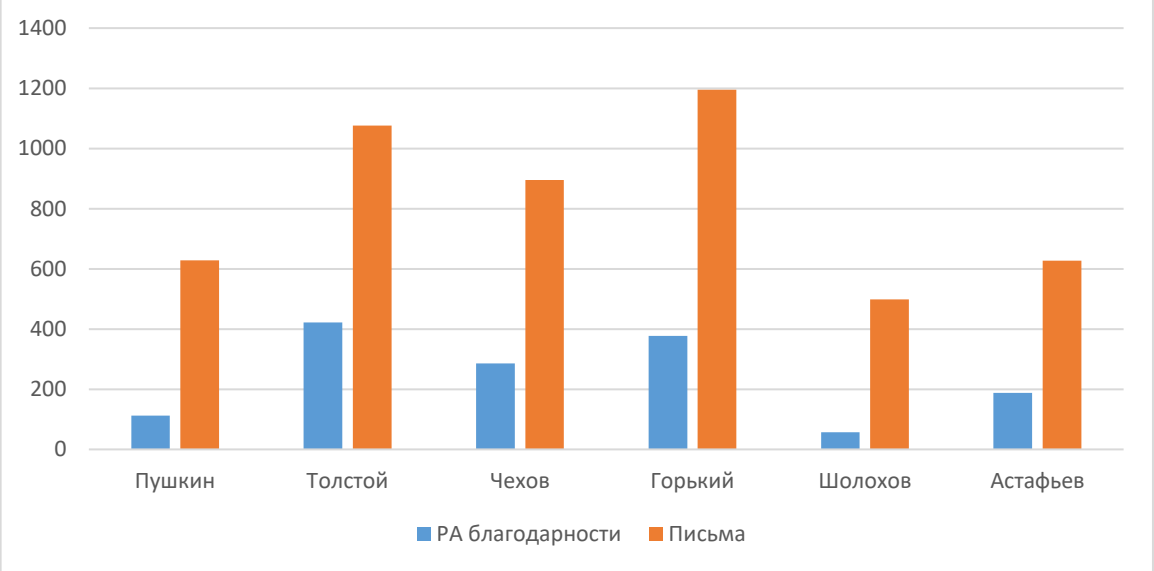


Диаграмма 2

Количество с/у эпистолярных формул, реализующих РА благодарности в писательском эпистолярии (к п. 4.1.2.)

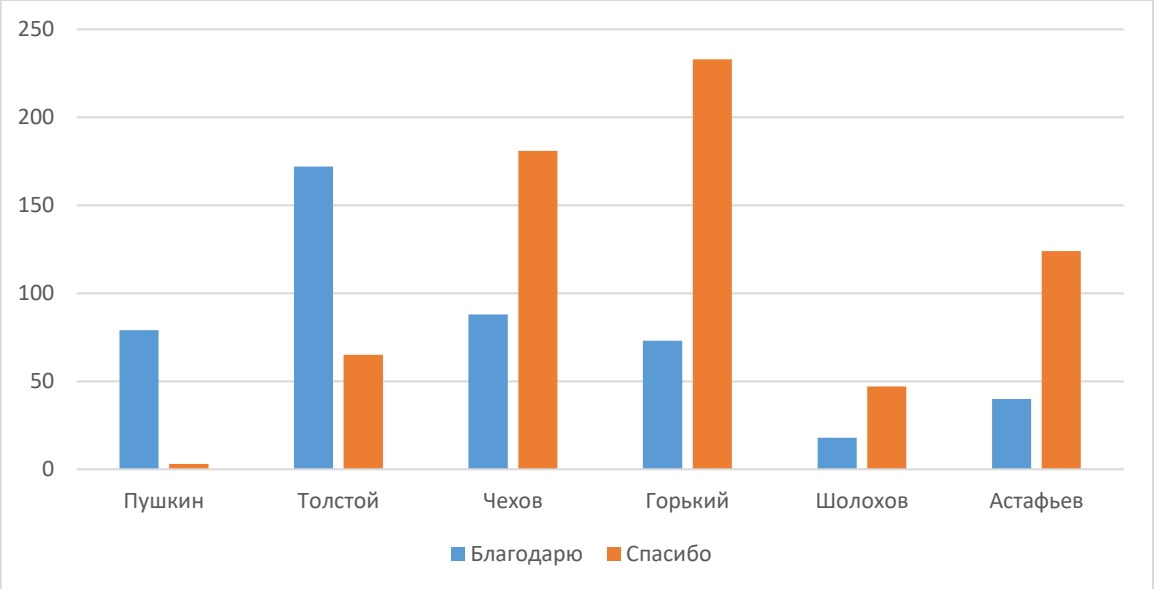


Таблица 1

Количество с/у РА благодарности в писательском эпистолярии, представляющих определенные типовые ситуации (к п. 4.1.2.)

Авторы писем / Типовые ситуации, в которых реализуются РА благодарности*	Пушкин	Толстой	Чехов	Горький	Шолохов	Астафьев	**Всего**
Благодарность за письмо:							
в целом, как знак внимания и хорошего расположения адресата к автору	25	41	38	36	10	13	**163**
за выражение эмоционального отношения адресата к сообщаемому или автору письма	7	18	19	21	4	11	**80**
за сообщение новой для автора информации	11	10	11	13	1	-	**46**
Благодарность за присылку:							
какого-либо предмета, обещанного адресатом ранее или попрошенного автором у адресата	20	80	84	87	9	17	**297**
подарка	3	4	6	10	1	4	**28**
письма и какого-либо другого предмета	4	19	18	17	18	14	**90**
Благодарность за помощь:							
автору	9	27	8	7	1	7	**59**
третьему лицу, состоящему с автором в близких отношениях	-	25	18	12	-	8	**63**
Благодарность за создание произведения искусства, которое высоко оценил автор	-	-	3	3	-	16	**22**
Другие ситуации	**33**	**198**	**81**	**171**	**13**	**98**	**594**
Всего с/у в письмах	**112**	**422**	**286**	**377**	**57**	**188**	**1442**

* Перечислены только ситуации, общее количество с/у которых – 10 и более.

Диаграмма 3

Количество с/у РА извинения в писательском эпистолярии (к п. 4.1.3.)

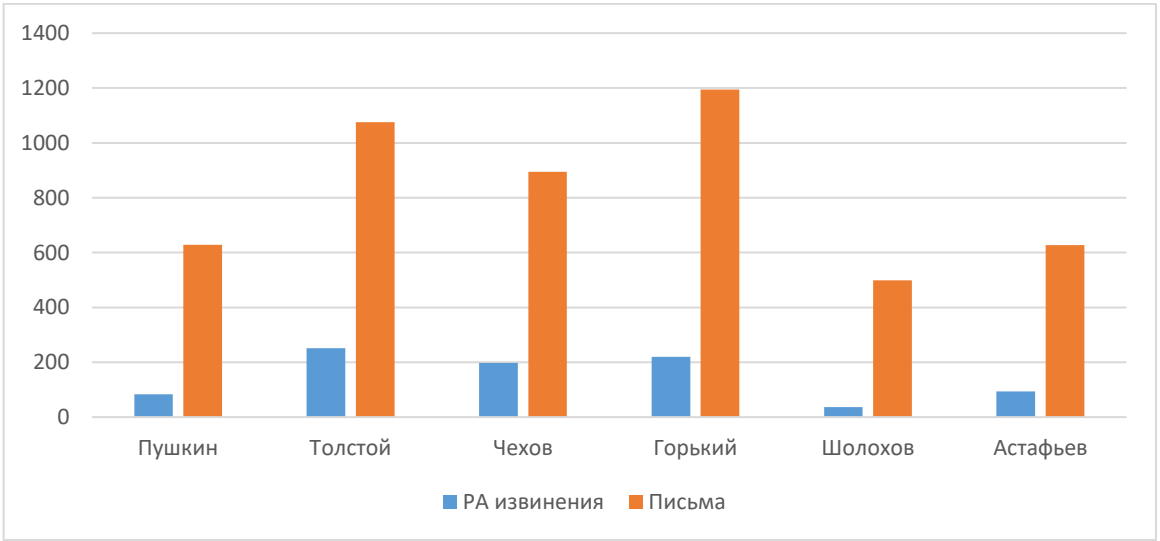


Диаграмма 4

Количество с/у основных эпистолярных формул, реализующих РА извинения в писательском эпистолярии (к п. 4.1.3.)

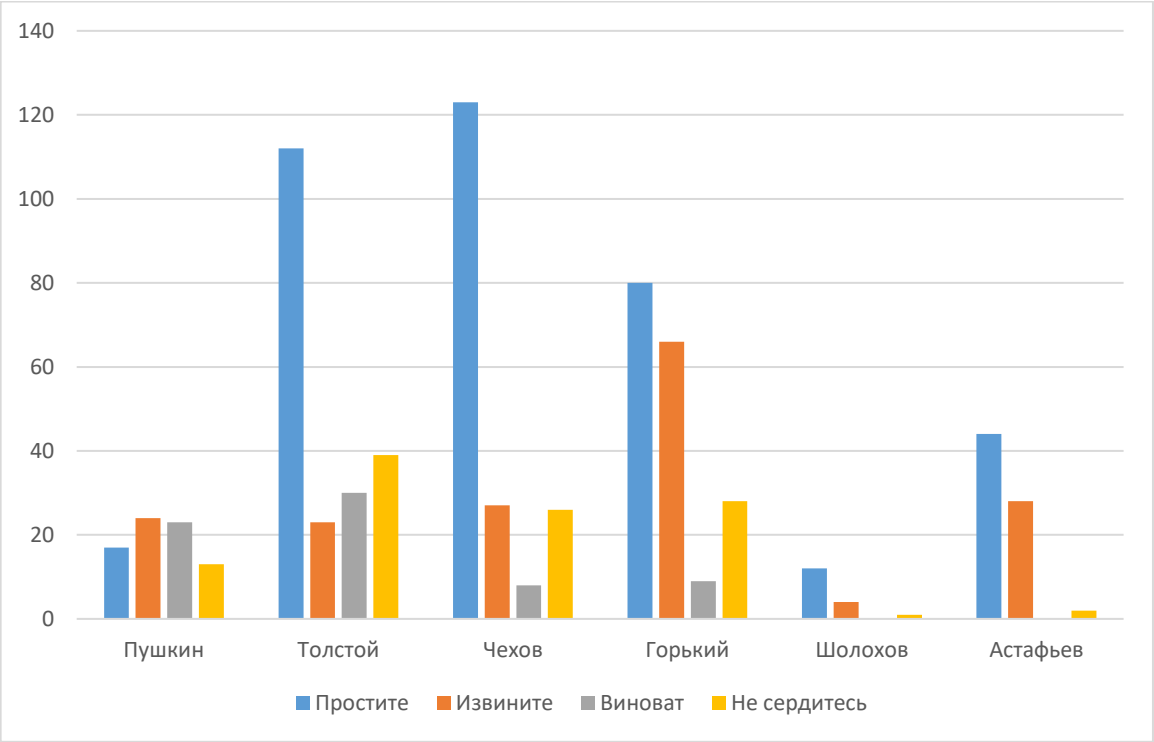


Диаграмма 5

Количество с/у интенсификаторов РА извинения в писательском эпистолярии (к п. 4.1.3.)

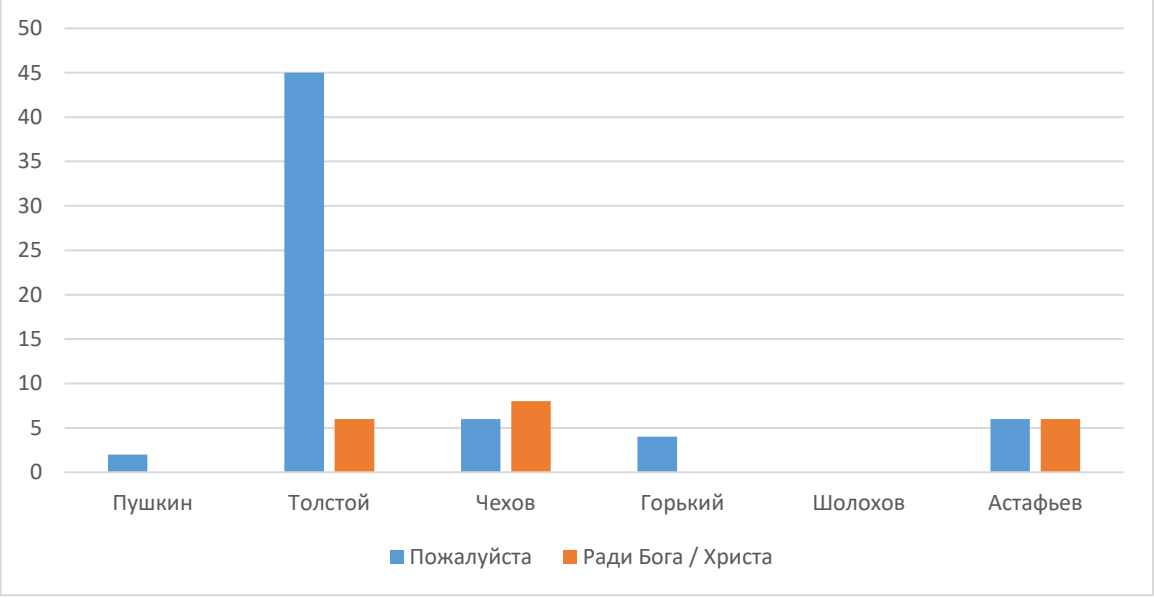


Таблица 2

Количество с/у РА извинения в писательском эпистолярии, представляющих определенные типовые ситуации (к п. 4.1.3.)

Авторы писем / Типовые ситуации, в которых реализуются РА извинения*	Пушкин	Толстой	Чехов	Горький	Шолохов	Астафьев	**Всего**
извинение за нарушение норм эпистолярного общения, в частности:							
за большой интервал между получением письма и ответом на него	7	43	21	11	20	18	**120**
за то, что объем письма меньше предписываемого	5	7	7	8	1	7	**35**
за то, что объем письма больше предписываемого	-	6	14	9	1	3	**33**
за то, что письмо недостаточно информативно, изложение мыслей в нем недостаточно четко и связно	1	11	4	5	2	1	**24**
Извинение за то, что автор озвучивает свою просьбу к адресату	4	24	16	16	-	3	**63**
Извинение за то, что автор нарушил деловое обещание, данное адресату	14	7	22	4	5	1	**53**
Другие ситуации	**52**	**153**	**114**	**167**	**7**	**61**	**554**
Всего с/у в письмах	**83**	**251**	**198**	**220**	**36**	**94**	**882**

* Перечислены только ситуации, общее количество с/у которых – 10 и более.

Диаграмма 6

Количество с/у РА поздравления в писательском эпистолярии (к п. 4.1.4.)

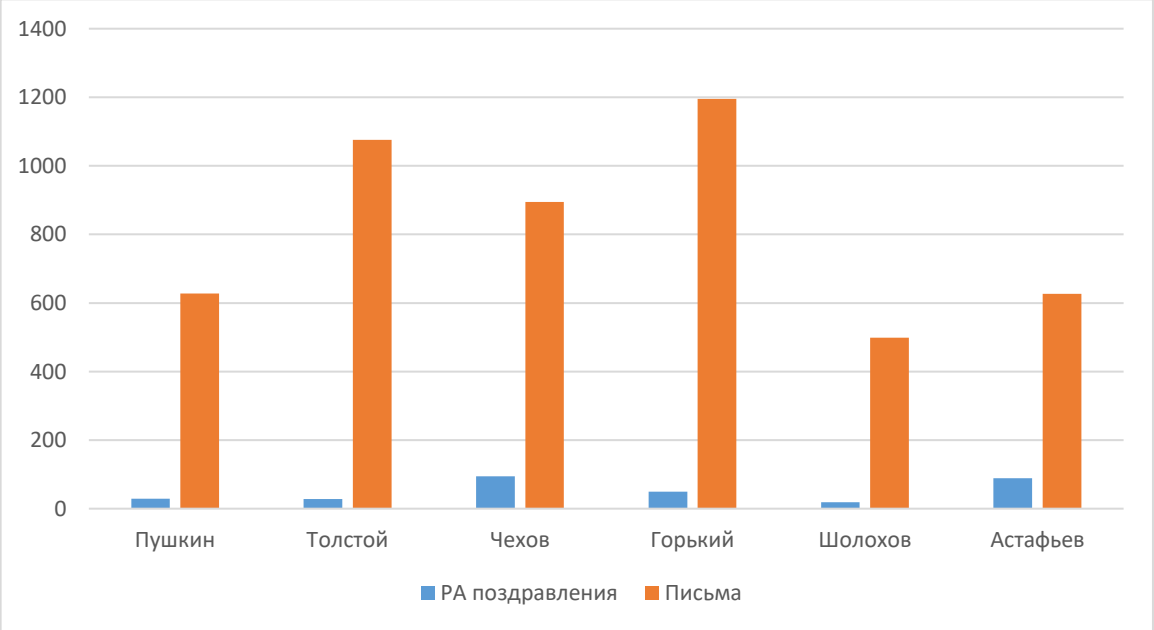


Таблица 3

Количество с/у единиц в писательском эпистолярии, номинирующих праздники в РА поздравления (к п. 4.1.4.)

Лексемы, номинирующие праздники в РА поздравления / Авторы писем		Пушкин	Толстой	Чехов	Горький	Шолохов	Астафьев	**Всего**
Общегосударственные	Новый год	-	12	43	16	5	36	**112**
	День Победы, 9 мая	-	-	-	-	-	9	**9**
	День Международной солидарности трудящихся, 1 мая	-	-	-	-	1	2	**3**
	Международный женский день, 8 марта	-	-	-	-	-	1	**1**
	День Великой Октябрьской социалистической революции, 7 ноября	-	-	-	-	-	1	**1**
Религ.	Рождество	2	1	1	-	-	3	**7**
	Пасха	-	3	12	-	-	2	**17**
Сезон.	наступление зимы	-	-	-	-	1	1	**2**
	наступление весны	-	1	-	-	-	7	**8**
Личные	день рождения	4	4	7	-	5	2	**22**
	именины	1	-	4	-	-	-	**5**
	юбилей	1	-	-	2	1	3	**7**
	юбилей трудовой деятельности	-	1	-	7	3	-	**11**
Профес.	День науки	-	-	-	1	-	-	**1**
	10-летие Красной Армии	-	-	-	1	-	-	**1**
	40-летие Вооруженных сил СССР	-	-	-	-	1	-	**1**
Признан.	признание профессиональных успехов адресата автором письма	6	2	3	18	1	4	**34**
	признание профессиональных успехов адресата обществом	-	-	1	-	2	6	**9**
События	женитьба / выход замуж	3	2	4	1	-	-	**10**
	рождение ребенка	2	1	3	-	1	1	**8**
	новоселье	1	-	3	1	-	1	**6**
	прибытие в пункт назначения	2	-	1	-	-	-	**3**
Всего с/у в письмах		**22**	**27**	**82**	**47**	**21**	**79**	**278**

Диаграмма 7

Количество с/у поздравлений с событиями различных типов, представленных в писательском эпистолярии (к п. 4.1.4.)

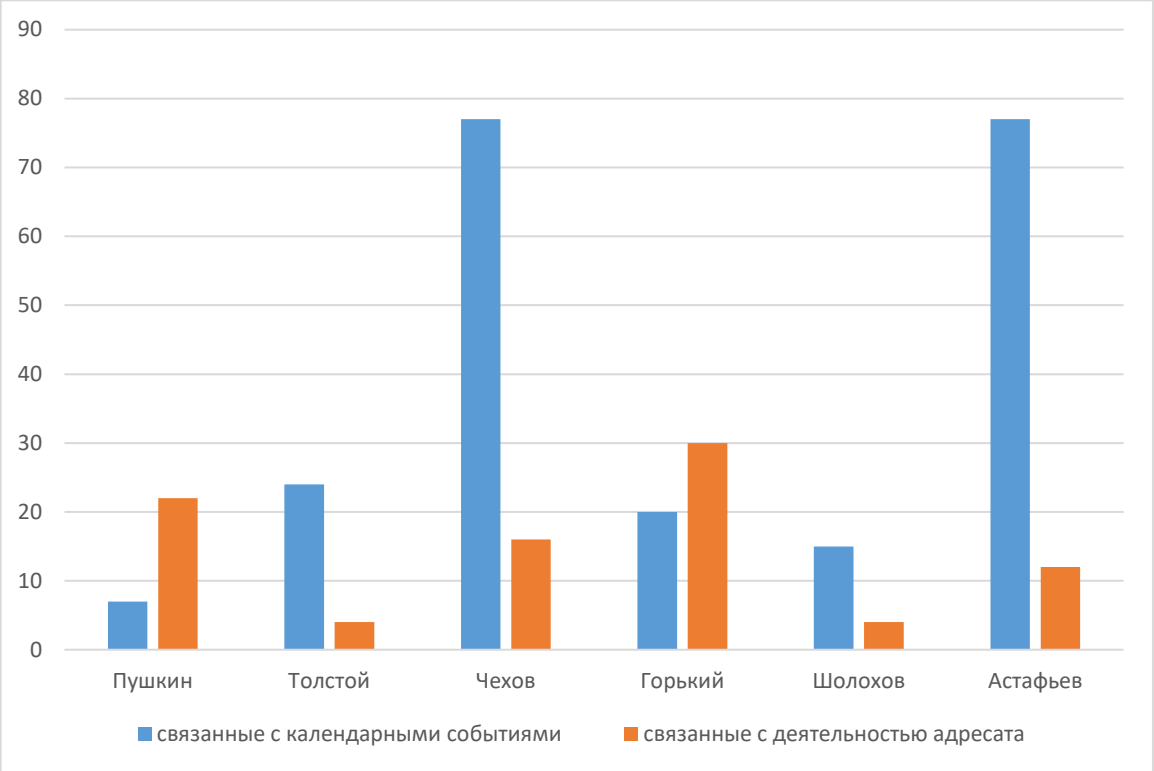


Диаграмма 8

Количество с/у РА пожелания в писательском эпистолярии (к п. 4.1.5.)

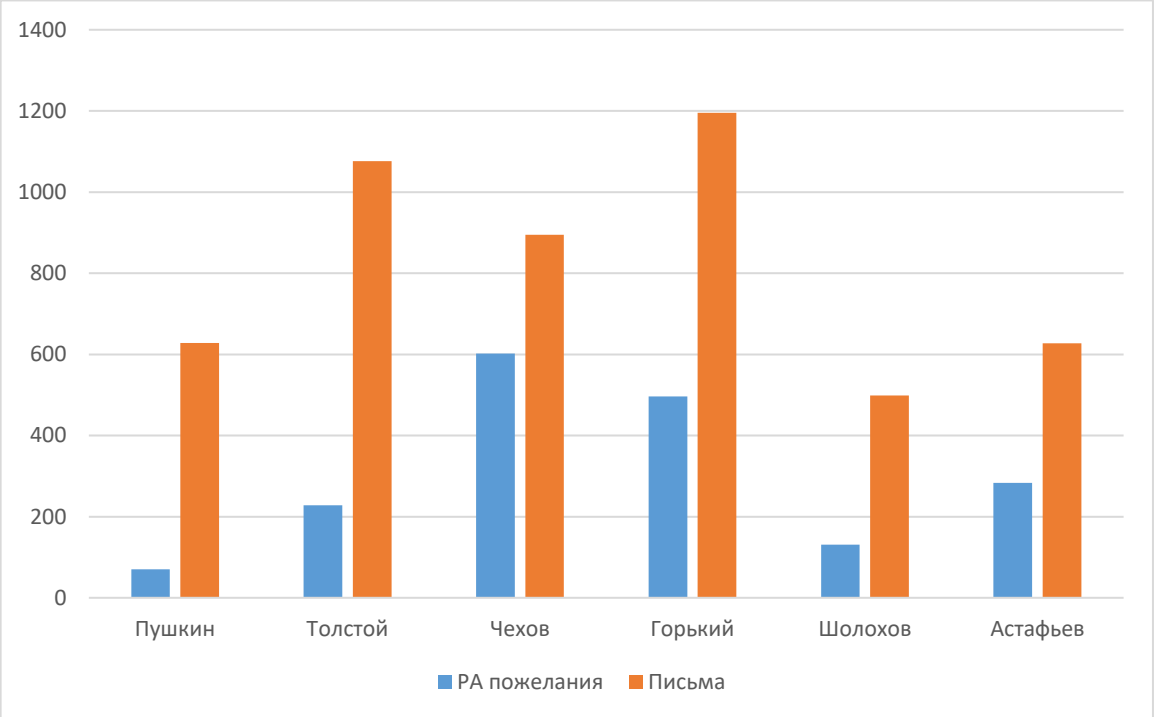


Диаграмма 9

Количество с/у эпистолярной формулы *Дай тебе / Вам / вам Бог,* реализующих РА пожелания в писательском эпистолярии (к п. 4.1.5.)

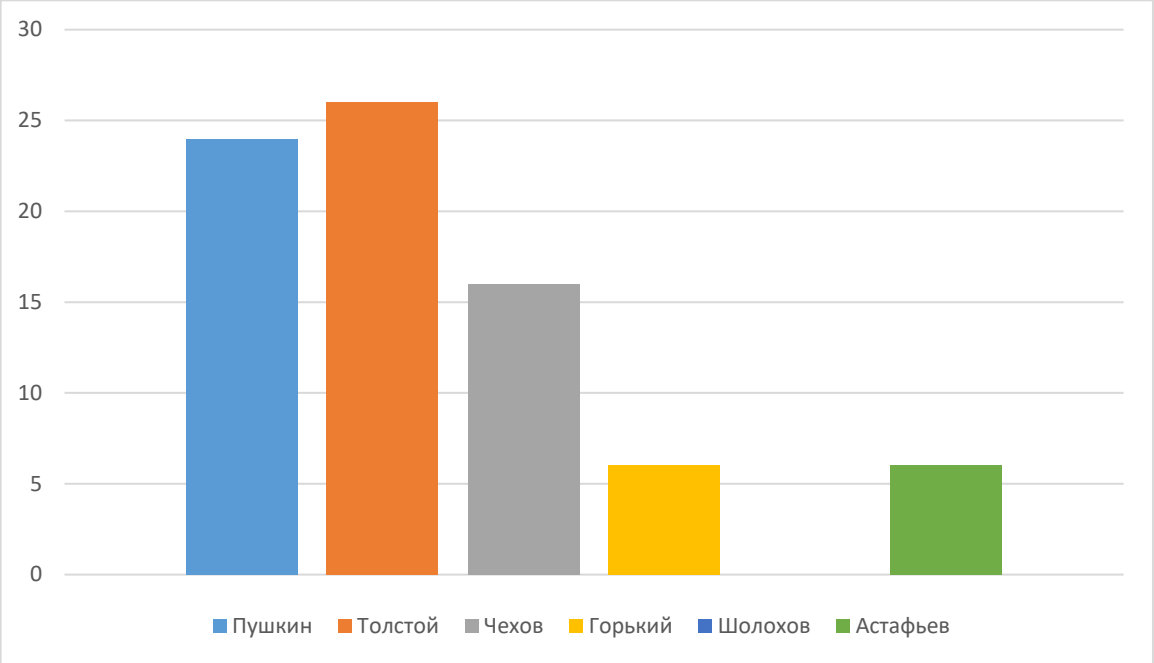


Диаграмма 10

Количество с/у РА приглашения в писательском эпистолярии (к п. 4.1.6.)

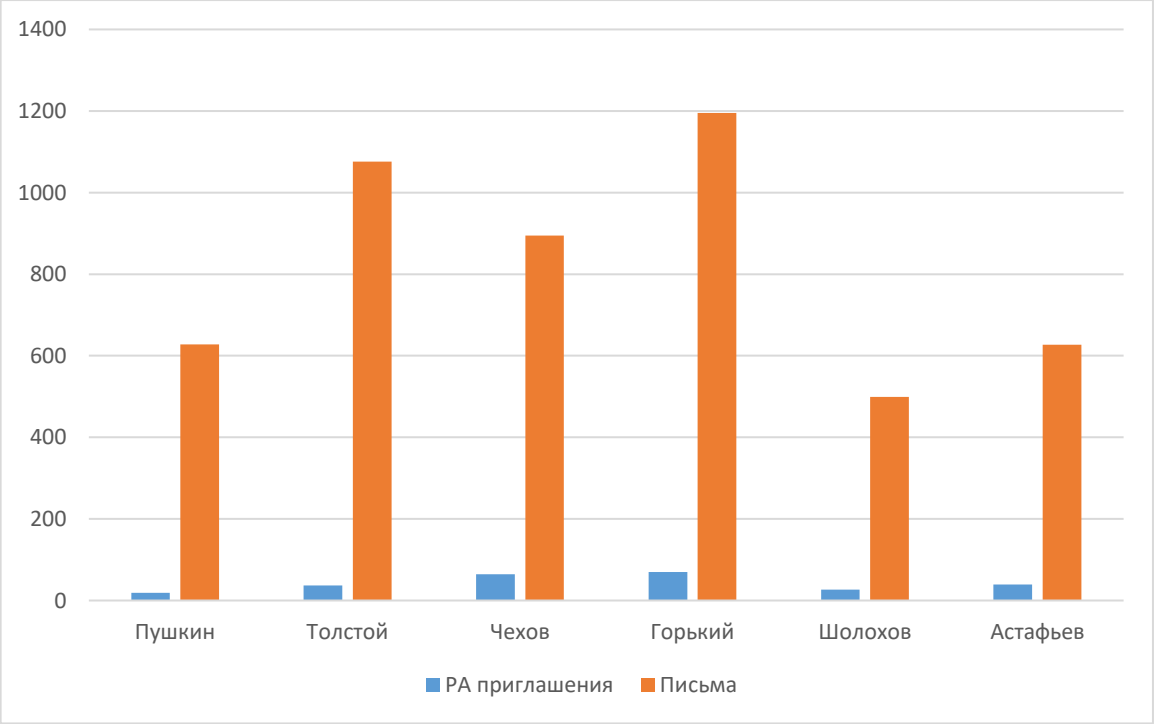


Диаграмма 11

Количество побудительных высказываний со словом *приезжайте*, реализующих РА приглашения в писательском эпистолярии (к п. 4.1.6.)

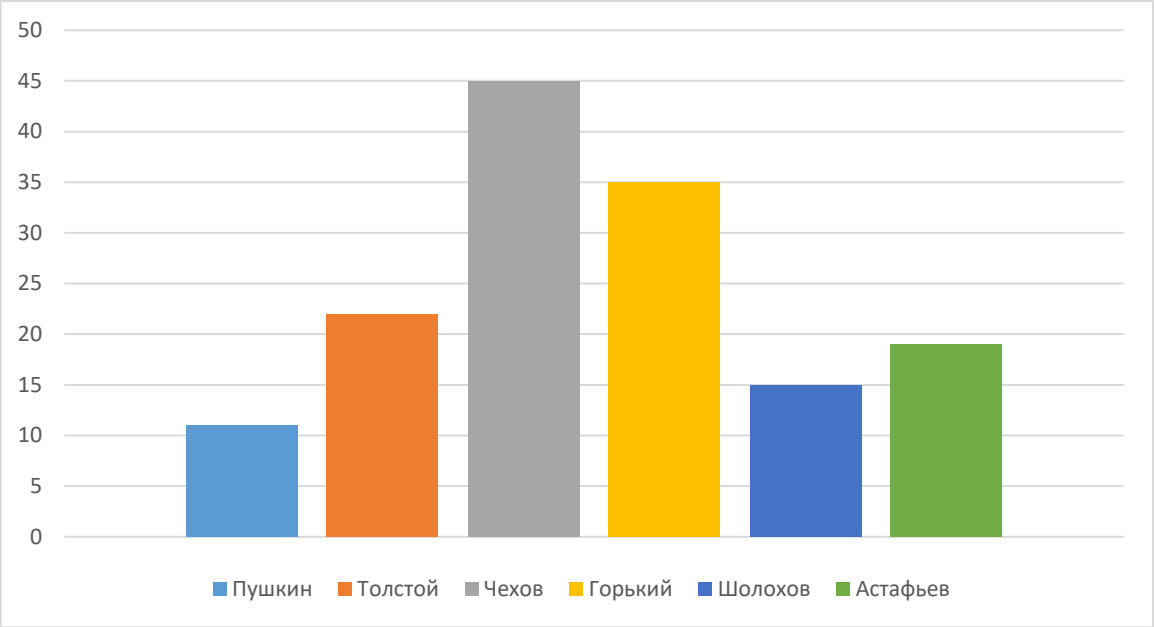


Таблица 4

Количество с/у основных средств реализации РА просьбы в писательском эпистолярии (кроме императивов) (к п. 4.1.7.)

Авторы писем / Основные средства реализации РА просьбы	Пушкин	Толстой	Чехов	Горький	Шолохов	Астафьев	**Всего**
Перформативы:							
Прошу…	51	152	56	284	79	31	**653**
Осмеливаюсь просить…	10	-	-	-	-	-	**10**
Я просил бы…	1	9	-	29	1	1	**41**
Вопросительные высказывания:							
Не можешь / мог бы ли ты / Не можете / могли бы ли вы?..	5	19	4	12	1	1	**42**
Повествовательные высказывания:							
Буду благодарен…	-	8	5	22	-	-	**35**
Жду…	10	26	21	18	20	1	**96**
Хочется…	-	9	10	16	15	8	**58**
Всего с/у в письмах	**77**	**223**	**96**	**381**	**116**	**42**	**935**

Таблица 5

Количество с/у РА просьбы в писательском эпистолярии, представляющих определенные типовые ситуации посредством императивов (к п. 4.1.7.)

Авторы писем / Типовые ситуации, в которых реализуются РА просьбы	Пушкин	Толстой	Чехов	Горький	Шолохов	Астафьев	**Всего**
Просьба о сообщении какой-либо информации автору или третьим лицам:							
скажи(те)	78	88	73	66	10	18	**333**
пиши(те)	147	113	125	44	42	29	**500**
напиши(те)	38	148	152	53	48	31	**470**
отвечай(те)	15	20	24	10	1	-	**70**
ответь(те)	-	15	5	14	1	1	**36**
сообщи(те)	-	8	15	62	11	1	**97**
Просьба о передаче автору или третьим лицам какого-либо предмета:							
пришли(те)	44	60	100	79	17	14	**314**
пошли(те)	5	8	15	43	4	3	**78**
перешли(те)	18	3	-	2	3	-	**26**
передай(те)	3	24	14	15	1	3	**60**
Просьба об извинении / прощении:							
прости(те)	65	53	30	115	4	12	**279**
извини(те)	27	11	25	76	1	15	**155**
не сердись / сердитесь	10	42	23	19	-	5	**99**
не обижайся / обижайтесь	-	1	2	20	2	-	**25**
Просьба о приезде адресата к автору:							
приезжай(те)	16	26	45	43	8	19	**157**
Просьба о передаче привета третьим лицам при прощании с адресатом:							
поцелуй(те)	11	19	1	11	2	8	**52**
обними(те)	18	1	-	-	2	2	**23**
кланяйся / кланяйтесь	29	21	35	10	-	-	**95**
поклони(те)сь	-	4	73	12	-	9	**98**
передай(те) привет / поклон	-	29	26	10	13	11	**89**
Просьба о том, чтобы адресат заботился прежде всего о себе или о лицах из своего окружения:							
береги (себя, здоровье, детей)	8	1	1	23	4	5	**42**
не беспокойся / не беспокойтесь за меня / обо мне	1	1	5	17	-	6	**30**
Всего с/у в письмах	**533**	**696**	**789**	**744**	**174**	**192**	**3128**

Диаграмма 12

Количество с/у основных средств реализации РА просьбы в писательском эпистолярии (к п. 4.1.7.)

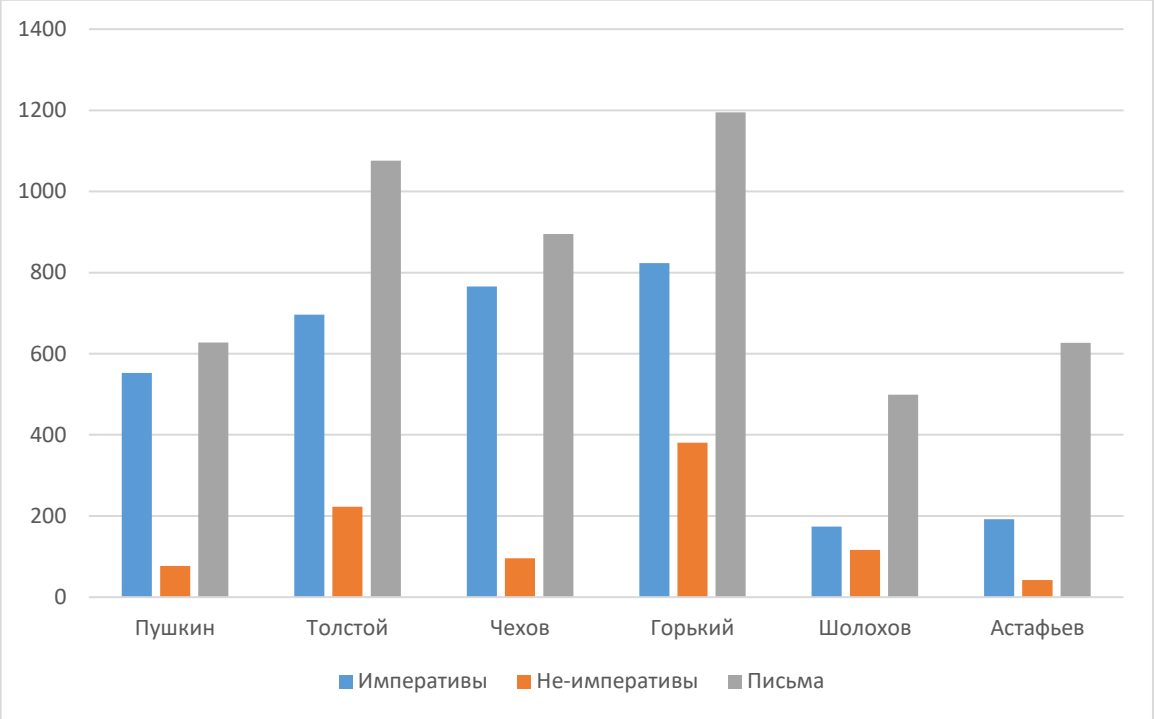


Таблица 6

Количество с/у основных средств актуализации вежливости в РА просьбы, представленных в писательском эпистолярии (к п. 4.1.7.)

Авторы писем / Основные средства актуализации вежливости в РА просьбы	Пушкин	Толстой	Чехов	Горький	Шолохов	Астафьев	**Всего**
Пожалуйста	43	361	106	136	24	37	**707**
Сделайте милость	39	3	5	-	-	-	**47**
Сделайте одолжение	31	-	-	-	-	-	**31**
Будьте добры	-	1	5	48	1	1	**56**
Будьте любезны	-	-	-	14	-	1	**15**
Очень (+прошу)	-	16	-	79	12	4	**111**
Всего с/у в письмах	**113**	**381**	**116**	**277**	**37**	**43**	**967**

Диаграмма 13

Количество с/у основных интенсификаторов экспрессивности в РА просьбы, представленных в писательском эпистолярии (к п. 4.1.7.)

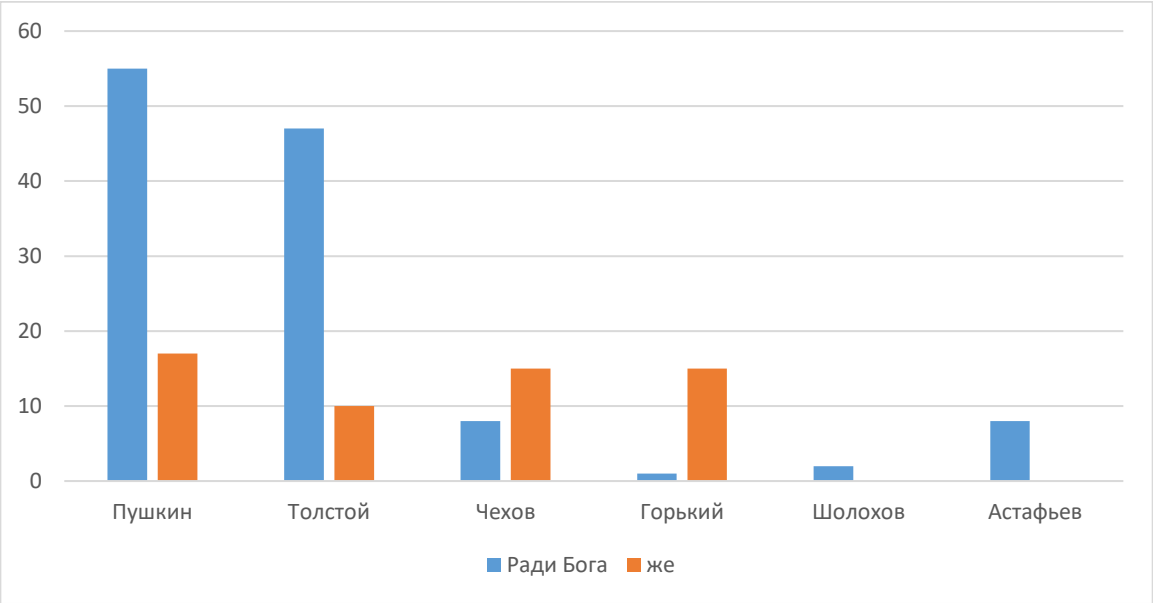


Диаграмма 14

Количество с/у РА упрека в писательском эпистолярии (к п. 4.1.8.)

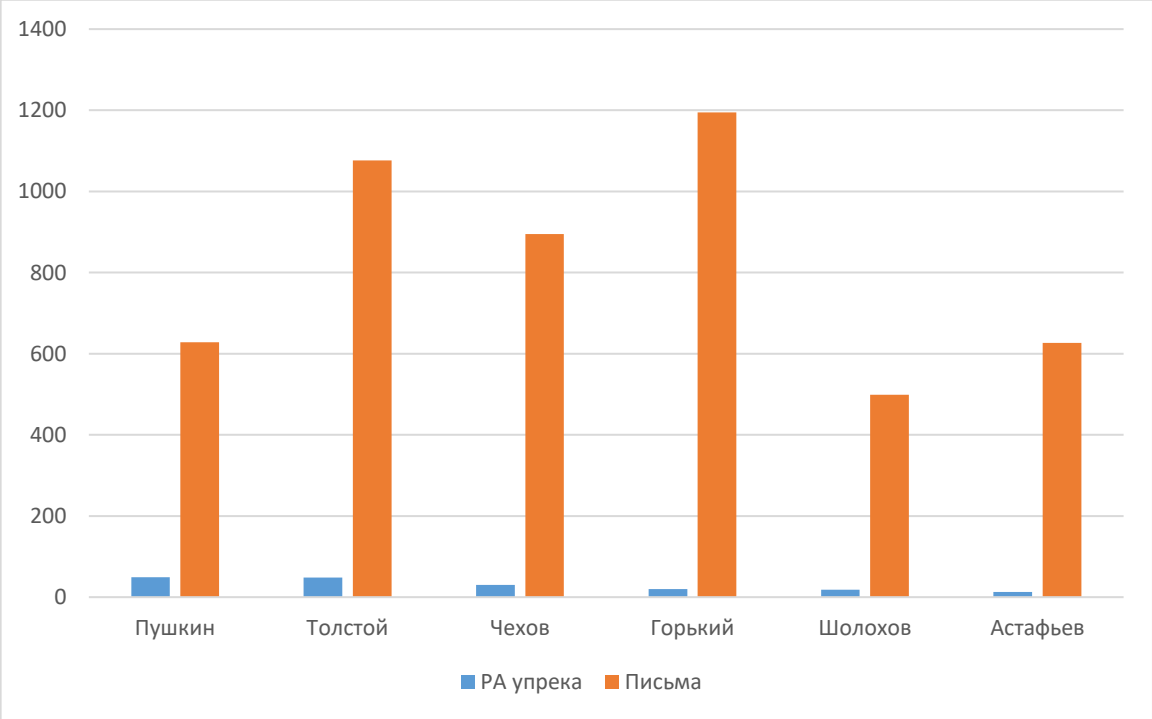


Диаграмма 15

Количество с/у дополнительных средств реализации РА упрека в писательском эпистолярии (к п. 4.1.8.)

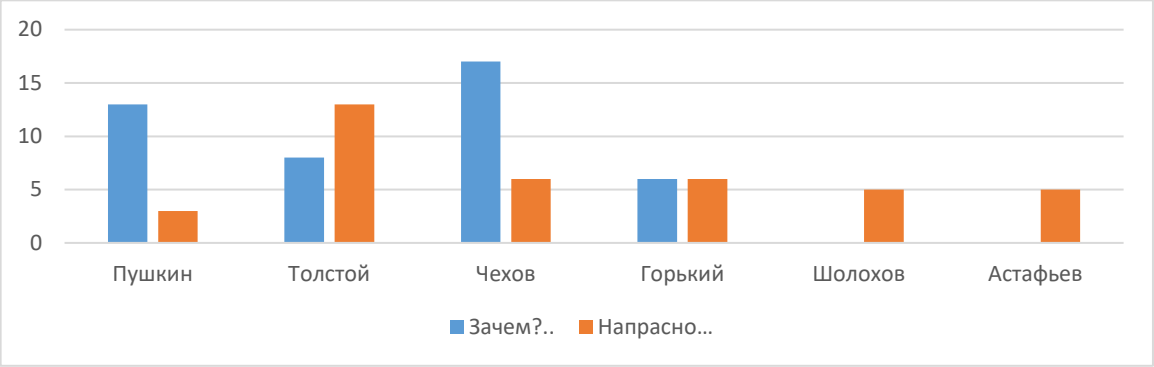


Таблица 7

Количество с/у РА упрека в писательском эпистолярии, представляющих определенные типовые ситуации (к п. 4.1.8.)

Авторы писем / Типовые ситуации, в которых реализуются РА упрека*	Пушкин	Толстой	Чехов	Горький	Шолохов	Астафьев	**Всего**
Упрек за то, что адресат выразил негативное отношения к автору в последнем письме к нему	9	3	7	1	3	1	**24**
Упрек за отсутствие ответа на предыдущее письмо автора со стороны адресата или опоздание с ответом	3	3	1	-	3	-	**10**
Упрек за проявление со стороны адресата негативного отношения к третьим лицам	1	3	1	2	-	2	**9**
Упрек за нарушение со стороны адресата деловой договоренности с автором письма или совершение адресатом ошибки при выполнении своих профессиональных обязанностей	7	5	4	6	2	2	**26**
Упрек за серьезные недостатки в творческой деятельности адресата	1	-	3	6	4	-	**14**
Упрек за совершение адресатом поступков, которые автор оценивает отрицательно, поскольку адресат:							
нарушает этические нормы поведения	-	3	4	-	1	2	**10**
невольно наносит своими действиями вред себе или автору письма	8	14	3	5	2	6	**38**
Другие ситуации	**20**	**17**	**7**	**-**	**3**	**-**	**47**
Всего с/у в письмах	**49**	**48**	**30**	**20**	**18**	**13**	**178**

* Перечислены только ситуации, общее количество с/у которых – 10 и более.